

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Франсуа
Пьер
Гильом
Гизо

ИСТОРИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВО ФРАНЦИИ

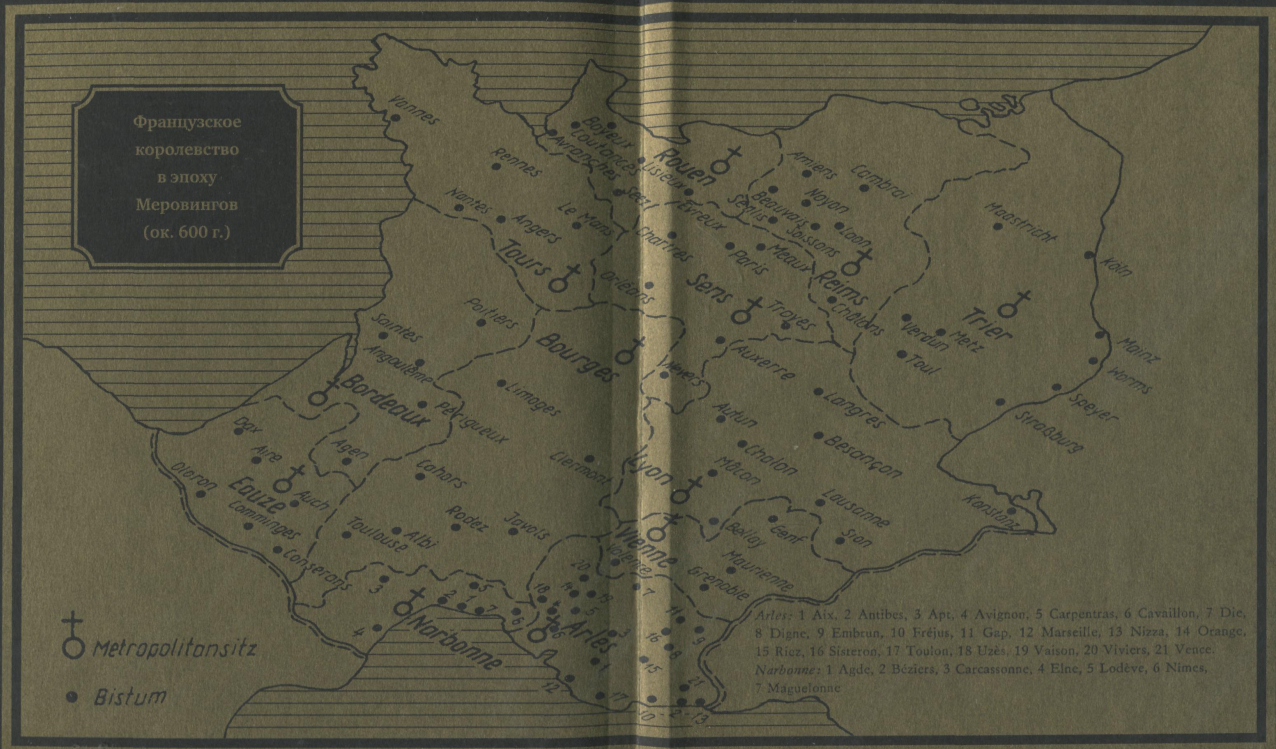

Французское
королевство
в эпоху
Меровингов
(ок. 600 г.)

♁ Metropolitansitz
• Bistum

Arles: 1 Aix, 2 Antibes, 3 Apt, 4 Avignon, 5 Carpentras, 6 Cavaillon, 7 Die, 8 Diane, 9 Embrun, 10 Fréjus, 11 Gap, 12 Marseille, 13 Nizza, 14 Orange, 15 Riez, 16 Sisteron, 17 Toulon, 18 Uzès, 19 Vaison, 20 Viviers, 21 Vence.
Narbonne: 1 Agde, 2 Béziers, 3 Carcassonne, 4 Elné, 5 Lodève, 6 Nîmes, 7 Maguelonne

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

1787

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

Франсуа Пьер Гильом Гизо

ИСТОРИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВО ФРАНЦИИ

В четырёх томах

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

Франсуа Пьер Гильом Гизо

ИСТОРИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВО ФРАНЦИИ

Перевод П.Г. Виноградова

Том первый

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)

Историческая библиотека основана в 1995 г.

Автор проекта и основатель серии: Кулаков Владимир Александрович

Автор серийного оформления: Яковлев Анатолий Тимофеевич

Ответственный редактор: Балакин Василий Дмитриевич

Г46   **Гизо Франсуа. История цивилизации во Франции в 4-х томах.**
Том I. Лекции I–XV. Перевод с французского Виноградова П.Г.
Ответственный редактор: Балакин В. Д. — М.,
Издательский дом «Рубежи XXI». 2006 г. 328 с., с иллюстрациями.

«История цивилизации во Франции», фундаментальный труд классика французской историографии Франсуа Гизо (1787-1874), явилась в свое время событием не только в научной, но и общественной жизни, получив большой резонанс в Европе и Америке.

В России ее публикация во II половине XIX века в переводе видного историка-медиевиста П.Г. Виноградова также нашла широкий отклик среди образованной части общества.

И в начале XXI века эта книга не утратила своего значения, что дает право рекомендовать ее историкам, студентам и всем интересующимся историей развития мировой цивилизации.

УДК 94(44)

ISBN 5-347-00011-2(1)

ISBN 5-347-00012-01

© Виноградов П. Г., перевод лекций I–XV.

© Балакин В. Д., вступительная статья,
научный комментарий.

© Гершкович Ю. С., рисунки для заставок
и концовок, 2006.

© УпакГрафика, допечатная подготовка,
обработка иллюстраций и карт, 2006.

© Рубежи XXI, 2006.

**ЭТОЙ КНИГОЙ, ИЗДАННОЙ В РАМКАХ ПРОЕКТА
«ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»,
ИЗДАТЕЛЬСТВО ОТКРЫВАЕТ СЕРИЮ
«ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ»**

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

В истории исторической науки Франсуа Гизо (1787–1874) возвышается как одна из вершин, не потерявшаяся из виду и по прошествии без малого двух столетий. Широкая образованность – хорошее знакомство с иностранной литературой и философией и отличное владение многими современными европейскими и древними языками – и редкая трудоспособность выдвинули его в первые ряды французских историков того времени. Он сочинял свои ранние и, как оказалось, основные труды по истории в эпоху, в политическом отношении именуемую Реставрацией (1815–1830), а в культурном – Романтизмом. Однако его творческая деятельность в этот период не ограничивалась одной историей: он писал статьи по философии, педагогике, литературе и искусству, занимался переводами и составлял словари. Если же принять во внимание, что уже тогда началась его активная политическая деятельность, перемежавшаяся достаточно продолжительными периодами преподавательской работы в Сорбонне, то многогранность Гизо может показаться поистине поразительной, но вместе с тем она дает повод для диаметрально противоположных оценок: тогда как одни признают его наиболее видным представителем исторической школы, в свое время привлекавшей к себе внимание всей Европы, другие считают возможным игнорировать его исторические труды, считая их простым довеском к его главной деятельности – политической, тем самым низводя Гизо-историка до уровня политика, от случая к случаю писавшего историю или же маскировавшего под нее свои политические памфлеты.

Истина, думается мне, на стороне тех, кто считает Гизо одним из наиболее оригинальных историков эпохи Реставрации. Эта эпоха отличалась обостренным интересом народов к своему историческому прошлому, и на смену увлечению историей Греции и Рима пришло углубленное изучение Средних веков. Именно Средневековье стали считать колыбелью современной европейской цивилизации. Интерес Гизо к Средним векам обнаружился уже в его ранних статьях. Уже тогда, в последние годы наполеоновской империи, темы по истории французского Средневековья казались ему возвращением к родному прошлому после долгих скитаний на чужбине Англии. Своими ранними трудами Гизо обратил на себя внимание и был приглашен на должность профессора истории в Сорбонну. Во вступительной лекции, прочитанной в декабре 1812 года, он развивал мысль о том, что есть два прошлых: одно совсем мертво и не представляет интереса, поскольку не имело последствий для

грядущих времен, а другое, благодаря тому влиянию, которое оно оказало на последующие века, продолжается до сих пор. Это живое прошлое можно изучить и постичь. Восполнять пробелы, неизбежные во всяком историческом знании, следует, считал Гизо, при помощи разума, подобно тому, как недостаток силы восполняется техникой.

Основная идея Гизо сводится к тому, что общество эволюционирует, и вместе с ним эволюционирует человеческая психика, поэтому на каждом этапе своего развития человечество ставит и решает новые задачи. Историю Гизо рассматривал как непрерывное совершенствование человечества. Следуя идеям Романтизма, он отказался от оценочного принципа «хорошего вкуса», который торжествовал в классицизме и согласно которому есть «хорошие» (Античность) и «плохие» (Средние века) эпохи. Гизо усматривал в истории наличие некой движущей силы, господствующих идей, увлекающих за собой всю эпоху и являющихся выражением той цели, которую данная эпоха должна достичь. Идея истории цивилизации, рассматривавшейся Гизо в качестве последовательно сменяющихся и последовательно разрешаемых задач, обретает свои очертания уже в его ранних работах, в которых обнаружился его интерес к поступательному движению цивилизации и прогрессу человечества — понятия, более характерные для идей Просвещения, нежели для эпохи Романтизма, в которую он жил. Так, он писал о важности рассмотрения взаимного влияния обычаев, характеров, учреждений и событий, чтобы понять ход цивилизации. Эта его основная идея, идея истории цивилизации, получила наиболее полное и ясное выражение в его знаменитых лекциях по истории европейской и французской цивилизации, которые он читал в Сорбонне в 1828–1830 годах.

Несмотря на различные условия, существующие в разных странах, цивилизация развивается в одном направлении и по одним и тем же законам — мысль, лежавшая в основе первого курса, к чтению которого в Сорбонне Гизо приступил 9 апреля 1828 года. Это был его знаменитый курс «История цивилизации в Европе». Эти лекции печатались отдельными выпусками и выходили в свет через несколько дней после того, как были прочитаны в аудитории. Второй курс, начатый 6 декабря 1829 года, был посвящен «Истории цивилизации во Франции» и печатался тем же способом. Это было время величайшей популярности Гизо. Его лекции явились событием не только в исторической науке, но и в общественной жизни страны. Аудитория, вмещавшая 1800 человек, до отказа наполнялась слушателями, лектору устраивали овации, газеты печатали содержание лекций. Лекции Гизо по европейской и французской цивилизации явились апогеем его научно-преподавательской деятельности, когда его слава вышла за пределы Франции и свое восхищение им выражали Гёте, Мадзини и Эмерсон.

Эти курсы подводят итог деятельности Гизо-историка в период Реставрации. Работа над собственными сочинениями и издание документов по истории Франции и Английской революции позволили ему приобрести опыт исследователя и эрудицию.

Теперь он вполне владел предметом и ясно видел задачи своего курса. В этих лекциях Гизо с наибольшей полнотой выразил свои философско-исторические взгляды и реализовал методологические принципы, намечавшиеся в его ранних трудах.

В основе исторической концепции Гизо лежит идея эволюции. С его точки зрения, эволюция составляет содержание исторического процесса, поэтому задачей всякого исторического исследования должно быть определение ее направления. В развитии человечества Гизо усматривал присутствие законов и целей, которые во всемирной истории проявляются столь же отчетливо, как в движении планет. Он видел присутствие Бога в законах, управляющих совершенствованием рода человеческого, был твердо убежден в мудрости и благодати Провидения. Всё непонятное и неприемлемое с моральной точки зрения в судьбе отдельного человека становится объяснимым и естественным в контексте истории человечества.

Необходимость этой философско-исторической идеи, этого широкого исторического контекста в работе историка была несомненна для Гизо. В своих лекциях по истории цивилизации он не раз апеллировал к этим философско-историческим категориям, выражая собственное убеждение в том, что человечество имеет свою судьбу, что существует всемирная цивилизация, что из поколения в поколение передаются некие духовные ценности и что, следовательно, можно написать историю всемирной цивилизации. Термин «Провидение» в исторической концепции Гизо включает в себе сумму закономерностей исторической эволюции. Цель, к которой стремится человечество, — формирование справедливого и нравственного общества. В том, чтобы уловить смысл этих вековых усилий, показать, как в ходе бесчисленных событий осуществляется эта непрерывная эволюция, и заключается задача истории цивилизации.

В 20-е годы XIX века в либеральных кругах много было разговоров о понятии «цивилизация». В него вкладывали и общее движение по пути прогресса — свободное и полное развитие способностей человека, обеспечивающее улучшение его положения в этом мире, и результаты всей разнообразной деятельности и спонтанного движения отдельных людей и всего общества. Понятием «цивилизация» охватывали все области физической, духовной, религиозной и нравственной, социальной и политической жизни отдельных людей и целых народов. Это понятие Гизо принял за основу своих исторических исследований, полагая, что история цивилизации должна заниматься человеком на всех поприщах его деятельности, должна быть сводкой всех исторических аспектов. Именно поэтому в «Истории цивилизации во Франции» он стремился расширить угол зрения, пытаясь охватить политический, церковный, правовой, философский и литературный аспекты истории.

Вместе с тем Гизо, определяя понятие цивилизации, прислушивался к голосу здравого смысла (несомненное влияние Шотландской школы философии в лице ее основоположника Томаса Рида), который подсказывал ему, что цивилизация заключается не только в совершенной организации общества, в производительном труде и равно-

мерном распределении его продуктов. Она состоит, прежде всего, во всестороннем развитии самого человека. Таким образом, условия социального бытия человека и совершенство его личности составляют два равно необходимых и взаимообусловленных компонента цивилизации. Гизо, придававший большое значение роли идей и нравственных понятий, утверждал, что отношения собственности определяют структуру общества, социальное же развитие происходит в результате нравственного совершенствования. В «Истории цивилизации во Франции» он проводит мысль, что общество таково, каким его делают люди. Хотя, считал он, во Франции ни социальное, ни экономическое развитие не достигло совершенства, по уровню развития личности она выше, чем любая другая европейская страна, поэтому-то французская цивилизация и является самой передовой цивилизацией в Европе, служит олицетворением европейской цивилизации как таковой.

Несмотря на то что Гизо сделал основной упор на французскую цивилизацию, его работа встретила, как уже отмечалось, восторженный прием не только во Франции. Английский перевод его лекций по «Истории цивилизации в Европе» пользовался огромным успехом. Можно лишь сожалеть о том, что курс лекций по «Истории цивилизации во Франции» так и остался незавершенным. Заканчивая очередной учебный год в июне 1830 года, Гизо предполагал продолжить чтение этого лекционного курса в следующем учебном году и довести его до Французской революции 1789 года¹, однако Июльская революция 1830 года вовлекла его в политическую деятельность, и к преподавательской работе он больше не вернулся. Однако это произведение и в незавершенном виде («великое незавершенное» — по остроумному определению Сент-Бёва), будучи доведенным лишь до конца XIII века, представляло собой большую научную ценность и вызывало живой читательский интерес, о чем свидетельствуют и его многочисленные переиздания. В России, переживавшей после Великой реформы 1861 года настоящий издательский бум, не могли пройти мимо столь замечательного исторического труда. Стоит особо отметить, что за перевод взялся тогда еще молодой, но уже обративший на себя внимание научной общественности П.Г. Виноградов², которому суждено было стать выдающимся историком-медиевистом, поднявшим российскую историческую науку на европейский уровень. Настоящее издание воспроизводит этот уже ставший классическим перевод, и его отличие от издания XIX века заключается, помимо изменившейся за прошедшие полтора столетия орфографии и пунктуации, лишь в том, что теперь читатели могут прибегнуть к помощи

¹ Первое издание этого курса было осуществлено в пяти томах: *Guizot F. Histoire de la civilization en France depuis la chute de l'Empire romain jusqu'en 1789. Paris, 1829–1832. Т. 1–5.* Последующие издания, вплоть до последнего, 16-го, выходили в четырех томах.

² *Гизо Ф. История цивилизации во Франции. М., 1877. Т. 1–4.* Перевод осуществлялся с 6-го французского издания. П.Г. Виноградов перевел только первые два тома, а перевод остальных выполнила М. Корсак.

примечаний и комментариев, что существенно облегчает работу с книгой. Этой же цели служат и указатели — именной и географической.

Новое издание доброй старой книги должно напомнить нашим современникам, что есть вечные ценности, не подверженные колебаниям моды. Наука не стоит на месте, но прочные камни подлинно научного исследования, приращения нового знания (в отличие от трухи пустопорожних теорий), положенные в ее фундамент и стены, не рассыпаются в прах с течением времени. То, что писал Гизо в начале XIX века, безусловно, представляет интерес и в начале века XXI. Мне бы не хотелось проводить какие-либо исторические параллели (их, кстати говоря, не любил Гизо, усматривавший в них некое лукавство) ради обоснования актуальности старинного исторического труда. Пусть читатели сами решают, на какой стадии цивилизационного развития находится современная Россия и какой урок можно извлечь, читая книгу об истоках французской цивилизации.

В.Д. Балакин

ФРАНСУА ПЬЕР ГИЛЬОМ ГИЗО

Гизо Франсуа

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

ТОМ ПЕРВЫЙ
ЛЕКЦИИ I—XV

Ответственный редактор кандидат исторических наук
В. Д. Балакин

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШЕСТОМУ ИЗДАНИЮ

Теперь, когда я пересматривал эти лекции, ко мне возвратилось чувство, одушевлявшее меня почти тридцать лет тому назад, когда я читал их: тяжелое, но глубокое наслаждение присутствовать при многотрудном, но могучем развитии моей родины, видеть, как она растет и блистает славой среди затруднений, усилий и страданий. Франции нелегко было сделаться Францией. Мы жалуемся — и имеем на это право — на наши испытания и разочарования, но предкам нашим жилось не легче, нежели нам, не скорее и не дешевле достались им плоды трудов их. Зрелище, которое представляют их судьбы, в одно и то же время и наводит печаль, и укрепляет. История разрушает нетерпеливые притязания и поддерживает долгие надежды.

Такова уж отличительная черта Франции, что в своем стремлении добиться хорошего и свободного правительства она много делала попыток, мало имела успеха и никогда не падала жертвою своих ошибок, даже когда не умела воспользоваться ими. Это нация, полная осмысленной жизненной силы, нация, которая поддается увлечениям, сбивается с пути, признает свои увлечения, вдруг меняет направление или останавливается в неподвижности, как будто утомившись и наскучивши бесплодными поисками, но которая не соглашается оставаться бессильной и, после неудачи в политической области, ищет развлечения в трудах и славе на других поприщах деятельности, пока снова не устремится к своей великой цели. Франция пережила в течение четырнадцати веков самые поразительные переходы от анархии к деспотизму, от обманчивых ожиданий к разочарованиям; она никогда не отказывалась надолго ни от порядка, ни от свободы — от этих двух условий, без которых для народов нет ни чести, ни прочного благосостояния.

Вот почему история наша, часто печальная, все-таки внушает надежды занимающемуся ею. Она научает нас, что, несмотря на ошибки и преступления нашего времени, мы не такие неслыханные нововводители, не такие мечтательные утописты, как нас в том обвиняют. Цель, к которой мы стремимся, в сущности, та же, что цель наших предков: подобно им, они трудились над освобождением и воспитанием, нравственным и материальным, различных классов нашего общества; подобно им, они старались создать гарантии хорошего заведования общественными делами, прав и вольностей частных лиц, в свободных учреждениях и действительном участии народа в управлении. И хотя они не раз терпели неудачи в осуществлении этого благородного плана, тем не менее среди всеобщей слабости всегда оставались непоколебимыми несколько великих и твердых умов, из дворянства и буржуазии, из должностных лиц или простых граждан,

которые поддерживали истинные принципы, благородные надежды и не допускали, чтобы потух священный огонь оттого, что не удалось еще воздвигнуть храма. Уверенность и постоянство защитников правого дела среди неудач не были обмануты: они не только пережили эти неудачи, но, когда настал день, опять выступили с новыми требованиями и силами. Время воспитывает то, чего не уничтожает.

Итак, мы наверно знаем, что, стремясь к свободному правлению, мы не только не отрекаемся от Франции, созданной веками, но и продолжаем ее создание, и что поражения не отнимают у нас надежды на успех.

Кроме этой придающей бодрость уверенности из истории нашей можно извлечь два поучения, имеющих свое существенное значение между многими другими — поучения, которые мне хотелось бы особенно отметить.

Попытки учредить свободное правление разрушило у нас слепое соперничество высших классов общества. Дворянство и буржуазия не соединились, чтобы бороться с деспотизмом или чтобы положить прочные основания свободы и пользоваться ею, а остались разделенными: они горячо хватались за каждый удобный случай, чтобы удержать или оттеснить друг друга; дворянство не допускало никакого равенства, буржуазия — никакого превосходства над собою. Притязания несправедливые и пустые. Несколько легкомысленное высокомерие дворянства не помешало французской буржуазии возвыситься и занять место в высших слоях государства. Несколько мелочная завистливость буржуазии не помешала дворянству удержать за собой преимущества, которые дает знаменитость родов и продолжительное господство. Как скоро общество живет и растет, в нем есть внутреннее движение частиц, стремящихся возвыситься и приобрести преобладание. Как скоро общество существует прочно, в нем устанавливается и передается из поколения в поколение известная иерархия сословий и классов. Справедливость, здравый смысл, общественный интерес, правильно понятый личный интерес требуют, чтобы и с той и с другой стороны помирились с этими естественными условиями общественного строя. Во Франции различные классы не сумели усвоить себе этого сопряженного с собственной выгодой уважения к чужим правам; все они понесли наказание за свой близорукий эгоизм и навлекли эту кару на общее отечество. Дворяне и буржуа доставили себе пошлое удовольствие оставаться заносчивыми и завистливыми, но, будь они несколько справедливее, предусмотрительнее и послушнее по отношению к божественным законам человеческих обществ, то необычайно выиграли бы в свободе, величии, прочности обладания общественными благами. Они не сумели действовать заодно, чтобы быть вместе свободными и сильными, и тем отдали себя и Францию в жертву революциям.

А вот и второй великий урок, который дает нам наша история.

Она показывает, что в политике нами управляет та же *fugia francese*¹, которая, говоря, отличает нас на войне. Когда нас занимает какой-нибудь принцип, интерес,

---

¹ Французская ярость (итал.).

чувство, они царствуют в нас вполне и исключительно: мы повинемся им, идем за ними до конца со страстной последовательностью, невзирая ни на какие посторонние соображения и обстоятельства. Находимся ли мы в припадке свободолюбия? Мы жертвуем ему всем — самыми необходимыми условиями порядка, самыми очевидными потребностями власти, спокойствием настоящего, обеспечением будущего. Но пусть только обнаружится впоследствии ошибки, пусть появится анархия, пусть будет признана бесспорно необходимой сильная власть — и мы бросимся в ее руки, сдадим ей все наши крепости, предупредим и преувеличим ее требования. Если мы прежде не знали меры в своем стремлении к свободе, то теперь позабудем, что хотели быть свободными. Эти порывы, эта забывчивость ведут к неизбежным последствиям. Быть умеренным, предусмотрительным, заботиться одинаково о различных интересах, рядом существующих в обществе, принимать в соображение противоположные принципы, которые в нем борются и соединяются, и тем и другим отдавать должное, и только должное, останавливаться вовремя, вовремя идти на соглашение, делать уступки сегодня, имея в виду завтрашний день, — вот в чем состоит мудрость, ловкость, необходимость в политике; вот в чем состоит самая политика. Только на этих условиях дарует Бог политическое преуспеяние и народам в их долговечной судьбе, и отдельным людям в их кратковременное появление на земле.

Народы имеют перед отдельными личностями ту выгоду, что им дано достаточно времени, чтобы научиться. Что касается Франции, то она, конечно, может научиться, потому что во все периоды своей истории и несмотря на свои ошибки она оставалась великой, умственно развитой и сильной. Она часто терпела неудачи и никогда не погибала; ее успехи превосходили ее поражения. Она еще молода, несмотря на свои четырнадцать веков, и не откажется от того, что, в сущности, всегда было предметом ее желаний и поисков. Что до меня лично, то я принадлежу к числу тех, которые по-прежнему уверены, что, раз поняв хорошенько причины неудач, она заслужит и добьется, наконец, успеха, в котором до сих пор ей было отказано.

Франсуа Гизо

ЛЕКЦИЯ I

Предмет курса. — Два метода, которые можно употребить при подробном изучении истории европейской цивилизации. — Причины, заставляющие предпочесть изучение цивилизации одного какого-нибудь народа. — Причины, побуждающие избрать для изучения цивилизацию французскую. — Какие существенные факты обуславливают совершенство цивилизации. Сравнение между великими народами Европы в этом отношении. — О цивилизациях английской, немецкой, итальянской, испанской, французской. — Французская цивилизация самая разносторонняя и всего скорее может служить представительницей общей цивилизации. Изучение ее имеет интерес не только научный. — Какое направление преобладает в настоящее время в мире интеллектуальном? — Какое направление преобладает в мире социальном? — Две задачи, вытекающие отсюда. Кажущееся противоречие между ними. Наше время призвано разрешить их. — Третья задача, с исключительно нравственным характером, которую также ставит современное состояние цивилизации. — Несправедливые упреки, какие делают цивилизации. Необходимость предотвратить их. — Всякое научное знание становится в настоящее время социальной силой. —
Всякая сила должна работать не только для усовершенствования общества,
но и для нравственного усовершенствования личностей.

Многие из вас помнят, каковы были предмет и характер курса, который я несколько месяцев тому назад окончил*. Это был курс очень общий и очень быстрый. Я попытался в очень короткое время провести перед вашими глазами историческую картину европейской цивилизации. Я, если можно так выразиться, пробегал от вершины к вершине, ограничиваясь почти всегда передачей общих фактов и догматическими утверждениями, рискуя при этом, что меня не всегда поймут, а быть может, и не всегда мне поверят.

Вы знаете, милостивые государи, что необходимость заставляла меня держаться такого метода, и я, даже несмотря на необходимость, едва ли примирился бы с его неудобствами, если бы не предвидел, что буду иметь возможность устранить их в других курсах, если бы я тогда же не предположил взять на себя когда-нибудь задачу наполнить начертанную мной рамку, довести вас до общих результатов, которые я имел честь вам представлять, тем же путем, что привел меня самого к ним, — путем внимательного и полного изучения. Вот план, который я теперь постараюсь привести в исполнение.

Два метода представляются мне для этого. Я могу начать сызнова курс прошлого лета и излагать снова общую историю европейской цивилизации в ее целом, рассказывая в подробностях то, на что имел возможность указать только в главных чертах, проходя медленно путь, который мы сделали почти не переводя дух. С другой стороны, я могу изучать историю цивилизации у одного из великих народов Европы, у которого она развивалась, и ограничить таким образом поле своих изысканий, чтобы лучше его разработать.

Первый метод показался мне сопряженным с важными неудобствами. Было бы в высшей степени трудно, чтобы не сказать невозможно, удержать какое-нибудь единство в такой обширной и, согласно плану, такой подробной истории. В прошлое лето мы узнали, что европейская цивилизация представляет действительное единство, но оно проявляется только в общих фактах и в главных результатах. Наблюдателю надо подняться на вершину горы, чтобы перед его глазами исчезли неровности, мелкие различия почвы, чтобы он мог схватить общий характер, физиономию страны в ее главных и простейших чертах. Как скоро оставляешь общие выводы, так скоро пытаешься проникнуть в частности, единство затемняется, различия снова выступают вперед, теряешься среди разнообразия событий, причин, следствий; поэтому, чтобы излагать историю подробно и хоть сколько-нибудь сохранить ее целостность, необходимо сузить ее поле.

Притом важное возражение против первого метода вытекает из необычайной обширности и разнообразия тех сведений, каких он требует и какие предполагает и в повествователе, и в слушателях. Тот, кто пожелал бы сколько-нибудь точно наметить ход европейской цивилизации, должен иметь соответственно глубокое знание не только событий, происходивших у различных народов, их ис-

тории, в собственном смысле слова, но вместе с тем их языка, литературы, философии — одним словом, всех сторон их жизни; такая работа, очевидно, почти невозможна, по крайней мере, если иметь в виду краткость предоставленного нам времени.

Мне показалось, милостивые государи, что, изучая историю цивилизации одной из великих стран Европы в отдельности, мы скорее дойдем до искомых результатов. Действительно, при этом можно согласовать единство рассказа с его подробностями, так как в каждой стране существует известное единство как следствие общих нравов, законов, языка, исторических событий, единство, которое наложило свою печать на цивилизацию. Мы можем следить за фактами шаг за шагом, не теряя из виду целого. Наконец, возможно, хотя и нелегко, собрать сведения для подобного труда.

Итак, милостивые государи, я решился избрать второй метод, оставить общую историю европейской цивилизации у всех народов, содействовавших ее развитию, и заняться вместе с вами какой-нибудь отдельной цивилизацией, которая могла бы сделаться для вас, если принять в расчет различия, изображением великих судеб Европы.

Раз выбрав метод, я уже без труда выбрал страну — я взял историю Франции, историю французской цивилизации. Не буду утверждать, что при этом я не испытал никакого удовольствия: всякое патриотическое ощущение, всякая патриотическая впечатлительность — законны, но необходимо, чтобы они находили свое оправдание в истине, в разуме.

В наше время некоторые как будто думают, что патриотизму нанесен будет сильный ущерб той широтой чувств и мыслей, которая происходит из современного состояния европейской цивилизации: предсказывают, что он выродится и исчезнет в космополитизме. Я не разделяю подобных опасений. В настоящее время с любовью к отечеству будет то же, что со всеми остальными мнениями, действиями, чувствами людей. Эта любовь, конечно, принуждена будет выдержать испытание гласностью, обсуждением, критикой; она принуждена будет исчезнуть, как предрассудок, как обыкновение, как слепое и исключительное чувство; она принуждена будет указывать на свои разумные основания; но она не погибнет под тяжестью этой необходимости, как не погибли все естественные и законные чувства; напротив, она очистится и возвысится. Ей придется выдержать испытания, но она выйдет из них победительницей.

Я, мне кажется, могу утверждать, что если бы история какого-нибудь народа показалась мне величественнее, поучительнее, более способной служить представительницей общего хода европейской цивилизации, нежели французская, я выбрал бы ее. Францию я выбрал на разумных основаниях: независимо от особенного интереса, какой представляет для нас ее история, европейское общест-

венное мнение давно уже провозглашает Францию самой цивилизованной страной Европы. Всякий раз, когда столкнутся национальные самолюбия различных народов, когда отыскивают истинное беспристрастное мнение народов в идеях и действиях, в которых оно высказывается косвенным образом и не в форме полемики, всякий раз приходится согласиться, что Франция — та страна, цивилизация которой является наиболее законченной, наиболее способной к передаче и всего сильнее поразившей воображение Европы.

Притом, милостивые государи, не следует думать, чтобы это преобладание нашего отечества зависело исключительно от приятности наших общественных отношений, от мягкости наших нравов, от той легкой одушевленной жизни, которой так часто ищут в нашей стране. Конечно, эти обстоятельства играют известную роль, но факт, о котором я говорю, обуславливается другими, более глубокими причинами: тут важна не аристократическая мода, как можно было подумать, когда дело шло о цивилизации века Людовика XIV, и не народное волнение, как можно предположить на основании зрелища, представляемого нашим временем. Пальма первенства, предоставляемая беспристрастным мнением французской цивилизации, имеет законное оправдание с философской точки зрения; это результат инстинктивной, без сомнения смутной, но правильной оценки природы цивилизации вообще и ее истинных составных частей.

Вы, надеюсь, помните, милостивые государи, определение цивилизации, которое я старался дать в начале прошлого года курса. Я отыскивал, какие идеи соединяются с этим словом в здравом смысле людей, и мне показалось, что по общему мнению сущность цивилизации заключается в двух фактах: в развитии строя общественного и в развитии строя интеллектуального; в улучшении внешнего, общего положения и в улучшении внутренней, личной природы человека — одним словом, в усовершенствовании общества и человека.

Мало того, что эти два факта составляют цивилизацию, — их одновременность, их тесная и быстро устанавливающаяся связь, их взаимодействия необходимы для ее совершенства. Я показал, что хотя не всегда они появляются в одно время, хотя то развитие общественное, то развитие индивидуальное идет скорее и дальше, тем не менее они необходимы друг другу и рано или поздно вызывают, обуславливают друг друга. Когда в течение долгого времени один из них действует без другого и приходится долго ожидать их соединения, чувство печальной пустоты, сильное сожаление овладевает зрителями. Если у народа обнаруживаются великое общественное улучшение и великий шаг вперед в материальном благосостоянии, которые не сопровождаются великим развитием интеллектуальным, соответствующим шагом вперед в умственном отношении, то общественное улучшение кажется непрочным, необъяснимым, почти незаконным. Возникает вопрос: какие общие идеи вызвали и оправдывают его, с какими принципами оно

связано? Надо ожидать, что оно не ограничится несколькими поколениями, известной страной, что оно передастся, распространится, сделается общим достоянием всех народов. А каким иным способом может оно передаваться и распространяться, как не посредством идей на крыльях политических доктрин? Одни идеи не останавливаются перед расстояниями, переносятся через моря, всюду находят понимание и прием. Притом такова благородная природа человечества, что она не может видеть перед собой значительного развития материальной силы без того, чтобы в нем не возникло стремление к силе нравственной, которая должна к ней присоединиться и управлять ею; общественное благосостояние носит на себе печать чего-то второстепенного, пока оно не производит других плодов, кроме самого благосостояния, пока оно не возвысило ум человека до одного уровня с его положением.

С другой стороны, если где-либо проявляется великое развитие умственное вне связи с общественным прогрессом, то оно порождает удивление, беспокойство. Кажется, что видишь прекрасное дерево, не приносящее плодов, солнце, не согревающее и не оплодотворяющее почвы. Такие идеи, бесплодные и не овладевающие внешним миром, вызывают известного рода презрение. Мало того, они вызывают сомнение насчет своей законности в умственном отношении, насчет своей истины; возникает желание считать их химерами за то, что они немощны и не в состоянии управлять общественным положением людей. До такой степени сильно в человеке сознание, что его обязанность на земле — переносить идеи на факты, преобразовывать и устраивать мир, в котором он обитает согласно с истиной, которую он вмещает в самом себе; до такой степени тесна связь между двумя великими элементами цивилизации — развитием духовным и развитием общественным; до такой степени верно положение, что совершенство состоит не только в соединении этих элементов, но и в размахе, в легкости, в быстроте, с которыми они вызывают и производят друг друга.

Теперь, милостивые государи, попытаемся с этой точки зрения рассмотреть различные страны Европы; попытаемся отыскать, в чем состоит характер цивилизации каждой из них и насколько этот характер подходит под тот существенный, основной, высший факт, в котором теперь состоит для нас совершенство цивилизации. Этим путем мы откроем, какая именно из европейских цивилизаций всех законченнее и наиболее соответствует общему типу цивилизации; какая, следовательно, имеет всего более права на изучение и всего лучше представляет историю Европы в ее совокупности.

Начинаю с Англии. Английская цивилизация преимущественно была направлена к социальному усовершенствованию, к улучшению не только материального, но и нравственного положения, к введению в обществе большей справедливости наравне с большим благосостоянием, к развитию права наравне со счастьем. Однако если принять все во внимание, то окажется, что разви-

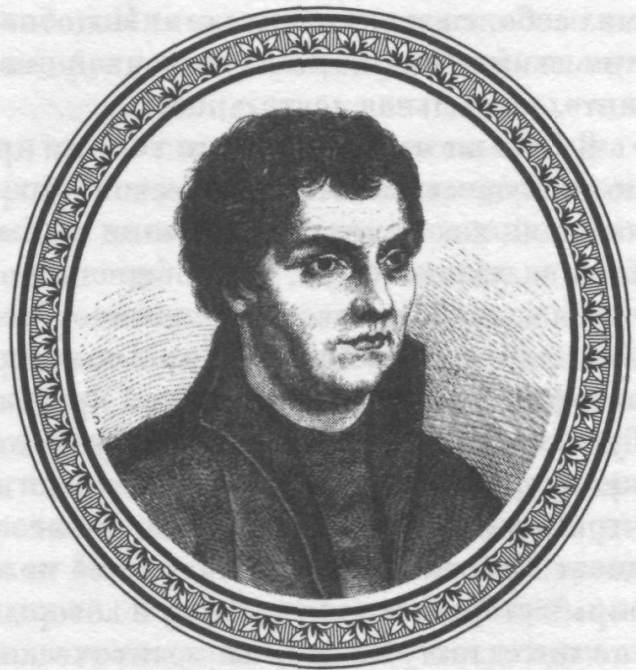

тие общества совершалось в Англии в больших размерах и с большей славой, нежели развитие человека, общественные интересы и факты занимали тут больше места и действовали с большей силой, нежели общие идеи, нация является в большем величии, нежели индивидуальный человек. Это настолько справедливо, что сами философы, которые по своей профессии должны бы работать исключительно для развития чисто умственного, Бэкон, Локк, шотландцы^{*}, принадлежат к философской школе, которую можно назвать практической: для них особенно важны непосредственные и положительные результаты, они не доверяются ни порывам воображения, ни дедукциям логики; им принадлежит гений здравого смысла. Я обращаюсь ко времени самой сильной интеллектуальной деятельности в Англии, к эпохам, когда, по-видимому, идеи, движение умов занимали наибольшее место в ее истории. Я беру политический и религиозный кризис XVI и XVII веков^{*}. Всякий знает, в каком необычайном движении находилась тогда Англия, но пусть кто-нибудь скажет мне, какую великую философскую систему, какие великие общие доктрины, сделавшиеся европейским достоянием, породило это движение? Оно имело громадные и достойные удивления последствия; оно послужило основанием правам и нравам, могущественно подействовало не только на общественные отношения, но также на души людей, произвело сектантов^{*}, энтузиастов^{*}; но оно нимало не превысило и не расширило умственного кругозора человечества, не зажгло ни одного из тех светильников, которые освещают целый период. Ни в одной стране, может быть, религиозные верования не имели и не имеют такого значения, как в Англии, но они отличаются прежде всего практическим характером, они очень сильно влияют на поведение, счастье, чувства людей, но результатов общих, рациональных, которые относились бы ко всему человеческому разумению, они дают немного. С какой точки зрения ни будете вы рассматривать эту цивилизацию, вы встретитесь с этим социальным, практическим характером. Я мог бы гораздо далее развить эту мысль, мог бы перебрать все части английского общества: всюду будет останавливать мое внимание тот же самый факт. В литературе, например, тоже преобладает практическое значение. Все повторяют, что англичане не мастера сочинить книгу, сочинить ее рационально и художественно в то же время, распределить ее части, привести план в исполнение так, чтобы подействовать на воображение читателей тем совершенством искусства, формы, которое прежде всего старается удовлетворить требованиям ума. Эта по преимуществу интеллектуальная сторона умственного труда составляет слабую сторону английских писателей, которые зато отлично умеют убеждать ясностью своего изложения, частым возвращением к одним и тем же мыслям, очевидностью почерпнутых из здравого смысла доказательств — одним словом, всеми средствами, которыми достигаются практические результаты.

Тот же характер носит сам английский язык. Это язык не систематический, не правильный и не построенный на рациональных основаниях; он заимствует слова отовсюду, из самых разнообразных источников, не заботясь ни о симметрии, ни о гармонии; ему решительно недостает того изящества, той логической красоты, которые составляют особенность греческого и латинского; в нем есть что-то шероховатое и грубое. Но он богат, гибок, поддается на все, способен удовлетворить всем потребностям человека во внешнем ходе его жизни. Повсюду в Англии принцип пользы, приложимости, господствует и составляет отличительный признак и силу ее цивилизации.

От Англии переходим к Германии. Здесь развитие цивилизации шло медленно и началось поздно; грубость немецких нравов была поговоркой в Европе в продолжение многих веков. Однако если под этой грубой оболочкой отыскивать сравнительный ход двух основных элементов цивилизации, то окажется, что индивидуальное развитие здесь всегда предшествовало развитию социальному и превосходило его, что ум человека сделал гораздо больше успехов, нежели положение человека в обществе. Сравните в XVI столетии умственное состояние немецких реформаторов* — Лютера, Меланхтона, Буцера и многих других; сравните, повторяю, умственное развитие, проявляющееся в их трудах, с современными тому нравами их страны, с их собственными нравами: какая разница!

*Мартин Лютер.
По картине Лукаса Кранаха*

В XVII столетии сопоставьте идеи Лейбница*, работы его учеников и немецких университетов с нравами, господствовавшими тогда не только в народе, но и в высших классах; прочтите, с одной стороны, сочинения философов, с другой — мемуары, описывающие двор бранденбургского или баварского курфюрста*: какой контраст! Когда мы доходим до нашего времени, контраст становится еще более резким: теперь сделалась общим местом фраза, что по ту сторону Рейна идеи и факты, строй интеллектуальный и строй реальный почти совершенно не связаны друг с другом. Всякий знает, как сильна была умственная деятельность в Германии за последние 50 лет; во всех отраслях — в философии, в истории, в литературе, в поэзии она пошла очень далеко: можно утверждать, что не всегда она избирала лучшие пути, можно

не соглашаться с некоторыми из полученных ею результатов, но что касается энергии, громадности размеров, в которых она проявилась, то их оспорить нельзя. Конечно, социальное состояние, положение человека в обществе значительно отстало. Несомненно, в этом отношении есть прогресс, улучшение, но нет никакой возможности сравнивать эти два факта. Отсюда, отличительную черту всех сочинений в Германии — поэтических, философских, исторических — составляет недостаточное знакомство с внешним миром, отсутствие чувства реальности: при чтении их видно, что жизнь, события мало повлияли на этих людей, не занимали их воображения; они, энтузиасты или диалектики, жили, удалившись в самих себя, со своими мыслями. Подобно тому, как в Англии всюду заметен практический склад ума, так в немецкой цивилизации главной чертой является чисто интеллектуальная деятельность.

В Италии мы не видим ни того ни другого. Итальянская цивилизация не была ни существенно практической, как английская, ни исключительно умозрительной, как немецкая; в Италии не было недостатка ни в великих проявлениях индивидуального ума, ни в общественной деятельности и способности к ней; и человек, и общество развивались со славой; итальянцы достигали великих и блестящих результатов в одно и то же время в чистых науках, в искусствах, в философии и в деловой жизненной практике. Правда, с давних пор уже Италия как будто остановилась и в том и в другом отношении, а общество и человеческий ум как будто опустелись и ослабли, но когда всматриваешься ближе, то замечаешь, что в этом не виновата внутренняя неосновательность народа; внешние условия давят и останавливают Италию: ее можно сравнить с прекрасным цветком, который старается распуститься и который сжимает холодная жесткая рука. Ни чисто интеллектуальные, ни политические способности не погибли в Италии; ей недостает того, чего всегда недоставало и что составляет повсюду одно из жизненных условий цивилизации: ей недостает веры, веры в истину. Мне бы хотелось, чтоб меня поняли в точности, чтоб не приписывали употребленным мной выражениям смысла, который я сам им не придаю. Под верой я в данном случае разумею ту уверенность в истине, вследствие которой люди не только признают истину за таковую и чувствуют себя удовлетворенными ею в умственном отношении, но бывают убеждены в ее праве господствовать над миром, управлять событиями, и в силе, которой она обладает, чтобы осуществить это право. Вследствие этого человек, раз усвоив себе истину, чувствует себя призванным перенести ее на внешние факты, преобразовывать, направлять их согласно с разумом. Этого-то чувства и недоставало всегда в Италии. Она была богата великими умами, общими идеями; в то же самое время ее населяло множество людей, одаренных редкой практической ловкостью, глубоко понимавших все условия внешней жизни, в полной мере обладавших искусством руководить обществами и обращаться с ними. Но эти два разряда людей и фактов остава-

лись вполне чуждыми друг другу. Люди, которым принадлежали общие идеи, спекулятивные умы, не признавали за собой ни обязанности, ни права влиять на общество; даже уверенные в истине своих принципов, они сомневались в их могуществе. С другой стороны, люди дела, руководители общества, нисколько не принимали в расчет общих идей; почти никогда не возникало у них потребности сообразовать зависевшие от них факты с известными принципами. И те и другие действовали, как будто истина должна ограничиваться областью познания и дальше ей нечего ни требовать, ни делать. В этом заключалась слабая сторона итальянской цивилизации и в XV веке, и впоследствии; в этом заключаются причины бесплодности ее спекулятивного гения и ее практического смысла; между этими двумя силами не было доверия друг к другу, взаимодействия, постоянного взаимовлияния.

Есть еще великая страна, о которой я говорю скорее из почтительного уважения к благородному и несчастному народу², нежели по необходимости: я разумею Испанию. Тут не было недостатка ни в великих умах, ни в великих событиях, человеческий дух и человеческое общество сияли здесь иногда во всей своей славе; но это отдельные факты, разбросанные там и сям в испанской истории, как пальмы среди песков. В Испании человеку и обществу, по-видимому, отказано в основном условии цивилизации — в прогрессе, общем и постоянном. Торжественная неподвижность сменяется бесплодными волнениями. Вы будете тщетно искать великой идеи или великого общественного усовершенствования, великой философской системы или богатого последствиями учреждения, которое досталось бы Европе от Испании: этот народ жил в Европе особняком, мало получил от нее и мало дал ей. Я упрекнул бы себя, если бы не упомянул его имени, но цивилизация его не имеет важного значения для цивилизации европейской.

Вы видите, милостивые государи, что основной, высший факт цивилизации вообще, тесная, быстро передающаяся связь, гармоническое развитие идей и фактов, интеллектуального и реального строя не обнаруживается ни в одной из четырех великих стран, которые мы обозрели. Всем им недостает в отношении цивилизации существенного условия; ни одна не представляет более или менее полного образа ее, чистого ее типа во всех его сторонах и со всеми главными характерными чертами.

Во Франции, мне кажется, дело шло иначе. Во Франции развитие умов и развитие общества никогда не покидали друг друга. Человек и общество постоянно двигались и росли в ней, не скажу рука об руку и равномерно, но на близком расстоянии друг от друга. Рядом с великими событиями, переворотами, улучшениями в обществе вы всегда заметите в нашей истории общие идеи и доктрины, которые им соответствуют. В реальном мире не произошло ничего такого, за что бы тотчас не ухватились умы, чтобы извлечь в свою пользу новое богатство; в облас-

ти умственной не совершилось ничего такого, что не нашло бы в реальном мире, по большей части довольно быстро, отголоска и результата. Можно даже сказать, что вообще во Франции идеи предшествовали прогрессу в общественной области и вызывали его; он подготавливался в доктринах прежде, чем осуществиться на деле, и ум шел первым на пути цивилизации. Этот двойственный характер, слагающийся из интеллектуальной деятельности и практического умения, из размышления и применения в деле, запечатлен во всех главных событиях французской истории, во всех главных классах французского общества и придает им совершенно особую физиономию.

В начале XII века, например, открывается движение к освобождению коммун*, которое, конечно, представляет собой важный шаг вперед в положении общества, и в то же самое время обнаруживается сильное стремление к освобождению мысли. Я указал на этот факт в прошлое лето. Абельяр* — современник горожан Лана и Везеле. Первая великая борьба свободных мыслителей с деспотической властью в умственном мире современна борьбе горожан за свободу общественную. Правда, эти два движения на первый взгляд кажутся совершенно чуждыми друг другу: философы были очень дурного мнения о возмущившихся горожанах и называли их варварами; горожане, в свою очередь, когда им приходилось слышать о философах, считали их еретиками. Тем не менее прогресс и в той, и в другой области совершился в одно и то же время.

Оставим XII век; возьмем одно из учреждений, игравших самую важную роль в умственной истории Франции, — Парижский университет. Всякий знает, как обширны были его научные труды начиная с XIII века; из всех учреждений подобного рода это было первое. В то же самое время никакое другое не вело столь важной и деятельной политической жизни. Парижский университет вмешивался в политику королей, во все столкновения французского духовенства с римской курией, духовенства со светской властью; в его недрах разрабатывались идеи, устанавливались доктрины, и он тотчас стремился проводить их во внешнем мире. Принципы Парижского университета были написаны на знамени людей, пытавшихся добиться преобразований на Констанцском* и Базельском* соборах; принципы Парижского университета породили и поддержали Прагматическую санкцию Карла VII*. В этом великом учебном учреждении умственная деятельность и положительное влияние оставались нераздельными в продолжение целых веков. Перейдем к XVI столетию, бросим взгляд на Реформацию во Франции: отличительный характер ее заключается в том, что хотя она была ученее или, по крайней мере, столь же учена, как и в других странах, она была умереннее, благоразумнее. Борьба против католической церкви велась французской реформацией на почве науки и доктрины: во Франции и Голландии написано, и всегда на французском языке, великое множество философских, исторических, полемических сочинений в защиту этого дела, и, конечно, ни Германия, ни Англия не употре-

били на него в это время большей учености и ума; тем не менее французская реформация осталась чужда крайностям немецких анабаптистов и английских сектантов; редко доставало ей практической осторожности, и, однако, нельзя сомневаться в силе и искренности ее верований, потому что она долго боролась против самых тяжких неудач.

В новые времена, в XVII и XVIII столетиях, быстро устанавливающаяся связь между идеями и фактами, равномерное развитие общества и человека так очевидны, что на этом нет необходимости настаивать.

Итак, вот четыре или пять великих эпох, четыре или пять великих событий, на которых лежит отпечаток отличительного характера французской цивилизации. Возьмем различные классы нашего общества, взглянем на их нравы, их физиономию — всюду нас поразит тот же факт. Французское духовенство отличается богатством сведений и деятельностью, принимает участие во всех интеллектуальных занятиях и во всех делах света, занимается отвлеченным мышлением, наукой и администрацией; оно не посвящает себя, так сказать, исключительно ни религии, ни науке, ни политике, но постоянно старается примирить и согласить их. Французские философы представляют также редкое соединение умозрительных способностей и практического смысла; мысли их глубоки и смелы, они ищут чистой истины независимо от приложения, но всегда сохраняют чувство внешнего мира, фактов, среди которых живут; они поднимаются высоко, но не теряют из вида земли. Монтень, Декарт, Паскаль, Бейль, почти все великие французские философы не были ни чистыми диалектиками, ни энтузиастами. В прошлое лето вы слышали, как с этой самой кафедры их красноречивый истолкователь так характеризовал Декарта, человека света и науки в одно и то же время: «определенный, твердый, решительный, довольно дерзкий, размышлявший в своем кабинете с той же смелостью, с какою он сражается под стенами Праги», чувствовавший одинаковую склонность к движению практической жизни и к умственной деятельности. Не все наши философы обладали гением Декарта или вели жизнь, столь полную приключений, но почти все в одно и то же время искали истины и понимали свет, умели вместе и наблюдать, и размышлять.

Наконец, милостивые государи, какое свойство характеризует во французской истории тот единственный класс людей, который играл действительно политическую роль, единственный класс, пытавшийся доставить стране участие в ее управлении, дать ей законное управление, то есть французскую магистратуру и судейское сословие, парламенты и все, что их окружало? Не то ли соединение доктрины и практической мудрости, уважения к идеям и к фактам, науки и ее применения? Во всех областях, где действует чистое мышление — в науке, философии, литературе, истории — всюду вы найдете членов парламента* и судейского сословия; в то же время они принимали участие во всех обще-

ственных и частных делах, имели влияние на все реальные, практические интересы общества.

С какой стороны ни рассматривайте Францию, везде вы найдете этот двойственный характер; оба существенных условия цивилизации развивались здесь в тесном соотношении; никогда не было здесь недостатка в величии индивидуального человека, а индивидуальное величие всегда имело последствия для общественной пользы. Много говорили, в особенности за последнее время, о том, что отличительная черта французского ума есть здравый смысл. Правда; но здравый смысл в высшем и обширном значении слова, здравый смысл философский, который проникает идеи во всей их глубине, понимает и оценивает их во всем их значении, принимая в то же время в расчет внешние факты. Здравый смысл такого рода — разум; французский ум одинаково отличается способностью к отвлеченному мышлению и рассудительностью.

Итак, милостивые государи, Франции принадлежит та честь, что ее цивилизация более, нежели какая-либо другая, передает общий тип, основную идею всякой цивилизации. Она всех полнее, всех истиннее, всех цивилизованнее, если можно так выразиться. Вот чему она обязана первенством, которое предоставлено ей беспристрастным мнением Европы. Франция показала себя в одно и то же время разумной и могущественной, богатой идеями и силами, служащими идеям. Она одновременно взывала к уму народов и их желанию общественного улучшения, затрагивала воображение и честолюбие, заявляла себя способной открыть истину и доставить ей преобладание. На этих двух основаниях стоит ее популярность, потому что таковы две коренные потребности человечества.

Поэтому, милостивые государи, мы вполне имеем право смотреть на французскую цивилизацию как на первую, которую следует изучать, как на самую важную и плодотворную. Изучать ее надобно будет с тех двух точек зрения, с которых я ее представил, в развитии общественном и в развитии интеллектуальном; надо будет исследовать в ней прогрессивное движение идей, умов, внутреннего, духовного человека и прогрессивное движение внешних и общих для всех условий. Если мы будем рассматривать ее таким образом, то во всей европейской истории не найдется ни одного события, с которым мы бы не встретились в нашей собственной. Таким способом мы достигнем исторической научной цели, которую себе поставили: мы будем присутствовать при зрелище развития европейской цивилизации, не теряясь среди многочисленности сцен и актеров.

Но у нас есть еще другая и более важная цель, нежели присутствовать при зрелище или даже изучать; если я не ошибаюсь, мы приходим сюда не ради знания только. Ход цивилизации вообще, в особенности французской, поставил великую задачу, составляющую особенность нашего времени; в разреше-

нии ее заинтересовано все будущее, не только наше собственное, но будущее человечества, а разрешить ее призваны, может быть, именно мы, то есть наше поколение.

Какой дух преобладает в настоящее время в интеллектуальном строе, в способах искания истины, каков бы ни был ее предмет? Дух строгости, осторожности, сдержанности, дух научного исследования, метод философский. Он тщательно наблюдает факты и позволяет себе обобщения медленно, постепенно, по мере того, как факты становятся известными. Этот дух, очевидно преобладая за последние пятьдесят лет в науках, занимающихся материальным миром, обуславливает их успех и славу. Теперь он все более и более старается проникнуть в науки морального типа — в политику, историю, философию. Всюду распространяется и укрепляется научный метод, всюду чувствуется необходимость взять факты в основание и руководство, все убеждены, что они составляют материал науки, что никакая общая идея не может иметь действительного значения, если она не вытекает из фактов, не питается ими постоянно по мере своего разрастания. В интеллектуальном строе факты составляют современную силу.

В строе реальном, в мире общественном, в правлении, в администрации, в политической экономии заметно другое направление; тут преобладают идеи, рассуждение, общие принципы, так называемые теории. Таков, очевидно, характер совершившегося в наше время переворота, всех трудов XIX века; и этот характер не принадлежит только кризису, переходной и разрушающей эпохе; это постоянный, нормальный, мирный характер общественного порядка, который повсюду создается и готовится. Этот порядок основан на обсуждении и гласности, то есть на господстве общественного разума, доктрин и убеждений, общих всем. С одной стороны, никогда факты не занимали такого места в науке; с другой — идеи не играли такой роли в практической жизни.

Совсем не то, милостивые государи, было в прежнее время, лет сто тому назад: в интеллектуальном строе, в науке, собственно так называемой, факты мало изучались и уважались; рассуждение и фантазия не знали границ; ученые вполне предавались порывам гипотез, пускались в путь без иного руководителя, кроме нити логических выводов. В политическом строе, в реальном мире факты были всемогущи и считались почти законными по самой своей природе. Их не смели оспаривать, даже когда на них жаловались; возмущения были обыкновеннее, нежели смелость мысли, и ум тщетно заявил бы ради идеи, во имя одной истины, свои права на участие в делах мира сего.

Итак, ход цивилизации опрокинул прежнее положение дел: она привела к владычеству фактов там, где прежде господствовало вольное движение ума, и к влиянию идей там, где исключительно царил авторитет фактов.

Это до такой степени верно, что результат этот отразился, и сильно отразился, на самих упреках, которые делают современной цивилизации. Если ее про-

тивники говорят о современном состоянии человеческой мысли, о ее направлении, то они упрекают ее в сухости, в мелочности. Этот строгий положительный метод, по их словам, унижает идеи, леденит воображение, отнимает у ума его величие и свободу, суживает и материализует его. Если речь идет о состоянии обществ, о том, что в них предпринимается и совершается, то звучит упрек, что гоняются-де за химерами, пускаются в путь на веру теорий, тогда как изучать, уважать, любить следует одни факты, верить только опытности. Так что современную цивилизацию упрекают одновременно в сухости и мечтательности, в нерешительности и опрометчивости, в робости и дерзости. В философии мы, говорят, ползаем по земле, а в политике повторяем попытку Икара* и подвергнемся той же участи.

Нам предстоит, милостивые государи, отстранить от себя этот двойной упрек или, лучше сказать, эту двойную опасность. Мы действительно призваны решить проистекающую отсюда задачу. Мы должны все более и более доставлять преобладание фактам в строе интеллектуальном, идеям — в социальном, направлять все более и более наш разум согласно с действительностью, действительность согласно с нашим разумом, одновременно поддерживать строгость научного метода и законное владычество ума. Тут нет никакого противоречия; напротив, это результат положения человека как зрителя среди мира и его призвания в мир как деятеля. Я ничего не предполагаю, милостивые государи, ничего не объясняю: я просто описываю то, что есть на самом деле. Мы брошены в мир, который не создали и не выдумали; мы его находим как данное, рассматриваем его, изучаем; по необходимости мы должны признать его за данный факт, так как он существует вне нас, независимо от нас; ум наш работает над фактами, единственным материалом ему служат факты, и когда он открывает общие законы, то самые законы эти не что иное, как факты, которые он принимает к сведению. Таковы последствия нашего положения как зрителей. Как деятели мы поступаем иначе: после того, как мы произвели наблюдения над фактами, знание их развивает в нас идеи, стоящие выше их, мы чувствуем себя призванными преобразовывать, совершенствовать, направлять то, что действительно существует, мы чувствуем себя способными воздействовать на мир, распространять в нем достославное царство разума. Таково призвание человека: как зритель он подчинен фактам, как деятель он овладевает ими и сообщает им более правильную, более чистую форму. Итак, я имел полное право сказать, что нет противоречия в задаче, которую мы должны разрешить. Совершенно справедливо, что с этой двойной обязанностью связана двойная опасность: изучая факты, ум может быть подавлен ими, может унизиться, сужиться, материализоваться, может вообразить, что нет других фактов, кроме тех, которые поражают его с первого взгляда, которые близко касаются нас, как говорится — подлежат нашим чувствам. Огромная и грубая ошибка, милостивые государи; есть отдаленные, громадные, темные, высоко

стоящие над нами факты, до которых трудно добраться, чтобы наблюдать и описать их, но они все-таки остаются фактами, которые человек должен изучать и знать; если же он будет пренебрегать ими или позабудет о них, то, конечно, мысль его падет необыкновенно низко, и вся его наука будет носить печать этого падения. С другой стороны, возможно, что честолюбие человеческого ума, в его действиях на реальный мир, впадет в увлечения, в крайности, в утопии, что он подвергнется заблуждениям, преследуя слишком далеко и слишком поспешно свою цель — владычество идей над вещами. Но эта двойная задача служит только доказательством двойной обязанности, которая ее порождает, не более. Исполнить эту обязанность, разрешить задачу необходимо, потому что состояние цивилизации ставит ее ясно и не допускает, чтобы ее теряли из виду. В наше время всякий, кто при отыскании истины отступит от научного метода, не примет изучения фактов за основу при развитии какой бы то ни было мысли, и всякий, кто в управлении обществом не сумеет взять в расчет принципов, идей, доктрин, не будет иметь прочного успеха и действительного влияния, потому что влияние, успех, в умственном отношении или в обществе, зависят теперь от соответствия наших трудов этим двум законам человеческой деятельности, этим двум стремлениям цивилизации.

Этого мало, милостивые государи, нам предстоит решить еще одну задачу. Из двух задач, которые я только что поставил перед вами, одна научная, другая социальная; одна относится к области разума, к изучению истины, другая к применению результатов этого изучения во внешнем мире. Наконец, третья, также вытекающая из современного состояния цивилизации и также возложенная на нас — нравственная задача, касающаяся не науки, не общества, а внутреннего развития каждого из нас, качества и значения каждого индивидуального человека.

Кроме упреков, которым, как я только что показал, подвергается наша цивилизация, ее обвиняют в том, что она пагубно действует на нашу нравственную природу. Говорят, что, постоянно резонируя, стремясь все обсудить, измерить, привести к точной и определенной оценке, она иссушает, сжимает человеческую душу, делает ее холодной; что люди, претендуя на то, чтобы не обманываться ни в чем, оставаться чуждыми всякой иллюзии, всякой умственной слабости, знать всему истинную цену, дойдут, наконец, до того, что наскучат всем прочим и будут любить только себя. Говорят также, что мягкость современной жизни, легкость и приятность общественных отношений, спокойствие, которое, вообще говоря, царствует в обществе, ослабляет характеры, отнимает у них энергию; что, причась любить только себя, люди привыкнут стремиться ко всему для себя, не будут уметь себе в чем-либо отказывать, переносить трудности и чем-то пожертвовать. Одним словом, полагают, что эгоизм, изнеженность, сухость и слабость являются естественными, вероятными результатами современного состояния цивилиза-

ции, что в самоотвержении и энергии, составляющих не только две великие добродетели, но и две великие силы человека, в качествах, блиставших в эпохи, которые мы называем варварскими, терпят недостаток и будут терпеть его все больше и больше эпохи, которые мы называем цивилизованными, и в частности — наша собственная эпоха.

Мне кажется, милостивые государи, что легко было бы ответить на этот двойной упрек и доказать: во-первых, что вообще современное состояние цивилизации, если его рассмотреть поглубже и в его целом, несколько не должно, судя по нравственным вероятностям, иметь главным результатом эгоизм и изнеженность; во-вторых, что в действительности в новое время и у цивилизованных народов не чувствовалось недостатка ни в самоотвержении, ни в энергии. Но разрешение этого вопроса завело бы меня слишком далеко, а надо кончить. Правда, современное состояние цивилизации создает для самоотвержения и нравственной энергии, как и для патриотизма, о котором я говорил в начале, как для всех вообще качеств и чувств человека, новую трудность. Эти великие свойства нашей природы часто проявлялись довольно случайно, необдуманно образом, не особенно заботясь о поводах и, если мне позволят так выразиться, без разбору. Отныне им придется иметь для себя разумные основания; каждое проявление их должно будет указать на законность своих мотивов и полезность результатов. Без сомнения, это новая тяжесть, которую придется поднять человеческой природе, чтобы развиться в своем величии; но она поднимет ее, милостивые государи, никогда человеческая природа не отступала перед тем, чего требовали от нее обстоятельства; чем больше от нее требуют, тем больше она дает; ее богатство возрастает вместе с расходами. Энергия и самоотвержение будут истекать из других источников, проявляться в других формах. Без сомнения, мы не обладаем идеями, внутренними убеждениями, которые должны внушать их: верования, соответствующие нашим нравам, еще слабы, неясны, подвержены колебаниям, а принципы самоотвержения и энергии, действовавшие прежде, теперь бессильны, потому что потеряли наше доверие. Мы должны искать и найти такие принципы, которые владели бы нами со всей силою, убедили и тронули бы нас в одно и то же время. Они внушают самоотвержение и энергию, они сообщают умам бескорыстную деятельность и беспритязательную твердость, составляющие нравственное здоровье. Тот же прогресс, который принуждает нас к этому, даст нам возможность удовлетворить его требованиям.

Вы видите, милостивые государи, занятия, для которых мы здесь собираемся, имеют целью далеко не одно приобретение знаний: интеллектуальное развитие не должно в настоящее время оставаться изолированным фактом, мы должны извлечь из него для нашей страны новые средства цивилизации, для нас самих нравственное возрождение. Конечно, наука прекрасна и сама

ЛЕКЦИЯ I

по себе достойна трудов человека, но она в тысячу раз прекраснее, когда становится действующей силой и порождает добродетель. Итак, милостивые государи, мы должны открывать истину, осуществлять ее вне нас, во внешних фактах, для пользы общества; обращать ее внутри нас в верования, способные внушить нам самоотвержение и нравственную энергию, составляющие силу и достоинство человека на земле. Такова наша тройная задача, таковы должны быть результаты нашего тяжелого и медленного труда вместе с успехом, который будет расширяться, а не приходить к концу. Но ни в чем, может быть, не дано человеку прийти к цели: слава его в том, что он движется по направлению к ней.

ЛЕКЦИЯ II

Необходимо прочесть какую-нибудь общую историю Франции, прежде чем изучать историю цивилизации. — О сочинении Сисмонди. — Почему следует изучать политическое состояние прежде духовного, общество прежде человека. — О социальном положении Галлии в V веке. Памятники и новейшие сочинения, относящиеся к нему. — Отличие гражданского общества от религиозного в ту эпоху. — Императорская администрация в Галлии. — Правители провинций. Их канцелярия.

Их жалованье. — Хорошие и дурные стороны этой администрации. — Падение Римской империи. — Общество в Галлии. — Сенаторы. Куриалы. Народ. Рабы. Общественные отношения между этими классами. — Падение и бессилие гражданского общества в Галлии.

Его причины. — Народ сосредотачивается в обществе религиозном.

Прежде чем приступить к истории французской цивилизации, позвольте мне посоветовать тем из вас, которые желают серьезно заняться ее изучением, прочесть подробную историю Франции, чтобы она могла некоторым образом служить рамкой для идей и фактов, которыми мы ее наполним. Я не стану рассказывать вам события, в собственном смысле слова, а между тем вам необходимо знать их. Из всех историй Франции, которые я мог бы указать вам, бесспорно, лучшая — г. Сисмонди*. Она еще не окончена: двенадцать уже изданных томов доходят только до конца царствования Карла VI; но наши работы в нынешнем году, наверно, не пойдут дальше этого предела. Я не берусь обсуждать здесь достоинства и недостатки сочинения г. Сисмонди, однако считаю необходимым сказать вам несколько слов относительно того, что вы, по преимуществу, у него найдете, чего я вам советую в особенности у него искать. Если рассматривать «Историю французов» Сисмонди с точки зрения критического изложения учреждений, политического развития, правительства Франции, то она окажется недостаточной и, как я думаю, оставляет кое-что желать. В появившихся уже томах две самые важные для политической судьбы Франции эпохи, царствования Карла Великого и Людовика Святого*, принадлежат, кажется, к слабейшим местам сочинения. С точки зрения развития умов и идей чувствуется также недостаток в глубине изысканий и в точности результатов. Но, как рассказ событий, как описание превратностей социального быта, отношений различных классов друг к другу, постепенного образования французской нации, сочинение это представляет большие достоинства, и вы почерпнете из него обильные сведения. Желательно было бы, может быть, несколько более беспристрастия и свободы от увлечений воображения; влияние событий и мнений нашего времени, быть может, слишком заметно в нем: тем не менее это обширный и прекрасный труд, стоящий неизмеримо выше тех, которые ему предшествовали, и чтение его будет для вас отличной подготовкой к нашим занятиям.

Я предполагаю, милостивые государи, указывать вам, по мере того как мы будем приниматься за изучение какой-нибудь эпохи или кризиса во французской истории, памятники, оставшиеся от них, и занимающиеся ими новейшие сочинения. Таким образом, вы будете в состоянии сами, с помощью собственного изучения, испытать верность результатов, которые я постараюсь вам представить.

Вы помните, что я обещал рассматривать цивилизацию в ее целом, как развитие общественное и как развитие духовное, в истории отношений людей между собой и в истории идей. Каждую эпоху я буду изучать с этих двух точек зрения, а начинать буду всегда с изучения состояния общества. Это, сказать правду, не значит начинать сначала: помимо многих других причин, состояние общества вытекает из духовного состояния народов. Верования, чувства, идеи, нравы предшествуют нашему положению, социальным отношениям, политическим учреждениям; общество, хотя оно оказывает сильное и необходимое воз-

действие на людей, все-таки является их делом. Поэтому, чтобы сообразоваться с истинной последовательностью, с последовательностью внутренней и духовной, необходимо было бы изучать людей прежде общества. Но настоящий исторический порядок, порядок, в котором факты следуют друг за другом и порождают друг друга, существенно отличается от порядка научного, порядка, в котором их должно изучать. В действительности факты развиваются, так сказать, изнутри: внутренние причины производят лежащие на поверхности последствия. Напротив, изучение, наука идут и должны идти от поверхности внутрь. Прежде всего их поражает поверхность; они сначала берутся только за нее; потом, рассматривая ее, двигаются, проникают вперед и наконец добираются до внутренних причин.

Здесь, милостивые государи, мы встречаемся с великим вопросом о двух методах — анализе и синтезе, с вопросом, который столько раз и так хорошо обсуждался, но все-таки остается неисчерпанным. Один — метод первоначальный, метод творчества, другой — метод позднейший, научный. Если бы наука захотела воспользоваться методом творчества, если бы она заявила притязания схватывать факты в порядке их появления, она подверглась бы великой опасности, чтоб не сказать более, не стать с самого начала у полного и чистого источника вещей, не обнять основу их в ее целом, обратить внимание на одну только из причин, из которых вещи вытекают. Попав таким образом на узкую и ложную дорогу, она запутывалась бы все более и более, и вместо того чтобы дойти до истинного творчества, вместо того чтобы отыскать факты такими, как они происходят в действительности, она породила бы, несмотря на всю потраченную умственную силу, ничего не значащие химеры, ничтожные в сущности, хотя бы и величественные на вид.

С другой стороны, если бы наука, действуя от поверхности внутрь сообразно свойственному ей методу, позабыла, что это не первоначальный и плодотворный метод, что сами по себе факты существуют и развиваются не в том порядке, в каком она их наблюдает, она могла бы, наконец, позабыть, что факты ей предшествуют, впасть в заблуждение относительно самой сущности вещей, ослепить себя самое, счесть себя за действительность и сделаться комбинацией призраков и терминов, столь же пустой и обманчивой, как гипотезы и выводы противоположного метода.

Необходимо, милостивые государи, никогда не терять из виду этого различия и его последствий, потому что мы еще не один раз встретимся с ним.

Когда я прошлым летом старался различить в колыбели европейской цивилизации ее первоначальные и существенные элементы, то нашел, с одной стороны, римский мир, с другой — варваров. Поэтому чтобы начать в какой бы то ни было части Европы изучение новейшей цивилизации, надо будет прежде всего изучить состояние римского общества в момент падения Римской империи, то есть в кон-

це IV и в начале V века. Это в особенности необходимо, когда дело касается Франции. Действительно, вся Галлия была подчинена империи, и цивилизация ее, в особенности на юге, была вполне романской. В истории Англии и Германии Рим занимает меньше места; их цивилизация по своему происхождению была не романской, а германской, и только впоследствии они действительно подверглись влиянию римских законов, нравов, преданий. Иное дело — наша цивилизация, романская с первых шагов своих. Ей, кроме того, свойственно то отличие, которое она черпала из источников цивилизации европейской. Галлия находилась на рубеже между римскими и германскими мирами. Юг Галлии был по самой сущности своей романским, север — германским; на севере преобладали нравы, учреждения, влияния германские, на юге — римские. Уже здесь мы снова встречаемся с тем отличительным свойством французской цивилизации, которое я старался разъяснить в последний раз: то, что она является самым полным и верным изображением цивилизации общеевропейской. Цивилизация Англии и Германии — по преимуществу германская, цивилизация Испании и Италии — по преимуществу романская, цивилизация Франции почти одинаково вытекает из обеих основ*, передает с самого начала совокупность и разнообразие элементов современного общества.

Итак, первой задачей нашей будет изучение положения общества в Галлии в конце IV и в начале V века. Вот главные памятники того времени и важнейшие новые сочинения, которыми я вам советую воспользоваться.

Из памятников самый важный, конечно, Кодекс Феодосия*. Монтестье не говорит прямо, но как будто думает¹, что этот кодекс представляет в V веке все римское право, совокупность римского законодательства. Это несправедливо. Кодекс Феодосия есть собрание законоположений императоров, начиная с Константина до Феодосия Младшего*, изданное последним в 438 году. Кроме этих законоположений в римское право входили древние сенатус-консульты*, древние плебисциты*, Законы двенадцати таблиц*, эдикты преторов, наконец, — мнения юрисконсультов. Незадолго до издания кодекса законоположением Валентина III от 426 года мнения пяти великих юрисконсультов — Папиниана, Ульпиана, Павла, Гая и Модестина — получили силу закона. Тем не менее можно сказать, что с практической точки зрения Кодекс Феодосия был главным сводом законов в империи; кроме того, это памятник, который проливает наиболее света на этот период².

Второй памятник — *Notitia Imperii romani*³, настоящий императорский альманах V века, заключающий в себе таблицы всех чиновников империи,

¹ Дух законов, кн. XXVIII, гл. 4.

² 6 томов in fol., с комментариями Годфруа. Издание Риттера. Лейпциг, 1738.

³ Реестр Римской империи (лат.)

всего управления всех отношений между правительством и подданными⁴. Есть очень ученые комментарии на этот документ юрисконсульта Панчироли. Ни один памятник не заключает в себе такого множества своеобразных и любопытных фактов, относящихся к внутреннему состоянию этого общества.

Наконец, приведу третий подлинный источник — большие сборники деяний соборов. Таких собраний два: деяния соборов, происходивших в Галлии, изданные О. Сирмоном⁵, и деяния всех соборов, изданные О. Лаббе⁶.

Что касается новейших трудов, то вот прежде всего французские сочинения, к которым вы, мне кажется, можете обратиться с наибольшей пользой.

1) **Теория политических законов французской монархии**, сочинение довольно малоизвестное, изданное в начале революции⁷ и написанное женщиной, м-ль де Лезардьер. Это не более как собрание подлинных текстов, законодательных и исторических, относящихся к быту, нравам, учреждениям галльским и франкским от III до IX столетия, но тексты эти собраны, приведены в порядок и переведены с редким знанием и точностью.

2) Позволю себе указать вам на мои **Опыты по французской истории**⁸, где я в особенности старался описать с различных сторон состояние общества непосредственно до и после падения Римской империи.

Что касается церковной истории, то сочинение Флэри, мне кажется, лучшее по этому предмету.

Те из вас, которые знают немецкий язык, хорошо сделают, если прочтут:

1) **Историю римского права в средние века Савиньи**⁹, сочинение, имеющее целью показать, что римское право никогда не погибало в Европе и может быть найдено от V до XIII века во множестве учреждений, законов, обычаев. В нем не всегда понятно, как следует, и не всегда верно передано нравственное состояние общества, но знание и критика событий образцовы.

2) **Всеобщая история христианской церкви** г. Генке¹⁰, сочинение, многое оставляющее желать относительно понимания и нравственной оценки событий, но ученое, рассудительное и написанное с довольно редким в подобных предметах беспристрастием.

⁴ Из изданий лучшее то, которое находится в VII томе Римских древностей Гревюса.

⁵ 3 тома in fol. Париж, 1600.

⁶ 18 томов in fol. Париж, 1872.

⁷ В 1792 году. 8 томов in 8-о. Париж.

⁸ Один том in 8-о. Париж.

⁹ 4 тома in 8-о. Сочинение еще не окончено. (Гизо говорил это в 1829 году. В 1831 году Савиньи окончил свое сочинение в шести томах. Примеч. пер.)

¹⁰ 6 томов in 8-о; 4-е изд. Брауншвейг, 1800.

3) **Руководство к церковной истории** г. Гизелера¹¹, последний и самый полный по этому предмету из ученых обзоров, которые так распространены в Германии и служат руководством для желающих изучить поглубже какой-нибудь вопрос.

Вы уже, вероятно, заметили, милостивые государи, что я указываю вам сочинения двоякого рода — одни, относящиеся к гражданской, другие — к церковной истории. Дело в том, что в то время в римском мире было два очень различных общества — гражданское и религиозное. Они отличались друг от друга не только потому, что у них были разные цели, не только потому, что ими управляли разные принципы и учреждения, не только потому, что одно было общество ветхое, другое — молодое: между ними было более важное и глубокое различие. Гражданское общество казалось христианским подобно религиозному: громадное большинство государей и населения приняло христианство; но, в сущности, гражданское общество оставалось языческим; язычество дало ему учреждения, законы, нравы. Это было общество, созданное язычеством, и оно не принадлежало христианству. Христианское гражданское общество создано только впоследствии, после вторжения варваров, и принадлежит новой истории. В V веке вопреки обманчивой внешности общество гражданское и общество религиозное находились в столкновении, в противоречии, в борьбе, потому что они по природе и по происхождению существенно различались.

Прошу вас, милостивые государи, никогда не упускать из виду этого различия: оно одно может сделать понятным состояние римского мира в эту эпоху.

Что же это было за гражданское общество — по имени христианское, по сущности языческое?

Прежде всего обратим внимание на то, что составляет его внешность и с самого начала бросается в глаза — его правительство, учреждения, администрация.

Западная империя была разделена в V веке на две префектуры — Галлию и Италию. Префектура Галлии состояла из трех диоцезов — Галлии, Испании и Британии. Во главе префектуры стоял префект претория, во главе каждого диоцеза — вице-префект.

Гальский префект претория имел свою резиденцию в Трире. Галлия разделялась на 17 провинций, управляемых каждая особым губернатором, находившимся под начальством префекта. Из этих провинций шесть управлялись консулами¹²; остальные одиннадцать — президентами¹³.

¹¹ 3 тома in 8-о. Бонн, 1827.

¹² Вьенская, 1-я Лионская, 1-я и 2-я Германские, 1-я и 2-я Бельгийские.

¹³ Морские Альпы; Пеннинские Альпы, Большая Секванская, 1-я и 2-я Аквитанские, Новемнопулания, 1-я и 2-я Нарбонские, 2-я и 3-я Лионские, Сеннонская.

Между этими двумя разрядами губернаторов не было никакого различия относительно способа управления: они отличались друг от друга только по чину, по титулу, а в сущности пользовались одной и той же властью.

В Галлии, как и в других областях, на губернаторах лежали обязанности двоякого рода.

1) Они были агентами императора, обязанными на всем пространстве империи наблюдать за интересами центрального правительства, сбором податей, государственным землями, императорскими почтами, пополнением и администрацией войск — одним словом, за всеми отношениями между императором и подданными.

2) Им была предоставлена судебная власть для разбирательства споров между подданными. Все уголовные и гражданские юрисдикции принадлежали им, за двумя исключениями. Некоторые города в Галлии имели так называемое италийское право, *jus italicum*. В итальянских муниципиях право судебного разбирательства между их гражданами, по крайней мере в гражданских делах и в первой инстанции, принадлежало известным муниципальным чиновникам, носившим названия *duumviri*¹⁴, *quatuorviri*¹⁵, *quinquennales*¹⁶, *aediles*¹⁷, *praetores*¹⁸ и т.д. Часто полагали, что то же самое было вне Италии и во всех провинциях, но это ошибка: только в некоторых городах, приравненных к итальянским муниципиям, муниципальные чиновники имели юрисдикцию, зависевшую от губернатора как от второй инстанции.

Кроме того, почти в каждом городе начиная с середины IV века было особенного рода должностное лицо, называвшееся *defensor*, которое выбирала не одна курия или муниципальная корпорация, а весь народ, и обязанностью которого было защищать, в случае необходимости против самого губернатора, интересы населения. Дефенсор в гражданских делах составлял первую инстанцию, он судил, кроме того, некоторые дела, которые мы бы теперь отнесли к трибуналу исправительной полиции.

За этими двумя исключениями, губернаторы одни разбирали все процессы, и апеллировать от них можно было только к императору.

Суд их производился следующим образом. В первые века империи, согласно древним обычаям, тот, кому принадлежала юрисдикция, претор, губернатор или муниципальный чиновник, ограничивался, когда до него доходило дело, тем, что определял законоположения, правовой принцип, согласно которому оно должно

¹⁴ Дуумвиры, члены комиссии двух (лат.).

¹⁵ Члены комиссии четырех (лат.).

¹⁶ Квинквенналы, должностные лица, избиравшиеся на пятилетие (лат.).

¹⁷ Эдилы (лат.).

¹⁸ Преторы (лат.).

было разбираться. Он разрешал то, что мы называем правовой стороной дела, и затем назначал простого гражданина, получавшего название *iudex*, настоящего присяжного, который должен был рассмотреть и разрешить фактическую сторону. Принцип, установленный должностным лицом, применяли к факту, признанному *iudex*'ом, и процесс считался решенным.

Мало-помалу, по мере того, как устанавливался деспотизм императоров и исчезали прежние вольности, вмешательство *iudex*'а делалось менее постоянным. Чиновники стали разрешать, не прибегая к нему, некоторые дела, получившие название *extraordinariae cognitiones*¹⁹. Диоклетиан формально уничтожил это учреждение в провинциях; оно стало исключением, и Юстиниан удостоверяет, что в его царствование оно совершенно вышло из употребления. Таким образом, вся юрисдикция принадлежала губернаторам, которые, с одной стороны, были агентами и представителями императора по всем вопросам, с другой — имели в своей власти жизнь и собственность граждан, причем на них можно было апеллировать только к императору.

Желаете вы, милостивые государи, каким-нибудь иным путем составить себе понятие об обширности их власти и способах ее исполнения? Я составил по *Notitia Imperii romani* таблицу канцелярии провинциального губернатора — таблицу, совершенно схожую с теми, которые можно теперь составить по Королевскому Альманеху* (адрес-календарю) для личного состава министерства или префектуры. Я представляю ее вам. Она познакомит вас с канцеляриями префекта претория, но подчиненные ему префекты — консуляры, корректоры или президенты — пользовались под его наблюдением той же властью и канцелярии их в менее крупных размерах представляли то же самое.

Главными чиновниками префекта претория были:

1. **Princeps** или **primiscrinus officii**. Он вызывал к трибуналу префекта тех, чье дело там производилось; редактировал и диктовал судебные решения; по его приказанию задерживали подозреваемых в совершении преступления. Главной обязанностью его был сбор податей. Он пользовался многими привилегиями.

2. **Cornicularius**. Он обнародовал приказы, эдикты и судебные решения префекта. Происхождение этой должности очень древнее: уже при народных трибунах были *cornicularius*'ы (Valerius Max., I, VI, c. 11). Назывался он так потому, что его отличительным знаком был рог, который он употреблял либо при обнародовании распоряжений префекта, либо для того, чтобы восстановить молчание в зале суда. Под его командой находился граесо, герольд. Он сохранял должность только год и имел свою собственную большую канцелярию. Это был некто вроде главного секретаря.

¹⁹ Экстраординарные расследования (лат.).

3. **Adjutor**. Помощник или заместитель, который, кажется, состоял при различных должностях; он задерживал виновных, наблюдал за производством пытки и т.д. У него также была особая канцелярия.

4. **Commentariensis**. Смотритель тюрем, пользовавшийся большим значением, нежели наши тюремщики, но справлявший те же обязанности. Он наблюдал за порядком в тюрьмах, отводил заключенных в суд, доставлял пищу тем из них, которые были бедны, заведовал производством пыток и прочее.

5. **Actuarii vel ab actis**. Они писали гражданам договоры и все акты, имевшие юридическое значение, завещания, дарственные записи и т.п. От них произошли впоследствии нотариусы. Так как актуарии, состоявшие при префекте претория или президенте, не могли быть везде, то дуумвиры и другие муниципальные чиновники получили право принимать и составлять подобные акты.

6. **Numerarii**. На них лежало счетоводство. При губернаторах их было по два, носивших название *tabularii*; у префекта претория четверо: 1) *numerarius bonorum*: он вел счета по имениям, принадлежавшим казне и доход с которых шел к *comes rerum privatarum*; 2) *numerarius tributorum*: на нем лежали счета государственных доходов, поступавших в *aerarium* и к *comes sacrarum largitiarum*; 3) *numerarius auri*: он принимал золото, приходившее из провинций, разменивал серебряные монеты на золото и вел счета доходов от золотых приисков; 4) *numerarius operum publicorum* заведовал счетами по всем общественным работам, по сооружению портов, стен, водопроводов, терм — работам, на которые предназначалась треть доходов с городов и особенный поземельный налог, взимаемый в случае надобности. Под начальством этих *numerarii* находилось много чиновников.

7. **Sub adjuva**. Товарищ *adjutor*'а.

8. **Curator epistolarum** — секретарь для ведения переписки. У него было много подчиненных, называвшихся *epistolares*.

9. **Referendarius** — докладчик, передававший префекту просьбы граждан и редактировавший его ответы.

10. **Exceptores**. Они писали все бумаги, относившиеся к суду префекта, и читали их перед его трибуналом. Во главе их стоял *primicerius*. Их можно сравнить с младшими секретарями и экспедиторами.

11. **Singularii vel singulares, ducenarii, centenarii** и т.д. Начальники известного рода полиции, состоявшей в распоряжении губернаторов провинций. *Singulares* сопровождали их, как военная стража, приводили в исполнение их приказания в провинции, задерживали преступников и отправляли их в тюрьму. Они собирали подати вместе с *ducenarii* (начальник 200 человек — *cohortales*), *centenarii*, *sexagenarii* и т.д.

12. **Primipilus**. Начальник *cohortales*, раздававший солдатам съестные припасы от имени префекта; он наблюдал за доброкачеством съестных припасов.

Ясно, что тут указаны только самые важные чиновники, под начальством которых было множество других. В канцелярии префекта Африки насчитывалось 398 человек, в канцелярии графа (comes) Востока — 600. Независимо от числа, по характеру их обязанностей вы видите, что круг деятельности провинциальных губернаторов обнимал все, что все общество имело до них дело.

Позвольте мне остановить ваше внимание на жалованье, какое они получали, так как оно дает возможность для довольно любопытных выводов насчет положения общества в эту эпоху.

При Александре Севере*, судя по сообщению его биографа Лампридия, губернаторы провинций получали по 20 фунтов серебра и по 100 золотых монет, по шесть кувшинов (phialas) вина, по два мула и по две лошади, по два парадных костюма (vestes forenses), один костюм обыкновенный (vestes domesticas), ванну, повара, погонщика мулов, наконец, — извините за эту подробность, но она так характерна, что невозможно ее опустить — наложницу, если они были не женаты, quod sine his esse non possent²⁰, как говорит текст. Когда они покидали свою должность, то всегда должны были возвращать мулов, лошадей, погонщика и повара; прочее оставалось за ними, если император был ими доволен; в противном же случае они были принуждены возвращать вчетверо более полученного. При Константине вознаграждение натурой все еще существовало: губернаторы двух больших провинций Азианы и Понта получают масло для четырех ламп. Только при Феодосии II, именно в половине V века, перестали платить губернаторам натурой. А чиновники их канцелярий до Юстиниана получали в Восточной империи часть своего содержания припасами. Я настаиваю на этом обстоятельстве, потому что оно дает понятие о незначительности торговых сношений и несовершенстве коммуникаций в империи.

Факты ясны, милостивые государи, характер этого правительства очевиден — чиновники лишены всякой независимости. Они подчинены друг другу, а под конец губернатору, который вполне распоряжается ими и определяет их участь. Подданные могут жаловаться на должностное лицо только к его начальнику. Нигде не найдете вы властей, стоящих рядом, равных, предназначенных к тому, чтобы друг друга контролировать. Все идет снизу вверх или сверху вниз по неизменной и строгой иерархии. Это просто-напросто административный деспотизм.

Не думайте, однако, что эта правительственная система, этот административный механизм были учреждены только в интересах абсолютной власти и единственной целью имели служить ей. Чтобы оценить их справедливо, надо иметь правильное понятие о состоянии провинций, в частности Галлии, во время смены республики империей. Две власти господствовали в них — власть римского про-

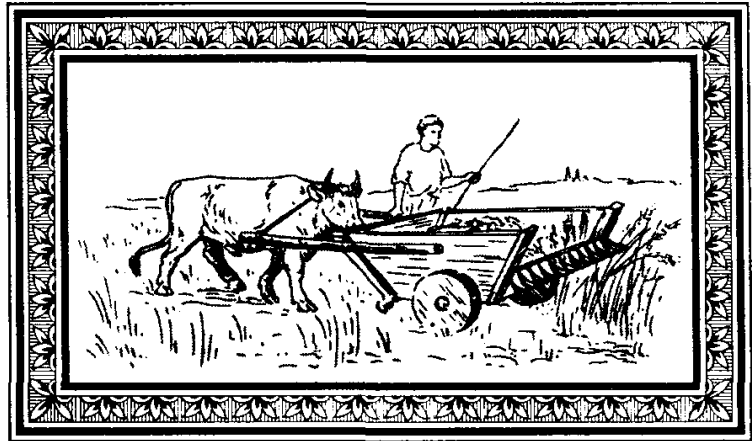
²⁰ Поскольку без них не могут обходиться (лат.).

консула, присланного для того, чтобы временно управлять той или иной провинцией, и власть прежних народных вождей — правительства, которое было в стране прежде, чем она попала под римское иго. Если принять все в расчет, то окажется, я полагаю, что эти две власти были несправедливее и тягостнее, нежели императорская администрация, которая за ними последовала. Я не думаю, что для провинции могло быть что-нибудь ужаснее правления римского проконсула, жадного тирана, появлявшегося на известное время составить себе состояние, удовлетворить всем своим эгоистическим потребностям, всем прихотям неограниченной власти. Без сомнения, не все эти проконсулы были Верресами* и Пизонами*, но преступления известной эпохи дают нам возможность оценить ее; и если понадобился Веррес, чтобы вызвать негодование Рима, то чего же не мог сделать проконсул, прежде чем дойти до этого предела? Что касается древних вождей народа, я несколько не сомневаюсь в том, что правление их было самое неправильное, тягостное, варварское. Цивилизация Галлии, когда край был завоеван римлянами, стояла гораздо ниже цивилизации римской: преобладающими властями были в ней, с одной стороны, власть духовенства, друидов*, с другой — власть вождей, похожих на теперешних вождей кланов. Действительно, древняя социальная организация галльских деревень была довольно похожа на организацию Ирландии и Верхней Шотландии; население сосредотачивалось вокруг нескольких могущественных людей, около крупных собственников: Верцингеториг*, например, был, по всей вероятности, вождем подобного рода, покорителем громадного количества крестьян, мелких собственников, привязанных к его владениям, к его роду, к его интересам. Прекрасные и достойные уважения чувства, милостивые государи, могут развиваться при этой системе; она может внушить людям, находящимся под ее властью, могучие привычки, сильные привязанности, но вообще она мало способствует успехам цивилизации. При ней не может установиться ничего правильного и общего, грубые страсти развиваются свободно, частным усобицам не видится конца; нравственный застой полный, все вопросы разрешаются согласно с личным и местным интересом; все в этой системе задерживает увеличение благосостояния, расширение идей, сильное и быстрое развитие человека и общества. Как ни было горько и законно патриотическое озлобление и сожаление, когда императорская администрация достигла господства в Галлии, тем не менее она была просвещеннее, беспристрастнее и внимательнее к общим и действительно государственным потребностям, нежели прежние национальные правительства. Она не была замешана в соперничество семей, городов, племен или скована религиозными, аристократическими предрассудками, дикостью и неподвижностью нравов. С другой стороны, губернаторы, долгие сохранявшие свои должности, подчиненные до известной степени контролю императорской власти, были менее жадны, менее употребляли в дело насилие, меньше давили, нежели сенатские проконсулы. Поэтому в I, II и даже в III веке

заметен настоящий прогресс в благосостоянии и цивилизации Галлии. Города богатеют, разрастаются, число свободных людей увеличивается. У древних галлов было обыкновением, то есть необходимостью для свободного человека стать под покровительство знатного, под знамя патрона; только таким способом он приобретал себе известное обеспечение. Этот обычай хотя не исчезает совер-

Галльская жатка

шенно, однако теряет свою прежнюю силу в первые века императорской администрации; свободные люди приобретают более независимое положение — доказательство, что их существование лучше ограждено общими законами и государственной властью. Между различными классами устанавливается больше равенства, все они могут достигнуть богатства и значения. Нравы приобретают больше мягкости, идеи — больше широты, все указывает на то, что общество развивается, что цивилизация идет вперед. Но благодетельные последствия деспотизма непродолжительны, и он отравляет источники, которые сам открыл в начале. Заслуги за ним водятся, так сказать, только в виде исключения, добродетели его только случайные; а как только прошел короткий час его полезной деятельности, все свойственные ему пороки обнаруживаются и давят общество со всех сторон.

По мере того как империя, или, лучше сказать, императорская власть, стала ослабевать, по мере того как она стала подвергаться большим внутренним и внешним опасностям, ее нужды росли и делались настоятельнее; ей надо было больше денег, больше людей, больше всякого рода средств для борьбы; она стала более требовать от населения и меньше заботиться о нем. Она посылала больше войска на границы, чтобы бороться с варварами; зато его оставалось меньше внутри, чтобы поддерживать порядок. В Риме и Константинополе больше тратили денег, чтобы покупать союзников или удовлетворять опасных царедворцев; зато меньше употребляли их на администрацию провинций. Таким образом, деспотизм сделался в одно и то же время требовательнее и слабее, был принужден много брать и не способен защищать то немногое, что оставлял. Это двойное зло вполне обнаружилось в конце IV века. В эту эпоху остановился не только всякий социальный прогресс, но и заметно движение назад; территория со всех сторон подвергается вторжениям, варвары совершают набеги на внутренние области и грабят их; население убывает, особенно в деревнях; в городах общественные ра-

боты останавливаются, улучшения прекращаются; свободные люди целыми массами ищут покровительства какого-нибудь сильного человека. Таковы постоянные жалобы галльских писателей в IV и V веках, например, Сальвиана*, в его сочинении «De gubernatione Dei»²¹, представляющем, может быть, самую яркую и любопытную картину состояния общества в эту эпоху. Одним словом, всюду появляются признаки разложения правительства, плачевного состояния страны. Зло достигло таких размеров, что Римская империя почувствовала свою неспособность жить долее: она начала с того, что стала отзывать свои войска*, сказала провинциям — Британии, Галлии: «Я не могу более защищать вас, защищайтесь сами». Потом она пошла далее: перестала управлять ими, и администрация ее удалилась, подобно войскам. Таков факт, совершившийся в середине V века. Римская империя отступает повсюду и предоставляет завоеванные с таким трудом провинции варварам или самим себе.

Каково, милостивые государи, было в Галлии это общество, предоставленное самому себе и принужденное само удовлетворять своим потребностям? Какое было его устройство? Какие средства, какие силы найдет оно, чтобы поддержать себя?

В это время в Галлии было четыре класса людей, четыре различных общественных положения: 1) сенаторы, 2) куриалы, 3) народ в собственном смысле, называемый *plebs*, 4) рабы.

Отдельное существование сенаторских фамилий засвидетельствовано всеми памятниками того времени. На каждом шагу встречаешься с этим названием, в законодательных актах и у историков. Обозначало ли оно семейства, члены которых принадлежали в то время или прежде римскому сенату или просто муниципальным сенатам галльских городов? Это вопрос, так как сенат каждого города, муниципальная корпорация, известная под именем курии, *curia*, часто называлась также *senatus*.

Мне кажется, нет никакого сомнения в том, что дело касалось семейств, принадлежавших к римскому сенату и получивших на этом основании название сенаторских; императоры, имевшие возможность составлять сенат по произволу, набирали членов его во всех частях империи, призывая в него знатные фамилии различных городов. Лица, занимавшие важные должности, например, должность губернаторов провинций, получили свое право вступать в сенат. Скоро стали оказывать ту же милость тем, кто получал от императора титул, соответственный этим должностям. Под конец довольно было простого титула *clarissimus*²², который давали тогда, как теперь делают титулы барона или графа, чтобы быть причисленным к сенаторам.

²¹ «Об управлении Божиим» (лат.).

²² Сиятельный, сиятельство (лат.).

Это достоинство давало настоящие привилегии, возвышавшие сенаторов над остальными гражданами: во-первых, сам титул; во-вторых, право быть судимым не иначе как особым трибуналом: когда сенатор подвергался уголовному преследованию, то к судье должны были присоединиться пять заседателей, избранных по жребию; в-третьих, освобождение от пытки; в-четвертых, освобождение от муниципальных обязанностей и должностей, ставших в то время очень тяжким бременем.

Таково было положение сенаторских фамилий. Было бы, пожалуй, преувеличением сказать, что они составляли существенно отдельный класс граждан: сенаторов брали из всех классов, даже из вольноотпущенников; император мог отнять данные им привилегии. Тем не менее так как эти привилегии были действительные и притом наследственные, по крайней мере для детей, родившихся по возведении их отца в сан сенатора, тут было подлинно отличие в общественном положении, зачаток или, по крайней мере, внешний вид политической аристократии.

Второй класс составляли куриалы или декурионы, то есть средние собственники, члены не римского сената, а курии или муниципальной корпорации своего города. Я старался в моих «Опытах по французской истории» дать перечень законов и фактов относительно куриалов и составить на основании этого верную картину их положения. Позвольте мне напомнить здесь этот обзор.

Класс куриалов заключал в себе жителей городов — все равно, родились ли они в них (*municipes*) или пришли поселиться (*incolae*) со стороны, — которые владели поземельной собственностью, превышавшей двадцать пять десятин (*jugera*), и которые ни по какому праву не относились к привилегированным, освобожденным от куриальных должностей.

К этому классу человек принадлежал по происхождению или по назначению.

Сын куриала был куриалом и нес все отвечавшие этому званию обязанности.

Всякий житель, купец или кто другой, приобретающий более двадцати пяти десятин, *jugera*, земельной собственности, должен был поступать в курию и не имел права отказаться.

Ни один куриал не мог по личному благоусмотрению оставить это звание. Им было запрещено жить в деревне, вступать в армию, занимать места, которые могли бы освободить их от муниципальных должностей, прежде чем они пребывают во всех, начиная с должности простого члена курии до первых мест города. Тогда только они могли делаться военными, государственными чиновниками, сенаторами. Дети, которых они прижили до того времени, оставались куриалами.

Они не могли вступать в ряды духовенства иначе, как предоставив пользование своим имуществом кому-нибудь, кто согласился бы сделаться куриалом взамен их, или же самой курии.

Так как куриалы употребляли все усилия, чтобы выйти из своего положения, то множество законов предписывают отыскивать тех из них, кто бежал или кому удалось тайком вступить в армию, в духовное сословие, в государственную службу, в сенат, и повелевают их изгнать оттуда и возвратить курии.

Вот каковы были повинности и обязанности куриалов, волею или неволею запертых в курии.

1) Заведовать делами муниципия, его доходами и расходами, участвуя ли в обсуждениях курии или занимая муниципальные должности. И в том, и в другом положении куриалы отвечали не только за правильное исполнение своих собственных обязанностей, но и за удовлетворение потребностей города, которое они должны были брать на себя, если недоставало доходов.

2) Сбирать государственные налоги, причем они также отвечали собственным имуществом в случае недостаточности сборов. Земли, с которых платился поземельный налог, покинутые владельцами, доставались курии, которая должна была вносить налог до тех пор, пока не находила кого-нибудь, кто согласился бы взять их. Если такого рода лица нельзя было найти, то налог, лежавший на брошенной земле, распределялся между прочими именьями.

3) Ни один куриал не мог продать без позволения губернатора провинции имение, которое делало его куриалом.

4) Наследники куриалов, если они не принадлежали к курии, вдовы и дочери куриалов, выходявшие за некуриала, должны были предоставлять курии четверть своих земель.

5) Куриалы, не имевшие детей, могли по завещанию распоряжаться только четвертью своих имений. Остальные три четверти по праву доставались курии.

6) Они не могли уехать из муниципия, даже на короткое время, без разрешения губернатора.

7) Когда они оставляли курию и найти их было невозможно, их имущество конфисковывалось в пользу курии.

8) Налог, известный под названием «*augur согонатиум*» и состоявший из суммы, вносимой государю по поводу известных торжественных событий, лежал на одних куриалах.

Отягощенные этими обязанностями куриалы пользовались в вознаграждение:

1) освобождением от пытки, кроме самых важных случаев;

2) освобождением от известных тяжких и позорных наказаний, которым подвергался простой народ.

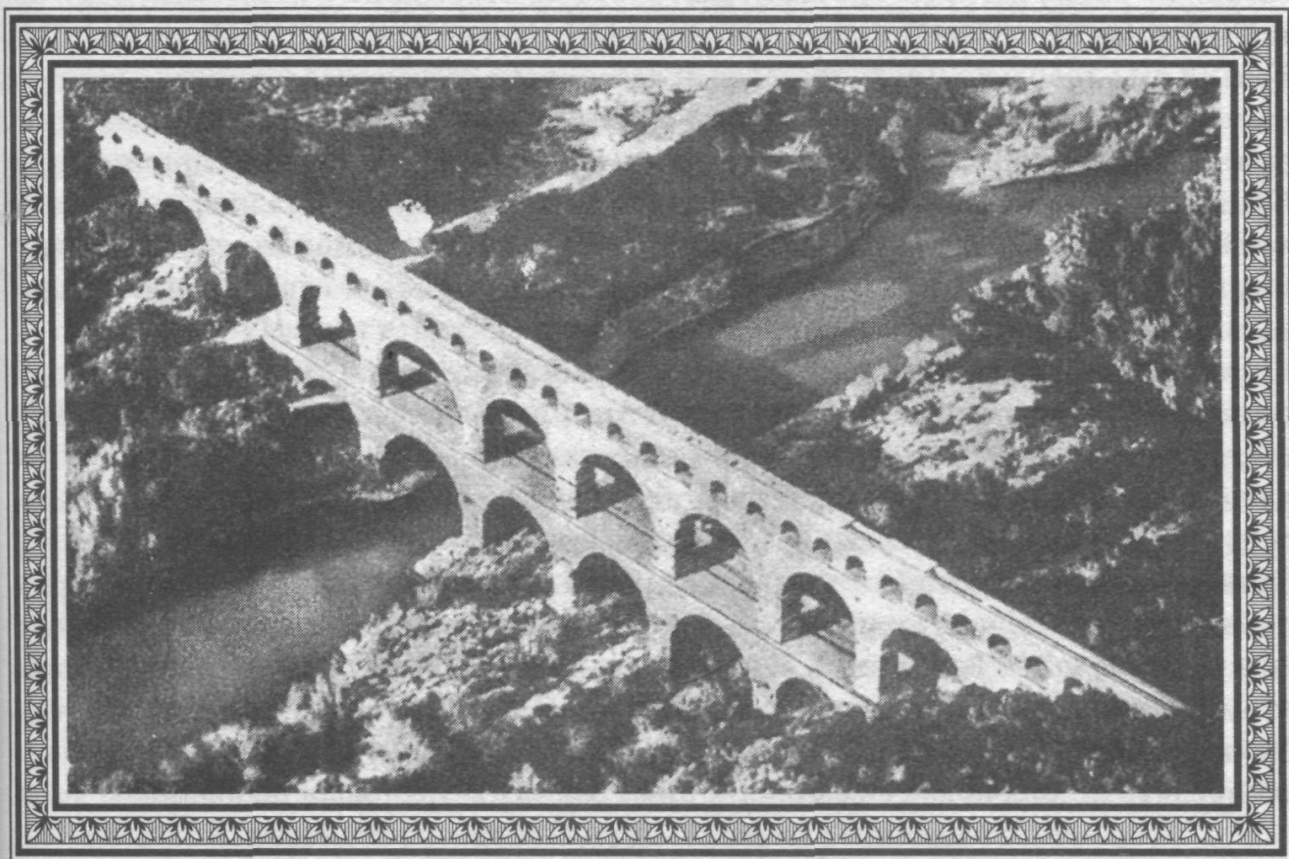
3) Прошедшие через весь ряд муниципальных должностей и избегнувшие различных опасностей разориться, которыми этот путь был усеян, освобождались

впредь от муниципальной службы, пользовались известными почестями и довольно часто получали титул графов (*comes*).

4) Декурионы, впадшие в нищету, получали средства на пропитание от муниципия.

Мне нет необходимости говорить о том, как трудно и тяжело было подобное положение и до какого плачевного состояния оно довело средний класс в городах — буржуазию. Все указывает, что этот класс день ото дня становился малочисленнее. Нет источников, по которым можно было бы определить приблизительное число куриалов. Между тем каждый год составляли так называемый табель членов курии, *album curiae*, но табели эти утрачены. Савиньи, по надписям у Фабретти, приводит одну из них, *album Канузиума, Канозы*, маленького итальянского городка; она относится к 223 году и показывает число куриалов этого города — 148. Судя по обширности и сравнительной важности своей, большие города Галлии Арль, Нарбонна, Тулуза, Лион, Ним должны были иметь их гораздо более, и нет сомнения, что сначала так оно и было, но число куриалов постепенно уменьшалось, и в ту пору, о которой мы говорим, редко можно было насчитать их более сотни даже в крупнейших городах.

Акведук в Ниме, так называемый «Гардский мост»

Третий класс галльского общества составлял народ в собственном смысле — plebs. С одной стороны, в него входили мелкие собственники, не настолько богатые, чтобы вступить в курию, с другой — купцы и свободные ремесленники. Мне нечего сказать о мелких собственниках, их, вероятно, было очень мало; но по поводу свободных ремесленников я должен дать кое-какие объяснения.

Вы все знаете, милостивые государи, что при республике и в первое время при империи ремесла были домашней промышленностью, которой занимались для своих хозяев невольники. Всякий рабовладелец изготовлял у себя все, что только ему было нужно; у него были невольники — кузнецы, слесари, столяры, сапожники и т.п. И кроме того, что они на него работали, он продавал продукты их работы свободным людям, клиентам или другим, у которых не было невольников.

Вследствие одного из тех медленных и скрытых переворотов, являющихся оконченными в известную эпоху, но за ходом которых не уследить, до источника которых не дойти, промышленность перестала быть домашней, и вместо ремесленников-рабов появились свободные ремесленники, работавшие не на хозяина, а для публики и для себя. Это было громадной переменной в быту общества, особенно в будущих его судьбах. Как и когда произошла она в недрах римского общества, я не знаю, и никто еще, кажется, этого не открыл, но в изучаемый нами теперь период, в начале V века, этот шаг был совершен: во всех больших городах Галлии был довольно многочисленный класс свободных ремесленников; они даже составили из себя корпорации, цехи* с представителями из их же членов. Большая часть корпораций, возникновение которых обыкновенно приписывают Средним векам, восходят, в особенности на юге Галлии и в Италии, до римского мира. Начиная с V века след их заметен, прямо или косвенно, во все эпохи; и уже в ту пору, о которой мы говорим, они составляли во многих городах одну из главных и самых важных частей народа.

Четвертый класс, наконец, составляли рабы; они были двух родов. Мы привыкли соединять со словом «раб» понятие простое, разуметь под этим словом всегда одно и то же состояние; в действительности же было совсем не так. В период, которым мы занимаемся, следует строго различать рабов домашних и деревенских. Что касается первых, то их положение было действительно почти всюду одинаковое, но те, которые обрабатывали землю, обозначаются множеством различных имен: *coloni*, *inquilini*, *rustici*, *agricolae*, *aratores*, *tributarii*, *originarii*, *adscripticii*²³, и почти все эти имена указывают на разность в положении. Иногда это домашние рабы, присланные в деревню для полевой работы, вместо того чтобы работать в городских домах. Другие — настоящие крепостные, которых можно продать не иначе как с землею; в иных местах встречаешь половников, кото-

²³ Обитатели, жители, селяне, крестьяне, пахари, данники, местные, приписные (лат.).

рые обрабатывают землю из половины плодов ее, в других — настоящих арендаторов, уплачивающих за свою аренду деньги; некоторые, кажется, свободные работники, слуги на жалованье. Наконец, иногда эти различные условия как будто сливаются под общим названием «coloni», сельчане, иногда они обозначаются разными именами.

Таким образом, милостивые государи, если судить по терминам и по внешним признакам, политическая знать, высшая буржуазия или муниципальная знать, народ в собственном смысле, рабы, жившие при домах или по деревням, и все разновидности их положения — таковы были составные части галльского общества; таковы были классы, существовавшие в Галлии после того, как ее покинула Римская империя. Но какое действительное значение имели эти внешние признаки? Что могли на деле произвести эти силы? Какое живое и могучее общество слагалось из взаимодействия тех классов, которые мы только что различили?

Обыкновенно всякий привилегированный класс зовут аристократией. Я не думаю, чтобы это название подходило к сенаторским фамилиям, о которых я вам говорил. Это была не аристократия, а иерархия должностных лиц. Ни привилегий, ни богатства, ни даже обладания властью не достаточно, чтобы составить аристократию. Позвольте на минуту остановить ваше внимание на действительном смысле этого термина; я не буду заходить в своем поиске слишком далеко, а прослежу историю слова в том языке, из которого его взяли.

У древнейших греческих писателей слова «ἀρεῖων», «ἀριστος» указывают обыкновенно на самого сильного, на превосходство личной, физической, материальной силы. Так они употребляются у Гомера, у Гесиода, даже в нескольких хорах Софокла; они, может быть, произошли от слова, обозначавшего бога Марса, бога силы, «Ἄρης».

По мере того как мы следим за поступательным движением греческой цивилизации, как мы приближаемся к поре, когда развитие общества породило другие причины преобладания, помимо физической силы, слово «ἀριστος» означает могущественнейшего, самого значительного, самого богатого; это название получают все главные граждане, каковы бы ни были источники их силы и значения.

Пойдем далее; возьмем философов — людей, привыкших возвышать, очищать идеи. Слово «ἀριστος» они часто понимают в гораздо более моральном смысле; оно означает лучшего, доблестнейшего, самого ловкого, превосходство духовное. Аристократическое правительство в их глазах — правительство лучших, то есть правительство идеальное.

Итак, физическая сила, общественное преобладание, духовное превосходство — таковы, так сказать, если верить видоизменениям в смысле слов, ступени аристократии, различные состояния, которые она проходит.

И действительно, милостивые государи, чтобы иметь реальное значение, чтобы заслуживать свое название, аристократия должна обладать, и обладать сама по

себе, каким-нибудь из этих качеств; для нее необходимо иметь или собственно ей принадлежащую силу, которой бы она ни у кого не заимствовала, которой никто бы не мог у нее отнять, или силу признанную, допущенную, провозглашенную всеми, на кого она действует. Ей необходима или независимость, или популярность. Она должна обладать властью по собственному праву, как феодальная аристократия, или получить ее из свободных национальных выборов, как это бывает при представительном правлении. Ничего подобного не встретишь в сенаторской аристократии Галлии: нет у нее ни независимости, ни популярности. Власть, богатство, привилегии — все у нее заимствовано и несамостоятельно. Конечно, сенаторские фамилии имели значение в обществе и в умах народа, потому что они были богаты и занимали прежде государственные должности, но они не были способны ни на какое значительное усилие, не в состоянии были увлечь народ за собой, для того, чтобы управлять страной, или для того, чтобы защищаться.

Взглянем на второй из этих классов, на класс куриалов, и рассмотрим, в чем заключалась его действительная сила. Если судить поверхностно, то он имеет большее значение: тут очевидно присутствие начал свободы. Вот они в том виде, как я старался выяснить их в моем «Опыте относительно римского муниципального строя» в V веке.

1) Всякий житель, владеющий собственностью, которая обеспечивает ему независимость и известное образование, считается куриалом и поэтому призван к участию в управлении городом.

Итак, право это связано с предполагаемыми способностями, без всякой привилегии по рождению, без ограничения числа, и это не только право участвовать в выборах, а право непосредственного участия в делах, насколько оно может существовать в пределах города, и по поводу интересов, которые могут быть понятны и обсуждены почти всеми, кто только в состоянии возвыситься над своим частным существованием. Курия не есть ограниченный по числу и составленный посредством выборов муниципальный совет, это — собрание всех жителей, обладающих условиями, необходимыми для того, чтобы быть куриалом.

2) Собрание не может управлять само; необходимы должностные лица. Они все избираются курией на весьма короткие сроки, и их собственное имущество отвечает за их управление.

3) Наконец, в важных случаях, когда дело идет об участи города или о назначении должностного лица, с неопределенной и более произвольной властью, недостаточно одной курии — все граждане призваны к участию в этих важных делах.

Кто не подумал бы при виде таких прав, что перед ними маленькая республика, где слиты воедино жизнь муниципальная и жизнь политическая, где господствует самый демократический порядок? Кому могла бы прийти в голову мысль, что организованный таким образом город есть часть громадной империи и стоит

в тесной и необходимой связи с центральной верховной властью? В ком не возникло бы ожидание, что он найдет тут все порывы свободы, все волнения, все интриги, часто все беспорядки, все насилия, какими всегда отличались маленькие общества, с управлением, сосредотачивающимся в их странах? Ничего подобного нет в действительности, и все эти начала лишены жизни. Другие принципы убивают их. Вот они:

1) Последствия центрального деспотизма и его потребности таковы, что достоинство куриала является не правом, признанным за всеми, кто может им пользоваться, а тяжелой ношей, возложенной на всех, кто в состоянии ее нести. Правительство, с одной стороны, сняло с себя заботу об удовлетворении общественных потребностей, которые не касаются его прямых интересов, и обременило ею этот класс граждан; с другой — оно пользуется ими для сбора предназначенных в его пользу податей и возлагает на них ответственность за полноту его. Оно разоряет куриалов, чтобы иметь возможность платить своим чиновникам и солдатам; оно предоставляет своим чиновникам и солдатам преимущества привилегированного класса, чтобы они помогали ему против куриалов, стремящихся уйти от этого разорения. Куриалы не имеют никакого значения как члены государства и существуют только для того, чтобы подвергаться эксплуатации и разорению, как члены города.

2) Выборные чиновники курий, в сущности, простые агенты деспотизма, не получающие только от него платы; они обирают в его пользу своих сограждан до тех пор, пока им не удастся так или иначе уклониться от этой тяжелой обязанности.

3) Даже выбор их не имеет силы, так как наместник императора в провинции может уничтожить его, и для них чрезвычайно важно добиться от него этой милости. Тут они опять-таки в его власти.

4) Наконец, власть их не имеет реального значения, потому что у нее недостает санкции (верховного авторитета). Им не предоставлено ни в каком отношении полной юрисдикции, и все, что они делают, может быть отменено. Мало того, так как деспотизм ежедневно имеет случай убедиться в их дурном расположении или бессилии, то он все далее и далее проникает в область, предоставленную им, посредством своих прямых делегатов. Дела курии исчезают вместе с ее силами, под конец наступит день, когда местное самоуправление будет уничтожено в империи с одного раза, потому что, по выражению законодателя, «все эти законы как бы блуждают понапрасну и без цели на почве законодательства»²⁴.

Итак, милостивые государи, вы видите, что жизни, силы у куриалов не было точно так же, как и у сенаторских фамилий; они не более последних были способны защищать общество и управлять им. Что до массы народа, то мне нет необхо-

²⁴ Nov. 46, изданная императором византийским Львом Философом в конце IX века.

димости останавливаться на ее положении; ясно, что она не в состоянии была спасти и возродить римский мир. Однако не следует считать ее такой слабой и ничтожной, как обыкновенно полагают. Она была довольно многочисленна, особенно на юге Галлии, вследствие неразвитости промышленной деятельности в три первые века или вследствие сокрытия в города известной части населения, спасавшейся от опустошений варваров. Притом по мере того как увеличивался беспорядок, должно было увеличиваться влияние народа. В обыкновенное время, когда администрация со своими чиновниками и со своими войсками была налицо, когда курия не была разорена и бессильна, народ оставался в своем обычном бездействии и зависимости. Но когда пали все властители общества, когда разложение стало всеобщим, народ сделался известного рода силой; по крайней мере он приобрел хотя бы местное значение и деятельность.

О рабах мне нечего говорить: они ничего не значили в своих собственных делах — что же могли они значить для общества? Притом на колонов (сельчан) особенно обрушилась вся тяжесть вторжений варваров; колонов варвары грабили, прогоняли, уводили с собой вперемешку со скотом. Однако я должен дать вам заметить, что при императорах положение рабов улучшилось. Доказательство этому дает нам законодательство.

Попробуем, милостивые государи, соединить в одно все эти разрозненные черты общества Галлии в конце V века и представить его себе с некоторой истиной.

Правительство его было монархическое, даже деспотическое, а все учреждения, все власти, зависевшие от монархии, падали, сами бросали свои посты. Ее внутренняя организация казалась аристократической, но то была аристократия, лишенная силы и твердого сплочения частиц, неспособная играть роль в общественной жизни. Демократический элемент, муниципалитеты, свободная буржуазия еще существовали в ней, но демократия эта такая же расслабленная, такая же бессильная, как аристократия и монархия. Все общество разлагается и умирает.

Здесь обнаруживается коренной недостаток римского общества, да и всякого общества, в котором рабство существует в широких размерах, где несколько господ царят над стадами народов. Во всех странах во все времена, какова бы ни была форма правления, по истечении более или менее продолжительного времени, вследствие пользования властью, богатством, интеллектуальным развитием, всеми социальными преимуществами верхние классы теряют свои силы, истощаются; необходимо, чтобы их постоянно возбуждало соревнование, обновляло вступление в их ряды лиц из тех классов, которые живут и трудятся под ними. Посмотрите, что произошло в новейшей Европе. В ней явилось необычайное многообразие социальных различий, бесчисленное множество степеней в богатстве, свободе, познаниях, влиянии, цивилизации. И на всех ступенях этой длинной лестницы поступательное движение постоянно толкало вперед каждый класс и различные классы друг посредством друга все к большему развитию; и ни один

из них не остался чуждым этому движению. Отсюда проистекает плодотворность, так сказать, бессмертие новейшей цивилизации, постоянно пополняющейся и обновляемой.

Ничего подобного не было в римском обществе. Люди в нем были разделены на два больших класса, между которыми лежало громадное пространство; не было ни разнообразия, ни поступательного движения, ни истинной демократии; то было, так сказать, общество офицеров, не знавшее, откуда пополнять свои ряды, и в действительности не пополнявшее их. Правда, от I до III века, как я только что сказал, совершилось движение вперед в низших классах. Но движение это было слишком медленное, совершилось в слишком тесных границах, так что народ не мог подоспеть вовремя и, обновив верхние слои, спасти их от собственного падения. Рядом с ними образовывалось новое общество, более свежее, энергичное, плодотворное — общество церковное.

К нему-то и примкнул народ. С сенаторами, да, пожалуй, и с куриалами, его не связывали никакие узы, и он скучился вокруг священников и епископов. Масса населения, чуждая языческому гражданскому обществу, властители которого не уступили ей надлежащего места, с горячим рвением вступила в общество христианское, вожди которого приняли ее с распростертыми объятиями. Сенаторская и куриальная аристократия была не более чем призраком. Истинной аристократией сделалось духовенство; римского народа не было — явился народ христианский. О нем-то мы и будем говорить в следующий раз.

ЛЕКЦИЯ III

Разнообразие принципов и форм религиозного общества в Европе. —
Классификация различных систем: 1) по отношению церкви к государству, 2) по внутреннему устройству церкви. — Каждая из этих систем имеет притязания на прямое происхождение от первоначальной церкви. Разбор этих притязаний. — Все они заключают в себе известную долю правды. — Колебания и сложность внешнего положения и внутреннего порядка христианского общества от I до V века. — Преобладающие тенденции. Факты, имевшие главное значение в V веке. — Причины существования свободы в тогдашней церкви. — О выборе епископов. — О соборах. — Сравнение гражданского и религиозного обществ. — О жизни вождей этих двух обществ. — Письма Сидония Аполлинария.

Мы должны заняться сегодня состоянием религиозного общества в V веке. Мне нет необходимости напоминать вам, какую великую роль оно играло в истории новой цивилизации: это факт очевидный и всеми признанный. Не в первый раз проявился этот факт: в истории всемирной можно найти не один разительный пример могущества религиозного общества, его идей, учреждений, его дела. Но следует обратить внимание на одно основное различие. В Азии, Африке, в Древнем мире — везде, раньше нашей Европы, религиозное общество является в одной общей форме: в нем преобладает единая система, господствует один принцип. Иногда оно занимает положение подчиненное, и светская власть берет на себя духовные обязанности, управляет культом, даже верованиями; иногда оно занимает первое место, и духовная власть господствует в светской области. В обоих случаях положение и организация религиозного общества просты, ясны, постоянны. В новой Европе, напротив, оно было поприщем столкновения самых разнообразных систем; мы встречаемся здесь со всеми принципами; оно представляет, так сказать, примеры, образчики всех форм, под которыми оно появлялось в других местах.

Попробуем для большей ясности разобрать и классифицировать различные принципы, различные системы, нашедшие себе поборников или прилагавшиеся в религиозном обществе Европы, разные виды церковного устройства, которым оно подчинялось.

Тут представятся два важных вопроса: с одной стороны, внешнее, так сказать, положение религиозного общества, его образ действий относительно гражданского общества, отношение церкви к государству; с другой стороны — внутренняя организация, управление самого религиозного общества.

Все видоизменения, которые претерпело это общество, стоят в связи с одним из этих вопросов.

Я займусь сначала его внешним положением, его отношением к государству.

Четыре системы, различные по самой сущности своей, были выставлены по этому поводу.

1) Государство подчинено церкви: в нравственном отношении, даже хронологически, церковь предшествовала государству; церковь есть общество первоначальное, верховное, вечное; гражданское общество — только последствие, приложение ее правил; духовной власти принадлежит верховенство; светская власть должна быть простым орудием первой.

2) Не государство в церкви, а церковь в государстве: государство определяет территорию, ведет войны, собирает подати, управляет всей внешней участью граждан. Его дело дать религиозному обществу ту форму, которая всего лучше будет согласовываться с потребностями общества, в широком смысле. Как скоро верования перестают быть индивидуальными, как скоро они порождают ассоциации, последние подпадают под контроль светской власти, единственной власти настоящей.

3) Церковь должна быть внутри государства независимой и незаметной; государству нет до нее никакого дела; светская власть нисколько не должна заботиться о религиозных верованиях: пусть они сближаются, разнятся, живут как угодно, управляются как хотят; у него нет ни права, ни повода вмешиваться в их дела.

4) Государство и церковь — общества действительно раздельные, но смежные, сцепляющиеся: пусть они живут порознь, но не в отчуждении, пусть соединятся на известных условиях, пусть существуют каждое для себя, но делая друг другу уступки, взаимно оказывая поддержку.

Что касается внутренней организации религиозного общества, то здесь разнообразие принципов и форм еще больше.

Прежде всего обнаруживается различие двух главных систем. В одной власть сосредотачивается в руках духовенства; одни духовные составляют организованную корпорацию, церковное общество управляет обществом религиозным. В другой религиозное общество само управляет собой или, по крайней мере, принимает участие в своем управлении; организация общества охватывает всех верующих наравне с духовными.

Если управление в руках только церковного общества, то оно может быть устроено самым различным образом: 1) в форме чистой монархии: всемирная история представляет тому не один пример; 2) в форме аристократической: такой порядок бывает, когда епископы, каждый отдельно или соединенные в собрания, управляют церковью по собственному праву и независимо от низшего духовенства; 3) в форме демократической, когда управление церковное принадлежит всему духовенству, собраниям священников, равных между собой.

Если религиозное общество само управляет собою, то разнообразие не менее велико: 1) верующие светские люди могут заседать вместе с духовными в собраниях, которым поручено управление церковью; 2) может не быть общего правительства для всей церкви, а каждая частная, местная община может составлять самостоятельную церковь с собственным самоуправлением, члены которой выбирают духовного главу согласно своим верованиям и целям; 3) может не быть совсем духовного правительства, отдельного и постоянного, не быть духовенства, священников; поучение, проповедь, все духовные обязанности могут исполняться самими верующими смотря по обстоятельствам, по вдохновению, в непрерывной изменчивости.

Легко соединить между собой эти различные формы, смешать в различных соотношениях их составные части, породить, таким образом, множество разновидностей, но это будет только повторением уже известного.

И мало того, милостивые государи, что все эти принципы исповедовались, все эти системы выставлялись как единственно правильные и законные, — все они были прилагаемы на практике, все существовали в действительности. Кому

неизвестно, что в XII и XIII веках духовная власть требовала* как своего права то прямого пользования светской властью, то непосредственного господства над ней? Кто не видит, что в Англии, где парламент распорядился верой точно так же, как и престолом*, церковь подчинена государству? Что такое папство, эрастианизм¹, епископальная церковь*, пресвитерианство*, индепенденты*, квакеры*, как не приложения указанных мною доктрин? Все доктрины обратились в факты, существуют примеры всех систем и их разнообразных комбинаций. И различные системы были не только осуществлены — они все заявляли притязания на историческую законность наравне с законностью рациональной; все они относили свое происхождение к первому времени существования христианской церкви; все ссылались на факты из этого времени как на свою основу и оправдание.

Милостивые государи, никто тут не был совершенно неправ: в первые века церкви есть факты, на которые каждая из систем может опереться. Я не хочу сказать этим, что все они одинаково истинны в рациональном отношении, все стоят одинаково прочно на историческом основании или что все они представляют ряд исторических состояний, которые поочередно проходила церковь. Но в каждой из этих систем есть известная доля нравственной истины и исторической реальности. Все они играли известную роль, занимая известное место в истории нового религиозного общества, все, хотя и в неравной степени, содействовали его образованию.

Я буду последовательно искать их в первые пять веков церкви, и мы без труда различим их.

Скажем наперед о нынешнем положении церкви, о ее отношении к гражданскому обществу.

Что касается системы церкви независимой, незаметной в государстве, церкви, которая существует и управляется без вмешательства светской власти, то таково, очевидно, было первоначальное положение церкви христианской.

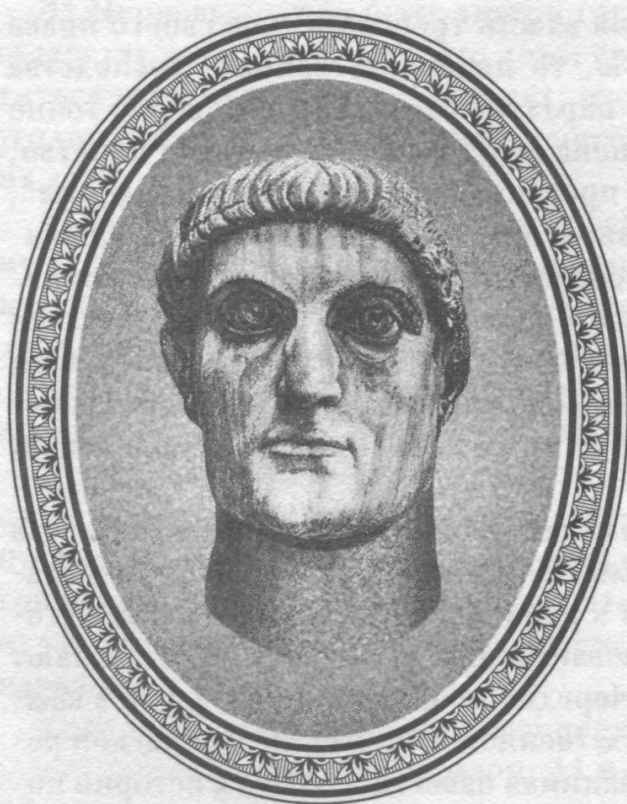
До тех пор пока она сосредотачивалась на небольшом пространстве или разделялась на одиночные, незначительные общины, римское правительство не хотело знать ее и дозволяло ей жить и управляться по произволу.

Это состояние прекратилось; Римская империя приняла к сведению существование христианского общества: я говорю не о том времени, когда римский мир сделался христианским, когда христианство вступило вместе с Константином на престол*. Несправедливо было бы сказать, что оно попало тогда под власть государства, что система подчинения ее светской власти получила преобладание.

---

¹ Система, при которой церковь управляется государством. Она названа по имени Эраста, немецкого богослова и врача XVI века, который первым ее блистательно защищал.

*Император
Константин I Великий*

Вообще, императоры не имели притязания определять верования; они приняли учения церкви. Большая часть вопросов, вызвавших впоследствии соперничество двух властей, не были еще тогда подняты. Тем не менее встречается множество фактов, которые могли произвести, и действительно произвели, систему подчинения церкви государству. В конце III и в начале IV века, например, епископы говорили с императорами крайне смиренным и униженным тоном; они постоянно превозносили императорское величество. Захоти император стеснить независимость их верований, они стали бы защищаться, и часто защищались с энергией, но им очень нужно было его покровительство; это покровительство было для них делом новым, их только что признали и приняли, и поэтому они относились к светской власти с величайшим уважением. Притом сами они

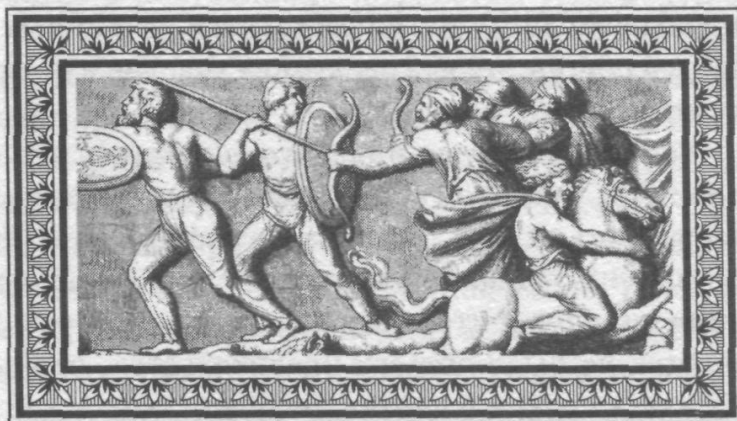
не могли ничего сделать: религиозное общество, или, лучше сказать, его правительство, не имело в то время никаких средств исполнять свои решения; чувствовался недостаток в учреждениях, в правилах, в обычаях, и оно постоянно принуждено было обращаться за содействием к гражданскому правительству, единственному существовавшему давно, единственному, которое организовалось. Эта постоянная потребность признания его актов посторонней силою давала религиозному обществу вид подчинения и зависимости, более кажущейся, нежели действительной; в сущности, независимость и даже могущество его были очень велики. Но почти во всех делах, во всех интересах церкви принимал участие император; у него просили согласия и содействия. Соборы обыкновенно созывались по его повелению, и он не только созывал их, но и председательство на них принадлежало ему или его наместникам; он решал, какие вопросы будут ими обсуждаться. Так, Константин лично присутствовал на соборе в Арле в 314 году, в Никее в 325 году и руководил, по крайней мере, по-видимому, прениями. Я говорю «по-видимому», потому что присутствие императора на соборе было завоеванием церкви и свидетельством более победы ее, нежели подчинения. Но все-таки по форме это было почтительное подчинение; церковь пользовалась силой импе-

рии, прикрывалась ее величию, и эрастанизм помимо отвлеченных мотивов, на которые он опирается, нашел в истории этой поры факты, которые могли служить ему оправданием.

Что касается противоположной системы, общего и полного верховенства церкви, то ясно, что она не может встретиться в колыбели христианского общества; она принадлежит эпохе ее наибольшей силы, могущественнейшего ее развития. Однако в зачатках своих она обнаруживается уже в V веке, и обнаруживается очень ясно. Первенство интересов духовных перед интересами светскими, судьбы верующего перед судьбой гражданина есть уже принцип, который явно признается гражданским обществом и громко провозглашается обществом религиозным. Отсюда речи вождей духовного общества, прежде столь смиренные, становятся самоуверенными, гордыми, часто даже заносчивыми, между тем как вожди общества гражданского, даже сами императоры, выражаются хоть и с прежним великолепием, но, в сущности, скромно и смиренно. Притом в это время правительство светское было в сильном упадке, империя погибала, власть императорская с каждым днем становилась все более смешной и ничтожной. Напротив, духовная власть усиливалась, росла, проникала все глубже в общество гражданское; церковь становилась богаче, ее юрисдикция расширялась, она очевидно шла к господству. Падение Западной Римской империи и основание монархий варваров содействовали увеличению ее притязаний и могущества. Церковь при императорах была когда-то незначительна, слаба, была в детском возрасте, если мне позволено будет так выразиться, и она усвоила себе по отношению к ним известного рода сдержанность, привыкла уважать их власть, имя. Продолжай империя существовать, церковь, может быть, никогда не отделилась бы вполне от этой привычки своей юности. На такое предположение дает нам право то обстоятельство, что так случилось в Восточной империи. Восточная империя прожила двенадцать веков в постоянном упадке; власть императоров не была страшна в ней; между тем церковь не присвоила себе тут верховенства, даже не заявила на него притязаний. Греческая церковь осталась почти в тех же отношениях к восточным императорам, в каких римская была к римским. На Западе империя пала; короли, одетые в меха*, последовали за государями, одетыми в пурпур. Церковь не оказывала этим при-

*Бой германцев с лучниками
из римских вспомогательных войск*

шельцам такого внимания и уважения. Кроме того, она принуждена была чрезвычайно налечь на пружину духовной власти; экзальтация народного чувства в этом отношении давала ей средство к действию и защите. Отсюда это быстрое усиление ее притязаний на верховенство, которые в V веке только что начинали обнаруживаться. Что касается системы союза между двумя отдельными и независимыми друг от друга обществами, то ее нетрудно заметить в эпоху, которая нас занимает, потому что она действительно преобладала; не было ничего определенного и точного в условиях союза, равенству двух властей не суждено было продлиться; но каждая из них существовала в своей сфере, и они договаривались всякий раз, когда им приходилось встретиться.

Итак, в промежуток времени от I до V века мы находим то в полном их развитии, то в зародыше все системы, согласно которым могут быть организованы отношения церкви к государству; все они связаны по своему происхождению с фактами, близкими к колыбели религиозного общества. Перейдем к внутренней организации этого общества, к управлению самой церкви; мы достигнем тех же результатов.

Вы помните, что два противоположных принципа могут преобладать в этой организации: в иных случаях все общество верующих управляется само собой, в других общество духовных лиц есть единственное организованное и ему одному принадлежит власть.

Ясно, что последняя форма не могла осуществиться в обществе только что возникающем: никакая нравственная ассоциация не начинает прямо с бездеятельности массы вступивших в ассоциацию, с отделения правительства от народа. Отсюда достоверно то, что в эпоху происхождения христианства верующие принимали участие в управлении обществом. Система пресвитерианская, то есть управление церкви ее духовными вождями в совокупности со значительнейшими из верующих — таков был первоначальный порядок. Много можно задать вопросов относительно имен, обязанностей, взаимных отношений этих вождей зародившихся общин, но их совокупное участие в церковных делах, кажется, не подлежит сомнению.

Точно так же нет никакого сомнения, что отдельные общества, конгрегации христиан каждого города были тогда гораздо независимее друг от друга, нежели впоследствии; нет никакого сомнения, что они управлялись, не скажу вполне, но во многих отношениях, каждая сама собою, отдельно друг от друга. Отсюда система индипендентов (независимых), которые требуют, чтобы у религиозного общества не было общего правительства, чтобы каждая местная конгрегация составляла полное и верховное общество.

Наконец, нет сомнения, что в этих зарождающихся христианских общинах, отдаленных друг от друга, часто лишенных возможности слышать проповедь и получать религиозное поучение, в случае отсутствия духовного вождя, поставленно-

го первоначальными основателями веры, часто бывало, что, повинаясь внутреннему порыву, какой-нибудь человек, сильный духом и одаренный способностью воздействовать на людей, поднимался с места, начинал говорить и произносил проповедь маленькой ассоциации, к которой он принадлежал. Отсюда система квакеров, система, требующая проповеди из непосредственного побуждения, проповеди индивидуальной, без всякого сословия священников, без организованного законом и постоянного духовенства.

Вот уже некоторые из принципов, некоторые из форм религиозного общества, встречающиеся в самой колыбели христианского общества. В ней заключалось еще много других, и нами указаны, может быть, не самые могущественные.

Прежде всего, неоспоримо, что первые основатели, или, лучше сказать, первые, послужившие орудием основания христианства — апостолы, смотрели на себя как на получивших особенное назначение свыше, что они, в свою очередь, передавали своим ученикам через возложение рук или каким-нибудь иным способом право поучать и проповедовать. Рукоположение есть факт первобытный в христианской церкви. Отсюда сословие священническое, отдельное от мирян, и духовенство постоянное, с особенными правами и обязанностями.

Другой первобытный факт. Частные конгрегации были действительно довольно одиночны, но они стремились соединиться, жить в одной вере, под одной общей дисциплиной, это — необходимое условие его распространения и укрепления. Сближение, ассимиляция разнородных элементов, движение к единству — таков ход творения. Притом первые распространители христианства, апостолы или ученики их, сохраняли над теми даже общинами, от которых они уходили, известную власть, действительный надзор, хоть и издали. Они заботились о том, чтобы устанавливать и поддерживать между различными церквями связь не только нравственного братства, но и единой организации. Отсюда постоянное стремление к общему церковному правительству, к общему и постоянному устройству. Наконец, не подлежит, мне кажется, сомнению, что по мыслям первых христиан, по их простому и сердечному убеждению, апостолы стоят выше своих учеников, непосредственные ученики апостолов — выше своих преемников; превосходство чисто нравственное, не уставное, не имевшее значения учреждения, но действительное и признанное. Отсюда первый религиозный зародыш епископальной системы. Она приходит, кроме того, из другого источника. Города, куда проникало христианство, были очень неравны по народонаселению, по богатству, по значению, и между ними было неравенство не только в материальном отношении, а также и в духовном, в нравственном смысле. Вследствие этого влияние распределилось неравномерно между духовными вождями конгрегаций. Вожди значительнейших, наиболее просвещенных городов, естественно, приобрели преобладание, получили настоящую власть, сначала нравственную, потом определенную законом, над соседними конгрегациями. Таков политический зародыш епископства.

Итак, милостивые государи, в то же время, когда в первоначальном состоянии религиозного общества вы замечаете соединение мирян со священниками в управлении церковью, то есть систему пресвитериан, отдельность частных церковных общин, то есть систему индепендентов, свободную, непосредственную проповедь, то есть систему квакеров, в то же самое время вы видите, как в нем возникает в противоположность системе квакеров сословие священников, самостоятельное духовенство; в противоположность системе индепендентов — общее управление церковью; в противоположность системе пресвитерианской — неравенство в среде самих священников, то есть епископство.

Каким образом развились все эти столь различные, иногда столь противоположные принципы? Какие причины ослабили одни из них и возвысили другие? А прежде всего, каким образом совершился переход от правительства, в котором участвовали верующие из мирян, к правительству одного духовенства? Каким образом общество религиозное подпало под власть общества церковного?

В этом перевороте, милостивые государи, приписывали многое честолюбию духовенства, личным интересам, человеческим страстям. Я не беру на себя смелость уменьшать в этом отношении долю духовенства: все эти причины, конечно, содействовали порождению результата, который нас занимает; однако будь только такие причины, то есть незаконные, то никогда нельзя было бы достигнуть этого результата. Я уже имел случай сказать и пользуюсь всяким случаем, чтобы повторить, что никакое великое событие не бывает следствием вполне незаконных лишь причин; наряду с ними или под ними всегда есть причины законные, достаточные основания, от которых зависит факт. Здесь мы встречаемся с новым тому примером.

Мне кажется, что вполне достоверен и признан большей частью умов тот принцип, по которому участие во власти предполагает нравственную способность пользоваться ею; там, где действительно чувствуется недостаток в этой способности, участие в обладании властью естественно уничтожается. Право продолжает существовать в человеческой природе, но оно скрыто или, лучше сказать, существует только в зародыше, в будущем, до тех пор, пока не разовьется способность; тогда оно развивается вместе с ней и обнаруживается.

Припомните, милостивые государи, то, что я имел честь сказать вам в прошлый раз относительно состояния римского гражданского общества в V веке: я пытался изобразить вам его глубокий упадок; вы видели, что аристократические классы, чрезвычайно малочисленные, лишённые влияния и доблести, погибали. Кто только среди них обладал малейшей энергией, малейшей нравственной силой, тот вступал в христианское духовенство. Оставался один простой народ, *plebs romana*², сгущившийся вокруг священников и епископов и составлявший народ христианский.

² Римский народ (лат.).

Между этим народом и его новыми вождями, между обществом верующих и обществом священнослужителей неравенство было велико: неравенство не только по богатству, но и по образованию, по умственному и нравственному развитию. И чем более, одним уже продолжением своим, распространялось, возвышалось христианство, тем более росло и обнаруживалось это неравенство. Вопросы веры, учения становились с каждым годом все сложнее и затруднительнее; правила, определяющие церковную дисциплину, ее отношения к гражданскому обществу также разрастались, запутывались; вследствие этого, чтобы участвовать в управлении ее делами, требовалось, что ни далее, то все более умственного развития, знаний, характера — одним словом, духовных условий, все более редких и высоких. И, однако, смятение в обществе и бедствие этого времени было так велико, что духовное состояние народа, вместо того чтобы улучшаться и совершенствоваться, падало с каждым днем все ниже.

В этом, за вычетом приходящегося на долю всех человеческих страстей, всех личных интересов, и заключается истинная причина того, что религиозное общество подчинилось обществу церковному, что верующие потеряли власть, перешедшую к одному духовенству.

Каким образом совершился второй переворот, начало которого мы уже заметили? Каким образом в среде самого церковного общества власть перешла от корпорации священников к епископам?

В этом случае, милостивые государи, надо установить важное различие: положение дел в V веке было не одно и то же относительно власти епископов в их епархиях и относительно общего управления церковью. В епархии епископ управлял не один; он действовал в совокупности со своим духовенством и с его согласия. В этом отношении не было никакого прочного учреждения, этот факт не был определен в точности, не был подчинен постоянным формам. Тем не менее он очевиден всякий раз, когда речь идет об администрации и епархии. Слова «*cum assensu clericorum*», то есть «с согласия духовенства», постоянно повторяются в памятниках того времени. Касается ли дело, напротив, общего управления церковной провинцией или всею церковью? Тут уже другое: епископы одни управляют на соборы, которым принадлежит это управление; а когда на них появляются простые священники, то лишь как делегаты своих епископов. Общее управление церковью в эту пору совершенно епископальное.

Впрочем, не соединяйте с этими словами смысла, какой они приобрели впоследствии; не думайте, что каждый епископ отправлялся на соборы только сам по себе, в силу собственного своего права. Он отправлялся туда как представитель своего духовенства. Мысль, что епископ, единственный начальник своих священников, говорит и действует везде в их интересах и их именем, была тогда в умах всех, в умах самих епископов, и ограничивала их власть, хотя и служила им ступенью подниматься выше и достигнуть независимости.

Другая причина, может быть еще более действительная, заставляла одних епископов принимать участие в соборах — малочисленность священников и затруднения, сопряженные с их перемещением. Если судить по важности роли, какую они играют, и, если позволите мне так выразиться, по шуму, который они производят в V веке, можно подумать, что их очень много; а между тем ничего подобного не было, как это прямо открывают некоторые положительные указания, некоторые исторические свидетельства. В начале V века, например, возникает вопрос о числе священников в Риме, и как на большое обилие указывают на то, что в Риме было 24 церкви и 76 священников. Косвенные доказательства приводят к тем же результатам: в деяниях соборов на каждом шагу встречаются каноны, запрещающие простым клирикам добиваться рукоположения не в своей епархии, священникам оставлять свои епархии и служить в другом месте или даже путешествовать без дозволения епископа³. Всеми средствами стараются прикрепить священников к месту, где они находятся; их сторожат, удерживают с величайшей заботливостью, до того их мало, до того велико искушение для епископов отнимать их друг у друга. После основания монархий варваров франкские или бургундские короли, все сильные и знаменитые вожди, постоянно стремились переманивать друг у друга дружинников — этих лейдов*, этих антрустионов*, которые составляли их свиту и силу; в законодательстве варваров есть множество постановлений, имеющих целью устранить эти попытки; в договорах короли обещают друг другу, что не будут привлекать, не будут даже принимать чужих лейдов. Церковное законодательство IV и V веков заключает в себе относительно священников подобные же постановления.

Таким образом, для священника было делом довольно большой важности при отлучке в дальний путь покинуть церковь, к которой он принадлежал; его трудно было заменить, церковное служение терпело ущерб вследствие его отъезда. Установление представительной системы в церкви и в государстве предполагает довольно значительное число людей, которые могли бы легко менять местопребывание без ущерба для себя и для общества. Не так было в V веке, и чтобы наполнить соборы простыми священниками, пришлось бы, может быть, прибегнуть к вознаграждениям и к принудительным мерам вроде тех, которые употреблялись долгое время в Англии, чтобы заставить горожан являться в парламент. Стало быть, все клонило к передаче церковного управления в руки епископов, и в V веке епископальная система достигла преобладания.

Что касается системы чистой монархии, единственной, о которой мы еще ничего не сказали, потому что факты еще не обнаружили нам ее, то она была

³ См.: Канонические правила соборов в Арле 314 года, в Турине 397 года, в Арле 450 года, в Туре 461 года.

очень далека от господства в эту пору, даже от притязаний на него; и самая опытная прозорливость, вся горячность личного честолюбия не в состоянии были бы предчувствовать ожидающую ее судьбу. Тем не менее видно было, как с каждым днем росло значение и влияние папства; нельзя беспристрастно читать памятники того времени и при этом не сознаться, что со всех концов Европы обращаются к римскому первосвященнику за его мнением, даже за решением в вопросах веры, в процессах епископов, одним словом, во всех важных случаях, где заинтересована церковь. Часто у него спрашивают просто его мнения, и когда он высказал его, то те, кому это мнение не нравится, ему не подчиняются, но всегда за него оказывается значительная партия, и с каждым новым делом преобладание его становится заметнее. В то время две причины в особенности содействовали этому преобладанию: с одной стороны, система патриархата была еще сильна в церкви: над епископами и архиепископами в любом обширном крае стоял патриарх, пользовавшийся привилегиями более номинальными, нежели действительными, но всегда признанными. На Востоке было и прежде, и в то время несколько патриархов: Иерусалимский, Антиохийский, Константинопольский, Александрийский. На Западе римский епископ был один, и это обстоятельство много содействовало исключительному возвышению папства. Притом предание, что св. Петр был епископом в Риме, и идея, что папы — его преемники, были уже сильно распространены между христианами Запада.

Итак, милостивые государи, в первые пять веков ясно заметны основания всех систем, которые потом защищались и прилагались как относительно внутренней организации, так и относительно внешнего положения религиозного общества. Они далеко не имеют одинакового значения: некоторые появлялись только мимоходом, в виде случайностей и переходных состояний; другие долго существовали в зародыше и развивались очень медленно; они разнятся по времени и имеют не одинаковую важность, но все могут найти себе опору в некоторых фактах, сослаться на какой-нибудь авторитет.

Если задаться вопросом, какие же именно принципы преобладали среди этого разнообразия принципов, какие великие результаты были достигнуты в V веке, то надо будет признать следующие факты.

1) Отделение общества церковного от общества религиозного и господство общества церковного над религиозным: последствие, вытекавшее особенно из громадного неравенства в умственном и социальном отношении между народом и духовенством христианским.

2) Преобладание аристократической системы во внутренней организации церковного общества: участие простых священников в управлении церковью становится с каждым днем все реже и слабее; власть все более и более сосредотачивается в руках епископов.

3) Наконец, что касается отношений религиозного общества к гражданскому, Церкви к Государству, то преобладает система союза, соглашения между этими раздельными, но постоянно соприкасающимися обществами.

Таковы три великих факта, характеризующие состояние церкви в начале V века. Судя по одному исчислению их, по общему их виду, нельзя не признать в них элементов, угрожающих, с одной стороны, внутри религиозного общества, свободе массы верующих; с другой — внутри общества церковного, свободе большей части самого духовенства. Почти исключительное преобладание священников над верующими и епископов над священниками предсказало в будущем захват власти и революционные смуты. Подобные опасения, приди они кому-нибудь в голову в конце V века, были бы не лишены основания, но они никому на ум не приходили; христианское общество прежде всего стремилось создать себе свои правила и свое устройство; ему преимущественно нужны были порядок, законы, правительство, а для свободы как народа в религиозном обществе, так и простых священников в обществе церковном, несмотря на опасное направление некоторых из господствовавших здесь принципов, не было недостатка ни в реальной основе, ни в гарантиях.

Первой гарантией были выборы епископов — факт, на котором я не думаю настаивать, так как он очевиден для всякого, кто бросит взгляд на памятники эпохи. Эти выборы происходили ведь не по общим правилам или согласно постоянным формам; они были чрезвычайно неправильны, не похожи друг на друга, подвержены множеству случайностей. В 374 году умер епископ Миланский, арианин* Авксентий; сошлись в соборном храме, чтобы выбрать ему преемника. Народ, духовенство, епископы провинций — все были тут и все очень оживлены; каждая из двух партий, православные* и ариане, хотела поставить епископа.

Волнение привело к беспорядкам и насилию. В это время только что приехал в Милан губернатор от императора, молодой человек по имени Амвросий. Узнав о произошедшем волнении, он является в церковь, чтобы прекратить его; его вид, его слова понравились народу. Репутация его была хорошая, и вот в церкви раздается голос, по преданию — голос ребенка; он говорит: «Надо назна-

*Святой Амвросий
Медиоланский.
С мозаики V века*

чить Амвросия епископом!» Тотчас же Амвросия выбирают епископом. Впоследствии он стал св. Амвросием.

Это пример того, как происходили епископские выборы еще в конце IV века. Конечно, не все были так беспорядочны, так внезапны, но эти черты не поражали никого, и на другой день после своего возведения в сан епископа Амвросий считался всеми совершенно правильно избранным. Желаете взглянуть на происходившее в эпоху позднейшую, в конце V века например? Раскрываю собрание писем Сидония Аполлинария*, самый любопытный и вместе с тем самый достоверный памятник нравов того времени, в особенности нравов религиозного общества. Сидоний был епископом в Клермоне; он сам собрал и просмотрел свои письма, и он действительно написал, действительно желал передать потомству то, что я вам прочту. Вот письмо, писанное им другу Домнулу:

«Сидоний своему дорогому Домнулу поклон⁴.

Так как ты желаешь знать, что сделал в Шалоне, со своими обычными благочестием и твердостью, наш отец во Христе архипастырь Пациенций, то я не могу долее медлить, чтобы не сообщить тебе великую нашу радость. Он прибыл в город, вслед за одними и предшествуя другим епископам провинции, собравшимся для того, чтобы дать главу церкви этого муниципия, волнуемой и колебавшейся в своей дисциплине по удалении и смерти епископа Павла. Собрание духовенства нашло в городе различные партии, все эти частные интриги, которые всегда возникают в ущерб общественной пользе и которые возбудил триумвират соискателей. Один из них, лишенный всякой добродетели, выставлял на вид знаменитость древнего рода; другой, новый Апиций*, опирался на рукоплескания и возгласы крикливых прихлебателей, привлеченных на его сторону кухней; третий вступил со своими сторонниками в тайную сделку, по которой, в случае достижения предмета своего честолюбия, он должен был передать им церковные имущества на грабеж. Благочестивые Пациенций⁵ и Евфроний⁶, которые, отвращаясь с презрением от всякой личной неприязни или личной склонности, первые поддерживали самое мудрое решение, быстро поняли положение дел. Прежде, нежели обнаружить свои намерения всенародно, они посоветовались со своими товарищами епископами, а затем, несмотря на крики бешеной толпы, вдруг рукоположили благочестивого человека по имени Иоанн, на которого указывали его честность, милосердие и кротость, хотя он ничего не подозревал и не имел желания быть избранным. Иоанн был сначала чтецом и служил алтарю с самого детства своего; затем, по долгом времени и долгих трудах, он сделался архидиаконом... Таким образом, он был священнослужителем второго разряда только, и

⁴ Кн. IV, письмо 25.

⁵ Епископ Лионский.

⁶ Епископ Отёнский.

среди этих свирепствовавших партий никто не восхвалял его, ничего не требовавшего, но никто также не осмелился обвинять человека, достойного только похвал. Наши епископы объявили его своим товарищем — к великому удивлению интриганов, к крайнему смущению злых, при одобрении добрых граждан, и никто не смел и не желал протестовать...»

Мы только что присутствовали при выборах, в которых участвовала вся масса народа, а это был пример выборов столь же неправильных и внезапных, но произведенных посреди народа благочестивыми епископами. Вот еще третьи, еще более странные, если это только возможно. Сидоний в данном случае и повествователь, и участник.

Епископ Буржский умер; горячность соискателей и сторонников их была так велика, что город замутился совершенно, и не было никакой возможности прийти к какому-либо результату. Жители Буржа надумали тогда обратиться к Сидонию, известному во всей Галлии своим происхождением, богатством, красноречием, познанием, долго занимавшему высшие гражданские должности и только что назначенному епископом Клермонским. Они попросили его избрать им епископа — ни дать ни взять, как в эпоху греческих республик, народ, утомленный междоусобными бурями и собственным бессилием, отыскивал мудрого чужестранца, который бы дал ему законы. Сидоний, сначала несколько удивленный, тем не менее принимает на себя дело и, заручась согласием епископов, необходимым для рукоположения того, кого ему одному поручено избрать, отправляется в Бурж и созывает народ в соборе. Позвольте прочесть вам письмо, в котором он описывает это событие Перпетую, епископу Турскому, и речь, произнесенную им перед собранием. И письмо, и речь немножко длинны, но это смешение риторики и религии, эти литературные мелочи среди самых оживленных сцен действительной жизни, это соединение в одном лице светского остроумца и епископа лучше всех рассуждений в мире дают понятие о странном обществе, в одно и то же время дряхлом и юном, падающем и возвышающемся; я только кое-где опушу некоторые не представляющие интереса строки.

«Сидоний, господину папе⁷ Перпетую, поклон⁷.

В своей ревности к чтению произведений ума ты ищешь так далеко, что стараешься познакомиться даже с сочинениями, недостойными занимать твой слух или упражнять твой рассудок. Вследствие того ты приказываешь мне послать тебе речь, сказанную мною народу в Бурже, — речь, которой ни разделения риторики, ни порывы искусства красноречия, ни грамматические фигуры не придали необходимой правильности, потому что в этом случае я не мог соединить в ней, по принятому ораторскому обычаю, всякие свидетельства истории, вымыслы по-

⁷ Кн. VII, письмо 9.

этов, искры полемики. Смуты, происки, раздор партий увлекали меня то туда, то сюда, и если обстоятельства представляли мне богатый материал, то события не давали времени его обдумать. Соискателей было такое множество, что не достало и двух лавок для помещения кандидатов на одну кафедру; каждый нравился себе, и каждый одинаково не нравился всем прочим. Мы даже были бы не в состоянии сделать что-либо для общего блага, если бы народ, более хладнокровный, не отказался от собственного права решения, чтобы подчиниться решению епископов. Некоторые из священников перешептывались где-то в углу, но публично никто не смел сказать ни слова, потому что большая часть боялась своего сословия не менее чем других... Итак, прими этот листок: призываю Христа во свидетели, что я продиктовал его в продолжение двух страж летней ночи; но я очень опасуюсь, что, читая его, ты подумаешь, что я составил его еще скорее, чем тебя о том извещаю».

РЕЧЬ

«Дорогие мои, гражданская история повествует, что один философ приучал своих слушателей к терпению, необходимому, чтобы молчать, прежде нежели сообщить им знания, необходимые, чтобы говорить, и что поэтому в продолжение пяти лет все начинающие хранили строгое молчание среди споров своих товарищей; так самые быстрые умы не могли соискать себе похвал прежде, чем пройдет довольно времени, для того чтобы их узнать. Что касается меня, то моя слабость поставлена совсем в другие условия, так как, не прошедши через смиренную обязанность ученика при каком-нибудь праведнике, я принужден взять на себя относительно других обязанность учителя⁸. Но уж если вам угодно было, в своем заблуждении, потребовать, чтобы я, немудрый, нашел для вас, с помощью Христа, епископа, преисполненного мудрости и в особе которого соединились бы всякого рода добродетели, то знайте, что ваше единогласное требование хотя и делает мне большую честь, однако возлагает на меня тяжелое бремя.

И прежде всего вы должны знать, какие потоки ругательств меня ожидают и какому лаю человеческих голосов вы сами подвергнетесь от толпы соискателей... Если я назначу кого-нибудь из монахов, хотя бы его можно было сравнить с Павлами, Антониями, Илариями, Макариями, я уже слышу, как звенит у меня в ушах громкий ропот целой толпы ничтожных пигмеев, которые будут жаловаться так: «Тот, кого назначают, исправляет обязанности аббата, а не епископа: он гораздо способнее быть заступником душ перед небесным судьей, нежели вступаться за тела перед судьями земными». Кто в состоянии удержаться от раздражения, когда самые чистые добродетели выдаются за пороки? Избери мы человека смирен-

⁸ Сидоний только что был назначен епископом, в конце 471 года.

ного, его назовут низкопоклонным; предложи мы человека с гордым характером, его объявят заносчивым; возьмем мы человека мало сведущего, его невежество сделает его смешным; если, напротив, это будет ученый, скажут, что он тщеславится своими знаниями; если он строг, его будут ненавидеть, как жестокого; если снисходителен, его обвинят в слабости; если прост, его будут презирать как глупца; если он полон прозорливости, его будут осуждать за хитрость; если он во всем точен, о нем будут отзываться как о мелочнике; не обращай он внимания на подробности, его назовут небрежным; если у него тонкий ум, его объявят честолюбивым; если он хладнокровен, его сочтут за ленивца; если он человек, довольный малым, его примут за скупца; если он ест для поддержания своей жизни, его обвинят в обжорстве; если пищею ему служит пост, его упрекнут в желании прослыть аскетом... Таким образом, как ни живи, всегда хорошие качества будут в жертву острым языкам злых, подобным удочке с двумя крючками. Притом народ в своем упрямстве, духовные в своем непослушании трудно подчиняются монашеской дисциплине.

Если я назначу клирика, те, кто младше его по службе, будут ему завидовать, кто старше — будут чернить его, потому что между ними есть люди — да не примется это за оскорбление другими, — воображающие, что продолжительность священства — единственное мерило заслуг; они желали бы поэтому, чтобы при избрании прелата мы соображались не с общим благом, а с возрастом.

Если я случайно укажу вам человека, служившего в военных должностях, тотчас я услышу следующее: «Сидоний не хочет взять митрополита из духовных, потому что он сам перешел от светских должностей к духовным. Гордый своим происхождением, возвышенный в первый ряд знаками своего сана, он презирает нищих во Христе». Ввиду всего этого я тотчас же дам ручательство, необходимое с моей стороны не столько ввиду любви добрых, сколько ввиду подозрения злых. Во имя Духа Святаго, Всемогущего Господа нашего, осудившего устами Петра Симона* волхва за то, что он думал за деньги купить благодать, я объявляю, что при избрании человека, которого считал наиболее достойным, я не действовал под влиянием ни денег, ни личного расположения и что, рассмотрев, сколько было нужно и даже более свойства лица, времени, области, города, я решил, что лучше всего дать вам в епископы человека, жизнь которого я вам напомним в нескольких словах.

Симплиций, благословенный Богом, отвечает желанию того и другого чина и по своему поведению, и по своим занятиям; республика* найдет в нем, чему удивляться, церковь — что в нем любить. Если мы должны уважать хорошее происхождение (а сам евангелист доказал нам, что не следует пренебрегать этим обстоятельством, ибо Лука, приступая к восхвалению Иоанна, считал очень важным то, что он происходит из священнического рода), родители Симплиция стояли во главе церквей и трибуналов, семейство его прославилось благодаря вышедшим из

него епископам и прелатам, и предки его, таким образом, всегда были в состоянии предписывать законы, божеские или человеческие... Если мы обратим внимание на его лета, то он обладает в то же время всею энергией молодости и всею осторожностью старости... Если вам нужно милосердие, то он оказывал его в изобилии гражданину, священнику, страннику, слабому, как и сильному, и хлеб его чаще вкушал тот, кто не мог ему воздать тем же. Надо ли было принять какое-нибудь поручение, Симплиций не раз являлся от имени города перед королями, одетыми в меха, и перед государями, облеченными в порфиру... Я чуть не забыл упомянуть об одном обстоятельстве, которого тем не менее опустить нельзя. Некогда в древнее время, когда жил Моисей, по словам псалмопевца, весь Израиль в пустыне принес к ногам Веселила⁷ дары свои, когда надобно было воздвигнуть ковчег завета. Впоследствии Соломон, чтобы построить храм Иерусалимский, пустил в ход все силы народа, хотя он присоединил ко всем богатствам Палестины и к дани, которую платили соседние цари, еще и дары царицы Савской. Симплиций, молодой человек, воин, сам еще сын в семье и в то же время отец семейства, один построил вам церковь; не удержали его от благочестивого замысла ни привязанность стариков к их имуществу, ни забота о своих малолетних детях, и между тем смирение его было так велико, что он хранил об этом молчание. И действительно, это, если я не ошибаюсь, человек вполне чуждый честолюбивого стремления к популярности; он ищет расположения не всех, а хороших граждан, он не унижается до неосторожных знакомств, но высоко ценит прочную дружбу... Наконец, его-то именно и надо желать епископом, потому что он сам этого нисколько не желает и старается не получить сан архипастыря, а заслужить его.

Кто-нибудь, может быть, скажет мне: как узнал ты столько об этом человеке в такое короткое время? Я отвечу ему: я знал жителей Буржа прежде, чем знать самый город — я со многими познакомился в дороге, на военной службе, в денежных и деловых отношениях, во время их путешествий и моих собственных. Многого также узнаешь из общественной молвы, потому что природа не ограничивает известность человека узкими пределами его родины...

Жена Симплиция происходит из семейства Палладиев, которые, занимая ученые и церковные кафедры, снискали себе одобрение своего сословия; и так как нельзя упоминать о характере матери семейства иначе, как скромно и кратко, я ограничусь уверением, что эта женщина достойна заслуг и почетной репутации двух семейств — как того, в котором она родилась и выросла, так и того, куда она перешла вследствие доставляющего ей честь выбора. Оба воспитывают сыновей своих с достоинством и премудро; и отец, сравнивая их с собою, находит новую причину радоваться тому, что сыновья уже превосходят его.

Так как вы поклялись признать и принять решение моей ничтожности относительно этого выбора, я объявляю, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, что Симплиций должен быть поставлен митрополитом этой провинции и архипасты-

рем вашего города; что касается вас, то вы, если принимаете мое последнее решение в этом деле, утвердите его согласно вашим первым обязательствам».

Мне нет необходимости прибавлять что-либо, милостивые государи; эти три примера, вероятно, очень хорошо разъяснили вам процесс избирания епископов в V веке. Конечно, оно не имело характера настоящего учреждения; лишенное правил, постоянных и определенных законом форм, оно не было одной из тех могучих народных вольностей, перед которыми открывается широкая будущность; но в то время это была вольность действительная, она приводила к значительному движению внутри городов, а это было достаточной гарантией.

Второй гарантией были часто повторявшиеся соборы. Общее управление церковью было в то время вполне в руках соборов — вселенских, национальных, областных. Сюда переносились вопросы веры и дисциплины, процессы епископов, все важные и трудные дела церкви. В продолжение IV века мы находим 15 соборов, в V веке 25⁹, и это только важнейшие — те, от которых остались документальные следы; наверно, было еще много местных соборов, с небольшим числом членов, соборов кратковременных, не оставивших после себя никакого памятника; само воспоминание о них исчезло.

Есть косвенное доказательство важности соборов. Всем известно, что в начале представительного правления в Англии, во время образования палаты общин, издано было много статутов, предписывающих, чтобы парламенты созывались

⁹ См. следующие таблицы.

ГЛАВНЫЕ СОБОРЫ IV ВЕКА

Год	Место проведения	Члены собора
314	Арль	33 епископа, 14 священников, 25 диаконов, 8 чтецов или отчитывальщиков
346	Кельн	14 епископов, 10 священников по наряду
353	Арль	Епископы Галлии
355	Пуатье	То же
356	Безье	
358	Везон	Епископы Галлии
359	Неизвестно	
360	Неизвестно	
362	Париж	
374	Валанс	21 епископ
385	Бордо	
386	Трир	
386	Неизвестно	Епископы Галлии
387	Ним	
397	Турин	

правильно и часто. Многие каноны, и в том числе каноны собора в Оранже, созванного в 441 году, постановляют, что никакой собор не должен расходиться, не назначив времени следующего собора, и что, если несчастья того времени помешают созывать по два собора в год, как то предписывают каноны, то, по крайней мере, будут приняты все меры предосторожности, чтобы не протекало без созыва собора большого промежутка времени.

Таким образом, две великие гарантии свободы во всяком обществе, выборная система и общее обсуждение, существовали на деле в церковном обществе V века; они были беспорядочны, непочны, как то доказало последующее время, но в ту эпоху они имели реальность и силу, служили вместе причиной и признаком горячности и движения умов.

Теперь, милостивые государи, прошу вас сопоставить это состояние религиозного общества с состоянием общества гражданского, которое я пытался изобразить

ГЛАВНЕЙШИЕ СОБОРЫ V ВЕКА

Год	Место проведения	Члены собора
406	Тулуза	Епископы Галлии
419	Валанс	То же
429	Неизвестно	
439	Рие	13 епископов, 1 священник
441	Оранже	16 епископов, 1 священник
442	Везон	
444	Неизвестно	
451	Неизвестно	
452	Арль	44 епископа
452	Нарбонна	Епископы 1-й Нарбоннской провинции
453	Анжер	8 епископов
454	Бурж	Епископы Галлии
455	Арль	13 епископов
460	Лион	
461	Тур	8 епископов, 1 священник по наряду, 1 епископ подписывается последним
463	Арль	19 епископов
470	Шалон на Соне	Епископы Лионской провинции
472	Бурж	
474	Вьенн	
475	Ауль	30 епископов
475	Лион	
495	Лион	
496	Реймс	
499	Лион	8 епископов

зить вам в прошлый раз. Я не буду останавливаться, чтобы делать выводы из этого сравнения; они прямо бросаются в глаза, и вы уже, наверное, сделали их. Я передам их в двух чертах.

В обществе гражданском нет народа и нет правительства, императорская администрация пала, сенаторская аристократия пала, муниципальная аристократия пала, разложение господствует везде; и власть, и свобода поражены одним и тем же ничтожеством, одной и той же бесплодностью.

Напротив, в религиозном обществе обнаруживается полный одушевления народ, очень деятельное правительство. Много задатков анархии и деспотизма, но свобода существует на деле, власть также. Повсюду встречаются и развиваются зародыши очень энергичной деятельности народной и очень сильного правительства. Одним словом, это — общество, перед которым лежит громадное будущее, бурное и заключающее в себе зло наравне с добром, но все-таки могучее и плодovitое.

Если вам угодно, мы пойдем еще далее в этом сравнении. До сих пор мы рассматривали только общие факты, публичную, так сказать, жизнь обоих обществ. Мы можем теперь проникнуть в жизнь частную, во внутренность домов, можем проследить, на что употреблялось и как проходило время, с одной стороны, у главных личностей гражданского общества, с другой — у вождей общества религиозного. Этот вопрос стоит предложить V веку, так как ответ его непременно будет в высшей степени поучителен.

К концу IV и в V веке в Галлии было известное число важных и почтенных людей, долго занимавших высшие государственные должности; не то язычники, не то христиане, они не примыкали и, правду сказать, не думали примыкать в религиозном отношении ни к какой равно партии; это были люди умные, хорошо знакомые с литературой, с философией, одаренные вкусом к занятиям, к интеллектуальным удовольствиям, богатые и роскошно проводившие жизнь. Таков был в конце IV века поэт Авзоний*, начальник императорского дворца, квестор, префект претория, консул, владеец очень хороших земель в Сентонже и около Бордо; таковы в конце V века были Тонанций Ферреол, префект Галлии, пользовавшийся большим влиянием у вестготских королей, владевший землями в Руэрге и Лангедоке, на берегах Гардона и около Мильо; Евтропий, также префект Галлии, завзятый последователь Платона, живший в Оверни; Констанций Нарбоннский, один из самых богатых жителей юга, дача которого, носившая название «Октавианы» и расположенная по дороге в Безье, считалась самой великолепной в провинции. Это были знатные вельможи Римской Галлии; сначала они занимали высшие должности края, а потом жили в своих поместьях, вдали от массы населения, проводя время на охоте, на рыбной ловле, во всевозможных удовольствиях; у них были великолепные библиотеки, часто даже театры, на которых разыгрывались драматические произведения какого-нибудь риторика из их

клиентов: ритор Павел, например, давал у Авзония свою комедию «Сумасброд» («Delirus»), сам писал музыку для антрактов и распоряжался представлениями. К этим развлечениям присоединялись умственные забавы, литературные разговоры: рассуждали о древних авторах, объясняли, комментировали их, писали стихи по поводу малейших событий жизни. Таким образом проходила эта жизнь, богатая удовольствиями, приятная, разнообразная, но изнеженная, эгоистическая, бесполезная, чуждая всякому серьезному занятию, всякому могущественному интересу. А я говорю здесь только о лучших остатках римского общества — о людях, которые не были ни развращены, ни преданы необузданным страстям, ни унижены, о людях, развивавших свой ум, питавших отвращение к рабским нравам и к упадку своего времени.

А вот какова была в начале V века жизнь епископа, например, жизнь святого Илария*, епископа Арльского, и святого Лупа*, епископа в Труа.

Св. Иларий вставал рано утром; он всегда жил в городе и, как только сойдет с постели, принимал всякого желавшего его видеть; он выслушивал жалобы, разрешал споры, исполнял должность мирового судьи. Потом он отправлялся в церковь, служил, проповедовал, поучал, иногда по несколько часов подряд. Возвращаясь домой, он обедал, и в это время ему читали какую-нибудь книгу религиозного содержания; иногда вместо этого он диктовал, и часто народ свободно входил в дом и слушал его. Он занимался также ручной работой, пряд для бедных, работал на полях своей церкви. Так проходил его день, посреди народа, в занятиях серьезных, полезных, имевших действительное значение для общества, приводивших ежечасно к известным результатам.

Жизнь св. Лупа была в другом роде: нравы его были строже, а деятельность менее разнообразна; он жил вообще суровее, и строгость его поведения, настоятельность его молитв непрерывно восхвалялись современниками. Поэтому он оказывал больше влияния общим характером, нежели частностями своей деятельности. Она действовала на воображение людей, и действовала так сильно, что, согласно преданию (истина которого не имеет для нас особенного значения, потому что, истинно оно или ложно, оно одинаково выражает мнение современников), Аттила, оставляя Галлию, вез его с собою до Рейна в том убеждении, что такой праведник защитит его войско. Притом св. Луп был человек очень образованный и принимал живое участие в умственном развитии. Он заботился о школах и об устройстве душеполезных чтений в своей епархии, покровительствовал всем занимавшимся литературой, и когда надо было отправиться в Британию для борьбы с учением Пелагия, собор 429 года положился на красноречие и святость св. Лупа и св. Германа Оссерского*.

Что сказать мне еще, милостивые государи? Факты говорят ясно; нетрудно решить, у кого могущество, кому принадлежит будущее — знатым людям римского общества или епископам?

Прибавлю один факт, необходимый для дополнения картины галльского общества в V веке и его странного состояния. Два класса людей, два образа жизни, которые я представлял перед вами, не всегда были так разделены, так разобщены, как можно подумать и как может заставить предположить их различие. Знатные люди, едва принявшие христианство, люди света и светских удовольствий, часто становились епископами. Под конец они принуждены были к этому необходимостью, если хотели принять участие в духовном движении, сохранять какое-нибудь действительное значение, оказывать сколько-нибудь деятельное влияние. Так случилось с Сидонием Аполлинарием и со многими другими. Но, становясь епископами, эти люди не отделялись вполне от своих привычек и вкусов: ритор, грамматик, остроумец, человек, привязанный к свету и его удовольствиям, не исчезали под епископской мантией, и иногда оба общества, обе нравственные системы чудно как-то сближались. Вот письмо Сидония, которое может служить любопытным примером и памятником такого странного союза. Он пишет другу своему Эриффию.

«Сидоний дорогому своему Эриффию поклон.

Ты все тот же, что и прежде, дорогой мой Эриффи: никогда ни охота, ни городские удовольствия, ни деревня не привлекают тебя так сильно, чтобы тебя не могла удержать страсть к литературе... Ты приказываешь мне прислать тебе стихи, написанные мною по просьбе твоего тестя¹⁰, этого достойного человека, который живет в обществе равных себе, одинаково готовый повелевать и повиноваться. Но так как ты желаешь знать, где и по какому случаю были написаны эти стихи, чтобы лучше понять это неважное произведение, то пеняй только на себя, если предисловие выйдет больше самого труда.

Мы собрались у гроба св. Юста¹¹ в то время, как болезнь препятствовала тебе присоединиться к нам. До рассвета была совершена ежегодная процессия, посреди громадного стечения народа обоих полов, которого не могли вместить базилика и крипта, несмотря на то, что их окружают огромные портики. После того как монахи и клирики, чередуясь в искусном пении псалмов, окончили утреню, все разошлись в разные стороны, но не особенно далеко, чтобы быть готовыми к третьему часу дня¹², когда священники должны были принести божественную жертву. Узкие размеры места, толпа, теснившаяся вокруг нас, большое количество свечей душили нас; тяжелые испарения ночи, почти летней, хотя получившей известную прохладу от только что занимающейся зари, еще более нагрели это здание. В то время как люди, принадлежавшие к различным классам общества, расходились в разные стороны, знатнейшие граждане собрались у могилы консу-

¹⁰ Филиматия.

¹¹ Епископа Лионского в конце IV века. Память его праздновалась 2 сентября.

¹² То есть к девятому часу утра — по-нынешнему.

ла Сиагрия на расстоянии менее полета стрелы. Некоторые сели в тени изгороди, под покрывавшие ее зеленеющие ветви виноградной лозы. Мы разлеглись на зеленой мураве, благоухавшей запахом цветов. Разговор велся приятный, веселый, остроумный; притом (а это всего лучше) не было речи ни о властях, ни о податях; ни одного компрометирующего слова, никого, кто бы мог быть компрометирован. Если кто в состоянии был хорошо рассказать что-нибудь интересное, то он мог быть уверен, что его выслушают с удовольствием. Однако последовательных рассказов не было, потому что веселое настроение часто прерывало речь. Наконец, утомленные этим продолжительным покоем, мы захотели чем-нибудь заняться. Разделившись по возрастам на две партии, одни потребовали игры в мяч, другие — стол и кости. Что до меня, то я первый подал знак игры в мяч — ты знаешь, что я люблю ее не меньше книг. С другой стороны, брат мой Домниций, человек, полный изящного остроумия и веселости, схватил кости, потрясал ими и стучал рожком, как бы сзывая в трубу игроков. Что касается нас, то мы долго играли с толпою учащейся молодежи, чтобы возвратить этим полезным упражнением силы нашим затекшим от слишком продолжительного отдыха членам. Сам знаменитый Филиматий, по выражению поэта из Мантуи*, «Ausus et ipse manu juvenum tentare laborem»¹³, постоянно вмешивался в толпу игравших в мяч. Он, когда был моложе, делал это с большим успехом, но теперь бежавший игрок очень часто оттеснял его своим толчком из середины, где мы стояли, или если он входил в арену, то не в состоянии был ни пересечь дорогу, ни уклониться от летевшего перед ним или падающего мяча; он часто падал и с большим трудом поднимался после своего неудачного падения; поэтому он первым оставил игру, с одышкой и очень разгоряченный; вследствие этого упражнения у него расширились сосуды в печени, и он чувствовал сильную боль. Я тотчас остановился, чтобы из сострадания к нему покинуть вместе с ним игру и избавить брата нашего от неприятного обнаружения его истомы. Итак, мы снова уселись, чтобы умыть лицо; ему подали воду и косматое полотенце, которое, будучи очищено от вчерашней нечистоты, висело тут случайно на веревке, натянутой блоком, перед двустворчатой дверью маленького домика сторожа. Он сказал мне, на просторе вытирая щеки: «Мне бы хотелось, чтобы ты продиктовал для меня четверостишие на лоскут, который оказывает мне эту услугу». «Изволь» — отвечал я ему. «Но, — прибавил он, — пусть мое имя будет упомянуто в этих стихах». Я сказал ему, что и это можно сделать. «Если так, — снова начал он, — диктуй же». Тогда я заметил ему, улыбаясь: «Впрочем, знай, что Музы скоро разгневаются, если я захочу вмешаться в их хор при таком множестве свидетелей». Тогда он ответил с живостью, но совершенно вежливо, потому что это человек огненный и неисто-

¹³ «Осмелился и сам поучаствовать в занятиях молодежи» (лат.).

шимый на остроумные выраженья: «Берегись-ка лучше, господин Солий, чтобы Аполлон не разгневался гораздо более, если ты попытаешься один и втайне обольстить дорогих ему учениц». Можешь судить, какие рукоплескания вызвал этот быстрый и ловкий ответ. Тогда я, не медля более, позвал его секретаря, который стоял тут же поблизости с табличками в руках, и продиктовал ему следующее четверостишие: «Пусть прекрасный Филиматий и в другой раз утром, выходя из теплой ванны или когда охота разгорячить ему чело, найдет кусок ткани, чтобы обтереть свое мокрое лицо, с которого влага перейдет на это руно, как в глотку пьющего человека». Только что написал Эпифаний эти стихи, как нам возвестили, что час настал, что епископ вышел из своего временного приюта, и мы тотчас же встали с мест».

Сидоний был в то время епископом, и, без сомнения, многие из сопровождавших его ко гробу св. Юста и Сиагрия и из принимавших вместе с ним участие в божественной службе и в игре в мяч — из подобных ему любителей псалмопения и стишков — были епископами, как и он сам.

Итак, милостивые государи, мы покончили с первым из поставленных нами вопросов: мы рассмотрели социальное положение гражданского и религиозного общества Галлии. Нам остается изучить нравственное состояние той же эпохи — идеи, верования, страсти, волновавшие ее, — одним словом, внутреннее и духовное состояние людей. Это будет задачей следующей лекции.

ЛЕКЦИЯ IV

Что следует разуметь под нравственным состоянием общества? —

Взаимодействие нравственного и социального состояний. — В IV веке галльское гражданское общество одно обладает учреждениями, благоприятными духовному развитию. — О галльских школах. — О легальном положении преподавателей. — У религиозного общества нет иного средства для развития и влияния, кроме его идей. Между тем первое общество истощается, другое преуспевает. — Падение гражданских школ. — Деятельность христианского общества. —

Св. Иероним, св. Августин и св. Паулин Ноланский. Их сношения с Галлией. — Основание и характер монастырей в Галлии. — Причины различия в нравственном состоянии двух обществ. — Сравнительная таблица гражданской и христианской литературы в IV и V веках. — Неравенство между двумя обществами по отношению к свободе мысли. — Необходимость для религии поддерживать занятие науками и литературой.

Милостивые государи!

Прежде чем приступить к рассмотрению нравственного состояния галльского общества в конце IV и в начале V века, позвольте мне остановиться одну минуту на самой цели этого труда. Эти слова — «нравственное состояние» — кажутся многим довольно неясными. Мне хотелось бы определить их точнее. В наше время обвиняют науки, занимающиеся нравственным миром, в отсутствии точности, ясности, достоверности; их даже корят тем, что они вовсе не науки. Они могут и должны быть такими же науками, как и науки физические, потому что предметом для них служат точно так же факты. Факты нравственного мира реальны не менее других. Человек их не выдумал, а только подметил и назвал; он в каждый момент своей жизни принимает их в соображение и считается с ними; он изучает их, как изучает все окружающее его, все, что доходит до его ума через посредство его чувств. Материал нравственных наук, если можно так выразиться, тот же, что и у других наук, и поэтому они несколько не обречены от природы на меньшую точность и достоверность. Я согласен, что им труднее дойти до точности, ясности, отчетливости. Моральные факты, с одной стороны, шире, объемистее, с другой — глубже скрыты, нежели факты материальные; они в одно и то же время сложнее в своем развитии и проще в своем начале. Отсюда гораздо труднее их наблюдать, классифицировать, приводить в научную систему. Вот подлинный источник тех упреков, которым подвергались часто науки, исследующие нравственный мир. Заметьте мимоходом их страшную участь — ими первыми, очевидно, занялся род человеческий. Когда приходишь до колыбели общества, всюду встречаешь моральные факты, которые под покровом религии, поэзии привлекают внимание, волнуют человеческую мысль; а между тем, чтобы хорошо узнать их, узнать научным образом, необходимы все уменье, вся прозорливость, вся осмотрительность самого испытанного ума. Итак, природа нравственных наук такова, что они хронологически первые и вместе с тем последние: первые — потребность в которых мучает человеческий дух, последние — которые он в состоянии довести до степени точности, ясности, достоверности, служащей отличительным признаком науки. Не будем же удивляться и страшиться упреков, которым они подвергались; эти упреки естественны и законны, но мы будем знать, что нравственные науки несколько не страдают от них, и почерпнем отсюда тот полезный урок, что при изучении, наблюдении, описании фактов нравственного мира необходимо быть еще более требовательным, точным, внимательным, строгим, нежели относительно всяких других. Я извлекаю из этого пользу для самого себя и прежде всего определяю в точности, что я разумею под выражением «нравственное состояние» общества.

До сих пор мы занимались социальным состоянием Галлии, то есть отношениями людей друг к другу, их внешним и материальным положением. Когда это

сделано, когда описаны социальные отношения, разве факты, совокупность которых составляет жизнь известной эпохи, все этим исчерпаны? Конечно, нет: остается изучить внутреннее состояние человека, отдельной личности, то есть, с одной стороны, идеи, убеждения, всю духовную жизнь человека, с другой — связь идей с поступками, убеждений с решениями воли, мысли с человеческой свободой.

Вот два факта, которые, по моему мнению, составляют нравственное состояние общества и которые мы должны изучить в галльском обществе V века.

Если верить одному очень распространенному мнению, мне нет необходимости долго останавливаться на этом. Часто говорили, что нравственное состояние зависит от социального, что отношения людей между собой, принципы или обычаи, господствующие в этом отношении, имеют решительное влияние на их идеи, чувствования, на их внутреннюю жизнь; что народы создаются правительствами, учреждениями. Это мысль преобладала в прошлом веке и повторялась под различными формами у самых знаменитых писателей той эпохи, у Монтескье, Вольтера, у экономистов, публицистов и т.д. Это очень просто: революция, вызванная прошлым веком*, была революцией социальной; XVIII век гораздо более занимался изменением относительно положения людей, нежели их внутренних и личных наклонностей; он более старался преобразовать общество, нежели индивидуального человека. Кому же покажется странным, что он преимущественно был занят тем, чего добивался, над чем работал, и что его внимание слишком уж исключительно остановила на себе важность социального положения?

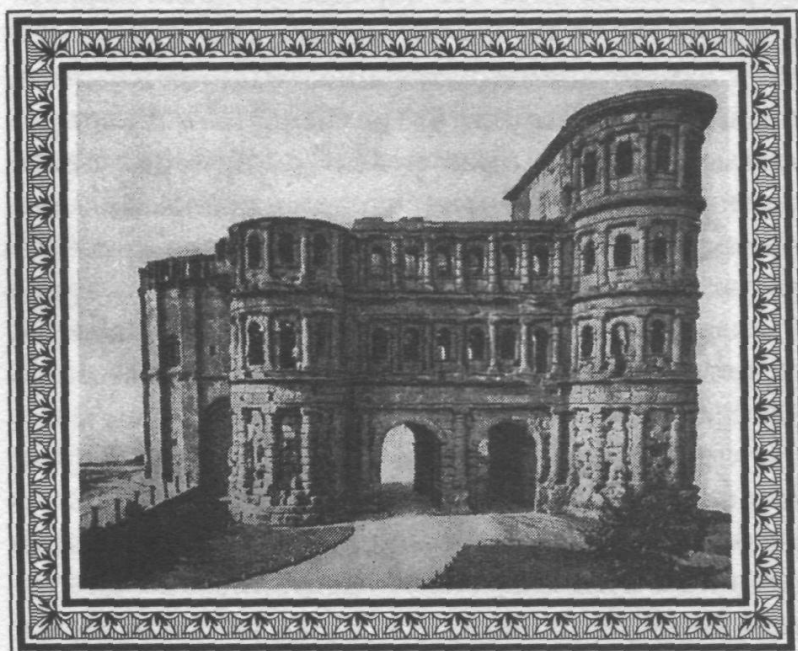
Однако есть одно обстоятельство, которое должно бы предостеречь его: XVIII век трудился над преобразованием отношений людей между собой, их внешнего положения; но каковы были его орудия, его точки опоры при этом труде, идеи, чувствования, внутренние и индивидуальные наклонности? Поэтому он должен был бы признать не только раздельность, но, до известной степени, и независимость нравственного состояния; он должен был бы увидеть, что учреждения, внешнее положение не все еще в жизни народов, они не разрешают еще всего, что другие причины могут видоизменять их, бороться с ними, даже побеждать их, и что если внешний мир действует на человека, зато и человек отвечает ему тем же. Не буду более настаивать на этом, милостивые государи; мне вовсе не хотелось, чтобы подумали, будто я вполне отвергаю мысль, против которой восстаю: в ней много правильного, и нет никакого сомнения, что социальное состояние могущественно влияет на нравственное. Я не хочу только, чтобы это учение господствовало исключительно; влияние разделено между обеими сторонами, и оно взаимное; если правда, что народы создаются правительствами, то правда и то, что правительства создаются народами. Вопрос, с которым мы здесь встречаемся, еще важнее и обширнее, нежели оно кажется с первого

раза: это вопрос о том, подчинены ли события, жизнь социального мира, как в мире физическом, внешним и необходимым причинам, или же сам человек, его мысль, воля участвуют в их созидании и управлении; какая доля принадлежит необходимости и какая — свободе в судьбах человеческого рода. Вопрос необычайно интересный, которым я, быть может, займусь когда-нибудь при случае как следует. Сегодня я могу указать только его место и ограничиваюсь тем, что требую для свободы, для самого человека важного места в созидании истории среди факторов событий.

Возвращаюсь к рассмотрению нравственного состояния гражданского и религиозного общества в Галлии в IV и V веках. Если бы учреждения были всемогущи, если б средств, доставляемых обществом, и законов было достаточно для всего, то духовное состояние гражданского гальского общества в эту по-

Ворота в Трире, II век до н.э.

ру было бы многим выше, нежели духовное состояние общества религиозного. Действительно, одно первое обладало учреждениями, способными содействовать развитию умов, движению вперед и господству идей. Римская Галлия была покрыта большими школами: главные были в Трире, Бордо, Отёне, Тулузе, Пуатье, Лионе, Нарбонне, Арле, Марселе, Вьенне, Безансоне и т.д. Некоторые были очень древние: Марсельская и Отёнская, например, были основаны в I веке; в них преподавали филосо-

фию, медицину, юриспруденцию, литературу, грамматику, астрологию — все науки того времени. В большей части школ сначала преподавали только грамматику и риторику, и лишь в IV веке всюду были назначены профессора философии и права.

Мало того, что эти школы были многочисленны и снабжены вволю кафедрами, императоры постоянно принимали в пользу профессоров различные меры. От Константина до Феодосия Младшего их интересы являются предметом частых законоположений, которые то расширяют, то подтверждают их преимущества. Вот главные из них.

1. Константин Август Волузиану¹ (321 год)

«Повелеваем, чтобы медики, грамматики и прочие преподаватели словесных наук были освобождены, так же как и земли, принадлежащие им в городе, от муниципальных обязанностей и чтобы они могли получать почетные должности². Мы запрещаем привлекать их (незаконно) к суду и причинять им какой-либо вред; если кто-нибудь подвергнет их истязаньям, то его должны преследовать судьи, чтобы сами они не тревожились этим, и он должен заплатить сто тысяч серебряных монет в государственную казну; если их оскорбит раб, то хозяин должен высечь его розгами перед оскорбленным; если же оскорбление было нанесено с согласия хозяина, то он должен заплатить 20 000 монет в казну, а раб будет оставлен в залог до окончательной уплаты. Повелеваем выплачивать упомянутым преподавателям их жалованье и урочные оклады; и так как их не следует утруждать обременительными должностями, то мы позволяем давать им почетные должности, когда они сами того захотят, но отнюдь их не принуждаем»³.

2. Константин Август народу (333 год)

«Подтверждая милости, дарованные нашими божественными предками, повелеваем, чтобы медики и преподаватели словесных наук, а равно их жены и дети, были освобождены от всех общественных должностей и обязанностей, чтобы не были принуждаемы служить в ополчении, считались свободными от постоя и от всех личных повинностей, дабы они удобнее могли учить многих свободным наукам и вышеназванным искусствам»⁴.

3. Грациан Август Антонию, префекту претория в Галлии (374 год)

«В больших городах, которые во всей провинции, порученной твоему великолепию, процветают и блистают знаменитыми наставниками, пусть занимаются воспитанием юношества лучше (мы говорим о риторах и грамматиках, преподающих на аттическом и римском языках); пусть ораторы получают от казны в жалованье по двадцать четыре порции⁵, учителям же грамматики, греческим и латинским, будет, по обычаю, выдаваться меньшее количество, двенадцать порций. Пусть города, пользующиеся правами метрополий, выбирают знамени-

¹ По всей вероятности, префекту претория.

² В городах различали: *municipa* — муниципальные должности низшего разряда, не дававшие никаких преимуществ, от *honores* — высших должностей, действительных магистратур, с которыми были связаны известные преимущества.

³ *Cod. Theod.*, кн. III, тит. 3, §1.

⁴ *Ibid.*, §3.

⁵ *Annona*, известная мера хлеба, масла или другой провизии, — вероятно, столько, сколько нужно было для прокормления человека в течение одного дня, *πρερσιον*.

тых преподавателей, и так как мы не думаем, чтобы каждый город был в состоянии платить своим риторам и учителям по своему желанию, мы оказываем знаменитому городу Триру еще следующую милость: пусть в нем ритор получает тридцать порций, латинский грамматик двадцать и греческий грамматик, если найдут способного, двенадцать»⁶.

Валентиниан, Гонорий, Феодосий II издали несколько подобных декретов. С тех пор как империя была разделена между несколькими властителями, каждый из них уже побольше заботился о благосостоянии своих областей и об имевшихся там общественных учреждениях. Отсюда временное улучшение, которое отозвалось на школах, особенно в Галлии, под управлением Констанция Хлора, Юлиана и Грациана.

Наряду с училищами стояли вообще другие подобные учреждения. Так, в Трире* была большая библиотека при императорском дворце; у нас не осталось никаких специально до нее касающихся известий, но мы можем судить о ней по подробностям, дошедшим до нас о библиотеке Константинопольской. В последней был библиотекарь и семь переписчиков, постоянно занятых, — четыре для греческого и три для латинского языков; они списывали старые сочинения, подвергавшиеся порче, и сочинения новые. По всей вероятности, то же самое учреждение было в Трире и в больших городах Галлии.

Таким образом, гражданское общество было снабжено средствами к образованию и умственному развитию. Этого нельзя сказать об обществе религиозном: у него в это время не было учреждения, специально посвященного обучению, и оно не получало от государства вспомоществования, предназначенного именно для этой цели. Христиане могли, подобно другим, посещать публичные школы, но преподаватели там были большей частью язычники или люди индифферентные в религиозном отношении и в своем индифферентизме довольно враждебные к новой религии. Поэтому они очень мало привлекали христиан. Притом науки, им преподаваемые, грамматика и риторика, языческие по своему происхождению, проникнутые прежним языческим духом, имели мало интересного для христиан. Наконец, христианство, особенно в Галлии, долгое время распространялось в низших классах, среди народа, тогда как в больших школах воспитывались высшие. Поэтому только в начале IV века показываются в них христиане, да и то редко.

Кроме этого, им не было открыто никакого другого источника образования. Учреждения, которые вскоре затем стали убежищем и очагом образования — монастыри, едва начали возникать в Галлии: два первых были основаны уже после 360 года св. Мартином Турским*, один в Лигюже, близ Пуатье, другой в Марму-

⁶ Cod. Theod., кн. XIII, тит. 3, §11.

тье, около Тура; но и они были посвящены более религиозному созерцанию, нежели обучению.

Итак, у христиан не было в то время ни одной большой школы, ни одного заведения, специально посвященного служению умственной деятельности и ее развитию; у них не было ничего, кроме собственных идей, внутреннего и личного движения мысли. Им надо было все создать из самих себя; их верования, власть, которую верования имели над их волей, стремление этих верований распространиться, охватить мир — вот в чем заключалась вся их сила. Между тем деятельность и умственная сила этих двух обществ были чрезвычайно неравны. Одно, со всеми своими учреждениями, преподавателями, преимуществами, ничего не значило и ничего не делало; другое, с одними идеями своими, работало без устали и все захватывало в свои руки.

В V веке все свидетельствует об упадке гражданских школ. Современные умники, Сидоний Аполлинарий и Мамерций Клавдиан, например, оплакивают его на каждом шагу, говорят, что наука слабеет и исчезает. Путем множества мелких средств старались избежать необходимости долго и усиленно заниматься: это порра извлечений, извлечений по части истории философии, грамматики, риторики; очевидно, цель их не та, чтобы распространить просвещение в классах, которые не будут учиться в школах; они имеют в виду избавить от научного труда тех, кто может и не хочет заняться им. Школы посещали преимущественно молодые люди высших классов, а эти классы, как вы же видели, подверглись разложению. Школы падали вместе с ними; учреждения продолжали существовать, но они были пусты: душа покинула тело.

Совсем другое зрелище представляет умственное состояние общества христианского. Галлия в V веке была под влиянием трех духовных вождей, из которых ни один не жил в ней: св. Иеронима* (331–420), пребывавшего в Вифлееме, св. Августина* (354–430) в Гиппоне, св. Паулина* (354–431) в Ноле; лишь последний был галл по происхождению. Они поистине управляли христианским обществом Галлии, к ним обращалось оно во всевозможных случаях за идеями, решениями, советами. Примеров бездна. Священник, родившийся у подошвы Пиренеев, по имени Вигиланций, совершил путешествие в Палестину; он виделся там со св. Иеронимом и вступил с ним в спор относительно некоторых вопросов церковного вероучения и дисциплины. Возвратясь в Галлию, он написал о том, что считал заблуждениями; он напал на почитание мучеников, их мощей, чудес, совершавшихся на их могилах, на частые посты, на аскетический образ жизни, даже на безбрачие. Едва появилось его сочинение, как священник по имени Рипарий, живший по соседству, вероятно, в Савойе или Дофине, уведомил об этом св. Иеронима, извещая его в общих чертах о содержании книги и об опасности ее, как он говорил. Св. Иероним тотчас же отвечает Рипарию, и ответ его есть первое опровержение, предвещающее другое, более подробное. Немедлен-

*Святой Августин работы
Симоне Мартини (XIV век)*

но Рипарий и другой священник, Дезидерий, посылают в Вифлеем с третьим священником — Сизинием книгу Вигиланция, и менее нежели через два года после начала спора св. Иероним препровождает в Галлию полное опровержение, которое там быстро распространяется. То же самое происходило почти в то же время между Галлией и св. Августином по поводу ереси Пелагия* относительно свободной воли и благодати: та же самая забота со стороны гальских духовных известить обо всем великого епископа; та же деятельность с его стороны, чтобы отвечать на их вопросы, устранить их сомнения, поддержать, направить их веру. Всякая угрожавшая ересь, всякий зарождавшийся вопрос становился между Галлией, с одной стороны, Вифлеемом, Гиппоной и Нолой — с другой, предметом продолжительного и быстрого обмена писем, посланий, путешествий, памфлетов. Не было даже необходимости, чтобы возникал вопрос важный, чтобы дело шло о каком-

нибудь общем настоятельном интересе религии. Простые верующие, иногда женщины, бывали озабочены известными сомнениями и прибегали к тем же учителям, к тем же средствам. Женщина из Байё, Гедибия, и в то же самое время женщина из Кагора, Альгазия, составляют одна двенадцать, другая одиннадцать вопросов по философским, богословским, историческим предметам, чтобы послать их св. Иерониму. Они просят у него объяснений по поводу некоторых мест Священного Писания, хотят узнать от него, каковы условия нравственного совершенства, как следует себя вести в известных случаях жизни. Одним словом, они советуются с ним как с духовным наставником, постоянно находящимся около них и близким к ним; и священник по имени Аподем отправляется из глубины Бретани, чтобы передать эти письма в глубину Палестины и принести ответ. Та же деятельность, та же быстрота обращения господствуют внутри христианского общества в Галлии: св. Сульпиций Север*, товарищ и друг св. Мартина Турского, пишет житие этого святого еще при жизни его: в четыре или пять лет, считая от 397 до 402 года, оно распространяется повсюду — в Галлии, Испании, Италии; экземпляры его продаются во всех больших городах, епископы спешат послать

его друг другу. Везде, где обнаруживаются религиозная потребность, религиозное дело или затруднение, работают учителя церкви, путешествуют священники, пересылаются сочинения. А эта действительность, эта быстрая и обширная переписка были тогда делом нелегким. Материальных средств не было, дорог было мало, да и те небезопасны; вопросы приходилось посылать далеко и долго ждать ответов; тут надо было не истощаться деятельному рвению, непоколебимому терпению; необходимо было, наконец, это постоянство нравственных потребностей, которое всегда было редким достоинством и которое одно может наверстать несовершенство учреждений.

Впрочем, учреждения начинали зарождаться и принимать определенные формы среди галльских христиан. Первой половине V века принадлежит основание большей части главных монастырей южных провинций. Св. Кастору, епископу в Апте почти вплоть до 422 года, приписывается основание монастыря св. Фаустина в Ниме и еще другого в собственной епархии. Около того же времени Кассиан основал в Марселе монастырь св. Виктора, св. Гонорат и св. Капразий — Леренский монастырь, самый знаменитый в этом веке, на одном из Йерских островов⁶; несколько позднее возникли обители Конда или св. Клавдия во Франш-Конте, Грильи в Вьеннской епархии и многие другие, менее важные. Первоначальный характер этих галльских монастырей был совсем не тот, что монастырей восточных. На Востоке монастыри имели преимущественно целью уединение и созерцание; люди, удалявшиеся в Фиваиду, хотели уйти от удовольствий, искушений, испорченности гражданского общества; они хотели одни, вне всяких общественных сношений, предаться порывам своего воображения и строгостям своей совести. Только впоследствии они сблизились там, где прежде жили врозь, и из анахоретов или пустынников стали киновитами, Κοινωνοί, живущими вместе. На Западе, несмотря на подражание Востоку, монастыри возникли иначе; они начали с общежительства, с потребности не уединяться, а собираться. Гражданское общество было жертвой всякого рода беспорядков: государство, провинция, муниципий размагались, и у людей, желавших обмениваться мыслями, упражняться, жить вместе, не было никакого общего центра. Они нашли такой центр в монастырях. Таким образом, монашеская жизнь, по своему происхождению, не имела здесь характера ни созерцательности, ни пустынножительства; напротив, она была очень общежительна и очень деятельна; она засветила очаг умственного развития и послужила средством к брожению и распространению идей. Монастыри Южной Галлии — философские школы христианства: тут обдумывают, обсуждают, учат; отсюда выходят новые идеи, смелые построения ума, ереси. В аббатствах св. Виктора и Леренском с наибольшей горячностью обсуждались великие вопросы о свободной воле, предопределении, благодати, первородном грехе, и здесь же нашли себе в продолжение пятидесяти лет наибольшую пищу и поддержку идеи Пелагия.

Вы видите, милостивые государи, что нельзя сравнить между собой духовное состояние религиозного и гражданского обществ: с одной стороны, повсюду упадок, слабость, косность, с другой — повсюду движение, горячность, честолюбие, прогресс. В чем заключаются причины этого контраста? Надо знать, откуда происходило, чем поддерживалось, почему с каждым днем увеличивалось это резкое различие между двумя обществами; только таким путем мы достигнем того, что как следует узнаем и поймем их нравственное состояние.

Мне кажется, что факт, на который я указал, происходит из двух великих причин: 1) из самой природы предметов, вопросов, умственных трудов, какими занимались два общества; 2) из неравенства свободы мышления в обоих.

Гражданская литература, если можно так выразиться, представляет в эту эпоху в Галлии четыре рода авторов и сочинений: грамматиков, риториков, летописцев и поэтов — поэтов не в высшем, а в мелком значении этого слова — сочинителей эпиталям, описаний, надписей идиллий, эклог. Вот предметы, на которых упражнялись остатки римского умственного мира.

Совершенно иной характер имела христианская литература. Она в высшей степени богата философами, политиками, ораторами, затрагивает важнейшие вопросы, настоятельнейшие интересы. Я представляю вам, оставаясь постоянно в пределах Галлии, несколько собственных имен и заглавий, сравнительную таблицу главных писателей и главных сочинений обеих литератур. Вы сами сделаете выводы.

Я не имею здесь, конечно, ни малейшего притязания на сколько-нибудь полное биографическое или литературное перечисление. Указываю только на имена и факты, в особенности бросающиеся в глаза. Из грамматиков, которых так много в гражданской литературе, назову: 1) Агресия или Агриция, бывшего преподавателем в Бордо около середины IV века и от которого до нас дошел трактат или отрывок трактата о свойствах и отличиях латинского языка. Это — собрание латинских синонимов, вроде *temperantia*, *temperantio* и *temperies*⁷, *percussus* и *percussus*⁸. Устанавливаемые различия автор основывает на примерах, взятых из трудов лучших писателей — Цицерона, Горация, Теренция, Тита Ливия и т.д. 2) Урбик, также преподаватель в Бордо, особенно знаменитый своими глубокими познаниями в греческом языке и литературе. 3) Урсум и Гармоний, преподаватели в Трире: Гармоний собрал поэтические произведения Гомера, прибавив к ним примечания относительно дурных чтений, толкований и т.п.

Наряду с грамматиками стоят риторики, обязанностью которых было не только преподавать красноречие, но и составлять речи, панегирики для всех важных

⁷ Умеренность, воздержанность (лат.).

⁸ Толчок, сотрясение (лат.).

случаев жизни, для торжественных дней гражданских празднеств, кончины и вступления на престол императора и т.п. Двенадцать браваурных арий этого пустого красноречия были специально сохранены и собраны. Четыре главных панегирика следующие: 1) Клавдий Мамертин, автор похвального слова императору Максимиану, произнесенного в Трире 20 апреля 292 года в день празднования основания Рима; 2) Эвмен, преподаватель красноречия в Отёне, автор четырех речей, произнесенных от 297 до 311 года в присутствии и в честь Констанция Хлора и Константина; 3) Назарий, преподаватель в Бордо, автор панегирика Константину; 4) Клавдий Мамертин, может быть, внук первого, автор речи, произнесенной в 362 году перед Юлианом.

Из галльских летописцев-язычников, живших в ту эпоху, самый известный — Евтропий, который в 370 году написал свой краткий обзор римской истории.

Я мог бы по произволу расширить перечень поэтов, но вы не попеняете на меня, если я назову только троих. Самый плодовитый, самый знаменитый и, бесспорно, самый остроумный из них — Авзоний*, родившийся в Бордо в 309 году и умерший в своем имении в 394 году; он занимал высшие государственные должности и написал сто сорок эпиграмм, тридцать восемь эпитафий, двадцать идиллий, двадцать четыре послания, семнадцать описаний городов и множество стихотворений относительно бордоских преподавателей, членов своего семейства, различных происшествий в его среде, относительно двенадцати Цезарей, семи греческих мудрецов и т.п.

Дядя Авзония по имени Арборий, из Тулузы, оставил небольшое стихотворение к слишком разодетой молодой девушке, *ad virginem nimis cultam*. Поэт из Пуатье Рутилий Нумациан, который жил сначала в Риме, а потом возвратился на родину около 416 года, написал по поводу своего возвращения поэму под названием «*Itinerarium*»⁹ или «*De reditu*»¹⁰, сочинение довольно любопытное по некоторым подробностям о крае и нравах и по досаде, выказываемой поэтом по поводу наводнения общества евреями и монахами. Он был, очевидно, язычником.

Перехожу к галльской христианской литературе того же времени. Прежде всего я встречаюсь с именем св. Амвросия*; хотя он провел жизнь в Италии, однако я считаю его галлом, потому что он родился в Трире около 340 года. Собрание его сочинений представляет два тома *in folio*. Они состоят из тридцати шести статей различного содержания, из богословских трактатов, комментариев на священные книги, речей, писем, духовных песней и т.п. Самое обширное и вместе с тем самое любопытное из этих сочинений озаглавлено

⁹ Описание путешествия (лат.).

¹⁰ О возвращении (лат.).

«De officiis ministrorum» («Об обязанностях священнослужителей»). Я, может быть, возвращусь к нему подробнее впоследствии; сегодня я хочу только указать на его общий характер. Судя по заглавию, вы подумаете, что это трактат относительно частных обязанностей священников и того, как они должны исполнять свои обязанности. Вы ошибетесь: это полный трактат моральной философии, в котором автор на примере священников делает обзор всех обязанностей человека, ставит и разрешает множество вопросов практической философии.

Рядом со св. Амвросием я поставлю св. Паулина, который, подобно ему, родился в Галлии (в Бордо около 353 года), умер же епископом в Италии (в Ноле в 431 году). Многие из его сочинений, в том числе книга против язычников, затерялись; от него остались только письма и стихотворения. Письма имели в ту эпоху совсем другое значение, нежели в наше время. Собственно литература занимала в христианском мире довольно незначительное место; писали не для того, чтобы писать, чтобы иметь удовольствие высказать свои мысли, но являлось какое-нибудь событие, возникал какой-нибудь вопрос, какая-нибудь потребность мучила христианский мир, и тогда писали книгу, и книга эта выходила часто в форме письма к кому-нибудь из верующих, к другу, к церкви. Политика, богословие, полемика, духовные и светские интересы, общие и частные советы — все встречается в письмах этого времени, и они принадлежат к самым любопытным его памятникам. Я уже назвал Сульпиция Севера (родился около 355, умер около 420 года) из Тулузы (или из какого-нибудь другого города Аквитании — место рождения его неизвестно в точности) и его «Житие св. Мартина Турского». Кроме того, он написал «Священную историю», один из первых опытов церковной историографии на Западе; она идет от начала мира до 400 года и включает в себе кое-какие важные факты, которых нет в других местах.

Почти в то же самое время, впрочем, немного позже, монах Кассиан (родился около 360, умер около 440 года) — как кажется, провансалец по рождению — издавал в Марселе по просьбе св. Кастора, епископа Аптского, свои «Институции» и «Конференции», сочинения, имевшие целью сообщить жителям Запада сведения относительно происхождения, образа жизни, обычаев и идей восточных монахов. В это время, как вы только что видели, в Южной Галлии основывалась, с содействия самого Кассиана, большая часть монастырей, поэтому его книги отвечали действительной и практической необходимости.

Прежде Кассиана мне следовало сказать вам о св. Иларии*, епископе в Пуатье (умер около 368 года), одном из самых деятельных и уважаемых вождей галльской церкви; он написал очень много сочинений, незначительных по объему, но очень важных в свое время. Это — по большей части статьи относитель-

но интересов и вопросов, занимавших тогда умы. С тех пор как христианство вышло из младенчества, великие епископы должны были играть две роли разом, роль философов и роль политиков; они господствовали над идеями или, по крайней мере, им принадлежало влияние в духовном мире, и в то же самое время на них лежали светские дела религиозного общества; им приходилось постоянно удовлетворять двоякому назначению — размышлять и действовать, убеждать и управлять. Отсюда чрезвычайное разнообразие их литературных трудов и часто заметная поспешность их составления. Это — по большей части сочинения, написанные по поводу различных случаев, памфлеты, имеющие целью то разрешить политический вопрос, то устроить какое-нибудь дело, просветить находящуюся в затруднении душу или уладить беспорядки, победить ересь или добиться от гражданской власти каких-нибудь уступок. Труды св. Илария в особенности носят этот характер.

Монах, который мог знать св. Илария, потому что жил при св. Мартине Турском, Евагрий, составил два диалога, озаглавленных «Словопрение между Феофилом, христианином, и Симоном, евреем» и «Словопрение между Закхеем, христианином, и Аполлонием, философом» — любопытные памятники того, как христианский монах представлял себе в конце IV века спор между иудейством и христианством, с одной стороны, христианством и философией — с другой.

Марсельский священник Сальвиан, уроженец Трира, написал несколько позже свой трактат «О скупости», настоящий опыт по предмету религиозной морали, и книгу, на которую я уже ссылался, «De gubernatione Dei», замечательную отчасти как картина социального состояния и нравов эпохи, отчасти как попытка освободить Провидение от упрека, будто оно причинило бедствия мира, и указать, что люди, делающие такой упрек, сами виновны в этих бедствиях.

Спор по поводу ереси Пелагия вызвал много сочинений, из которых я укажу только на труды св. Проспера Аквитанского*, в особенности на его поэму «Против неблагодарных» — один из самых удачных опытов философской поэзии в среде христианства. Его летопись, простирающаяся от начала мира до 455 года, также не лишена важности.

Между тем как вопрос о свободной воле и благодати волновал всю церковь, в особенности Галлию, вопрос о невещественности души разбирался более мирным образом в Нарбоннской провинции между Фавстом (умер в 490 году), епископом Рие, который утверждал, что душа материальна, и Мамертом Клавдианом (умер около 473 года), священником в Вьенне, братом епископа св. Мамерта, защитником невещественности. Письмо, в котором Фавст устанавливает свое мнение, и трактат Мамерта Клавдиана, озаглавленный «О природе души», принадлежат к числу самых любопытных памятников

человеческого ума в V веке, и я думаю познакомить вас с ними впоследствии подробнее.

Из христианской литературы той эпохи я упомяну еще только одно имя — Геннадия, священника в Марселе, оставившего нам «Трактат о знаменитых людях, или Церковные авторы» от середины IV века до конца V — сочинение, в котором мы находим всего более известий о литературной истории того времени.

Теперь, милостивые государи, сравните эти два столь неполных и сухих перечня авторов и сочинений; не правда ли, что сами имена и заглавия объясняют различие в умственном состоянии двух обществ? Христианские писатели обращаются в то же самое время к величайшим интересам мысли и жизни; они деятельны и могущественны в области умственной и в области реальной; их деятельность рациональна, а философия популярна; они занимаются вещами, которые волнуют души в уединении и толпы народа в городах. Напротив, гражданская литература чужда вопросам о принципах и вопросам, вызванным случаем, чужда нравственным потребностям и ежедневным чувствам масс; это литература условная, предмет роскоши, литература замкнутого кружка и школы, предназначенная по самой природе предметов, которыми она занимается, единственно для того, чтобы доставлять развлечение остроумцам и знатным.

Этого мало, милостивые государи; различие в духовном состоянии двух обществ обуславливается еще совсем другой причиной: свободы (я разумею свободу мысли) не было в одном, в другом она действительно существовала и была сильна.

И каким образом могла бы свобода существовать в гражданской литературе? Эта литература принадлежала гражданскому обществу, старому римскому миру; она была его отражением и забавой и имела все его черты — упадок, бесплодность, пустоту, раболепство.

Сама суть предметов, над которыми она упражнялась, делала для нее очень сносным подобное состояние. Она была чужда всем великим нравственным вопросам, всем практическим жизненным интересам, то есть областям, в которых свобода мысли необходима. Грамматика, риторика, поэзия низшего разряда легко уживаются ведь и с рабством. Чтобы придумывать латинские синонимы, подобно Агрецию, или чтобы корить, подобно Арборию, слишком разряженную девушку, или даже чтобы восхвалять, подобно Авзонию, красоты Мозеля, можно, пожалуй, обойтись без свободы, даже без движения ума. Эта плохонькая литература не раз процветала под владычеством деспотизма и среди упадка общества.

В самих школах не было свободы. Преподаватели могли быть смещены всякую минуту. Император мог не только переводить их из одного города в другой, но даже лишать их места по своему произволу. Кроме того, против них в

большей части городов Галлии был восстановлен и народ. Народ, по крайней мере большая часть его, принадлежал к христианской религии, и эти языческие по своему происхождению и назначению школы не нравились ему. На преподавателей часто смотрели косо; обращались с ними очень нехорошо. Единственной опорой их были обломки высших классов и императорская власть, поддерживавшая порядок: потому что императорская власть, милостивые государи, которая часто преследовала христиан, только уступая воплям народа, часто поддерживала в IV веке и язычников против народа как в интересах порядка, так и под влиянием значительных людей, язычников же или равнодушных к религии, а также и из уважения к древним общественным учреждениям, от которых правительства не отступают почти никогда. Но вы без труда поймете, как зависимо, слабо, непрочное было вследствие этого положение преподавателей. Положение учащихся было несколько не прочнее и не свободнее. Они были предметом множества полицейских мер, инквизиционных, стеснительных, а сами лишены против них всякой гарантии. Вот законположение Валентиниана, которое покажет вам, какова была их участь; оно прилагается только к школе Рима, но образ действий по отношению к прочим школам был точно такой же.

«Валентиниан, Валент и Грациан Олибрию, римскому префекту (370 год)

1) Все, кто является заниматься в Рим, должны прежде всего предъявить начальнику ценза¹¹ письма провинциальных губернаторов, позволяющие им отправиться в Рим; в этих письмах должны быть обозначены название города, их возраст и звание; 2) они должны при своем прибытии объявить, чем они хотят преимущественно заниматься; 3) канцелярия чиновников ценза должна знать место их жительства и наблюдать, чтобы они действительно занимались тем, что высказали желание изучать; 4) вышеупомянутые чиновники должны заботиться, чтобы учащиеся являлись в общественных местах в приличном виде, остерегались дурной и позорной славы и ассоциаций между собою, на которые мы смотрим как на факты очень близкие к преступлению; чтобы они не слишком часто ходили в театр и не предавались зачастую несвоевременным пиршествам. Если кто-нибудь из учащихся не будет вести себя в городе так, как того требует достоинство ученых занятий, его должно публично высечь розгами, посадить на корабль, выгнать из города и отослать домой. Что касается учащихся прилежно, то они могут оставаться в Риме до двадцатилетнего возраста. По истечении же этого срока, если они сами не удалятся, префект

¹¹ Чиновник, по некоторым своим обязанностям несколько похожий на префекта полиции (полицеймейстера).

должен их выслать, хотя бы даже и против воли. И чтобы к этим предписаниям не относились легкомысленно, твоя добросовестность предупредит канцелярию ценза, что она каждый месяц должна будет представлять список этих учащихся с обозначением, как они себя ведут, откуда родом и кто из них по истечении предписанного срока должен быть выслан в Африку или другие провинции... Подобная же таблица ежегодно должна быть представлена в канцелярию Нашего Императорского Величества, чтобы мы могли, узнавши как следует занятия и заслуги всех, судить, нужны ли они для нашей службы и когда будут нужны».

Некоторые из этих предосторожностей могут в известных случаях быть необходимыми и законными, но ясно, что там, где они являются существенным и преобладающим фактом, там, где они составляют самую основу школьного порядка, свободы нет.

Напротив, свобода обнаруживается повсюду в христианской литературе. Прежде всего, деятельность умов, разнообразие мнений, заявляемых во всеуслышание, одни уже доказывают эту свободу. Человеческий ум не проявится во всех областях и с такой энергией, когда он в оковах. Притом свобода была свойственна духовному положению церкви: она работала над образованием своего вероучения и относительно многих пунктов она еще не определила и не провозгласила его. По мере того как вопросы появлялись, возбуждаемые событием или сочинением, их рассматривали, обсуждали вожди религиозного общества, и его официальное мнение, результат его общих верований — одним словом, догмат провозглашался. Непрочная, может быть скоро преходящая, но действительная свобода, несомненно, принадлежит такой эпохе.

Состояние законодательства по отношению к ересям еще не убивало этой свободы: принцип преследования, мысль, что истина имеет право господствовать посредством силы, уже существовала в умах, но еще не преобладала на практике. Светская власть начинала оказывать поддержку церкви против еретиков и прибегать против них к мерам строгости: их изгоняли, им запрещено было занимать известные должности, имущество их конфисковывали, некоторых, например, присциллианистов в 385 году, приговаривали к смерти; законы императоров, в особенности Феодосия Великого, были полны угроз и распоряжений против ереси; одним словом, дело очевидно шло к тирании. Тем не менее светская власть еще была в нерешимости, следует ли ей стать орудием доктрин; величайшие епископы, св. Иларий, св. Амвросий, св. Мартин, протестовали против всякого смертного приговора за ересь, говоря, что Церковь имеет право употреблять в борьбе только духовное оружие. Хотя принцип преследования делал успехи, даже успехи очень грозные, свобода все-таки была сильнее: свобода опасная, бурная, но деятельная и общая;

человек, становясь еретиком, подвергал себя опасностям, но он мог еще стать им; он мог поддерживать свое мнение и поддерживал его долго, с энергией, во всеуслышание.

Стоит взглянуть на каноны соборов этого времени, чтобы убедиться, что свобода была еще велика: за исключением двух или трех вселенских соборов, они занимались, особенно в Галлии, исключительно церковной дисциплиной: вопросы теоретические и догматические появлялись в них редко и только в важных случаях; обсуждаются и постановляются решения преимущественно насчет управления церковью, ее положения, прав и обязанностей духовных лиц — доказательство, что по множеству пунктов допускалось различие идей и поле для прений было еще открыто.

Таким образом, сама природа работ — с одной стороны, положение умов — с другой вполне объясняют умственное превосходство религиозного общества над обществом гражданским; одно было серьезно занято и свободно, другое — работно и пусто, — что тут еще прибавлять?

Поэтому прибавлю только последнее замечание, которое не лишено важности, и одно, может быть, объясняет вполне, почему гражданская литература обречена была на верную смерть, тогда как религиозная литература жила и процветала с такой энергией.

Чтобы умственное развитие, науки, словесность процветали сами по себе, независимо от близкого и прямого интереса, необходимо, милостивые государи, время счастливое, мирное, время довольства и благоприятных для людей условий. Когда состояние общества становится трудным, суровым, злополучным, занятия науками подвергаются сильной опасности быть заброшенными и прийти в упадок. Любовь к чистой истине, чувство прекрасного, свободное от всякой другой потребности — растения столь же нежные, сколько и благородные; для них необходимо чистое небо, блестящее солнце, теплый воздух; среди бурь они поникают головою и увядают. Истинное развитие, работа умов для достижения истины остановились бы в такие эпохи, не прибегни они к покровительству какого-нибудь из насущных, непосредственных, могучих интересов человечества. Так и было в эпоху падения Римской империи: наука, словесность, чистая интеллектуальная деятельность не в состоянии были бы одни бороться против бедствий, страданий, против всеобщего упадка духа. Им необходимо было примкнуть к чувствам и потребностям народа, чтобы перестать казаться роскошью и сделаться потребностью. Христианская религия дала им эту возможность: в союзе с ней философия и словесность избегли угрожавшей им гибели. Их деятельность имела в это время прямые и практические результаты; они ставили себе целью направлять людей в их поведении, указывать им путь к спасению. Можно сказать без преувеличения, что человеческий ум среди гонений и бурь нашел себе убежище в церквях и обителях; он

припал с молитвой к алтарю, чтобы жить под его сенью и в служении ему до тех пор, пока лучшие времена не дозволили ему снова выйти в мир и дышать вольным воздухом.

Я не буду продолжать, милостивые государи, этого сравнения между нравственным состоянием двух обществ в V веке; мы довольно уже знаем, я думаю, чтобы живо представить себе и то и другое. Теперь необходимо войти в более подробное исследование религиозного общества, единственно живого и плодотворного; надо определить, какие вопросы его занимали, какие решения для них подыскивались, какие спорные пункты имели значение и популярность, каково должно было быть их влияние на жизнь и действия людей. Это будет предметом следующих лекций.

ЛЕКЦИЯ V

О главных вопросах, разбиравшихся в Галлии в V веке. — О пелагианстве. — О методе, которого следует держаться в его истории. — О духовных фактах, породивших этот спор: 1-е о человеческой свободе; 2-е о немоги свободы и необходимости внешнего содействия; 3-е о влиянии внешних условий на свободу; 4-е о нравственных изменениях, совершающихся в человеческой душе, но не приписываемых человеком своей воле. — О вопросах, которые естественно вытекают из этих фактов. — О частной точке зрения, с которой должны были смотреть на них в V веке. — История пелагианства в Риме, Африке, на Востоке и в Галлии. — Пелагий и Целестий. — Св. Августин. — История происхождения пелагианства. — Кассиан. — Фавст. — Св. Проспер Аквитанский. — О преопределении. — Влияние и общие результаты этого спора.

Милостивые государи!

В последней лекции я пытался изобразить вам, но только в общих чертах, сравнительное духовное состояние гражданского и религиозного обществ в Галлии V века. Вникнем теперь глубже в рассмотрение общества религиозного, которое одно дает обширный материал для изучения и размышления.

Вот главные вопросы, занимавшие в V веке христианское общество: 1) пелагианизм или ересь Пелагия, против которого преимущественно боролся св. Августин; 2) природа души, составлявшая предмет спора на юге Галлии между епископом Фавстом и клириком Мамертом Клавдианом; 3) кое-какие вопросы, касающиеся скорее богослужения и дисциплины церковной, нежели догмата, как, например, почитание святых, значение постов, аскетизм, безбрачие и т.д.: вы видели, что это было предметом сочинений Вигиланция; 4) наконец, продолжение борьбы между иудейством и христианством; оно вызвало две беседы монаха Евагрия между иудеем Симоном и христианином Феофилом, между христианином Закхеем и философом Аполлоном.

Из этих вопросов самый важный — пелагианизм: он был великим умственным делом церкви в V веке, как арианизм в IV. Сегодня мы займемся специально его историей.

Всякий знает, что в этом споре речь идет о свободной воле и благодати, то есть об отношении свободы человека ко всемогуществу Божию, о влиянии Бога на духовную деятельность человека.

Позвольте мне прежде, чем приступить к его истории, указать вам метод, которым я думаю воспользоваться.

По самой постановке этого вопроса вы замечаете, что он не составляет исключительного достояния V века или христианства; это задача всеобщая, существовавшая всегда и повсюду, задача, которую ставили себе и пытались разрешить все религии, все философские системы.

Итак, она очевидно относится к нравственным фактам первобытным, всеобщим, присущим природе человека, к фактам, которые непременно должно подметить в ней наблюдение. Я прежде всего постараюсь найти эти факты, выделить в человеке вообще, независимо от каких бы то ни было временных или местных соображений, естественные элементы, так сказать, первоначальный материал пелагианского спора. Я выясню эти факты, ничего не прибавляя и не убавляя и не обсуждая их, с единственной целью определить и описать их.

Затем я покажу, какие вопросы логично вытекают из естественных фактов, какие затруднения, какие споры могут возникнуть по их поводу независимо от всякого частного соображения, происходящего в силу времени, места, состояния общества.

После этого, когда, если можно так выразиться, будет установлена как следует общая и теоретическая сторона вопроса, я определю, с какой частной точки зре-

ния эти нравственные факты должны были быть рассматриваемы в V веке приверженцами различных спорных мнений.

Наконец, объяснив таким образом, из каких источников и под чьими влияниями родился пелагианизм, я расскажу его историю, попытаюсь проследить в их взаимных отношениях и поступательном ходе главные идеи, возбужденные им, чтобы вы как следует поняли состояние умов в ту минуту, когда возник этот великий спор, какое влияние он на них имел и до какого пункта он их довел.

Я прошу у вас, милостивые государи, самого напряженного внимания, особенно при рассмотрении нравственных фактов, от которых зависит вопрос: их трудно понять как следует и высказать с точностью; мне хотелось бы, чтобы в них не осталось ничего неясного и недостоверного, а между тем у меня едва есть время указать на них мимоходом.

Первый, именно тот, который лежит в основании всего спора, — это свобода, свобода выбора, человеческая воля. Чтобы как должно познакомиться с этим фактом, его надо отделить от всякого чуждого элемента, привести его к точным границам. Мне кажется, что именно за отсутствием этой предосторожности его часто так плохо понимали; исследователи не ставили перед собою факта свободы и одного этого факта; на него смотрели и его описывали, так сказать, вперемешку с другими фактами, которые очень близки к нему в нравственной жизни, но тем не менее существенно от него отличаются. Полагали, например, что человеческая свобода состоит в возможности рассуждать и выбирать между побуждениями к действию; размышление и следующее за ним суждение считались сущностью свободной воли. Ничего подобного нет. Тут действует разум, а не свободная воля; перед разумом проходят различные стимулы к действию, интересы, страсти, мнения и т.д.; он их рассматривает, сравнивает, оценивает, взвешивает и наконец судит о них. Это работа приготовительная, предшествующая акту воли, но несколько не составляющая его. Когда размышление кончилось, когда человек вполне ознакомился с предстоящими ему стимулами или мотивами, с их значением, тогда является совершенно новый, совершенно иной факт — факт свободной воли; человек принимает какое-нибудь решение, т.е. начинает ряд действий, истекающих прямо от него, виновником которых он считает сам себя; они происходят оттого, что он того желает, и не произошли бы, если бы он не желал; они стали бы иными, если бы он захотел произвести их иначе. Устраните всякое воспоминание о размышлении, сосредоточьте вашу мысль и мысль человека, принимающего какое-нибудь решение на том моменте, когда он принимает его, когда он говорит: «хочу так, сделаю так», и спросите себя, спросите его самого, хочет ли он сделать так. Конечно, вы ответите «да» и он ответит вам «да». В этом обнаруживается факт свободы, он вполне заключается в решении, которое принимает человек вслед за размышлением: решение воли есть акт собственно самого человека; он существует благодаря ему и ему одному; акт простой, независимый

от фактов, предшествующих ему или окружающих его; тождественный среди самых многообразных обстоятельств; постоянно один и тот же, каковы бы ни были его побуждения и результаты.

Человек видит этот акт, милостивые государи, совершенно так же, как он его производит; он чувствует себя свободным, он сознает свободу в самом себе. Сознание есть способность человека созерцать то, что происходит в нем самом, присутствовать при собственном существовании, быть, так сказать, зрителем себя самого. Каковы бы ни были факты, совершающиеся внутри человека, они становятся для него видимыми в факте сознания. Сознание свидетельствует о существовании свободы, как о существовании ощущения, мысли; человек видит и знает, что он свободен, как он видит и знает, что он чувствует, размышляет, судит. Часто пытались (еще и теперь пытаются) установить между этими различными фактами какое-то неравенство по отношению к ясности и достоверности; восстают против того, что называют попыткой ввести в науку неслыханные, темные факты — факты сознания. Ощущение, восприятие — вот, говорят тогда, что ясно и доказано. Но где эти факты сознания? Каковы они? Я не думаю, чтобы мне необходимо было очень настаивать на этом пункте, милостивые государи: ощущение, восприятие — такие же факты сознания, как и свобода; человек замечает их таким же точно образом, с тою же степенью ясности и достоверности. Он может обратить внимание на один из фактов сознания преимущественно перед другими, забыть или оставить в пренебрежении те, на которые он не смотрит, и доказательством возможности этого служит мнение, на которое я в настоящую минуту намекаю; но когда человек наблюдает над собою с надлежащей полнотой, когда он присутствует, ничего не упуская из виду, при зрелище своей внутренней жизни, он без труда убедится, что все сцены происходят в одном и том же театре и сведены к нему на одинаковом основании одним и тем же путем.

Мне бы хотелось, милостивые государи, чтобы факт человеческой свободы, приведенный таким образом к его собственной и отличительной природе, хорошенько запечатлелся в вашем уме, потому что его смешение с фактами, близко подходящими, но отличными, было одной из главных причин неясности и столкновений в великом споре, которым мы будем заниматься.

Другой факт, точно так же естественный, точно так же всеобщий, играл в этом споре значительную роль.

В то же самое время как человек чувствует себя свободным, как он сознает в себе способность начинать ряд фактов по собственному изволению, он сознает, что его воля подчинена известному закону, который, смотря по случаям, к каким он прилагается, принимает различные имена — нравственного закона, разума, здравого смысла и т.д. Человек свободен, но в его собственной мысли эта свобода не есть чистый произвол; он может воспользоваться ею бессмысленным, несправедливым, преступным образом; всякий раз в пользовании свободой

должно властвовать известное правило. Соблюдать это правило — его долг, обязанность его свободы.

Он скоро замечает, что никогда не исполняет в досталь этой обязанности, что никогда не действует согласно с разумом или нравственным законом. Что, хотя он всегда свободен, то есть нравственно способен сообразоваться с правилом, на практике он не делает всего, что должен, ни даже всего, что может делать. В каждом отдельном случае, когда он внимательно спрашивает и добросовестно отвечает себе, он принужден сказать: «Я мог бы, если б захотел», но его воля оказалась распушенной, слабой; она не совершила ни должного, ни возможного. Это факт очевидный, милостивые государи, факт, который каждый из вас засвидетельствует; тут замечается еще та странность, что нередко чувство слабости своей воли становится в человеке яснее, настойчивее по мере того, как развивается и совершенствуется его нравственность: лучшие, то есть те, кто всего более употребляли в дело и развивали свою духовную силу, кто всего лучше умел сообразовать свою волю с разумом и нравственностью, часто наиболее поражены ее недостаточностью, убеждены в глубокой несоразмерности между поведением человека и его обязанностями, между свободой и законом.

Отсюда, милостивые государи, чувство, которое в различных формах встречается у всех людей — чувство необходимости внешнего содействия, опоры для человеческой воли, силы, которая присоединилась бы к его силе и поддержала бы ее в случае необходимости. Человек повсюду ищет этой опоры, этой вспомогательной силы; он требует их от ободрения друзей, от советов мудрости, от примера, от похвалы себе подобных, от боязни порицания; нет человека, который не мог бы каждый день указать из собственного поведения тысячу образчиков этого движения души, с жадностью стремящейся найти вне себя самой помощь своей свободе, действительность и недостаточность которой она в одно и то же время сознает. А так как видимый мир, человеческое общество часто не отвечают его стремлению, так как они поражены той же недостаточностью, то душа ищет вне видимого мира, выше человеческих отношений этой необходимой ей опоры: религиозное чувство развивается, человек обращается к Богу и призывает его себе на помощь. Молитва — высшая, но не единственная форма, в какой выражается это всеобщее сознание слабости человеческой воли, этот призыв на помощь внешней и содействующей человеку силы.

Природа же человека такова, что когда он искренне просит об этой поддержке, он получает ее и что для него почти достаточно искать ее, чтобы найти. Кто, чувствуя слабость своей воли, добросовестно просит ободрения у друга, влияния мудрых советов, поддержки общественного мнения или обратится к Богу с молитвою, тот сейчас же чувствует, что его воля укрепилась, нашла себе опору, по крайней мере до известной степени и на известное время. Это факт ежедневного опыта; его легко проверить.

А вот еще третий факт, важность которого не признать невозможно; я понимаю влияние обстоятельств, не зависящих от человека, на человеческую волю, господство внешнего мира над свободой. Никто его не оспаривает, но его важно представить себе в точности, потому что, если я не ошибаюсь, его обыкновенно понимали неправильно.

Я только что различал свободу и предшествующее ей обсуждение, дело нашего ума. Теперь, милостивые государи, обстоятельства, не зависящие от человека, каковы бы они ни были — место, время, когда человек родился, обычаи, нравы, воспитание, события, нисколько не действуют на самый акт свободы в том виде, как я пытался вам описать его; они его не касаются и не видоизменяют; он остается всегда тем же самым во всех частях, каковы ни будь вызывающие его побуждения. Внешние обстоятельства оказывают свое влияние исключительно на область этих побуждений — область, в которой действует ум; век, страна, мир, в котором протекает жизнь, до бесконечности разнообразят элементы обсуждения, предшествующего воле: вследствие этих видоизменений известные факты, идеи, чувствования присутствуют или отсутствуют в этой умственной работе, стоят на первом или на отдаленном плане, могущественны или слабы, и результат нашего размышления, то есть суждение о побуждениях, вследствие того очень видоизменяется. Но акт воли, следующий за размышлением, остается по своей сущности все тем же самым: только косвенно, вследствие различия элементов, входящих в размышление, поведение человека подчиняется влиянию внешнего мира. Надеюсь, пример вполне объяснит то, что я хочу сказать. Верный нравам своего племени, с сожалением, но все же исполняя свою обязанность, дикарь убивает своего старого больного отца; европеец, напротив, кормит своего, заботится о нем, посвящает себя облегчению его старости и болезней.

Нет ничего более различного между собой, чем идеи, которые в обоих случаях составляют предмет обсуждения, предшествующего действию, равно как и результаты, его сопровождающие; нет ничего более неравного, чем законность, нравственное значение двух действий, взятых сами по себе; но само решение, свободный и личный акт дикаря и европейца, разве не одинаков, если он совершен с тою же целью, с той же степенью усилия? Таким образом, на мотивы и на последствия акта воли, влияние обстоятельств, независимых от воли, громадно; но оно действует только в этой области: внутренний факт, место которого между обсуждением и внешним действием, факт свободы, остается тем же самым и совершается одинаково среди самых различных элементов.

Приступаю к четвертому и последнему из великих фактов, которые необходимо знать, чтобы понять как следует пелагианизм. Я мог бы перечислить еще много других, но они не имеют той важности, вытекают из других, уже разъясненных здесь, и мне некогда на них останавливаться.

Некоторые изменения, некоторые нравственные события совершаются в человеке, и он, однако же, не выводит их из акта своей воли, не признает себя их виновником.

На первый взгляд, это утверждение, может быть, удивит иных. Позвольте мне, милостивые государи, заранее объяснить его примером фактов аналогичных, но чаще совершающихся в умственной области — их легче схватить.

Всякому случалось упорно искать какой-нибудь мысли, воспоминания, заснуть среди этих поисков, оставшихся тщетными, и на другой день, просыпаясь, достигнуть цели. Всякий школьник когда-нибудь лег, не зная урока, а на другое утро выучил его почти без труда. Я мог бы сослаться на множество подобных фактов, но выбираю эти два, как самые неоспоримые и простые.

Я извлекаю из них один вывод: независимо от добровольной и разумной деятельности в уме человека совершается какая-то внутренняя и произвольная работа; мы не управляем ею, мы ее не видим, однако она имеет действительное и богатое последствиями значение.

Тут нет ничего странного: каждый из нас приносит с собою при рождении умственную природу, ему свойственную. Человек направляет и видоизменяет, совершенствует или унижает свой дух с помощью своей воли, но он не создает его; он его получил, — и получил, одаренный известными индивидуальными способностями, самородной силой. Природное различие людей с точки зрения нравственной, так же как и с физической, неоспоримо. А подобно тому, как физическая природа человека развивается самостоятельно и вследствие собственной силы, так точно и в духовной природе его, приведенной в движение отношениями к внешнему миру или волею самого человека, хотя далеко в не равной степени, происходит известное развитие, независимое от воли, незаметное, и, чтоб употребить выражение, из которого бы я не ждал, чтобы делали выводы, но которое высказывает образно мою мысль, какая-то растительная работа, естественно приносящая плоды.

То, что случается в умственном строе, милостивые государи, случается также и в строе нравственном. В душе человеческой совершаются иные факты, которых она себе не приписывает и не объясняет собственной волею; в известный день, в известные минуты она находит себя в ином нравственном состоянии, нежели себя перед тем оставила, нежели себя знала. Она не доходит до источника этих изменений, не присутствовала при них, не помнит, чтобы содействовала их произведению. Иными словами, нравственный человек не создает себя вполне сам; он чувствует, что причины, силы, ему внешние, действуют на него видоизменяющим образом, без его ведома; в нравственной жизни, так же как и в совокупности его доли, есть ему непонятное и неизвестное.

И нет нужды прибегать, чтобы убедиться в этом факте, к великим нравственным переворотам, к внезапным, поражающим переменам; их, может быть, ино-

гда ощущает человеческая душа, но они сильно преувеличиваются в воображении рассказчиков, и их трудно оценить. Достаточно, я думаю, взглянуть на себя, чтобы найти в себе не один пример этих произвольных видоизменений; и каждый из нас, наблюдая над своей внутренней жизнью, без труда увидит, если я не ошибаюсь, что превратности, фазы развития его нравственного существа — не все результат его воли или известных ему и объясняющих их обстоятельств.

Таковы, милостивые государи, главные нравственные факты, с которыми стоит в связи пелагианский спор; вот они без всякой примеси исторических событий и частных обстоятельств, в том виде, как их дает человеческая природа, простая, всеобщая. Вы тотчас видите, что из этих фактов, свободных от всякого специального, случайного элемента, рождается множество вопросов, что не один великий спор может завязаться по их поводу.

Прежде всего, можно отрицать их реальность, но они не все одинаково подвержены этой опасности; факт человеческой свободы, например, более очевиден и неотразим, нежели какой-либо другой; тем не менее его оставляли без внимания, потому что оставить без внимания можно все; для области ошибок нет предела.

Даже признавая эти факты, соглашаясь, что они существуют, можно ошибаться относительно места, какое занимает, роли, какую играет каждый из них в нашей духовной жизни; можно неправильно оценить их обширность, их важность; можно преувеличить или уменьшить значение свободы, внешних обстоятельств, слабости воли, неизвестных влияний и т.п.

Далее, можно попытаться объяснить факты и чрезвычайно расхотиться в объяснениях. Идет ли, например, речь о произвольных, незаметных изменениях, происходящих в человеческой душе? Иные скажут, что душа невнимательна, что она помнит не все, происходящее в ней, что она, по всей вероятности, забыла о том или другом акте воли, решении, впечатлении, вызвавших результаты, за последовательностью и развитием которых она не уследила. Другие прибегнут, чтобы объяснить эти темные факты духовной жизни, к помощи непосредственного, специального влияния свыше на душу человека, на постоянную связь между действиями Бога и деятельностью человека.

Наконец, можно попытаться согласовать эти факты различными способами, систематизировать их в соответствии с тем или другим принципом, свести их к тому или другому общему учению о природе и судьбе человека и мира и т.п. Таким образом, вследствие множества различных причин, тысячи вопросов могут возникнуть из простой природы этих фактов, нас занимающих. Они, если взять их в самих себе и в их общности, представляют богатый предмет для прений.

Что же будет, если частные, местные, минутные причины внесут еще более разнообразия в точки зрения, с которых смотрят на предмет, видоизменяют познания, которые получает о нем человеческий ум, направят этот ум по своему произволу в одну сторону более, нежели в другую, выдвинут на свет или оставят в

тени, увеличат или уменьшат размеры того или другого факта? Так бывает всегда, так было и в V веке. Я старался дойти вместе с вами до источников пелагианского спора, заключающихся в самой природе вещей и нравственных явлений, и теперь мы должны рассмотреть его исторические источники, которые также необходимы для его правильного понимания.

Нравственные факты, описанные мною, по необходимости подали повод к рассмотрению их с различных точек зрения в христианской церкви.

Христианство было по самой сущности своей практическим переворотом, а не реформой в науке и отвлеченном мышлении. Оно поставило себе главной задачей изменить нравственное состояние людей, управлять их жизнью, и по отношению не к отдельным только личностям, а к целым народам, ко всему человечеству.

*Иисус Христос и 12 апостолов.
С мозаики из церкви Св. Агаты в Риме*

Это было, милостивые государи, громадным нововведением: греческая философия, по крайней мере с той поры, как ее история становится ясной и достоверной, была существенно научной философией, гораздо более занималась поиском истины, нежели преобразованием нравственности и господством над нею. Только две школы пошли по несколько иному направлению — стоики и неоплатоники прямо задавались целью повлиять на нравственность, не только просвещать ум, но также направлять и деятельность — но их стремления в этом отношении ограничивались очень незначительным числом учеников, известного рода умственной аристократией. Напротив, отличительным, характеристичным для христианства является притязание быть реформой нравственной и реформой всеобщей, управлять повсюду, во имя своего учения, волею и жизнью.

Отсюда, милостивые государи, проистекала в вождях христианского общества почти неотразимая склонность: среди нравственных фактов, составляющих нашу природу, они должны были особенно выяснить те, которые могут оказать преобразующее влияние, приводят скоро к практическим результатам: на них-то должно было главным образом сосредотачиваться внимание великих епископов, отцов церкви, потому что отсюда они извлекали средства, дававшие возможность христианству идти вперед по своему пути, им самим — исполнять свое назначение.

Мало того, точкой опоры нравственной реформы христианства была религия: в религиозных идеях, в отношениях человека к Божеству, настоящей жизни к будущей, она черпала свою силу. Поэтому ее вожди должны были оказывать пред-

почтение и покровительство тем нравственным фактам, которые имеют религиозную тенденцию, соприкасаются с религиозной стороной нашей природы и стоят, так сказать, на рубеже между обязанностями настоящего и надеждами на будущее, между моралью и религией.

Наконец, потребности и средства христианства, чтобы произвести нравственную реформу и управлять людьми, по необходимости изменялись соответственно различным эпохам и положениям: приходилось, так сказать, обращаться в человеческой душе то к одному факту, то к другому; сегодня к известной склонности, завтра к совершенно иной. Очевидно, например, что в I и V веке задача вождей религиозного общества была неодинакова и что ее нельзя было решить одними и теми же средствами. Преобладающим фактом в I веке была борьба против язычества, потребность разрушить порядок вещей, ненавистный новому состоянию души — одним словом, работа революции, войны. Надо было постоянно взывать к духу свободы, исследования, к энергичному развитию воли; таков был моральный факт, на который ссылались, который развивало христианское общество постоянно, при всяком удобном случае. В V веке положение переменилось; война почти кончилась, победа была одержана; теперь вождям христианства предстояло упорядочить религиозное общество; настало время обнародовать его верования, установить его дисциплину, его чин, наконец, устроить его на развалинах того языческого мира, который оно победило. Эти перемены бывают во всех крупных нравственных переворотах, и мне нечего увеличивать перед вами число примеров. Вы понимаете, что в это время доводилось призывать постоянно не дух свободы, а склонности, содействующие установлению правила, порядка, применению власти, должны были получить предпочтение и стать в свою очередь предметом разработки.

Примените эти соображения к фактам нравственной природы, породившим пелагианский спор, и вы без труда увидите, развитию каких из них должны были особенно содействовать в V веке вожди Церкви.

Была еще одна причина, видоизменявшая точку зрения, с которой они смотрели на нашу нравственную природу. Факты, относящиеся к человеческой свободе, и задачи, возникающие из них, стоят не одиночно; они связаны с другими фактами, с другими задачами, еще более общими и сложными, например, с вопросом о происхождении добра и зла, об общей судьбе человека и его необходимых отношениях к промыслу Божества о здешнем мире. По этим вопросам Церковь держалась уже установившегося учения, определенного образа мыслей, данных наперед решений, и когда возникали новые вопросы, вожди религиозного общества принуждены были ставить свои убеждения в соответствие с общими идеями, с установившимися взглядами. Итак, вот каковы были в подобном случае обстоятельства, осложнявшие их положение. Известные факты, известные нравственные проблемы привлекали их взоры: они могли бы обсудить их, как фило-

софы, с полной свободой ума, отрешаясь от всякого постороннего соображения, с чисто научной точки зрения, но у них в руках была официальная власть, они были призваны управлять людьми, упорядочивать их действия, влиять на их волю — отсюда практическая, политическая необходимость, производившая свое давление на мысль философа и сообщавшая ей известный поворот. Этого мало: философы и политики в то же время должны были ограничиваться обязанностями простых логиков, сообразоваться во всяком случае с последствиями известных принципов, известных неприкосновенных доктрин. Таким образом, они как будто разыгрывали тройкую роль, несли тройкое иго. Они должны были в одно и то же время сообразоваться с природою вещей, с практической необходимостью и с логикой, и всякий раз, как возникал новый вопрос, всякий раз, как им приходилось познакомиться с нравственными фактами, на которые они дотоле не обращали особенного внимания, они должны были действовать и говорить в этих трех качествах, удовлетворять этой тройкой задаче.

Не все христиане, милостивые государи, занимали такое положение в религиозном обществе; не все считали себя призванными, с одной стороны, управлять церковной нравственностью, с другой — доводить ее вероучение до его крайних последствий. Между ними не могли не явиться люди, которые позволяли себе наблюдать и описывать те или другие нравственные явления сами в себе, не заботясь много об их практическом влиянии или об их месте и связи в общей системе. Одаренные сравнительно с вождями церкви умом гораздо менее обширным и могучим, но более свободным в своей ограниченной области, они, принимаясь за менее трудную задачу, могли достигнуть в известных случаях более точного знания. Таким путем должны были произойти ереси и ересиархи.

Таким путем произошло пелагианство. Если я не ошибаюсь, мы знакомы теперь с главными из предшествовавших и, так сказать, внешних условий, предназначенных повлиять на его судьбу. Мы знаем: 1) главные естественные факты, подавшие повод к спору; 2) вопросы, естественно вытекающие из этих споров; 3) особенности точки зрения, с которой эти факты и вопросы должны были рассматриваться в V веке как вождями религиозного общества, так и деятельными и любознательными личностями, появившимися, каждая со своим особым воззрением, в его недрах. Теперь мы можем приступить к самой истории пелагианского спора, ибо у нас в руках путеводная нить, факел, который должен ее осветить.

Спор возник и занял видное место в первые годы V столетия; не то чтобы вопросы о свободе воли и действии Бога на человеческую душу не занимали до той поры христиан: послания апостола Павла и многие другие памятники доказывают противное, но факты признавались или не признавались тогда почти без прений. В конце IV века их начали исследовать с большим любопытством, и некоторых из вождей Церкви это беспокоило: «Не следует, — так выражался сам блаженный Августин, — говорить много о благодати людям, которые не приняли еще христиан-

ства или не утвердились в нем: это вопрос запутанный, который может смутить верующих». Около 405 года британский монах Пелагий (так называют его греческие и латинские летописцы, национальное же имя его было, кажется, Морган) находился в Риме. Много рассуждали о его происхождении, нравственных свойствах, уме, познаниях, и в этих различных отношениях о нем было сказано много дурного, но, кажется, без достаточных оснований; если судить, опираясь на главные свидетельства и на самого Августина, Пелагий был человек хорошего происхождения, хорошо образованный, строгой и чистой нравственности. Итак, он жил в Риме уже в немолодых летах; не давая никаких точных разъяснений, не составляя сочинения, он начал много говорить о свободе воли, настаивать на этом нравственном факте, выдвигать его особенно на свет. Ничто не указывает, чтобы он нападал на кого бы то ни было, искал спора; он, казалось, думал только, что человеческую свободу недостаточно принимали в расчет, что в религиозных воззрениях того времени ей было отведено слишком незначительное место.

Эти мысли не возбудили в Риме никакого волнения, почти не возбудили прений: Пелагий говорил свободно, и его слушали без ропота. Главным его учеником был Целестий, также монах, как думают, по крайней мере, но человек более молодой, более доверчивый, более смелый духом, одаренный большею решимостью делать свои выводы до конца.

В 411 году Пелагий и Целестий уже не в Риме, а в Африке — в Гиппоне и Карфагене. В последнем городе Целестий излагает свои мысли, и тотчас начинается полемика между ним и диаконом Паулином, который обвиняет его в ереси перед епископом. В 412 году собирается собор; Целестий прибывает на него и сильно защищается; его предают проклятию, и он, тщетно попытавшись апеллировать к римскому епископу, отправляется в Азию, куда, как кажется, ему предшествовал Пелагий.

Их учение распространялось; оно находило себе хороший прием на островах Средиземного моря, между прочим на Сицилии и Родосе; св. Августину было послано сочинение Целестия «Definitiones»¹, которое многие спешили прочесть; ему писал об этом сочинении с сильным беспокойством Иларий, житель Галлии. Гиппонский епископ² встревожился: он замечал много ошибочного и опасного в новых взглядах.

Прежде всего, среди фактов, относящихся к нравственной деятельности человека, факт свободной воли был, по-видимому, единственным, обращавшим на себя внимание Пелагия и Целестия. Св. Августин, подобно им, признавал его и много раз высказывал это, но, по его мнению, другие факты должны были занять место наряду с этим: например, недостаточность человеческой воли, необходи-

¹ «Определения» (лат.).

мость помощи извне и нравственные перемены, происходящие в душе так, что она не может приписать их себе одной. Пелагий и Целестий, по-видимому, несколько не принимали в расчет всего этого, и тут крылась первая причина борьбы между ними и епископом Гиппонским, более обширный ум которого обзревал нравственную природу человека с большего числа сторон.

Кроме того, Пелагий, предоставляя свободе воли почти исключительную важность, ослаблял религиозную сторону христианского учения в пользу, если мне позволено будет так выразиться, его человеческой стороны. Свободная воля — достояние человека, и он один является тут действующим лицом. Напротив, в недостаточности человеческой воли и в тех нравственных переменах, которые она себе не приписывает, открывается место для Божественного вмешательства. А так как преобразовательная сила Церкви по самой сущности своей носит религиозный характер, то она, если смотреть с практической точки зрения, могла только потерять от распространения теории, которая на первый план выдвигала факт, не имевший никакого отношения к религии, и оставляла в тени факты, допускавшие применение ее положительно.

Наконец, св. Августин был главою учителей Церкви и, следовательно, более, нежели кто-либо другой, был призван поддерживать общую систему ее верований. А между тем воззрения Пелагия и Целестия противоречили, как ему казалось, некоторым основным пунктам христианской веры, в особенности учению о первородном грехе и искуплении. Поэтому он напал на них в тройном отношении: как философ, потому что их научные убеждения относительно человеческой природы были в его глазах узки и односторонни; как практический реформатор и правитель Церкви, потому что они, по его мнению, ослабляли самое сильное средство реформы и управления; как логик, потому что их воззрения не согласовывались вполне с последствиями, выведенными из основных принципов веры.

Вы видите, какую важность приобретал вместе с этим спор: все было в него замешано — философия, политика и религия, мнения св. Августина и его дела, его самолюбие и долг его. Он всего себя отдал этому спору: издавал трактаты, писал письма, собирал все сведения, которые к нему отовсюду приходили, давал опровержения, советы, вносил во все свои сочинения и меры ту смесь страсти с мягкостью, авторитета с сочувствием, умственной широты со строгой логичностью, которая доставляла ему такую редкую мощь. Со своей стороны, Пелагий и Целестий не оставались в бездействии; они нашли себе на Востоке могущественных друзей. Если св. Иероним громил их в Вифлееме, то Иоанн, епископ Иерусалимский, ревностно покровительствовал им: он созвал ради них собор из пресвитеров своей церкви. Испанец Орозий*, ученик блаженного Августина, находившийся в то время в Палестине, явился на него и рассказал все, что произошло в Африке по поводу Пелагия, изложил все заблуждения, в кото-

*Св. Иероним извлекает занозу
у Льва (А. Дюрер)*

рийского. Два галльских епископа, свергнутых со своих кафедр, Герос, епископ Арльский, и Лазарь, епископ Эсский, подали ему новое обвинение против Пелагия. Сами они не приехали на собор под предлогом болезни, вероятно, узнав, что собор расположен не в их пользу. Пелагий явился по-прежнему под покровительством епископа Иерусалимского: его допросили относительно его мнений; он их объяснил, видоизменил, принял все, что собор представил как истинную доктрину церкви, рассказал, что он вытерпел, сослался на свои отношения ко многим благочестивым епископам, к самому блаженному Августину, который два года перед тем написал ему письмо, оспаривавшее некоторые из его воззрений, но полное благорасположения и мягкости. Обвинение Героса и Лазаря было прочтено, но все-таки по-латыни через посредство переводчика. Собор объявил себя удовлетворенным; Пелагий был оправдан и признан за православного*.

рых его обвиняли: по совету епископа Иоанна призвали Пелагия, спросили его, действительно ли он учит тому, что опроверг блаженный Августин: «Что мне Августин?» — отвечал он. Многие из присутствовавших были неприятно поражены: Августин был в то время самым знаменитым и уважаемым из учителей церкви; Пелагия хотели изгнать и даже предать проклятию, но Иоанн отвратил удар: предложил Пелагию сесть и начал спрашивать, сказав: «Я здесь Августин; ты мне будешь отвечать». Пелагий говорил по-гречески, Орозий по-латыни; члены собрания не понимали его и разошлись, ничего не решив.

Немного спустя, в декабре 415 года, состоялся в Палестине, в Диосполе, древней Лидде*, собор из четырнадцати епископов под председательством Евлогия, епископа Кеса-

Слух об этом решении скоро проник в Африку: вы знаете, какая действительность царствовала тогда в Церкви и с какой быстротой события, новости, сочинения передавались из Азии в Африку, из Африки в Европу, из города в город. Как скоро св. Августин услышал о результатах собора в Диосполе, и хотя он не был еще знаком с его деяниями, он пустил в ход все, чтобы противодействовать его последствиям. В то же самое время в Палестине произошел случай, который бросил тень на дело Пелагия. Он остался в Иерусалиме и проповедовал там свои воззрения с большей уверенностью. В Вифлееме вспыхнуло сильное возмущение против св. Иеронима и монастырей, которые образовались там вокруг него: совершены были тяжкие правонарушения, несколько домов было разграблено и сожжено, один диакон убит, св. Иероним был принужден укрыться в башню. Виновниками этих беспорядков были, как говорят, пелагианцы; ничто не доказывает этого, и я несколько сомневаюсь, чтобы дело было так, но были поводы к подозрениям. И это убеждение сделалось общим; поднялся страшный ропот; св. Иероним написал римскому епископу^{*}, Иннокентию I, и пелагианизм потерпел от этого большой ущерб.

Два торжественных собора происходили в Африке в 416 году — в Карфагене и Милеве: на первом присутствовало 68 епископов, на втором — 61. Пелагий и его учение на них были формально осуждены. Они оба известили папу о своем решении, а блаженный Августин вместе с четырьмя другими епископами написал ему частное письмо, в котором сообщал подробности и приглашал его рассмотреть дело лично, чтобы провозгласить истину и проклясть заблуждение.

27 января 417 года Иннокентий отвечает двум соборам, пяти епископам и осуждает учение пелагиан.

Они, однако, не признали себя побежденными. Два месяца спустя Иннокентий умер; ему наследовал Зосима^{*}; Целестий возвратился в Рим, выхлопотал у нового папы, чтобы его учение было снова подвергнуто рассмотрению: он, вероятно, разъяснил свои мнения так же, как разъяснил их Пелагий в Диосполе, и 21 сентября 417 года Зосима известил тремя письмами африканских епископов, что он тщательно занялся этим делом, выслушал самого Целестия в собрании пресвитеров, происходившем в церкви св. Климента, что Пелагий написал ему письмо в свое оправдание, что его удовлетворили их разъяснения и что он опять принял их в общение с Церковью. Едва пришли эти письма в Африку, как новый собор сошелся в Карфагене (в мае 418 года); двести три епископа присутствовали на нем; он осудил в восьми ясно выраженных канонах доктрину Пелагия и обратился к императору Гонорию, чтобы побудить его относительно еретиков к таким мерам, которые бы оградили Церковь от опасности.

От 418 до 421 года действительно появляются несколько эдиктов и грамот императоров Гонория, Феодосия II и Констанция, которые изгоняют из Рима и

из всех городов, где бы ни попытались они распространять свои пагубные заблуждения, Пелагия, Целестия и их сторонников.

Папа Зосима недолго сопротивлялся авторитету соборов и императоров: он созвал новый собор, чтобы еще раз выслушать на нем Целестия; но Целестий покинул Рим, и Зосима написал африканским епископам, что он осудил воззрения пелагиан.

Еще некоторое время продолжалась ссора; восемнадцать итальянских епископов отказались подписать осуждение Пелагия, за что их лишили кафедр и сослали на Восток. Тройкое осуждение собора, папы и императора нанесло этому делу удар смертельный. С 418 года мы не находим в истории и следа существования Пелагия. Имя Целестия встречается иногда, до 427 года, после чего оно исчезает. Как скоро сошли со сцены эти два человека, их школа быстро начала падать. Мнение св. Августина, принятое соборами, папами и светской властью, становится общей доктриной в церкви. Но чтобы одержать победу, им пришлось вынести еще несколько столкновений: умиравший пелагианизм оставил себе преемника; полупелагиане тотчас возобновили борьбу, которой он не в состоянии был доле вести.

На юге Галлии, в монастырях Леренском и св. Виктора, бывших тогда убежищем смелой мысли, некоторым личностям, в том числе Кассиану, о котором я уже говорил вам, показалось, будто все заблуждение Пелагия состояло в том, что он был слишком исключителен и недостаточно брал в расчет все факты, касающиеся человеческой свободы и ее отношения к могуществу Божию. Недостаточность человеческой воли, например, необходимость помощи извне, перевороты, совершающиеся в душе независимо от нее, были факты действительные, важные, которых нельзя было ни оспаривать, ни оставлять без внимания. Кассиан принял их вполне открыто и этим возвратил учению о свободной воле известную долю того религиозного характера, который так ослабили Пелагий и Целестий. Но в то же время он более или менее открыто оспаривал некоторые из мыслей св. Августина, в частности, его объяснение нравственного преобразования и постепенного освящения человека. Св. Августин приписывал их прямому, непосредственному воздействию Бога на душу, благодати в собственном смысле, благодати, на которую человек не имел сам по себе никакого права, которая была чисто уже даром, зависящим от свободного выбора Божия. Кассиан приписывал больше значения заслугам самого человека; он утверждал, что его нравственное улучшение было частью делом его собственной воли, которая призывала на него божественную помощь и производила вследствие естественной, но часто незаметной постепенности, внутренние перемены, служащие признаком успеха в деле освящения.

Таков был между полупелагианами и их грозным противником главный предмет спора: он начался около 428 года вследствие писем Проспера Аквитанского и Илария, поспешивших уведомить блаженного Августина, что пелагианизм возрождается в новой форме. Епископ Гишонский тотчас написал новый трак-

тат, озаглавленный «De praedestinatione sanctorum, et de dono perseverantiae» (О предопределении святых и о даре устойчивости свыше); Проспер издал свою поэму «Против неблагодарных», и война памфлетов и писем возобновилась со всей горячностью.

Св. Августин умер в 430 году; св. Проспер и Иларий остались одни, чтобы продолжать его дело. Они отправились в Рим и выхлопотали у папы Целестина осуждение полупелагиан. Как ни видоизменено было это учение, оно было неблагоприятно церкви; оно воспроизводило ересь уже побежденную, ослабляло, хотя и в меньшей степени, религиозную пружину нравственности и управления, противоречило общему ходу мысли, имевшему в виду то, чтобы во всех случаях предоставлять главную роль божественному вмешательству; оно пало бы почти без сопротивления, если бы доктрина прямо противоположная, доктрина предопределения, не доставила ему несколько мгновений силы и доверия.

Из сочинений св. Августина о бессилии человеческой воли, ничтожестве ее заслуг и характере свободного вполне дара, какой носит в себе божественная благодать, некоторые беспощадные логики вывели предопределение для всех вообще людей и неизменность решений Бога относительно вечной судьбы каждого. Первые проблески этой доктрины в V веке темны и подвержены сомнению, но она, с той самой поры, как появилась, неприятно поразила здравый смысл и чувство справедливости большинства христиан. Поэтому полупелагиане поспешили выступить против нее и представить свои идеи как естественное противоядие такому заблуждению. Вот в особенности характер, которым старался отметить полупелагианизм около 445 года Фавст, епископ Риесский, ранее уже упомянутый мною; о нем я буду говорить подробнее впоследствии. Он явился чем-то вроде посредника между пелагианами и сторонниками предопределения: в вопросе о благодати Бога и послушании человека, говорил он, необходимо держаться середины и не отклоняться ни в ту ни в другую сторону. По его мнению, Пелагий и блаженный Августин оба были слишком односторонни: один слишком много придавал значения человеческой свободе, слишком мало влиянию Божию; другой слишком оставлял в забвении человеческую свободу. Эта известного рода сделка вначале нашла себе сочувствие в гальской церкви: два собора, Арльский в 478 и Лионский в 473 году, формально осудили сторонников предопределения и предписали Фавсту издать свой трактат, написанный против них, под заглавием «О благодати и о свободе человеческой воли», причем ему было даже приказано кое-что добавить и развить полнее. Но это было для полупелагианизма только роздыхом, промельком счастья, и он скоро впал в пренебрежение.

Блаженного Августина еще при жизни обвиняли в том, что он ведет к доктрине о предопределении, к полному уничтожению свободы воли, и он энергично защищался против этой укоризны. Он, мне кажется, ошибался с точки зрения логики, отрицая следствие, по-видимому, вытекающее из его основных мыслей

о бессилии и испорченности человеческой воли, с одной стороны, о характере божественного вмешательства — с другой. Но обширность ума спасла в данном случае блаженного Августина от заблуждений, в которые его ввергла бы логика, и он был последователен именно благодаря своему высокому разуму. Позвольте мне, милостивые государи, остановиться одну минуту на этом духовном факте, единственно способном объяснить противоречия, в какие впало столько истинно гениальных людей. Я возьму пример из самого близкого нам прошлого, один из самых поразительных примеров. Большая часть из вас читала, конечно, «*Contrat social*»² Руссо³: верховенство числа, численного большинства, есть, как вам известно, основной принцип сочинения, и Руссо долго проводит все его последствия с беспощадной строгостью. Однако он покидает их, наконец, и покидает открыто; он хочет дать зарождающемуся обществу основные законы, конституцию: высокий ум предупреждает его, что такое дело не может исходить от всеобщей подачи голосов, от численного большинства, от массы. «Чтобы давать законы людям, — говорит он, — надо было бы богов... Это не магистратура, не державство... это особенная, высшая обязанность, которая не имеет ничего общего с человеческой властью»³. И он заставляет действовать в данном случае одного законодателя, мудреца, нарушая таким образом свой принцип численного верховенства, чтобы прибегнуть к совершенству иному, к верховенству мысли, к праву высшего разума.

В «*Contrat social*», милостивые государи, и почти во всех сочинениях Руссо вы найдете множество подобного рода противоречий, и они, может быть, самое блестящее доказательство великого ума автора.

Вследствие такой же непоследовательности св. Августин открыто отверг предопределение, веру в которое ему приписывали. За ним другие, более тонкие и узкие диалектики без колебаний дошли до этой доктрины и утвердились в ней: что до него, то он, как скоро, просвещенный своим гением, заметил ее, отвел от нее свои взоры и, не сворачивая вполне с дороги, направил свой полет в другую сторону, наотрез отказываясь уничтожить свободу. Церковь поступила подобно св. Августину: она приняла его учение о благодати и на основании его осудила пелагиан и полупелагиан; точно так же она осудила учение о предопределении, отняв таким образом у Кассиана, у Фавста и у их сторонников предлог, доставивший им некоторое значение. С тех пор полупелагианизм только падал: св. Цезарий, епископ Арльский, возобновил против него в начале VI века войну, которую вели с ним блаженный Августин и св. Проспер; в 529 году его осудили соборы в Оранже и Валансе; в 530 папа Бонифаций II, в свою очередь, поразил его анафемой,

² «Общественный договор» (франц.).

³ *Contrat social*, кн. II, гл. 7.

и он скоро перестал на долгое время волновать умы. Та же участь постигла учение о предопределении.

Ни одна из этих доктрин, милостивые государи, не породила секты в собственном смысле слова: они не отпадали от церкви и не составляли отдельного религиозного общества; они не имели организации, культа. Это были просто мнения, составлявшие предмет спора между умными людьми, мнения, более или менее пользовавшиеся доверием, более или менее противоречившие официальной церковной доктрине, но никогда не угрожавшие ей расколом. Поэтому от их появления, от возбужденных ими споров остались только известные тенденции, известные умственные наклонности, а не секты и не настоящие школы. Во все эпохи развития европейской цивилизации мы находим: 1) умы, преимущественно занятые человеческой стороною нашей нравственной деятельности, фактом свободы; они связаны с пелагианами; 2) умы, которые особенно поражает власть Бога над человеком, божественное вмешательство в человеческую деятельность; они склонны считать человеческую свободу несуществующей ввиду действия Божия и соприкасаются с сторонниками предопределения; 3) между этими двумя тенденциями находится общая доктрина церкви, которая старается принять в расчет все естественные факты — человеческую свободу и божественное вмешательство, — которая отрицает, что Бог все делал за человека, что человек мог сделать все без помощи Божией, и утверждает таким образом, может быть, с большей рассудительностью, нежели научной последовательностью, в области здравого смысла, этом истинном отечестве человеческого ума, который постоянно возвращается туда после долгих блужданий (*post longos errores*).

ЛЕКЦИЯ VI

Общий характер литературы в Средние века. — О переходе от языческой философии к христианскому богословию. — Вопрос о природе души в христианской церкви. —

Большая часть древнего священства высказывается в пользу системы материалистической. — Усилия, направленные на выход из нее. — Аналогичный ход мысли в языческой философии. — Зачатки спиритуалистической системы. — Блаженный Августин, Немезий, Мамерт Клавдиан. — Фавст, епископ Риесский. Его доводы в пользу материальности души. — Мамерт Клавдиан отвечает ему. — Значение, которое имел Мамерт Клавдиан в Галлии. — Анализ его трактата о природе души и цитаты из него. — О «Разговоре между христианином Закхеем и философом Аполлоном» Евагрия. — О влиянии на нравственное состояние Галлии вторжения варваров.

Милостивые государи!

Между вопросом, занимавшим нас в прошедшую субботу, и тем, которым мы будем заниматься сегодня, — большое различие. Пелагианизм был не вопросом только, а событием, он возбудил партии, интересы, страсти, привел в движение соборы, императоров, повлиял на судьбу многих людей. Вопрос о природе души не произвел ничего подобного; она была предметом спора между несколькими умными людьми в отдаленном углу империи. В прошлый раз мне пришлось рассказывать много фактов, сегодня я буду говорить только о книгах и доводах.

Прошу вас обратить внимание на ход наших занятий. Мы начали с рассмотрения социального состояния, внешних фактов общественной жизни; от этого мы перешли к духовному состоянию Галлии; сначала мы искали его проявления в фактах общих, в совокупности общества; потом в важном религиозном споре, в учении отдельном, но деятельном, могущественном, которое сделалось событием; сегодня мы будем изучать его в простой философской полемике. Таким образом, мы все более и более проникаем внутрь умов: мы рассмотрели факты, потом — идеи, смешанные с фактами, теперь перед нами чистые идеи.

Позвольте мне, прежде чем приступить к самому вопросу, сказать несколько слов об общем характере сочинений и всех Средних веков сплошь. Почему они были позабыты так долго и так совершенно? Почему они заслуживают, чтобы в настоящее время на них обратили некоторое внимание? Если вы сравните, с одной стороны, древнюю литературу, греческую и римскую, с другой — новую литературу, в собственном смысле слова, с литературой Средних веков, то, мне кажется, вот что прежде всего остановит на себе ваше внимание.

В древности форма произведений, искусство сочинения и языка удивительны; даже когда содержание незначительно, мысли ложны или запутанны, невежество чрезвычайное, работа все-таки отличается ловкостью и не может не понравиться; она свидетельствует об умах, в одно и то же время непринужденных и требовательных, простых и изысканных — об умах, внутреннее развитие которых значительно выше приобретенных познаний, которые живо чувствуют и отлично воспроизводят прекрасное.

В новой литературе, например, с XVI века, форма часто недостаточна, часто нет ни простоты, ни искусства, но содержание обыкновенно разумно; грубое невежество, уклонения от предмета, путаница становятся все более и более редкими; одним словом, метод, здравый смысл, научное значение преобладают; если ум не всегда удовлетворен, то, по крайней мере, он редко оскорблен; зрелище не всегда прекрасно, но нет уже того хаоса.

Иного рода условия умственных трудов в Средние века: вообще говоря, им недостает художественного достоинства, форма их груба, странна, язык неправилен, метод запутан, ошибочен; они полны уклонений, противоречащих друг другу идей; чувствуешь, что трудились умы еще незрелые, мало образованные,

которым недостает одинаково внутреннего развития и познаний, и ни разум, ни вкус не удовлетворяются ими. Оттого-то они теперь и забыты, тогда как греческая и римская литература пережила общество, в котором она родилась. Между тем под этой столь несовершенной формой, среди этой странной смеси идей и фактов, которые часто плохо поняты и плохо связаны между собою, средневековые сочинения представляют чрезвычайно замечательные памятники деятельности и богатства человеческого ума; в них встречаются смелые и оригинальные взгляды; вопросы разбираются в них часто во всей их глубине; философские истины, литературные красоты часто подобно молнии сверкают среди этой бурной мглы. Мы находим в этой копи грубую руду, но она заключает в себе много металла и стоит разработки.

Кроме того, писания V и VI веков имеют свой особенный характер и интерес: это минута, когда древняя философия умирает и начинается современная теология, когда одна, так сказать, перерождается в другую, когда известные системы становятся догматами, известные школы — сектами. Эти переходные эпохи очень важны, и с точки зрения исторической они, может быть, поучительнее всех других. Это единственные эпохи, когда являются друг около друга известные факты, известные состояния человека и мира, обыкновенно отдаленные и разобщенные веками — единственные потому, что тогда легко можно сравнивать, разъяснять, связывать между собой эти факты и состояния. Человеческий ум, милостивые государи, слишком склонен двигаться по одной колее, видеть вещи только с одной стороны, узкой, исключительной точки зрения, заключать самого себя в темницу, поэтому для него выгодно, когда он принужден самим свойством зрелища, находящегося перед его глазами, оглядываться во все стороны, охватывать широкий горизонт, рассматривать большое количество различных предметов, изучать великие мировые проблемы со всех их сторон и во всех их решениях.

В особенности ясно обнаруживается этот отличительный признак V века на юге Галлии. Вы видели, какая деятельность господствовала там в религиозном обществе, в частности, в монастырях Леренском и св. Виктора — мастерских, где выработывалось столько смелых мнений. Не все это движение умов происходило от христианства; в тех же странах, в Лионской, Нарбоннской, Вьеннской провинциях, в Аквитании, древняя падающая цивилизация сосредотачивалась, так сказать, и сохраняла всего более жизни; Испания, даже Италия были в эту эпоху гораздо менее деятельны, нежели Галлия, гораздо беднее научными изысканиями и писателями. Может быть, надо отнести этот результат преимущественно к развитию, какое получила в тех странах греческая цивилизация, и к продолжительному влиянию философии. Во всех больших городах Южной Галлии, в Марселе, в Арле, в самом Лионе, понимали греческий язык и говорили на нем; в Лионе во времена Калигулы* проходили греческие литературные упражнения в Атенеуме — храме,

предназначенном для этой цели; в начале VI века, когда св. Цезарий, епископ Арльский, пригласил верных петь вместе с клиром, часть народа пела по-гречески. Между пользовавшимися известностью галлами того времени мы встречаем приверженцев всех философских школ Греции: один упоминается как пифагореец, другой — как последователь Платона, третий — как эпикуреец, четвертый — как стоик. Гальские сочинения IV и V веков, в частности то, о котором я буду вам сегодня говорить, трактат «О природе души» Мармерта Клавдиана, приводят отрывки и имена философов, не встречающиеся нигде больше. Все доказывает, одним словом, что, с точки зрения философской, так же, как и религиозной, Галлия не только христианская, но равно римская и греческая, была в это время, по крайней мере на Западе, самой деятельной и полной жизни частью империи. Поэтому-то здесь переход от языческой философии к христианскому богословию, от древнего мира к новому всего яснее запечатлелся и всего лучше может быть предметом наблюдения.

В этом движении умов вопрос о природе души был не новостью: в течение всех веков, начиная с первого, его разбирают учителя церкви, и большая часть их высказывается в пользу материальности. Относящихся сюда мест очень много, и я приведу только несколько самых убедительных. Тертуллиан* говорит прямо:

«Телесность души блестящим образом высказывается перед глазами наших сторонников в Евангелии. Душа человека страдает в аду; она объята пламенем; она чувствует жестокую боль в языке и молит другую, более счастливую душу, чтобы та доставила ей каплю воды... Все это не имеет смысла без тела, бестелесное существо свободно ото всех оков, чуждо всякому страданию и удовольствию, потому что человек чувствует кару и наслаждение через посредство своего тела¹».

«Кто не понимает, — говорит Арнобий*, — что существо простое и бессмертное не может знать страдания?²»

*Застежка св. Цезария,
епископа Арльского*

¹ Тертуллиан. De anima, гл. 5, 7.

² Арнобий. Adversus gentes, кн. II.

«Мы представляем себе, — говорит Иоанн Дамаскин*, — бестелесные и невидимые существа двояким образом — одни таковы по своей сущности, другие по благодати; одни бестелесны от природы, другие же лишь относительно и в сравнении с грубою материею. Так, Бог бестелесен по природе; что же до ангелов, демонов и душ (человеческих), то их называют бестелесными только по благодати и сравнивая их с грубостью материи³».

Я мог бы до бесконечности умножить число этих цитат, и они все показывали бы, что материальность души была в продолжение первых веков не только принятым, но даже и господствующим мнением.

Церковь, однако, явно шла к тому, чтобы покинуть его. Отцы церкви постоянно селятся представить себе душу иначе, то есть нематериальною. Фраза, приведенная мной из Иоанна Дамаскина, может уже служить примером этому; вы видите, что он допускает известное различие между материальными существами. Отцы церкви, философы вступают на ту же дорогу и стараются идти по ней еще дальше. Ориген*, например, высказывает свое удивление по поводу того, что материальная душа может иметь представление о предметах нематериальных и прийти к истинному познанию; он заключает из этого, что материальность ее только относительная, то есть что, будучи материальной по отношению к Богу, единственному вполне духовному существу, она не такова по отношению к живым предметам, к видимым и грубым телам⁴.

Одинаков был ход мысли и в языческой философии; в ее первых опытах преобладает также верование в материальность души и в то же время какое-то постепенно растущее усилие представить себе душу в более возвышенной, чистой форме: одни делают из нее воздух, дуновение; другие утверждают, что это огонь; все стараются очистить, утончить, одухотворить материю в надежде прийти к цели, которой они задались. То же самое желание, то же направление существовало в христианской церкви; тем не менее идея материальности души была более распространена между христианами первых четырех веков, нежели между язычниками того времени. Некоторые отцы церкви поддерживают эту доктрину против языческих философов и во имя религиозного интереса; они хотят материальности души, с тем чтобы ее можно было наградить и наказывать, чтобы, переходя от одной жизни к другой, она находилась в состоянии, подобном земному; наконец, чтобы она никогда не забывала, насколько она ниже Бога и никогда не пыталась сравниться с ним.

В конце IV века происходит нечто вроде переворота по этому вопросу в недрах церкви; учение о нематериальности души, о первоначальном и существенном различии между двумя субстанциями, появляется тогда если не в первый раз, то,

³ Св. Иоанн Дамаскин. De orthodoxa fide, кн. II, гл. 3, 12.

⁴ Ориген. De principiis. I, 1; II, 2.

по крайней мере, гораздо положительнее, гораздо определеннее, нежели это случилось дотоле. Его исповедуют и поддерживают: 1) в Африке блаженный Августин в своем трактате «De quantitate animae»⁵; 2) в Азии Немезий, епископ Эмесский, который написал чрезвычайно замечательное сочинение «О природе человека» (περὶ φύσεως ἀνθρώπου); 3) в Галлии Мамерт Клавдиан, автор «De natura animae»⁶.

Так как мы ограничиваемся историей галльской цивилизации, то нам надлежит заняться только последним.

Оно было написано по следующему поводу. Уже известный вам Фавст, епископ Риесский, пользовался в галльской церкви большим влиянием. Рожденный, подобно Пелагию, в Бретани*, он, неизвестно с какой целью, пришел на юг Галлии, постригся в монахи в Леренском монастыре и в 433 году сделался его аббатом (настоятелем). Он основал там большую школу, куда принимал детей богатых родителей и воспитывал их, преподавая им все известные в то время науки. Он часто рассуждал со своими монахами о философских вопросах и, как кажется, обладал замечательным талантом импровизатора. Около 462 года он сделался епископом Риесским. Я вам говорил об участии, какое он принимал в полупелагианской ереси, и о его книге против сторонников предопределения. Это был ум деятельный, самостоятельный, несколько задорный и всегда готовый принять участие во всех возникавших спорах. Неизвестно, какие обстоятельства обратили его внимание на природу души; он трактует о ней в конце длинного письма философского содержания, обращенного к одному епископу, и где разбираются несколько вопросов; он объявляет себя сторонником материальности души и, таким образом, формулирует свои главные доводы:

«1) Иное дело предметы невидимые, иное — бестелесные.

2) Все, что сотворено, есть материя, уловимо для Творца и телесно.

3) Душа занимает определенное место: а) она заключена в теле; б) она не присутствует повсюду, куда переносится ее мысль; в) по крайней мере, она бывает только там, куда перенеслась ее мысль; г) она отлична от своих мыслей, которые видоизменяются и исчезают, тогда как она постоянно одна и та же; д) она покидает тело при смерти и входит в него снова при воскресении, о чем нам свидетельствует Лазарь; е) различие между адом и раем, вечным наказанием и вечной наградой доказывает, что даже после смерти души занимают известное место и что они телесны.

4) Один Бог бестелесен, потому что он неуловим и распространен везде»⁷.

⁵ «О количестве души» (лат.).

⁶ «О природе души» (лат.).

⁷ Я воспользовался текстом письма Фавста, помещенным в трактате Мамерта Клавдиана «De natura animae», который издан с примечаниями Андрея Шотта и Гаспара Барта, в Цвикау, 1655.

Эти положения, выставленные твердо и определенно, развиты, однако, мало, и когда автор пускается в какие-либо подробности, он черпает их по большей части у богословов, из повествований Священного Писания и опираясь на его авторитет.

Письмо Фавста распространилось без упоминания его имени и наделало довольно шуму. Мамерт Клавдиан, брат св. Мамерта, епископа Вьеннского и сам пресвитер этой церкви, отвечал ему своим трактатом «De natura animae», сочинением гораздо более крупным, нежели то, против которого оно написано. Мамерт Клавдиан был в то время самым ученым и уважаемым философом Южной Галлии: чтобы дать вам понятие о его известности, я прочту вам письмо Сидония Аполлинария к его племяннику Петрею, написанное вскоре после смерти философа. Оно носит совершенно тот же характер, как и остальные письма Сидония; все напряжение, вся пустота завязанного умника примешиваются в нем к истинному чувству и любопытным фактам.

«Сидоний своему дорогому Петрею⁸, поклон⁹.

Я удручен потерей, понесенную нашим веком вследствие недавней кончины твоего дяди Клавдиана, отторгнутого от наших взоров, которые никогда, пожалуй, более не встретят подобного человека. Действительно, он был полон мудрости и осторожности, он был учен, красноречив, изобретателен, самый остроумный из людей своего времени, своей страны, своего народа. Он не перестал быть философом, но никогда не оскорблял религии, и несмотря на то, что не занимался отращиванием бороды и волос, несмотря на то, что смеялся над плащом и тростью философов, иногда даже ненавидел их, он только внешностью и верою отличался от своих друзей, последователей Платона. Боже милосердный! Какое было счастье, когда мы приходили к нему посоветоваться! Как он вдруг отдавал себя вполне всем, без колебаний и надменности, считая величайшим удовольствием открыть сокровища своей науки, как скоро доводилось сталкиваться с трудностями какого-нибудь неразрешимого вопроса! Тогда, если мы, бывало, сядем вокруг него большим обществом, он на всех нас налагал обязанность слушать и только одному, которого мы бы и сами, может быть, выбрали, предоставлял право говорить; потом он обнаруживал перед нами все богатства своего знания, медленно, постепенно, в совершенном порядке, без малейшей прикрасы в жесте или слове. Как скоро он, бывало, кончит, мы высказывали ему наши возражения в форме силлогизмов; но он опровергал опрометчивые заключения каждого, и таким образом ничего не принималось иначе, как после зрелого обсуждения и доказательства. В особенности возбуждало наше уважение то, что он без малейше-

⁸ Сын сестры Мамерта Клавдиана.

⁹ IV, 11.

го неудовольствия переносил ленивое упрямство некоторых; в его глазах это был простительный недостаток, и мы удивлялись его долготерпению, не умея, однако, подражать ему. Кто мог бы побояться обратиться за советом, для разрешения трудных задач, к человеку, который не отстранял себя ни от какого спора, не отказывался ни от какого вопроса, даже со стороны глупцов и невежд? Довольно о его занятиях и познаниях; но кто мог бы достаточно и прилично воздать хвалу прочим достоинствам этого человека: всегда сохраняя память о слабостях человечества, он помогал клиру своими трудами, народу — своими проповедями, горюющим — своим утешением, оставленным — своими увещаниями, узникам — своими деньгами, голодным — доставляя им пищу, нагим — доставляя им одежду? Я думаю, что об этом было бы излишне больше говорить...

Вот то, что мы хотели сказать прежде всего; в честь этого неблагодарного пепла, как говорит Вергилий (неблагодарного потому, что он не может уже отблагодарить нас), мы составили горестную и жалобную песнь, составили с большим трудом, потому что, так как мы уже ничего давно не диктовали, нам было труднее это сделать; тем не менее наш ум, ленивый от природы, был оживлен печалью, стремившейся излиться в слезах. Вот эти стихи.

«Под эту муравую покоится Клавдиан, гордость и горесть своего брата Мамерта, которого ценили, подобно дорогому камню, все епископы. В этом наставнике блистала тройкая мудрость, мудрость Рима, Афин и Христа; в цветущем возрасте, будучи простым монахом, он тайно приобрел ее всю. Оратор, диалектик, поэт, глубоко ученый знаток Священного Писания, геометр и музыкант, он превосходно умел распутывать самые запутанные вопросы и поражать мечом секты, нападавшие на католическую веру. Искусный петь псалмы, перед алтарями и к великой признательности своего брата, он научил извлекать приятные звуки из музыкальных инструментов. Он определил, что должно было читаться при каждом случае, для торжественных празднеств. Он был пресвитером второй степени и снял бремя епископства с плеч своего брата, потому что тот носил его знаки, а он весь труд. Итак, ты, друг читатель, который печалишься, как будто бы ничего не осталось от такого человека, кто бы ты ни был, перестань орошать слезами свои щеки и этот мрамор; душа и слава не могут быть погребены в этой могиле».

Вот стихи, начертанные мною над останками того, который был всем нам братом».

Сидонию Мамерт Клавдиан посвятил свое сочинение.

Оно было разделено на три книги. Одна первая действительно философского содержания: вопрос разобран в ней сам по себе, независимо от всякого частного факта, от всякого авторитета и совершенно с точки зрения разума. Во второй сочинитель ссылается в подкрепление своего мнения на авторитет сначала греческих, потом римских философов, наконец, священных книг, Евангелия, посланий ап. Павла, отцов церкви. Третья книга имеет задачей главным образом объяс-

нить по системе нематериальности души некоторые предания христианской религии, например, воскресение Лазаря*, существование ангелов, явление ангела Гавриила* Деве Марии. И показать, что система не только противоречит им и не затрудняется ими, а, напротив, допускает их и отдает в них отчет, по крайней мере, как и всякая другая.

Классификация не так строга, как я сказал; мысли и аргументы часто перемешаны, философское рассуждение появляется местами в книгах, которые посвящены ему, однако если принять все в расчет, то сочинение это не лишено ни метода, ни точности.

Я представлю вам общий перечень его в том виде, как сделал сам Мамерт Клавдиан — в десяти тезисах или положениях, в предпоследней главе третьей книги. Потом я вам приведу буквально несколько мест, показывающих, с одной стороны, с какой глубиной и силою мысли автор вник в свой вопрос, с другой — какие странные и нелепые представления могли соединяться в то время с самыми возвышенными и правильными идеями.

«Так как многое из того, что я высказывал в этом споре, — говорит Мамерт Клавдиан, — разбросано и может представлять затруднения для памяти, то я думаю все это сблизить, сжать и сопоставить, так сказать, в одну точку перед умственными очами:

1) Бог бесплотен, человеческая душа есть образ Божий, потому что человек был создан по образу и подобию Божию. А тело не может быть образом существа бестелесного; следовательно, человеческая душа, которая есть образ Божий, бесплотна.

2) Все, что не занимает определенного места, бестелесно. Душа есть жизнь тела, и в живом теле каждая часть живет столько же, сколько все тело. Следовательно, в каждой части тела столько же жизни, сколько и во всем теле, и жизнь эта — душа. То, что одинаково велико в известной части и в целом, в маленьком пространстве и в большом, не занимает места; следовательно, душа не занимает места. То, что не занимает места — бестелесно, следовательно, душа бестелесна.

3) Душа рассуждает, и способность рассуждать присуща субстанции души. Рассудок бестелесен и не занимает места в пространстве; следовательно, душа бестелесна.

4) Воля души есть самое существо ее, и когда душа хочет, она вся — воля. Воля не тело; следовательно, душа бестелесна.

5) Точно так же память есть способность, которая не имеет ничего местного; она не расширяется, чтобы вспомнить о большем количестве предметов, не сжимается, когда надо вспомнить о меньшем количестве; она помнит нематериально, даже о вещах материальных. А когда душа вспоминает, она вспоминает вся, вся делается воспоминанием. Воспоминание не тело, следовательно, душа не тело.

6) Тело с помощью осязания ощущает давление в том месте, где его касаются; душа вся ощущает давление, не всем телом, а частью тела. Ощущение такого рода не имеет ничего местного; то, что не имеет ничего местного, бестелесно; следовательно, душа бестелесна.

7) Тело не приближается к Богу и не удаляется от него, не изменяя своего места; следовательно, душа не тело.

8) Тело движется в известном месте, от одного места к другому; душа не имеет подобного движения; следовательно, душа не есть тело.

9) Тело имеет длину, ширину, глубину; а то, что не имеет ни длины, ни ширины, ни глубины, не тело. Душа ничего подобного не имеет; следовательно, она не тело.

10) Во всяком теле есть правая сторона, левая, верх, низ, перед, зад; в душе ничего подобного; следовательно, душа бестелесна¹⁰.

Вот некоторые из важнейших разъяснений, служащих опорой этим положениям.

I

Ты говоришь, что одно дело душа, другое — мысль души; тебе бы надо было сказать, что вещи, о которых душа мыслит, не душа; мысль же не что иное, как сама душа. Душа, говоришь ты, находится иногда в таком покое, что ни о чем не мыслит. Это неправда: душа может переменить мысли, но не может совсем не мыслить. Что значат наши сны, как не то, что когда даже наше тело утомлено и погружено в сон, душа не перестает думать? Тебя вводит в заблуждение относительно души то, что ты различаешь душу и ее способности. То, о чем душа думает, есть акциденция, но то, что думает (само думающее), есть субстанция души¹¹.

II

Душа видит телесное через посредство тела, бестелесное — сама собою. Без посредства тела она не видит ничего телесного, окрашенного в известный цвет, занимающего известное пространство, но она видит истину, видит нематериальным оком... Если, как ты утверждаешь, душа сама по себе тело и, заключенная во внешнем теле, может сама видеть телесный предмет, то ей бы всего легче было, конечно, видеть внутренность тела, в котором она заключена. Ну, приготовляйся, возмись за работу всеми силами, направь на твои внутренности и на все твое тело это телесное зрение души, как ты его называешь; скажи нам, как расположен мозг, где находится масса печени, как прикрепена селезенка...

¹⁰ III, 14. С. 201–202.

¹¹ I. С. 83.

каковы извилины и устройство кровеносных сосудов, зачатки нервов. Как! Ты отрицаешь, что ты должен отвечать на этот счет: отчего же? Потому что душа не может видеть тело прямо и сама собой. Отчего же не может она, хотя она всегда мыслит, то есть всегда видит? Потому что никто не может без посредства телесного зрения видеть телесные предметы. Душа, которая видит сама собою иные вещи, только не телесные, видит, следовательно, не телесным зрением: одно бестелесное существо может видеть бестелесным зрением; следовательно, душа бестелесна¹².

III

Если душа есть тело, то что же она называет своим телом, как не самое себя? Или душа есть тело, и в таком случае она напрасно говорит: «Мое тело», ей следовало бы говорить: «Я», потому что речь идет о ней самой; или если душа имеет разумное основание говорить: «Мое тело», как мы думаем, то она не тело¹³.

IV

Не без основания говорят, что память есть одинаково и у людей, и у животных: аисты и ласточки возвращаются к своим гнездам, лошади — к конюшням, собаки узнают своего хозяина. Но так как душа животных хотя и сохраняет образ различных местностей, однако не имеет сознания о себе самой, познания их ограничиваются воспоминанием о телесных предметах, с которыми они ознакомились посредством телесных чувств; лишенные умственного зрения, они не в состоянии видеть не только того, что выше их, но даже и самих себя¹⁴.

V

Нам представляют грозный силлогизм, который считают неразрешимым: душа, говорят нам, присутствует там, где она находится, и отсутствует там, где ее нет. Надеются заставить нас сказать, что она повсюду или что ее нет нигде: в таком случае, рассуждают, если бы она была везде, она была бы Богом, если бы ее не было нигде, то она не существовала бы. Душа не находится вся во всем мире, но точно так же, как Бог весь во Вселенной, душа вся в теле. Бог не наполняет самой маленькой своей частицей самую маленькую частицу мира, самой большой — самую большую: он весь в каждой из частей и весь в целом. Точно так же душа не обитает различными частями своими в различных частях тела; не какая-нибудь часть души чувствует через посредство глаза, не другая какая-нибудь оживляет

---

¹² III, 9. С. 187–188.

¹³ I, 16. С. 53.

¹⁴ I, 21. С. 65.

палец — вся душа живет в глазу и видит через него, вся душа оживляет палец и чувствует через него¹⁵.

VI

Душа, ощущающая в теле, хотя и ощущает через посредство видимых органов, однако ощущает невидимо. Одно дело глаз, другое — зрение, одно дело уши, другое — слух; одно дело ноздри, другое — обоняние; одно дело рот, другое — вкус; одно дело рука, другое — осязание. Мы различаем с помощью осязания теплое и холодное, но мы не осязаем ощущения осязания, которое ни тепло, ни холодно. Орган, посредством которого мы получаем ощущения, и ощущения, нами получаемые, не одно и то же¹⁶».

Конечно, милостивые государи, в этих идеях есть и возвышенность, и глубина; они сделали бы честь философам всех времен, и редко природа души и ее единство рассматривались тщательнее и бывали описываемы с большей точностью. Я мог бы привести еще несколько мест, замечательных по тонкости очерков, по энергичности полемики, даже иногда по глубине нравственного чувства и по истинному красноречию.

Однако вот два параграфа, написанные все тем же человеком, в то же самое время и в той же самой книге. Мамерт Клавдиан на аргументы Фавста, который считал душу состоящей из воздуха, отвечает рассуждением, основанным на старой теории*, что воздух, огонь, земля и вода суть четыре существенные стихии природы.

«Огонь, — говорит он, — очевидно элемент высший, нежели воздух, как по месту, им занимаемому, так и по могуществу. Это доказывается движением земного огня, поднимающегося к небу как к своей родине, вследствие почти непонятого движения, по естественному порыву. Если этого доказательства мало, то вот другое: воздух освещается присутствием солнца, то есть огня, и впадает в мрак благодаря его отсутствию. Еще более сильным доводом может служить то, что воздух подчиняется действию огня и нагревается, тогда как огонь не подчиняется действию воздуха и не охлаждается. Воздух можно заключить в сосуды и удержать в них, огонь — никогда. Таким образом, первенство огня несомненно. Между тем от огня, от его света, мы получаем способность зрения, способность, которой одинаково обладают человек и животные и в которой даже иные неразумные животные превосходят человека по силе и тонкости. Поэтому если, как всем известно, зрение происходит от огня и если, как ты думаешь, душа сделана из воздуха, то отсюда следует, что глаз животного по достоинству выше души человека».

¹⁵ III, 2. С. 164.

¹⁶ I, 6. С. 31.

Это ученое смешение материальных и умственных фактов, эта попытка установить какую-то иерархию заслуг и степеней между стихиями, чтобы вывести отсюда философские результаты, не напоминает ли все это детский возраст науки и человеческого разума?

Вот еще довод в пользу нематериальности души, с виду менее странный, но ничем не лучший.

«Всякое бестелесное существо по достоинству своей природы выше, нежели телесное; всякое существо, не стесненное в известном пространстве, выше существа, прикованного к месту; существо неделимое — делимого. Если Творец, всемогущий и всеблагой, не создал, как должен был создать, сущность, более высокую, нежели тело, и подобную Ему, то это происходит или оттого, что Он не хотел, или оттого, что не мог. Если Он хотел и не мог, то, значит, Ему недоставало всемогущества; если Он мог и не хотел (уже сама мысль о том — преступление), то это могло быть только из зависти. Невозможно, чтобы всемогущество не было в состоянии что-либо сделать или чтобы высшая благодать была завистлива. Следовательно, Он мог и хотел создать бестелесное существо; следовательно, Он создал его».

Были ли я неправ, милостивые государи, когда говорил вам об этих странных сближениях, об этом смешении высоких истин и грубых заблуждений, воззрений, внушающих удивление, и смешных понятий, которое характеризует сочинения этой эпохи? А в книге Мамерта Клавдиана эти контрасты встречаются все реже.

Вы теперь достаточно знакомы с нею, чтобы оценить ее общий характер: в ее совокупности, это — сочинение скорее философское, нежели богословское, и однако в нем преобладает религиозный принцип. Я говорю так, потому что идея божества — исходный пункт всего спора: автор не начинает с наблюдения и описания фактов человеческой природы, фактов частных, действительных, чтобы подняться потом постепенно до божества. Бог для него есть факт первоначальный, всеобщий, очевидный, основная истина, к которой относятся и с которой должны сообразоваться все вещи; он всегда спускается от Бога к человеку, и из Божественной природы он всегда выводит нашу. Метод этот он заимствует, очевидно, у религии, а не у науки. Но после того как установлена эта фундаментальная истина, допущен этот логический прием, он, говоря вообще, в философии черпает свои идеи и способ их изложения; его язык — язык школы, не церкви; он взывает к разуму, не к вере; в нем виден то академик³, то стоик⁴, чаще последователь Платона, но всегда философ, отнюдь не священник, хотя христианин не исчезает никогда.

Таким образом, обнаруживается слияние языческой философии и христианской теологии, переход одной в другую. И замечательно то, что аргументация, имеющая целью установить нематериальность души, происходит более из язы-

ческой философии, нежели из христианства, и что автор, по-видимому, намерен главным образом убедить богословов, доказав им, что христианская вера не заключает в себе ничего такого, что не согласовалось бы отлично с результатами, к которым приводит разум.

Этот переход от древней философии к новейшему богословию должен был бы еще более выразиться, еще сильнее запечатлеться в разговоре христианина Закхея и философа Аполлония, написанном монахом Евагрием^{*}; действительно, тут оба вероучения и общества стоят прямо лицом к лицу, чтобы посчитаться в своих достоинствах. Но спор только кажущийся; он существует только в заглавии. Я не знаю ничего, что бы лучше показывало, насколько язычество уже вымерло тогда в народных умах. Философ Аполлоний начинает разговор заносчивым тоном, он как будто готов разбить христианина в прах; заранее презирая аргументы, которые ему можно представить, он говорит: «Если ты всмотришься внимательно, то увидишь, что все религии и священные обряды имеют разумные основания; но ваши верования до того пусты и неосновательны, что они, кажется, могут быть приняты только по глупости¹⁷».

Однако эта заносчивость бесплодна: в продолжение всего разговора Аполлоний не выставляет ни одного аргумента, ни одной мысли, ничего не доказывает и ни на что не отвечает; он говорит только, чтобы вызвать речи Закхея, который, со своей стороны, нимало не заботится ни о язычестве, ни о философии своего противника, не опровергает их, едва намекает на них изредка и думает только о том, чтобы изложить историю и веру христианства, выдвинуть вперед их полное согласие и неотразимый авторитет. Конечно, эта книга — сочинение христианина, и молчание, налагаемое им на своего философа, не доказывает, чтобы философы тогда действительно молчали. Но не таков характер первых прений христианства с древней философией, пока последняя была еще жива и могущественна; тогда оно принимало в расчет аргументы своих противников, говорило о них и опровергало их; спор был действительный и оживленный. Тут же нет спора; христианин учит философа, излагает ему свое вероучение и не считает себя обязанным делать что-либо другое.

Мало того: он делает уступку, оказывает ему милость, принимая на себя этот труд; спор с язычниками был в то время какою-то роскошью, которой христиане не считали уже необходимою.

«Многие, — говорит Евагрий в предисловии к своей книге, — думают, что следует скорее презирать, нежели опровергать все возражения язычников — настолько они пусты и лишены истинной мудрости; но в таком презрении есть,

¹⁷ Разговор между Закхеем и Аполлоном, в собрании Ашери. Т. X. 3.

мне кажется, бесполезная гордость, и я вижу в поучении язычников двойную выгоду: во-первых, всем тогда станет ясно, до какой степени наша религия свята и проста; во-вторых, наученные таким образом, они начинают верить в то, что презирали, не зная... Притом когда мы приближаем светильник к глазам слепых, то они если даже и не видят его света, чувствуют по крайней мере его теплоту».

Последняя фраза прекрасна и выражает чувство, полное симпатии.

Замечательным мне кажется в этом разговоре одно: вопрос ставится ясно между рационализмом и христианским откровением; не то чтобы прения по этому поводу были реальнее и обширнее, нежели по другим: мысль эта выражается всего лишь в нескольких фразах, но она, очевидно, сидит во всех умах и составляет как бы последнее прибежище, в котором защищается философия. Вы видели, что Аполлоний преимущественно упрекает христианскую доктрину в безрассудности. Закхей отвечает ему:

«Всякий легко может научиться от Бога, если только Божественные поучения могут быть пригодны для вашей мудрости... потому что вы ведь порешили, что мудрец ничего не берет на веру, ни в чем не ошибается, но все знает сам собой и не допускает, чтобы что-нибудь было скрыто или неведомо, чтобы для Творца возможно было что-нибудь большее, чем для творения. И преимущественно против христиан вы пользуетесь этим доводом»¹⁸.

В другом месте сказано:

«Религия следует за верой, и только с помощью веры человеческий ум познает высшее, относящееся к Богу»¹⁹.

Любопытно было бы изучить состояние рационализма в ту эпоху, причины его упадка, его усилия избегнуть такой доли путем преобразований, но это завело бы нас слишком далеко, и притом великая борьба рационализма и христианства произошла не в Галлии.

Второй разговор Евагрия, между христианином Феофилом и евреем Симоном, вовсе не важен: он заключает в себе только объяснения, комментарии, мелкий, так сказать, разбор нескольких текстов Священных книг.

Я мог бы сослаться и привести вам места из множества других сочинений того же времени и того же рода. Я выбрал самые замечательные, характеристичные, те, которые всего более способны познакомить вас с состоянием умов в эту эпоху, с их деятельностью. Она была значительна, хотя и сосредотачивалась, правда, вся в религиозном обществе; последние живые еще остатки древней философии обращались на службу христианству; в религиозной форме и в самых недрах

¹⁸ С. 3.

¹⁹ С. 9.

христианства воспроизводились идеи, школы, вся наука философская, но под этим условием они все еще занимали умы и играли важную роль в нравственном состоянии нового общества.

Таково было движение, остановленное вторжением варваров и падением Римской империи: сто лет спустя нет более ни следа того, что я вам изобразил; нет более и речи об этих прениях, путешествиях, переписках, памфлетах, обо всей этой умственной деятельности в Галлии VII века.

Было ли это значительною потерей? Задумано ли вторжением варваров важное и плодотворное движение? Я очень в этом сомневаюсь. Припомните, пожалуйста, то, что я имел честь вам сказать насчет существенно практического характера христианства: умственный, интеллектуальный прогресс, наука в собственном смысле слова не были его целью, и хотя оно во многих пунктах связано было с древней философией, хотя оно умело усвоить себе ее идеи и извлечь из них благую часть, оно нимало не старалось продолжить ее или заступить ее место; изменить нравы, управлять жизнью — вот что было преобладающею мыслью у его вождей.

Притом несмотря на свободу мысли, которая в V веке подлинно господствовала в религиозном обществе, принцип свободы не преуспевал; напротив, принцип авторитета, принцип официального господства общей и строгой дисциплины над умами начинал преобладать. Еще сильная на практике, свобода тем не менее приходила в упадок; будущее принадлежало авторитету. Факт этот очевиден, сочинения того времени доказывают его на каждом шагу. Притом это был результат, вытекавший почти с силою необходимости из свойства христианской реформы; будучи более реформой нравственной, нежели научной, она задавалась целью установить закон, господствовать над волей, поэтому она прежде всего нуждалась в авторитете: авторитет при таком состоянии нравственности был самым верным, самым действенным ее средством.

Вторжение варваров и падение Римской империи прежде всего остановили, даже уничтожили интеллектуальное движение; что только оставалось от науки, философии, умственной свободы, то погибло под их ударами. Но нравственное движение, практическая реформа христианства и официальное установление его авторитета над народами не потерпели ущерба от этого; может быть, они даже выиграли, а не проиграли: по крайней мере, мне кажется, что история нашей цивилизации, по мере того как мы будем продвигаться вперед в ее изучении, позволит нам прийти к такому заключению^o.

Таким образом, вторжение варваров не уничтожило ничего собственно живого; в сущности, умственная деятельность и свобода приходили в упадок; все заставляет думать, что они остановились бы сами собою; варвары остановили их только грубо и до срока. Вот, кажется, все, в чем их можно обвинить.

Мы достигли, милостивые государи, пределов, которыми должны ограничиться, окончили картину римского общества в Галлии в тот момент, когда оно пало: мы знаем его если не вполне, то, по крайней мере, в существенных чертах. Чтобы как должно подготовиться к пониманию наследовавшего ему общества, мы должны теперь изучить новый элемент, примешавшийся к нему — варваров. Их состояние перед вторжением до того времени, как они ниспровергли римское общество и сами изменились под его влиянием — таков будет предмет нашей следующей беседы.

ЛЕКЦИЯ VII

О германском элементе в новой цивилизации. — О памятниках древнего состояния общества у германцев. — 1) Греческие и римские историки. — 2) Законы варваров. — 3) Национальные предания. — Эти памятники относятся к весьма различным эпохам. Ими часто пользовались вперемешку. Происходящее от этого заблуждение. — Сочинение Тацита о нравах германцев. — О мнениях новых немецких писателей относительно древнего германского общества. — Какой образ жизни преобладал в нем — жизнь бродячая или оседлая? — Об учреждениях. —

О нравственном состоянии. — Сравнение между бытом германских племен и других диких народов. — Неверность большей части картин, изображающих жизнь варваров. — Главные отличительные черты истинного влияния германцев на новую цивилизацию.

Милостивые государи!

Мы рассматриваем один за другим различные источники нашей цивилизации. С одной стороны, мы уже изучили то, что можно назвать ее римским элементом, гражданское римское общество, с другой — элемент христианский, общество религиозное. Сегодня рассмотрим элемент варварский — германское общество.

Мнения относительно важности этого элемента, относительно роли и значения германцев в цивилизации нового времени, чрезвычайно различны: предрассудки, зависящие от нации, положения, сословия, видоизменяли представление, которое составлял себе о них каждый ученый. Немецкие историки и феодальные публицисты, как, например, Буленвилье*, приписывали, вообще говоря, варварам слишком обширное влияние; публицисты буржуазной партии, подобные аббату Дюбо*, напротив, значительно уменьшали его, чтобы очистить больше места римскому обществу; по словам духовных, цивилизация нового времени более всего обязана Церкви. Иногда политические доктрины одни определяли мнение писателя; аббат Мабли*, при всем своем сочувствии народному делу и несмотря на антипатию к феодальному порядку, упорно настаивает на германских началах, потому что ему видится в них больше свободных учреждений и принципов, чем где-либо. Я отнюдь не намерен, милостивые государи, касаться сегодня этого вопроса; мы будем заниматься им, он будет разрешаться по мере того, как мы пойдем вперед в истории французской цивилизации: мы увидим, какую роль играл каждый из этих первоначальных элементов в различные эпохи, что каждый из них внес в общую комбинацию и что получил в ней. Я ограничусь тем, что выскажу два результата, к которым, мне кажется, приведет нас это исследование: во-первых, германскому элементу, вообще говоря, отводили слишком много места; во-вторых, ему отводили не то место, какое следует. Германцам, их учреждениям, правам приписывали слишком значительное влияние на наше общество, но не то влияние, какое они действительно оказали; мы не обязаны им всем тем, что связывается с их именем, зато мы обязаны им тем, что, по-видимому, исходит не от них.

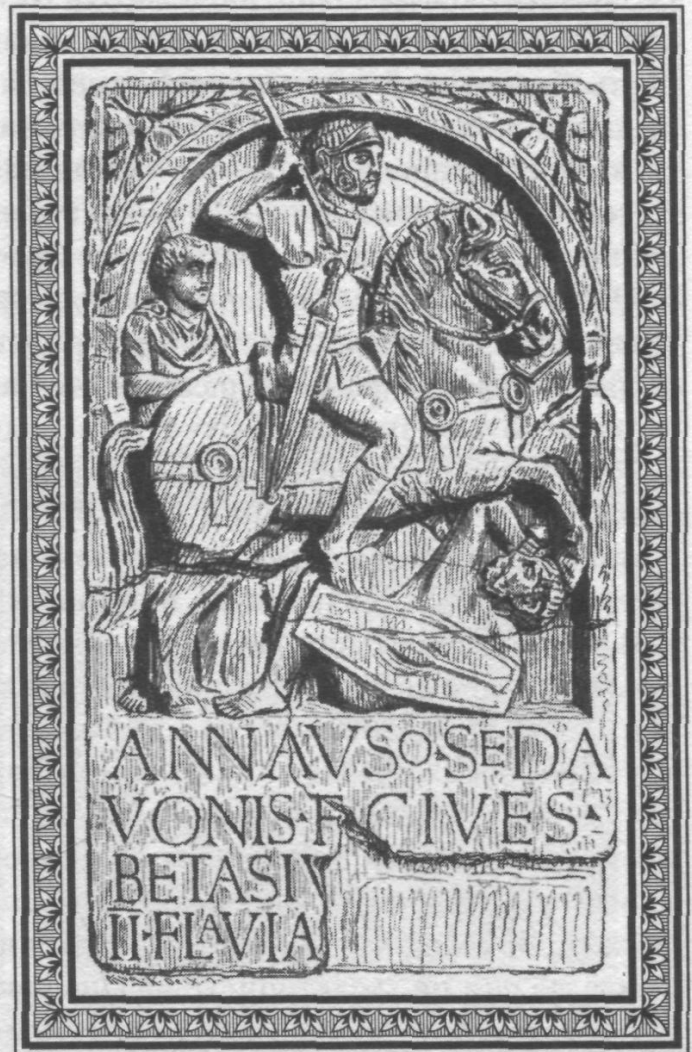
Пока этот двойкий результат не выяснился еще в ваших глазах из постепенного развития фактов, первое условие для правильной оценки значения германского элемента в нашей цивилизации состоит в том, чтобы узнать, чем таким доподлинно были германцы в момент, когда она началась, когда они сами содействовали ее образованию, то есть перед их вторжением и поселением на римской земле, когда они жили еще в Германии в III и IV веках. Только таким способом мы в состоянии будем составить себе ясное понятие о том, что они прибавили к общей работе, и выделить факты, действительно происходящие от германцев.

Исследование это трудно. Памятники, по которым мы можем изучать варваров перед вторжением, трех родов. 1) Греческие и римские писатели, которые их знали и описывали с первого появления их в истории до этого времени, то есть с Полибия*, жившего около 150 года до Р. Х., до Аммиана Марцеллина*, сочине-

ние которого останавливается на 378 году по Р.Х. В этих двух рубежах множество писателей — Тит Ливий*, Цезарь*, Страбон*, Помпоний Мела*, Плиний*, Тацит*, Птолемей*, Плутарх*, Флор*, Павсаний* и др. — оставили нам более или менее подробные известия относительно германских племен. 2) Сочинения и документы, которые позже германского завоевания, но передают или открывают предшествовавшие факты, например, многие летописи, а в особенности законы варваров* — Салический, Вестготский, Бургундский и пр. 3) Национальные воспоминания и предания самих германцев относительно их судьбы и быта в века, предшествовавшие вторжению — предания, восходящие до их первоначала и до древнейшей их истории.

При одном исчислении этих памятников становится ясно, что они принадлежат крайне различным эпохам и состояниям общества. Римские и греческие писатели, например, охватывают промежуток времени в пятьсот лет, в течение которого Германия и народы, поселившиеся в ней, представлялись им с самых разнообразных точек зрения. Сначала они познакомились с ними по слухам, по рассказам путешественников, по редким и принесенным издалека известиям. Затем появляются первые экспедиции бродячих германцев, в особенности тевтонов и кимвров*. Несколько позднее, начиная с Цезаря и Августа, римляне, в свою очередь, уже проникли в Германию, их войска перешли за Рейн и Дунай, познакомились с германцами с новой точки зрения, в другом общественном быту. Наконец, с III века германцы бросились на Римскую империю, которая, то отражая, то принимая их, познакомилась с ними гораздо ближе и совершенно в другом положении, нежели знала их дотеле. Всякий понимает, что в продолжение всего этого времени, среди стольких веков и событий, и варвары, и описывавшие их писатели, и предмет и его изображение должны были чрезвычайно измениться.

Надиробие римского всадника

Точно то же можно сказать об источниках второго разряда: законы варваров были составлены значительно позже вторжения. Закон вестготов, в древнейшей своей части, принадлежит второй половине V века; Салический закон, может быть, был в первый раз составлен при Хлодвиге, но дошедшая до нас редакция принадлежит эпохе гораздо более поздней. Закон бургундов относится к 517 году. Таким образом, все они в их настоящей форме гораздо ближе к нам, нежели варварское общество, которое мы хотим изучать. Без сомнения, в них есть множество фактов, предшествовавших завоеванию, они описывают часто более ранний общественный быт; без сомнения, германцы, если бы их перенести в Галлию, именно так редактировали бы свое древнее обычное право, свои древние общественные отношения. Но нет также никакого сомнения в том, что после завоевания германское общество глубоко изменилось и что перемены эти перешли и в законодательство: в законах вестготов и бургундов уже гораздо более римского, нежели варварского, три четверти их постановлений вытекают из фактов, которые могли возникнуть только после занятия римской территории этими варварами. Салический закон первобытнее, в нем варварского больше, тем не менее можно, я думаю, доказать, что в некоторых своих частях, например, в относящихся к собственности, он часто позднейшего происхождения. Таким образом, и германские законы, подобно римским писателям, служат выражением чрезвычайно различных эпох и состояний общества.

Относительно источников третьего разряда — народных преданий германцев — очевидность этого положения еще разительнее: их предания почти все имеют своим предметом факты гораздо более ранние, по всей вероятности, сделавшиеся уже довольно чуждыми быту этих народов в III и IV веках, а факты, которые содействовали образованию такого быта, могут служить объяснением его, но не составляют его более в данную пору. Предположим, что для изучения быта шотландских горцев пятьдесят лет тому назад стали бы собирать их предания, доселе столь живые и народные, и приняли бы выражаемые ими факты за действительные элементы шотландского общества в XVIII веке; конечно, полученное представление вышло бы очень обманчиво и подало бы повод к страшным ошибкам. То же самое и еще в гораздо большей степени было бы относительно древних германских преданий; они принадлежат к первоначальной истории германцев, к их происхождению, религиозной преемственности, их сношениям со множеством племен Азии, берегов Черного, Балтийского морей и т.п., наконец, к событиям, которые, конечно, сильно повлияли на образование общественного быта германских племен в III веке; на них следует обращать должное внимание, но все же они не характеристические факты этого быта, а его причины.

Вы видите, милостивые государи, что все памятники, которые у нас есть относительно быта варваров до завоевания, каковы бы ни были их происхождение и свойства, — памятники римские и германские, предания, летописи и законы, все сообща-

ют нам сведения о времени и фактах, чрезвычайно отдаленных друг от друга и представляющих большие затруднения для того, кто бы отыскивал между ними принадлежащие действительно III и IV векам. В том-то, по моему мнению, и состоит коренная ошибка многих немецких писателей, иногда самых знаменитых, что они недостаточно приняли во внимание это обстоятельство: чтобы изобразить германское общество и нравы в ту эпоху, они часто черпают без разбора в трех родах указанных мною источников, у римских писателей, в законах варваров, в национальных воспоминаниях, не заботясь о различии эпох и положений, не соблюдая никакой нравственной хронологии. Отсюда несообразность некоторых из их картин, представляющих странную смесь мифологии, варварства и зарождающейся цивилизации сказочных эпох — смешение героическое и полуполитическое, неточное и беспорядочное в глазах сколько-нибудь строгой критики, лишенное правды в глазах воображения.

Я постараюсь, милостивые государи, избежать этого заблуждения: я займусь с вами состоянием германцев незадолго до завоевания; нам важно ознакомиться именно с ним, потому что оно-то и было действительно могущественно в момент смешения народов, оно-то и оказало на новейшую цивилизацию несомненное влияние. Я не буду входить в рассмотрение начальной истории и древностей германских, не буду искать, каковы были отношения германцев к народам и религиям Азии, представляет ли их варварство остатки древней цивилизации и каковы могут быть скрытые под варварскими формами черты этого первоначального общества. Это большой и прекрасный вопрос, но он не касается нас и я не буду на нем останавливаться. Мне бы хотелось также уберечься от перенесения в быт германцев, за Рейн и Дунай, фактов, принадлежащих германцам, поселившимся на галльской земле. Это очень трудно. Гораздо ранее перехода за Дунай или за Рейн варвары уже находились в сношениях с Римом; их положение, нравы, идеи, может быть даже их законы, уже подверглись римскому влиянию. Как выделить среди столь неполных и смутных известий эти первые результаты иноземного влияния? Как определить в точности, что действительно германского происхождения и что уже носило на себе римский отпечаток? Я постараюсь сделать это; историческая правда настоятельно того требует.

Германские женщины (вероятно, жрицы)

Самый важный для нас документ о быте германцев в эпоху между их первым знакомством с римским миром и его завоеваниями, бесспорно, сочинение Тацита. В нем надо строго различать две вещи: с одной стороны, факты, которые собрал и описал Тацит; с другой — размышления, примешанные к ним, его трактовка, суждение, им произносимое. Факты верны: есть повод предполагать, что отец Тацита, а может быть и он сам, был прокуратором Бельгии²; он имел возможность собрать о Германии подробные сведения; занимался он ею тщательно, и позднейшие памятники почти все доказывают истинность его повествования. Что до их нравственной окраски, то Тацит изображал германцев точно так же, как Монтень и Руссо изображали диких, то есть в припадке раздражения против своего отечества: его книга есть сатира на римские нравы, красноречивое выражение недовольства патриота-философа, который хочет видеть доблесть там, где не замечает постыдной изнеженности и ученой испорченности дряхлого общества. Не думайте, однако, что все в этом порождении гнева было ложно с нравственной точки зрения. Воображение Тацита по самой сущности своей сильно и правдиво; когда он просто хочет описать нравы германцев, без намеков на римский мир, безо всяких сравнений, не делая вовсе общих выводов, он достоин удивления и можно вполне довериться не только рисунку, но и колориту его картины: никогда жизнь варваров не описывали с большей силою и поэтической правдой. Только когда мысль о Риме снова возникает у Тацита, когда он говорит о варварах с тем, чтобы пристыдить своих сограждан, только тогда его воображение утрачивает свою обычную свободу, свою природную искренность, и его картины получают фальшивый колорит.

Великая перемена произошла, конечно, в быту германцев между концом I века, когда писал Тацит, и временем, близким к завоеванию; постоянные сношения с Римом не могли не оказать на них некоторого влияния, и историки слишком часто забывали принимать это в расчет. Тем не менее в основе своей сочинение Тацита оставалось верным в конце IV века, как и I века. Ничто не доказывает этого лучше повествования Аммиана Марцелина, простого солдата, лишённого воображения и образования, который участвовал в войне против германцев: его безыскусные и краткие описания почти везде совпадают с живыми и мастерскими картинами Тацита. Мы можем поэтому, даже для эпохи, составляющей предмет наших занятий, относиться к его описанию германских нравов с почти полным доверием.

Если мы сравним это описание, милостивые государи, с картинами древнего германского быта, начертанными некогда пером искусных немецких писателей, мы будем поражены их сходством. Конечно, одушевляющее их чувство неодинаково: Тацит сообщает испорченному Риму о простых и могучих доблестях варваров с негодованием и горечью, современные же немцы смотрят на них с гордостью и удовольствием. Но из этих различных причин истекает одно и то же

следствие; подобно Тациту, даже более, нежели Тацит, современные немцы расписывают самыми блестящими красками древнюю Германию, ее учреждения, нравы. Если они не доходят до того, чтобы изображать их как идеал общества, то они, по крайней мере, защищают их от всякого обвинения в варварстве. Если верить им, то: 1) земледельческая и оседлая жизнь преобладала в Германии до завоевания над жизнью бродячей; учреждения и идеи, связанные с поземельной собственностью, были уже значительно развиты; 2) гарантии личной свободы и даже безопасности были действительны; 3) нравы были, правда, дикие и грубые, но, в сущности, естественная нравственность человека развивалась просто и величаво; семейные привязанности были сильны, характеры горды, чувства глубоки, религиозные верования высоки и могущественны; в этом обществе было более энергии и нравственной чистоты, нежели бывает под более изящными формами, среди гораздо обширнейшего умственного развития.

Когда защитниками этого дела выступают умы посредственные, то появляется множество странных претензий, смешных утверждений: автор одной довольно уважаемой «Истории Германии», Гейнрих, отнюдь не хочет признать, что древние германцы страстно упивались¹; Мейнерс в своей «Истории женского пола» утверждает, что никогда женщины не были так счастливы и уважаемы, как в Германии, и что до вторжения франков галлы не умели ни почитать, ни любить их².

Я не хочу останавливаться на этих мелочных проявлениях научного патриотизма и даже не упомянул бы о них, не будь они последствием и, так сказать, отроском системы, поддерживаемой чрезвычайно замечательными людьми, системы, искажающей, по моему мнению, исторический и поэтический образ, который они составляют себе о древних германцах. Если рассматривать дело в главных чертах и судить на основании простой внешности, то ошибка кажется мне очевидной.

Каким образом можно, например, утверждать, что германское общество почти совсем установилось и что в нем преобладала земледельческая жизнь, ввиду самого факта переселений, вторжений, этого непрерывного движения, толкавшего германские племена из их территории? Как можно верить влиянию поземельной собственности, идей и учреждений, с ней связанных, на людей, которые то и дело покидают свою страну, чтобы идти искать счастья в другом месте? И заметьте, что это движение происходило не только на границах; то же самое брожение господствовало внутри Германии; племена безостановочно прогоняли друг друга, переменили место, следовали друг за другом на одной и той же территории. Несколько параграфов Тацита доказывают это вполне.

¹ Reichsgeschichte, I, 69.

² Geschichte des weiblichen Geschlechts, I, 198 и сл.

«Батавы, — говорит он, — были когда-то племенем хаттов; междоусобия заставили их удалиться на острова Рейна, где они принадлежат к Римской империи»³.

«Рядом с тенктерами жили прежде бруктеры; теперь говорят, что хамавы и ангривариин перешли в эту страну после того, как с соседними племенами они прогнали и совершенно уничтожили бруктеров»⁴.

«Маркоманы занимают первое место по славе и могуществу; самая страна их куплена их храбростью; они изгнали из нее бойев»⁵.

«Даже в мирное время воины хаттов не смягчают своего воинственного вида; ни у кого из них нет ни дома, ни поля, ни какой-либо заботы; живут там, где находятся, расточая чужое добро... до тех пор, пока дряхлость, свойственная старым, не лишит их сил держаться все той же суровой доблести»⁶.

«Общества их (племена) гордятся тем, что границы их опустошены и что они окружены громадными пустынями. Они видят лучшее доказательство своего мужества в том, что соседи покидают свои земли и что никто не осмеливается остановиться около них; притом считают, что так для них безопаснее, потому что им нечего страшиться внезапного нападения»⁷.

Без сомнения, германские племена или, по крайней мере, многие из них сделали кое-какие успехи со времен Тацита; однако постоянное волнение, перемена мест, конечно, не прекратились, если вторжения варваров становились со дня на день более общими и настойчивыми.

Вот, если я не ошибаюсь, откуда происходит различие точек зрения между немцами и нами. В IV веке действительно были у многих германских племен и союзов, в частности у франков и саксов, зачатки оседлой, земледельческой жизни, весь народ не был предан бродячему образу жизни. Его состав был не простой; он не составлял единой нации, одного общественного слоя. В нем различаются три класса людей: 1) люди свободные, пользовавшиеся почетом, или благородные, землевладельцы; 2) *lidi, liti, lassi* и т.п., колоны, люди, прикрепленные к земле и обрабатывавшие ее для своих господ; 3) рабы в собственном смысле. Существование двух первых классов очевидно указывает на завоевание; класс свободных людей есть нация завоевателей, заставившая прежнее население обрабатывать для нее землю. Это факт, сходный с тем, который впоследствии на территории Римской империи породил феодальную систему. Он совершился в различные эпохи и в различных местностях внутри Германии; иногда землевладельцы и колоны, победители и побежденные принадлежали к различным народам, иногда территориальное подчинение устанавли-

³ Тацит. *De moribus Germ.* *, гл. 29.

⁴ Там же, гл. 33.

⁵ Там же, гл. 42.

⁶ Там же, гл. 31.

⁷ Цезарь. *De bello gallico*, VI, 23.

ливалось среди одного и того же народа, между различными лишь племенами; мы находим галльские и бельгийские племена подчиненными германским, германские славянским, славянские германским, германские германским. Завоевание по большей части происходило в малых размерах, подвергалось различным случайностям, но сам факт не подлежит сомнению: многие места из Тацита прямо на него указывают.

«У них есть, — говорит он, — разряд рабов, которыми они не пользуются по нашему, поручая им известные обязанности в доме: у каждого раба свой дом, свои пенаты... Господин требует с раба, как с колона, известного количества хлеба, скота или одежды... У них редко случается, чтобы кто-нибудь ударил раба, заковал его в кандалы; они иногда убивают их, но не вследствие строгости или в наказание, а в горячности и вследствие минутной вспышки, как они убили бы врага»⁸.

Кто не узнает в этом описании туземцев, старожилов, подпавших под иго победителей⁹?

Завоеватели, по крайней мере в первое время, сами не обрабатывали земли: они наслаждались завоеванием, то предаваясь глубокой лени, то одолеваемые страстью воевать, скитаться, искать приключений. Соблазняло ли их какое-нибудь далекое предприятие? Не все одинаково желали принять в нем участие, не все и отправлялись: одна ватага шла под начальством какого-нибудь знаменитого вождя, другие же оставались, предпочитая удержать за собой прежние завоевания и продолжать жить за счет труда старожилов. Иногда отряд искателей приключений возвращался обремененный добычей, иногда он продолжал двигаться вперед и завоевывал где-нибудь дальнюю провинцию империи, иногда основывал какое-нибудь королевство. Так рассеялись вандалы, свевы, франки, саксы; так эти народы исходили Галлию, Африку, Британию, поселились в этих странах, основали там государства, между тем как те же имена все еще слышатся в Германии, где действительно живут и бушуют те же народы. Они распались: одна часть бросилась в бродячую жизнь, другая привязалась к жизни оседлой, ожидая, может быть, только случая или соблазна, чтобы в свою очередь пуститься в поход.

Отсюда, милостивые государи, различие в точке зрения между немецкими писателями и нами; они преимущественно знают ту часть германских племен, которая осталась на родине и предалась там земледельческому и оседлому образу жизни; мы, напротив, естественно должны были рассматривать главным образом ту часть, которая вела жизнь бродячую и овладела Западной Европой. Подобно немецким ученым, мы говорим о франках, саксах, свевах, но не о тех же самых свевах, не о тех же самых саксах, не о тех же самых франках; наши изыскания, наши утверждения касаются почти всегда тех, которые перешли Рейн, и мы видим их в Галлии, в Испании, в Британии и т. п., в бродячих ватагах, немцы же говорят пре-

⁸ Тацит. De moribus Germ., гл. 25.

⁹ См. также гл. 36, 43.

имущественно о саксах, свевах, франках, оставшихся в Германии, и почти все древние памятники местной истории хотя изображают их нам как племена завоевательные, но уже утвердившиеся или почти утвердившиеся в известных частях территории, как племена, начинающие вести образ жизни землевладельцев. Если я не ошибаюсь, погрешность этих ученых состоит в том, что они слишком расширяют авторитет этих памятников, которые все позднее IV века, и приписывают общественному порядку Германии слишком большую древность, но эта погрешность естественнее и меньше с их стороны, нежели она была бы с нашей.

Что касается древних учреждений германцев, то я скажу о них подробно, когда мы будем специально заниматься законами варваров, преимущественно салическими: сегодня я ограничусь тем, что дам в нескольких словах характеристику состояния их в занимающее нас время. Уже и тогда замечаются в германских учреждениях зародыши трех великих систем, оспаривавших друг у друга господство над Европой после падения Римской империи. Мы находим: 1) собрания свободных людей, на которых обсуждаются общие интересы, общественные предприятия, все важные дела народа; 2) королей, из которых одни наследственны и иногда облечены религиозной властью, другие избираются и имеют преимущественно военное значение; 3) аристократический патронат вождя относительно своих дружинников, землевладельца относительно своего семейства и колонов. Эти три системы, три вида общественной и правительственной организации можно заметить почти у всех германских племен до завоевания, но ни один из них не существовал и не был действительным на деле; собственно говоря, нет ни свободных, ни монархических, ни аристократических учреждений, а есть только начала этих систем, зародыши, из которых они могут развиваться. Все предоставлено произволу личных стремлений. Всякий раз, когда собрание, король, патрон желают, чтобы им было оказано повиновение, личность должна уступить сама или ее принудит к этому грубая, беспорядочная сила; тут мы видим свободное развитие и борьбу индивидуальных существований и независимостей; нет ни общественной силы, ни правительства, ни государства.

Что до нравственного состояния германцев в эту эпоху, то его чрезвычайно трудно оценить. Это предмет для заявлений то ли во славу, то ли в хулу цивилизации или жизни диких, первобытной независимости или развитому обществу, естественной простоте или просвещению, но у нас нет документов для надлежащей оценки этих общих положений. Правда, есть большой сборник фактов, более поздний, нежели эпоха, о которой мы говорим, но представляющий довольно верное ее изображение: это «История франков» Григория Турского, сочинение, сообщаемое, конечно, наиболее сведений и проливающее наиболее яркий свет на нравственный быт варваров; не то чтобы летописец задался мыслью познакомить нас с ним, но он рассказывает множество анекдотов, случаев из частной жизни, в которых нравы, домашние отношения, индивидуальные наклонности — одним словом, нравственное состояние людей — проявляются лучше, нежели где-либо. Тут можно наблюдать и

постичь то странное смешение насилия и хитрости, необдуманности и расчета, терпения и необузданной горячности, тот эгоизм личного интереса и страсти, смешанный с непоколебимым господством известных идей долга, известных бескорыстных чувств, наконец, тот хаос нашей нравственной природы, который составляет варварство: состояние, представляющее чрезвычайные трудности для точного описания, потому что в нем нельзя схватить ни одной твердой постоянной черты, о нем ничего нельзя сказать без того, чтобы не утверждать тотчас же противоположного. Человек тут силен и деятелен, но вполне предоставлен первому позыву своих наклонностей, всей подвижности своего воображения, грубому несовершенству своих познаний, несообразностям своих воззрений, бесконечному многообразию положений и случайностей жизни. Как проникнуть в такое состояние и восстановить его образ с помощью нескольких сухих или изувеченных хроник, нескольких отрывков старых эпических произведений и нескольких статей законов?

Я знаю только одно средство, милостивые государи, для того чтобы составить себе хоть сколько-нибудь верное понятие о социальном и нравственном состоянии германских племен: их надо сравнить с племенами, находящимися в новейшее время в различных пунктах земного шара, в Северной Америке, во внутренней Африке, в Северной Азии, в Аравии, на почти одинаковой ступени цивилизации и живущих почти той же жизнью. Племена эти наблюдали ближе и описывали с большей подробностью; их до сих пор наблюдают и описывают, и мы найдем тысячу средств проверять и пополнять наши представления о них; наше воображение постоянно будоражат и направляют на истинный путь рассказы путешественников. Когда мы применим к этим рассказам внимательную критику, взяв притом в расчет довольно значительное число несходных обстоятельств, они становятся для нас как бы зеркалом, в котором открывается или производится образ древних германцев. Я взял на себя такого рода работу; я проследил шаг за шагом сочинение Тацита, отыскивая в описаниях путешествий, в историях, в произведениях национальной поэзии, во всех источниках относительно варварских племен различных частей земного шара факты, аналогично описываемые у него.

Я представляю вам главные черты этого сближения, и вы будете поражены сходством между нравами германцев и диких нового времени, сходством, простирающимся иногда до подробностей, в которых его никак нельзя было бы ожидать.

1-е

Отступать, чтобы потом снова перейти к нападению, кажется германцам более признаком искусства, нежели трусости. (*De moribus Germ.*, гл. 6.)

1-е

«Наши воины не подумают нападать на врага лицом к лицу и когда он настороже; в таком случае их должно быть разве десять против одного». (*Choix de lettres édifiantes. Mission d'Amérique*, VII, 49.)

«Дикие не усматривают своей славы в том, чтобы нападать на неприятеля с фронта и открытой силою... Если, несмотря на все их предосторожности, движения их бывают открыты, то они считают лучшим отступить». (*Robertson*¹⁰. *Histoire d'Amérique*, II, 371; франц. пер., издание 1778 года.)

Герои Гомера обращаются в бегство всякий раз, как перевес не на их стороне, и они могут убежать.

2-е

Их матери и жены следуют за ними в битву, не боятся пересчитывать, высасывать их раны; они носят съестные припасы сражающимся и возбуждают их храбрость.

Говорят, что войска, уже разбитые, возобновляли иногда нападение благодаря женщинам, которые их о том умоляли, бросались навстречу беглецам, и т.п. (*De mor. Germ.*, гл. 7, 8.)

3-е

Они думают, что в женщинах есть что-то святое и вдохновенное, не пренебрегают их советами и придают значение тому, что они скажут. (*De mor. Germ.*, гл. 8.)

2-е

Тунгуски в Сибири ходят на войну вместе с мужьями; тем не менее с ними очень дурно обращаются. (*Meiners. Geschichte des weiblichen Geschlechts*, I, 108, 19.)

В битве при Ермуке*, происходившей в Сирии в 636 году, на задней линии стояли сестра Дерара и арабские женщины..., которые умели владеть луком и копьем... Арабы трижды отступали в беспорядке, и трижды упреки и удары женщин заставляли их возобновлять нападение. (*Gibbon. Histoire de la décadence de l'Empire romain*, X, 240; франц. пер., издание 1812 года.)

3-е

«Когда начинается война целого племени, советуются со жрецами и прорицателями; иногда спрашивают даже мнение женщин». (*Robertson. Histoire d'Amérique*, II, 369.)

¹⁰ Я привожу Робертсона, чтобы не приводить всех оригинальных рассказов, которые он собрал и на которые он ссылается. Я почти всегда удостоверялся в его точности.

«Особенно гуроны тщательно расспрашивают женщин». (*Charleroi. Histoire du Canada, 267, 269–287.*)

Галлы советовались с женщинами в важных случаях; они уговорились с Ганнибалом, что если карфагеняне будут иметь причины жаловаться на галлов, то пусть принесут свои жалобы галльским женщинам, а те рассудят. (*Mémoires de l'Académie des inscriptions, XXIV, 374, мемуары аббата Фенеля.*)

4-е

Они более, нежели какой-либо другой народ, верят в предзнаменования и прорицания... Они разрубают на куски палочку из какого-нибудь плодового дерева и, отметивши эти кусочки различными знаками, рассыпают их как попало и без разбору по белой одежде. Затем первосвященник, если речь идет об интересе общественном, или сам отец семейства, если дело частное, призывает богов, обратив глаза к небу, берет трижды каждый кусок и дает истолкование, смотря по знакам, которые попадутся.

Им также известен обычай обращаться при случае за ответом к пению и полету птиц. (*De mor. Germ., гл. 10.*)

5-е

Королей (князей) они выбирают по знатности рода, воевод (герцогов) по доблести. Короли не имеют неограниченной или произвольной власти; вожди начальствуют скорее своим

4-е

Этот вид гадания с помощью палочек имеет некоторое сходство с гаданием стрелами, которое было в употреблении на всем Востоке. Когда туркоманы* утвердились в Персии после поражения Газневидов* (1038 года), они выбрали царя, написав на стрелах имена различных племен, различных семейств племени, указанного жребием, различных членов каждого семейства. (*Gibbon. Histoire de la décadence de l'Empire romain, XI, 224.*)

Приметы по пению и полету птиц были известны римлянам, грекам, большей части дикарей Америки, натчесам, моksam, чикитам и т.п. (*Lett. édif., VII, 255; VIII, 141, 264.*)

5-е

Дикие не знают в своей среде ни князей, ни королей. В Европе говорят, что у них республики, но эти республики не имеют никаких прочных законов. Каждая семья считает себя

примером, нежели приказами; если они смелы, отличаются храбростью в первых рядах, то им повинуются из удивления к ним... Народ решает важные дела... Князья и герцоги заставляют себя слушать скорее благодаря силе своих доводов, нежели силе своей власти. Если мнение их не нравится, воины отвергают их ропотом; одобряя же его, они потрясают своими копьями. (De mor. Germ., гл. 7.)

6-е

Слава, могущество в том, чтобы быть всегда окруженным многочисленной ватагой отборных молодых воинов, которые доставляют вождю значение во время мира, безопасность в войне. И не только в своем племени приобретает вождь славное имя, если он отличается благодаря многочисленности и храбрости своей дружины... Если племя коснеет в долге мире и бездействии, то большая часть молодых людей по собственному побуждению отправляются отыскивать народы, ведущие войну... От щедрости своего вождя они ожидают в дар военного коня, окровавленное и победительное копье или фрамею. Грубо приготовленные, но обильные обеды и пиршества заменяют им жалованье. (De mor. Germ., гл. 13, 14.)

7-е

Когда они не ведут войны, то время проводят на охоте, преимущественно же в праздности, предаваясь кутежу и сну; самые храбрые совер-

совершенно свободной, каждый индеец считает себя независимым. Тем не менее они научены необходимостью составлять известного рода общества и выбирать себе вождя, которого они зовут кациком, т.е. начальником... Чтобы быть возведенным в эту степень, надо блестящим образом доказать свое мужество (Lett. édif., VIII, 133.)

6-е

Самое могущественное из сословий у ирокезов — сословие военачальников... Необходимо, чтобы им покровительствовало счастье, чтобы они не забывали о тех, кто за ними следует, были бы щедры и всегда готовы отказаться от самого драгоценного для них в пользу своих воинов. (Мемуары об ирокезах, в Variétés littéraires, I, 443.)

Воинские предводители пользуются у молодых людей большим или меньшим весом, смотря по тому, сколько они дают и в какой степени они хлебосольны. (Журнал походов Де Бугенвиля в Канаде*, в Variétés littéraires, I, 488.)

7-е

За исключением нескольких небольших охот, илинойцы ведут совершенно праздный образ жизни; разговаривают, покуривая трубку, и в

шенно ничего не делают: работа о доме, о домашних богах и полях предоставляется женщинам, старикам и всем слабым в семействе. (De mor. Germ., гл. 15.)

8-е

Германцы не живут в городах; они даже не могут вынести, чтобы их жилища соприкасались; живут они отдельно и поодаль друг от друга, смотря по тому, как их привлекут куда-нибудь источник, равнина, роща. Деревни они составляют не так, как мы, из связанных между собою и смежных зданий; каждый окружает свой дом пустым пространством. (De mor. Germ., гл. 16.)

9-е

Между варварами это почти единственные, довольствующиеся одною женой, за исключением небольшого числа вождей, окружающих себя несколькими женами, и то не из сладострастия, а больше ради своей знатности. (Там же, гл. 18.)

этом все их дело... Они лежат спокойно на своих циновках и проводят время в том, что спят или делают луки... Что до женщин, то они работают с утра до вечера, как невольницы. (Lett. édif., VII, 82–86. См. также: Робертсон. Histoire d'Amérique, II, 561–570, примеч. I.)

8-е

Так же построены деревни американских дикарей и корсиканских горцев: они составлены из разбросанных и отстоящих далеко друг от друга домов, так что деревня в пятьдесят домов занимает иногда четверть квадратной мили. (Volney^o. Tableau des Etats Unis d'Amérique, 484–486.)

9-е

У дикарей Северной Америки, в странах, где средств к жизни мало и трудности, сопряженные с воспитанием семейства, очень велики, мужчина довольствовался одною женой. (Robertson. Histoire d'Amérique, II, 293.)

Хотя моксы (в Перу) допускают многоженство, однако редко случается, чтобы они имели более одной жены, так как бедность не позволяет им держать нескольких. (Lett. édif., VIII, 71.)

У гвараниев (в Парагвае) многоженство запрещено для народа, но кадики^o могут иметь по две и по три жены. (Там же, 261.)

10-е

Не жена приносит приданое мужу, а муж дает его жене. Оно состоит не из подарков, предназначенных для удовольствий изнеженности или для наряда новобрачной; это быки, лошадь с уздой, копье, меч¹¹. (De mor. Germ., гл. 18.)

10-е

То же самое происходит везде, где муж покупает жену, и жена становится собственностью, вещью, невольницей мужа. «У индейцев Гвианы дочери не получают приданого, когда выходят замуж. Индеец, который желает жениться на индианке, должен поднести отцу значительные подарки: койки, лодки, лука, стрел недостаточно. Надо ему целый год работать на своего будущего тестя, участвовать в рубке леса, ходить на охоту, на рыбную ловлю и т.п. Женщины у гвианцев составляют совершенно предмет собственности». (Рукописный дневник пребывания в Гвиане Марбуа.)

Точно то же у натчесов, у многих татарских племен, в Мингрелии, в Перу, у многих негритянских народов в Африке и т.п. (Lett. édif., VII, 221. *Lord Kaims. Sketches of the history of man.* I, 184–186, издание in-4°, 1774 года.)

11-е

В таком многочисленном народе мало прелюбодеяний; наказание за них следует быстро и принадлежит мужу. Женщина, голая, с обстрижен-

11-е

Уверяют, что прелюбодеяние было неизвестно у караيبов на островах до прибытия европейцев (*Lord Kaims. Sketches of the hist.* и т.д., I, 207.)

¹¹ Не может быть никакого сомнения в том, что германцы покупали своих жен. В законе бургундов сказано: «Если кто-нибудь разводится с женою без причины, то он должен дать ей сумму, равную той, какую за нее заплатил» (§XXXIV). Теодорих, король остготов, выдавая племянницу за Германфрида, короля турингов, пишет ему через Кассиодора: «Возвещаем вам, что когда прибыли ваши посланцы, мы получили, по обыкновению иноплеменников, за эту бесценную вещь назначенную цену — лошадей в серебряной сбруе, как прилично свадебным коням». (*Кассиодор. Variar. IV, письмо I.*) До сих пор в Нижней Саксонии обручение называется brudkop, т.е. Brautkauf (покупка невесты). (*Adelung. Histoire ancienne des Allemands*, 301, примеч. 2.)

ными волосами, выгоняется мужем из дому в присутствии ее родных, и ее секут розгами, проводя по всей деревне. (De mor. Germ., гл. 19.)

12-е

Молодые люди поздно знакомятся с удовольствиями любви и оттого в молодости не истощаются. Молодых девушек также не спешат выдавать замуж. (De mor. Germ., гл. 20.)

13-е

Племянники по матери так же дороги дядьям, как и отцу. Есть даже такие племена, которые считают эту родственную связь наиболее тесной и

Прелюбодеяние обыкновенно наказывается у дикарей Северной Америки без долгих разговоров самим мужем, который или жестоко бьет жену, или откусывает ей нос. (*Long. Voyage chez différentes nations sauvages de l'Amérique Séptentrionale. C. 177.* См. также историю американских индейцев Джемса Адера (по англ. 1775), 144; *Variétés littéraires, I, 458.*)

12-е

Холодность бродячих дикарей в любви часто замечали: Брюса она поражала у галласов и шангалласов, на границах Абиссинии, Левальяна у готтентотов. «Ирокезы знают и говорят, что сношения с женщинами ослабляют их храбрость и силы и что они, так как хотят заниматься военным делом, должны или совсем воздержаться от них или пользоваться ими умеренно». (Мемуары относительно ирокезов в *Variétés littéraires, I, 455.* См. также: *Volney. Tableau des Etats Unis, 448; Malthus. Essai sur le principe de population, I, 50; Robertson. Histoire d'Amérique, II, 237.*)

У гренландцев девушки выходят замуж только двадцати лет от роду; то же самое мы видим у большей части северных дикарей. (*Meiners. Hist. du sexe féminin, I, 29.*)

13-е

У натчесов «не сын правившего князя наследует отцу, а сын его сестры...». Эта политика основана на том, что они знают вольность нравов

священной; требуя заложников, они настаивают на том, чтобы им дали племянников с материнской стороны, так как они сильнее обязывают родителей и имеют более обширные связи в роде. (*De mor. Germ.*, гл. 20.)

14-е

Считается долгом разделять вражду и дружбу отца или родственника. (*De mor. Germ.*, гл. 21.)

своих жен; они уверены в таком случае, как говорят сами, что сын сестры великого вождя, по крайней мере с материнской стороны, наверно королевской крови. (*Lett. édif.*, VII, 207.)

У ирокезов и гуронов сан вождя всегда переходит к детям его теток, сестер, племянниц с материнской стороны. (*Moeurs des sauvages* отца Лафито I, 73, 471.)

14-е

Всякий знает, что эту черту мы находим у всех народов в младенческую эпоху их цивилизации, когда еще нет общественной силы, которая бы защищала и наказывала. Приведу только один пример этой настойчивости дикарей в отместке: он показался мне поразительным и очень сходен с тем, что рассказывают о германцах Григорий Турский и другие летописцы.

«Индеец одного племени, жившего по реке Марони, свирепый и кровожадный человек, убил одного из соседей той же деревни; чтобы уйти от гнева семьи убитого, он бежал и поселился в племени симапо, на расстоянии четырех миль от нашей пустыни. Один из братьев умершего тотчас последовал за убийцей. Когда он прибыл в Симапо, начальник спросил его, для чего он туда явился.

«Я пришел, — ответил тот, — чтобы убить Аверани, который убил моего брата». «Я не могу запретить этого», — сказал ему начальник. Но Аверани предупредили ночью, и он бежал со своими детьми. Его враг, уз-

нав, что он удалился и направляется через внутренность страны к реке Апруагве, решился следовать за ним. «Я убью его, — говорил он, — хотя бы он бежал даже к португальцам». Он тотчас же отправился в путь. Не знаем, удалось ли ему настигнуть своего врага». (Рукописный дневник пребывания в Гвиане Марбуа*.)

15-е

Ни один народ не потчует так щедро своих гостей и посетителей. Отказать в крове кому бы то ни было считается преступлением. (De mor. Germ., гл. 21.)

15-е

Гостеприимство всех диких народов вошло в пословицу. См. в Истории академии надписей, III, 4*, извлечение из мемуаров Симона и множество рассказов путешественников.

16-е

Они любят подарки, но не требуют особенного внимания к тому, что сами дарят, и не считают себя связанными тем, что они получили. (Там же.)

16-е

Совершенно то же самое можно сказать об американских дикарях; они дарят и получают подарки с большим удовольствием, но не чувствуют и не требуют благодарности. «Если вы мне дали это, — говорят галибы, — то, значит, оно вам не нужно.» (Aublet. Histoire de plantes de la Guyanne francaise, II, 10.)

17-е

Проводить день и ночь в попойках не позорно ни для кого. (De mor. Germ., гл. 22.)

17-е

Всему свету известно, как любят дикие народы вино и крепкие напитки. Гвианские индейцы совершают далекие путешествия, чтобы добыть себе их. Один из них, племени симапо, отвечал Марбуа, который спрашивал его, куда они идут: «На питье», как мужики отправляются на сбор винограда или на ярмарку. (Рукописный дневник пребывания в Гвиане Марбуа.)

18-е

У них есть только один род зрелищ: молодые люди пляшут голые среди направленных против них мечей и копий. (De mor. Germ., гл. 24.)

19-е

Они предаются игре с таким пылом, что когда у них ничего более нет, то ставят свою свободу и себя самих в зависимость от случайного падения очков. (Там же.)

20-е

Они наряжаются не для любви и не для того, чтобы нравиться, но чтобы придать себе громадный и страшный вид; так можно украшать себя, только отправляясь на врагов. (De mor. Germ., гл. 38.)

21-е

Достигнув юношеского возраста, они отпускают себе волосы и бороду и расстаются с ними не прежде, как убив какого-нибудь врага. (De mor. Germ., гл. 31.)

18-е

Любовь не имеет никакого значения в плясках североамериканских дикарей: эти пляски исключительно военные. (Robertson. Histoire d'Amérique, II, 459–461.)

19-е

Американцы проигрывают меха, домашнюю утварь, одежду и оружие; когда все потеряно, они часто рискуют личной свободой. (Robertson. Histoire d'Amérique, II, 463.)

20-е

Если ирокезы любят раскрашивать лицо, то это для того, чтобы придать себе грозный вид, которым они надеются нагнать страх на своих недругов; по той же причине, идучи в поход, они чернятся. (Variétés littéraires, I, 472.)

21-е

Индейцы отпускают волосы с двадцатилетнего возраста. (Lettres édif., VIII, 261.)

Обычай скальпировать или сдирать волосы у врагов, столь распространенный у американцев, употреблялся также и германцами. Это то самое «decalvare», о котором упоминается в законе вестготов, «capillos et cutem detrahere», бывшее в употреблении у франков еще около 879 года, по фульдским летописям, англосаксонское «hettinan» и проч. (Аделунг. Древняя история германцев, 303.)

Я привел вам много цитат, милостивые государи, но я мог бы значительно распространить их и почти всегда сопоставить с каждым утверждением Тацита о германцах подобное же утверждение какого-нибудь путешественника или историка относительно какого-нибудь из варварских племен, рассеянных теперь по поверхности земного шара.

Вы видите, каков общественный быт, отвечающий древнегерманскому: что же думать о великолепных описаниях, в каких его так часто изображали? То же, что следует думать и о романах Купера как о картине состояния и нравов дикарей Северной Америки. В этих романах, равно как и в иных сочинениях, где немцы пытались обрисовать своих свирепых предков, есть довольно живое, довольно истинное чувство по отношению к некоторым частям, к известным характеристическим моментам варварского быта и общества, например, к его независимости, к деятельности и лени, в нем смешивающимся, к ловкости и энергии, проявляемых человеком ввиду затруднений и опасностей, которыми окружает его материальная природа, к однообразной горячности его страстей и т.п. Но картина очень неполна, настолько неполна, что от этого терпит большой ущерб истина даже воспроизводимых здесь черт. Разумеется, я готов сказать совершенно законно, что как Купер для могикан или делавар, так немецкие писатели для древних германцев позволяют себе все изображать в поэтическом свете, что в их описаниях чувства и факты жизни варваров принимают форму идеальную: идеальное представление ведь сущность поэзии; в истории оно также необходимо, и, может быть, только оно одно в состоянии объяснить эпохи прошлого. Но и идеальное должно быть истинно, полно, гармонично; оно не состоит в произвольном, направляемом одной фантазией исключении большей части той действительности, которой оно отвечает. В песнях, носящих название гомеровских, греческое общество изображено в идеализированной картине; тем не менее это общество воссоздается вполне с грубоватостью и свирепостью своих нравов, со своими хорошими и дурными страстями, без всякого намерения выставить, прославить то или другое его качество, преимущество, оставить в тени его пороки и бедствия. Это смешение хорошего с дурным, сильного со слабым, эта одновременность мыслей и чувств, по-видимому противоположных, это разнообразие, эти противоречия, это неравное развитие человеческой природы и судьбы — все это в высшей степени поэтично, потому что тут именно лежит основа или родник всего, таково истинное представление о человеке и мире; и в идеальных изображениях, которые стараются дать поэзия, роман и даже история, это разнородное и вместе гармоническое целое непременно должно повторяться; иначе в них будет так же мало истинно идеального, как и действительного. Именно в эту погрешность почти всегда впадали писатели, о которых я говорю; их изображения дикаря и быта дикарей существенно неполны, сознательно подобраны, лишены безыскусственности, простоты и гармонии. Мне кажется, что передо мною варвары, ди-

карн из мелодрамы, явившиеся нарочно для того, чтобы выставить свою независимость, энергию, ловкость, ту или другую черту своего характера или истории перед зрителями, которые смотрят с жадностью и в то же время с пресыщением, находят удовольствие созерцать свойства и приключения, чуждые той жизни, какую сами они ведут, обществу, в котором они замкнуты судьбою.

Не знаю, милостивые государи, так ли же вы поражены недостатками современной фантазии, как и я. По-моему, ей недостает естественности, способности легко применяться к различным условиям, широты охвата; она не смотрит на вещи широким и простым взглядом, не видит их первоначальных, действительных стихий; она их подбирает и увечит под предлогом идеализации. Я, конечно, нахожу в современных описаниях древних германских нравов кое-какие черты варварства, но истинно варварского общества в целом я отнюдь не узнаю.

Если бы мне теперь пришлось, милостивые государи, представить перечень всему сказанному мною относительно быта германцев до завоевания, я, признаюсь, был бы в затруднении. Тут нет точных, законченных черт, которые можно было бы удобно отделить и осветить ярким светом. Ни один факт, ни одна идея, ни одно чувство не достигли еще полного развития, не являются в определенной форме. Это — младенчество во всем: в нравственном быте, в учреждениях, в отношениях людей между собой, младенчество самого человека; все грубо, все еще смутно. На двух пунктах, однако, я считаю необходимым остановиться.

1) В начале развития новой цивилизации германцы повлияли на нее менее учреждениями, принесенными из Германии, нежели самим своим положением в римском мире. Они его завоевали: в тех местностях, по крайней мере, куда они водворялись, они были господами населения и земли. Общество, образовавшееся после этого завоевания, имело свою основу более в этом положении, в новой жизни победителей, в их отношении к побежденным, нежели в древних германских обычаях.

2) Главное, что германцы принесли в римский мир, это дух личной свободы, страстная потребность независимости, индивидуальности. В древней Германии, собственно говоря, не было никакой общественной, никакой религиозной власти. Единственной действительной силой этого общества, единственным могучим и деятельным началом в нем была воля человека; каждый делал, что хотел, подвергаясь всем опасностям такого образа действий. Самоуправа силы, то есть личной свободы — вот что лежало в основе общественного строя германцев. Очень общие выражения всегда так близки к неточности, что я не люблю употреблять их. Тем не менее если бы уж непременно было необходимо выразить в нескольких словах главные особенности различных элементов нашей цивилизации, то я бы сказал, что духом легальности, правильной ассоциации мы обязаны римскому миру, римским муниципиям и законам. Христианству, религиозному обществу, мы обязаны духом нравственности, господством нравственного прави-

ЛЕКЦИЯ VII

ла и закона, взаимных обязанностей людей. Германцы дали нам дух свободы в том смысле, в каком мы ее теперь знаем, в смысле права и достоинства каждого человека, который имеет право распоряжаться самим собою, своими действиями и судьбой, пока не причиняет вреда никому другому. Факт громадной важности, потому что, милостивые государи, он был чужд предшествовавшим цивилизациям. В древних республиках общественная сила всем распоряжалась, человек был принесен в жертву гражданину. В обществах, где преобладал религиозный принцип, верующий принадлежал своему Богу, не себе. Таким образом, человек постоянно был поглощен или церковью, или государством. Только в нашей Европе человек жил, развивался для себя, по своему произволу, конечно, под бременем, скажем более, под постоянно увеличивающимся бременем трудов и обязанностей, но зато в себе самом находя свою цель и свое право. Этот отличительный признак нашей цивилизации восходит к германским нравам. Основная идея свободы в новой Европе дана ей ее победителями.

ЛЕКЦИЯ VIII

Очерк состояния Галлии во второй половине VI века. — Истинный характер вторжения германцев.

Причина ошибок в этом отношении. — Разложение римского общества:

1) в селах, 2) в городах, хотя в меньшей степени. — Разложение германского общества: 1) народа или племени, 2) дружины. — Элементы нового общественного строя: 1) о зарождающейся королевской власти, 2) о зарождающемся феодализме, 3) о церкви после вторжения. —

Перечень всего.

Милостивые государи!

Мы усвоили себе два первоначальных и основных элемента французской цивилизации: мы изучали, с одной стороны, римское общество, с другой — германское, каждое в отдельности и до их сближения. Постараемся ознакомиться с тем, что произошло в ту минуту, когда они вошли в соприкосновение и слияние, т.е. описать состояние Галлии после великого вторжения германцев и водворения их.

Я желал бы приурочить этот очерк к какому-либо сколько-нибудь точному пункту и сказать вам заранее, какому веку, какой территории он преимущественно соответствует. Затруднения в данном случае велики. Такова была в то время путаница и в событиях, и в умах, что большая часть фактов переданы нам вразбивку и без определенного обозначения времени. Это тем более относится к фактам общим и касающимся учреждений, отношений различных классов — одним словом, общественного строя, фактам, которые по самой природе своей наименее явны и определены. В современных памятниках они или вовсе опускаются, или странным образом запутываются; на каждом шагу приходится угадывать и возобновлять их хронологию. К счастью, для эпохи, которая нас занимает, хронологическая точность менее важна, чем для какой-либо другой. Состояние Галлии, конечно, подверглось изменениям в промежуток времени от VI до VIII века; отношения людей, учреждения, нравы приняли иной вид, но изменения были менее значительны, нежели можно было бы предполагать. Хаос достиг крайних размеров, а хаос по существу своему не движется вперед. Когда все до такой степени беспорядочно, смутно, требуется много времени, чтобы каждый из них занял свое место, вошел в свою колею, подчинился некоторым образом руководству и влиянию того особенного принципа, который должен направлять его развитие. После водворения варваров на римской почве события и люди долго вращались в одном и том же кругу, увлеченные более сильным, нежели поступательным движением. Таким образом, состояние Галлии от VI до VIII века менее изменилось, и строгая хронология общих фактов тут менее значит, нежели можно было бы подумать, судя по продолжительности времени. Постараемся, однако, указать известные пределы эпохе, изображение которой мы должны начертать.

Три германских племени, занявших Галлию, были бургунды, вестготы и франки. Много иных племен — вандалы, аланы, свевы, саксы и др. — бродили по ее территории, но одни только прошли по ней, другие быстро слились с населением, и эти небольшие частные вторжения исторически не важны. Предками нашими имеют право считаться только бургунды, вестготы и франки. Бургунды окончательно водворились в Галлии между 406 и 412 годами; они заняли области, расположенные между Юрой, Соной и Дюрансом; центром их власти был Лион. Вестготы начиная с 412 и до 480 года расселялись по провинциям, лежащим между Роной (и даже на левой стороне Роны, к югу от Дюранса), Луарой и Пире-

неями; король их имел свою резиденцию в Тулузе. Франки в 481–500 годах двинулись на север Галлии и поселились между Рейном, Шельдой и Луарой, за исключением Бретани и западной части Нормандии; Хлодвиг избрал своими столицами Суассон и Париж. Таким образом, к концу V века совершилось окончательное занятие галльской территории тремя главными германскими племенами. Состояние Галлии в ее различных частях и под властью этих трех народов было не совсем одинаково. Между ними была значительная разница. Франки были гораздо более чужестранцами, более германцами, варварами, нежели бургунды и готы. Прежде чем вступить в Галлию, последние имели уже давние сношения с римлянами; живя в Восточной империи и в Италии, они познакомились с римскими нравами и населением. Почти то же можно сказать о бургундах. Притом оба народа уже в продолжение значительного времени исповедовали христианство. Франки, напротив, явились из Германии еще язычниками и врагами. Части Галлии, занятые ими, ощутили эту разницу; она верно и живо описана в «Письмах об Истории Франции» Огюстена Тьерри*. Тем не менее я склонен думать, что она была не так важна, как обыкновенно полагают; если я не ошибаюсь, различие между римскими провинциями было существеннее, нежели между народами, их завоевавшими. Вы уже видели, насколько Южная Галлия была цивилизованнее Северной, как она была обильна населением, городами, памятниками, дорогами. Если бы вестготы пришли такими же варварами, как франки, их варварство было бы гораздо менее заметно в Нарбоннской провинции, в Аквитании; римская цивилизация поглотила и изменила бы их гораздо скорее. Так и случилось, мне кажется, и различие в последствиях, вызванных тремя завоеваниями, произошло более в силу разницы между побежденными, нежели между победителями. Притом это различие, чувствительное до тех пор, пока рассматриваешь вещи с общей точки зрения, сглаживается или, по крайней мере, схватывается с трудом, когда проникаешь глубже в изучение общества. Можно сказать, что франки были более варварами, чем вестготы, но на этом и надо остановиться. В чем заключается положительная разница между учреждениями, воззрениями, отношениями сословий у двух народов, об этом нет никакого определенного свидетельства. Наконец, различие в состоянии галльских провинций, то, по крайней мере, причиной которого были их властители, быстро стало исчезать и ослабевать. Около 534 года страна бургундов подпала под господство франков; от 507 до 542 года страна вестготов подверглась почти той же участи. В половине VI века франкское племя распространилось и господствовало в Галлии. Вестготы сохраняли часть Лангедока и боролись за несколько городов у подножья Пиреней, но, собственно говоря, вся Галлия, за исключением Бретани, если не управлялась франками, то была захвачена ими.

В эту-то эпоху я и желал бы познакомить вас с нею; я постараюсь описать состояние Галлии около второй половины VI века, в особенности — состояние

Франкской Галлии. Всякая попытка определеннее обозначить время будет, мне кажется, тщетной и подаст повод к заблуждениям. Конечно, в состоянии галльских провинций в ту пору было еще много разностей, но я не могу принять их в расчет и ограничиваюсь тем, что предупреждаю вас об этом.

Я того мнения, милостивые государи, что общее представление о вторжении варваров, распространенности и быстроте его влияния совершенно несправедливо. Вы, конечно, встречали по этому поводу в прочитанных вами книгах выражения — «наводнение», «землетрясение», «пожар». Таковы термины, которыми обыкновенно характеризуют этот переворот. Я считаю их обманчивыми; они вовсе не изображают ни способа, каким совершилось вторжение, ни его непосредственных результатов. Человеческому языку свойственно преувеличивать; слова передают не столько сами факты, сколько впечатление их на человека; факты описываются, получают название, уже прошедши сквозь ум человека и согласно впечатлению, какое они в нем произвели. А впечатление никогда не бывает верным и полным отображением факта. Во-первых, оно имеет чуждый фактам индивидуальный характер; великие события, вторжение чужеземного народа, например, рассказываются людьми, находившимися под их влиянием, в качестве жертв, деятелей, зрителей; рассказывают они, как видели, характеризуют на основании того, что узнали и претерпели: тот, кто видел, как горели его дом или деревня, быть может, назовет вторжение пожаром; в мыслях другого оно представится наводнением, землетрясением. Эти образы истинны, но истинность их, если можно так выразиться, полна предубеждения и эгоизма; они воспроизводят впечатление нескольких личностей, но не выражают ни факта во всей его широте, ни влияния его на страну в целой совокупности.

Такова, притом инстинктивная, поэтическая сила человеческого ума, что он склонен получать от фактов впечатление более живое, более могучее, чем сами факты. Он стремится их расширять, облагораживать, они делаются для него как бы материалом обработки, темой, служащей ему для упражнения; из нее он извлекает или, лучше сказать, влагает в нее красоты и эффекты, которых в ней не было. Таким образом, две противоположные причины делают язык обманчивым: с материальной точки зрения факты крупнее человека, и он знает, описывает в них только то, что лично его поразило; с нравственной точки зрения человек крупнее фактов, и, описывая их, он придает им известную долю своего собственного величия.

Вот чего, милостивые государи, никогда не следует забывать при изучении истории, в особенности при чтении современных памятников. Они в одно и то же время неполны и преувеличены, они не знают одного и прибавят к другому, впечатление, выражающееся в них, должно возбуждать подозрение и по своей узости, и по своей поэтичности; необходимо его дополнять и урезывать. Нигде не сказывается так сильно эта двойная ошибка, как в повествовании о вторже-

нии германцев, и слова, которыми его описывают, нисколько не дают его изображения.

Вторжение, милостивые государи, или, лучше сказать, вторжения, были событиями по самой сущности своей частными, местными, минутными. Приходили ватаги, обыкновенно очень немногочисленные; самые большие, положившие основание королевствам, например, дружина Хлодвига, состояли из 5000–6000 человек. Во всем народе бургундов было не более 60 000 человек. Он быстро проходил по какой-нибудь небольшой территории, опустошал область, нападал на город и то удалялся, унося добычу, то поселялся где-нибудь, причем старался не особенно разрозниться. Мы знаем, милостивые государи, как легко и скоро совершаются и исчезают подобные события. Несколько домов сожжено, несколько полей опустошено, несколько жителей убито или отведено в плен, и когда все это зло сделано, по прошествии нескольких дней волны снова соединяются, борозда сглаживается, индивидуальные страдания позабываются, общество возвращается, по крайней мере по видимости, к прежнему состоянию. Так было и в Галлии в IV веке.

Но мы знаем также, что человеческое общество, носящее название народа, не простое лишь сопоставление отдельных, преходящих существований: не будь оно ничем более, то вторжения варваров не произвели бы впечатления, описываемого памятниками той эпохи; очень долго число местностей и людей, страдавших от их набегов, было гораздо менее числа тех, которые оставались совсем нетронутыми. Но общественная жизнь человека не сосредотачивается в материальном пространстве, служащем ей театром, в любом исчезающем моменте; она распространяется на все отношения, завязанные им на различных концах территории; и не только на отношения уже завязанные, а и на те, которые он мог завязать или даже предположить; она охватывает не только настоящее, но и будущее; человек живет в тысяче пунктов, где его, собственно, и нет, в тысяче моментов, которые еще не приходили; и если это развитие жизни у него отнято, если он принужден замкнуться в узкие границы своего материального, настоящего существования, уединиться в пространстве и во времени, то общественная жизнь нарушена, общества нет.

Такое именно влияние оказывали вторжения, появления варварских ватаг, правда, кратковременные, ограниченные, но постоянно повторявшиеся, повсюду возможные, всегда грозившие; они разрушали всякие правильные, обычные, легкие сношения между различными частями территории, всякую уверенность, всякие планы насчет будущего: они разрывали связи, соединяющие жителей одной и той же страны, моменты одной и той же жизни; они разобщали людей друг с другом, и для каждого отдельного человека — дни его существования. Во многих местностях в продолжение многих лет внешний вид страны мог оставаться одним и тем же, но общественной организации был нанесен

удар; члены не были соединены между собою, мускулы не действовали, кровь не обращалась свободно и безопасно в жилах. Зло прорывалось наружу то в одном, то в другом месте: здесь город подвергался разграблению, тут портили дорогу, там уничтожали мост; где-нибудь прекращалось сообщение; обработка земли становилась невозможной в той или другой округе; одним словом, органическая гармония, совокупная деятельность общественного тела каждый день затруднялась, запутывалась; каждый день разложение и расслабление все подвигались вперед.

Таким образом было разрушено, действительно разрушено в Галлии римское общество, не так, как опустошается долина потоком, а как самое прочное тело разлагается от постоянного насыщения посторонним веществом. Повсюду (и в государстве, и в жизни отдельного человека) беспрестанно врывались варвары. Я когда-то старался описать вам распадение Римской империи, невозможность для ее повелителей поддерживать связь между различными ее частями, старался описать, как императорская администрация, будучи не в состоянии бороться против разложения этого громадного тела, была принуждена добровольно покинуть Британию, потом Галлию. То, что произошло в империи, происходило также в каждой провинции; подобно тому, как распалась организация империи, распадалась организация каждой провинции; округа, города отделялись и возвращались к местному и разобщенному существованию.

Вторжение повсюду действовало одинаково, повсюду произвело одни и те же результаты. Все те связи, с помощью которых Рим, после больших усилий, достиг того, что соединил между собой различные части света — великая система администрации, податей, наборов, общественных работ, путей сообщения — не могли уже поддерживаться. От них осталось только то, что могло существовать разобщенной, местной жизнью, то есть обломки муниципального порядка.

Жители заперлись в городах и там продолжали управлять собою почти так же, как и прежде, сохраняя те же права, с помощью тех же учреждений. Тысячи обстоятельств доказывают это сосредоточение общества в городской общине — вот одно из них, на которое мало обращали внимания. При римской администрации постоянно попадаются в законах и в истории правители провинций, консуляры, корректоры, президенты; в шестом веке их имена встречаются гораздо реже; еще заметны герцоги, графы, которым препоручено управление провинциями; короли варваров стараются присвоить себе наследство римской администрации, сохранить тех же чиновников, приводить свою власть в действие через посредство тех же каналов, но удается им это далеко не вполне и среди величайшего беспорядка. Их герцоги (*duces*) скорее воеводы, нежели администраторы; правители областей, очевидно, не имеют прежней важности, не играют прежней роли; зато история наполнена деяниями правителей городов; большая часть графов Хильперика*, Гонтрана* и Теодеберта*, о вымогательствах которых рассказыва-

ет Григорий Турский*, были графами в городах, жили в их стенах, бок о бок с епископом. Было бы преувеличением сказать, что провинция исчезла, но у нее нет организации, нет прочности, почти нет реальности. Город, первоначальный элемент римского мира, почти один переживает его разрушение. Деревни стали жертвой варваров: тут они селятся со своими людьми; тут они постепенно введут совершенно новые учреждения и общественную организацию, но до тех пор деревни не будут занимать в обществе никакого места, они будут только театром набегов, грабежей, всяких бедствий.

Даже внутри городов старое общество не сохранилось в целостности и силе. Среди сумятицы вторжений города были преимущественно крепостями, в них запирались, чтобы уйти от опустошавших страну врагов. Когда переселение варваров несколько приостановилось, когда новые народы утвердились на территории, города все-таки остались крепостями: вместо того чтобы защищаться против бродячих шаек, пришлось защищаться против соседей, против жадных и неугомонных владельцев окрестных деревень. Таким образом, эти стены очень мало давали безопасности. Города, без сомнения, служат центрами населения и торговли, но только при известных условиях: если, с одной стороны, деревенское население будет обрабатывать для них землю, если, с другой — обширная и деятельная торговля будет потреблять продукты труда горожан. Если же земледелие и торговля станут приходить в упадок, то и города, их благосостояние и сила не могут существовать в разобщенности. Вы только что видели, в какое состояние впали в VI веке деревни Галлии; города могли избежать его на некоторое время, но со дня на день зло должно было все более и более овладевать и ими. Оно действительно ими овладело, и скоро этот последний остаток империи, по-видимому, был поражен той же слабостью, тем же разложением.

Таково было общее влияние вторжения и поселения варваров на римское общество, таково состояние, в какое оно привело его. Посмотрим теперь, какие последствия оно имело для второго элемента новой цивилизации — для самого германского общества.

В основе большей части исследований, предметом которых до сих пор служил этот вопрос, лежит одна крупная ошибка. Германские учреждения изучали в Германии, потом перенесли их в том же виде вместе с германцами в Галлию: предположили, что германское общество оказалось почти тем же после завоевания, каким было до него, и отсюда именно выходили для того, чтобы определить его участие в развитии новой цивилизации. Ничто не может быть фальшивее и обманчивее. Германское общество было видоизменено, преобразовано, разложено вторжением точно так же, как и общество римское. В этом великом перевороте общественная организация победителей погибла точно так же, как и организация побежденных; и те и другие соединили потом вместе одни обломки (своего прошлого).

Два общества, в сущности, более похожие друг на друга, нежели полагали, и, однако, различные, существовали в Германии: 1) общество народа или племени, склонявшееся к оседлости на незначительной территории, которую оно возделывало с помощью колонов и рабов; 2) общество военной дружины, случайно собравшейся вокруг знаменитого вождя и ведшей бродячую жизнь. Это с очевидностью вытекает из фактов, которые я уже описал вам.

К первому из этих двух обществ, к племени, отчасти приложимы описания быта древних германцев, которые начертаны новейшими немцами и о которых я вам говорил. Действительно, когда народ, немногочисленный, как и все остальные, занимал незначительную территорию, когда каждый глава семейства жил в своих владениях посреди колонов, общественная организация, изображенная этими писателями, могла быть если не полной и действительной, то по крайней мере существенной отчасти: собрание землевладельцев, глав семей, решало все дела, в каждом селе было свое собрание; суд чинился на нем самими свободными людьми, под надзором стариков; между находившимися в союзе селами могли устанавливаться зачатки полиции; свободные учреждения существовали тут в том виде, в каком они встречаются в колыбели народов.

Организация военной дружины была иная, в ней преобладал другой принцип, принцип патроната вождя, аристократической клиентелы и военного подчинения. Я жалею, что должен употребить последние выражения; они мало применимы к варварским ордам, однако какими бы варварами ни были люди, между вождем и его воинами устанавливается нечто вроде дисциплины, и тут, конечно, более произвола, более принудительного повиновения, нежели в ассоциациях, целью которых была не война.

Итак, германская дружина заключала в себе иной политический элемент, нежели племя. Тем не менее в то же самое время свобода ее была значительна: никто не вступал в нее иначе, как по собственному желанию; германец рождался в известном племени и принадлежал, таким образом, положению, которое не сам избрал, а воин выбирал своего вождя, своих товарищей и ничего не предпринимал иначе, как по собственной воле. К тому же в дружине неравенство между предводителями и их людьми было невелико; было только естественное неравенство силы, способностей, храбрости — неравенство, богатое последствиями, вызывающее рано или поздно громадные последствия, но развивающееся в первоначальную эпоху существования общества в довольно узких границах. Хотя вождь получал большую часть в добыче, хотя у него было более лошадей, оружия, он не был настолько богаче своих товарищей, чтобы распоряжаться ими без их согласия. Каждый воин приносил в союз свою силу и храбрость, мало отличался от других и был волен выйти из него, когда ему заблагорассудится.

Таковы были два первоначальных германских общества. Что случилось с ними обоими вследствие вторжения, какие изменения по необходимости произвело

оно в них? Только таким путем можем мы узнать, какое германское общество было действительно перенесено на римскую почву.

Милостивые государи, факт, характеризующий вторжение, главный результат его для германцев заключался в их переходе к состоянию землевладельцев, в прекращении бродячей жизни и окончательном установлении жизни земледельческой.

Этот факт совершился постепенно, медленно, не везде одинаково: бродячая жизнь довольно долго длилась в Галлии, по крайней мере для значительного числа германцев. Однако же если принять в расчет эти замедления, эти беспорядки, все-таки надо будет признать, что за всем тем победители сделались землевладельцами, привязались к почве, что земельная собственность стала существенным элементом нового общественного быта.

Какие последствия имел этот факт для военной дружины и для племени?

Что до племени, то припомните, милостивые государи, то, что я имел честь сообщить вам относительно образа заселения территории в Германии, относительно способа постройки и расположения деревень: население не было стеснено, каждая семья, каждое жилище были разобщены, окружены полями в обработке. Так располагаются народы, находящиеся на этой ступени развития, даже когда они живут оседлой жизнью.

Когда племя было перенесено на галльскую почву, жилища еще более разрознились, главы семейств поселились на еще большем расстоянии друг от друга, они заняли обширные поместья, их дома стали впоследствии замками; деревни, образовавшиеся вокруг них, были населены не свободными людьми, им равными, а колонами, прикрепленными к их поместьям. Таким образом, в материальном отношении племя разложилось вследствие самого факта своего нового поселения.

Вы и без меня догадываетесь, как должна была повлиять на его учреждения одна эта перемена. Собрание свободных людей, где все обсуждалось, стало гораздо труднее созывать. Пока они жили друг около друга, им не было надобности в особых ухищрениях, в глубокомысленных комбинациях, чтобы сообща заниматься своими делами, но когда народонаселение разбросано, необходимо большое социальное развитие, чтобы к нему были приложимы начала и формы свободных учреждений, необходимо богатство, способность — одним словом, тысяча условий, которых не доставало германскому племени, перенесенному вдруг на гораздо более обширную территорию, чем та, какую оно прежде занимало. Поэтому система, управлявшая его существованием в Германии, должна была погибнуть и действительно погибла. Когда открываешь древнейшие германские законы, законы алеманнов, бавар, франков, то видишь, что первоначально собрание свободных людей происходило в каждом округе очень часто — сначала каждую неделю, потом каждый месяц; все дела переносились туда, там

происходило судоговорение не только по уголовным, но и по гражданским делам, почти все действия гражданской жизни, продажи, пожертвования и т.п. совершались в его присутствии. Как скоро племя поселилось в Галлии, эти собрания стали сходитья реже и с большими затруднениями, с такими затруднениями, что пришлось употребить принудительные меры, чтобы заставить свободных людей посещать их. А если вы перейдете вдруг от VI века к середине VIII, то найдете, что в последнюю эту пору в каждом графстве было уже только по три собрания свободных людей в год, да и то они часто не могли состояться. Законодательство Карла Великого доказывает это¹.

Если необходимы еще другие доказательства, то вот одно, которое заслуживает внимания. Когда собрания происходили часто, свободные люди под названиями «gachinburgi», «archimanni», «boni homines» и под различными формами решали на них дела. Когда они не стали являться, пришлось найти для неотложных случаев средство заменить их: и действительно, к концу VIII века вместо свободных людей заступают в исправлении судебных обязанностей постоянные судьи, «scabini» или лавники* Карла Великого — настоящие судьи; в каждом графстве пять, семь, девять свободных людей назначаются графом или каким-нибудь другим местным должностным лицом с обязанностью являться в собрание графства и судить тяжбы. Первоначальные учреждения сделались неприменимыми, судебная власть перешла от народа к должностным лицам.

Таково было состояние, в которое впал после вторжения и под его влиянием первый элемент германского общества — племя. С точки зрения политической, оно разложилось подобно римскому обществу. Что касается военной дружины, то дело шло здесь иначе и в другой форме, но с теми же результатами.

Не думайте, что, когда дружина приходила куда-нибудь и занимала земли или часть земель, это занятие совершалось систематически, что территорию разбивали на участки, что каждый воин получал один из них сообразно своей важности

Карл Великий. Бронзовая статуэтка ок. 870 г., Лувр

¹ См. мон «Essais sur l'histoire de France», 258, 266, 271.

и положению. Предводитель дружины или различные соединившиеся вместе предводители присваивали себе обширные поместья; большая часть воинов, следовавших за ними, продолжали жить вокруг них, у них, за их столом, не имея собственности, лично им принадлежащей. Дружина не распадалась на неделимых, из которых каждый становился землевладельцем; самые важные воины почти одни вступали в это новое положение: если бы они все рассеялись так, чтобы каждый занял какую-нибудь территорию, то их безопасность среди населения подверглась бы угрозе, поэтому они должны были держаться кучками. Притом жизнь сообща — игра, охота, пиры — была удовольствием для варваров: как они могли решиться на полную разобщенность?

Уединение сносно только при труде; человек не может оставаться без деятельности и в то же время одиноким. Варвары же по самой сущности были бездеятельны, поэтому они должны были жить вместе, и многие дружинники остались при своем вожде, проводя жизнь в его поместьях почти так же, как и прежде, когда они за ним следовали. Но из этого вышло, что их положение друг относительно друга совершенно изменилось. Вскоре между ними возникло необычайное неравенство. Речь идет уже не о некоторой разнице в силе, храбрости или большем участии в добыче скота, рабов, драгоценностей: вождь, сделавшись крупным землевладельцем, располагал множеством средств к власти, прочие же оставались простыми воинами, и чем более идея собственности укреплялась и распространялась в умах, тем более развивалось неравенство со всеми его последствиями. В эту пору очень большое число свободных людей падает постепенно до весьма низкого положения; законы постоянно говорят о свободных людях, о франках, живущих на чужих землях и приведенных почти в состояние колонов² *. Дружина, рассматриваемая как частный союз, основывалась на двух фактах — на добровольной ассоциации воинов, имевшей целью бродячую жизнь, и на их равенстве: эти два факта погибли среди результатов вторжения. С одной стороны, прекратилась бродячая жизнь, с другой — между оседлыми воинами возникло и ежедневно стало возрастать неравенство.

Увеличивающееся дробление земли в течение трех веков, следовавших за вторжением, не изменило этого результата. Всякий из вас слышал о бенефициях^{*}, которые раздавали находившимся у них на службе людям король или главные вожди, занявшие обширную территорию. Этот обычай, по мере своего распространения, произвел на остатки военной дружины действие, подобное только что указанному мной. С одной стороны, воин, которому вождь давал бенефиций, отправлялся туда на житье: новая причина разобщения и обособления; с другой — этот воин обыкновенно имел вокруг себя несколько своих лю-

² Essais sur l'histoire de France. C. 109–111.

дей, он искал и находил желающих жить с ним в его поместье: новый источник неравенства.

Таковы были общие последствия вторжения для двух древнегерманских обществ — племени и дружины. Они оказались одинаково разложившимися. Люди заняли совершенно иное положение, вступили в совершенно новые отношения. Чтобы завязать их опять, чтобы опять создать из них общество и извлечь из этого общества правительство, стало необходимым прибегнуть к другим началам, к другим учреждениям. Распавшись, подобно римскому обществу, германское дало следовавшему за ним обществу также только обломки.

Надеюсь, милостивые государи, что эти выражения «распавшееся общество», «погибающее общество» не обманывают вас и что вы понимаете их истинный смысл. Общество распадается только потому, что в его недрах уже бродит, образуется новое — вот та скрытая работа, которая стремится разъединить его элементы, чтобы ввести их в новые комбинации.

Подобное разложение доказывает, что факты изменились, что отношения людей между собою не остаются теми же, что другие начала, другие формы готовятся управлять ими.

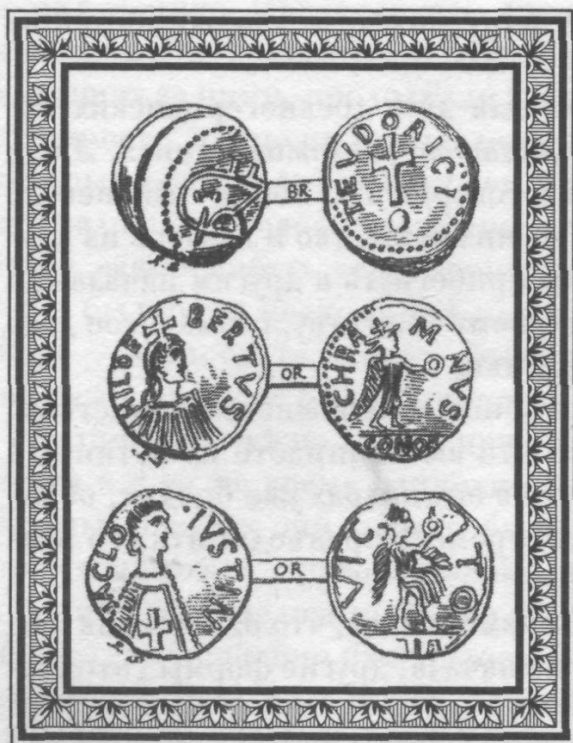
Таким образом, когда мы говорим, что в VI веке, вследствие результатов германского вторжения, древнее общество разложилось в Галлии, мы утверждаем, что вследствие тех же причин, в ту же самую эпоху, на той же территории началось общество нового времени.

Нет возможности, милостивые государи, распутать и вполне ясно рассмотреть эту первую работу; всякого рода зачатие, всякое созидание происходит в глубокой тайне и выступает наружу только впоследствии, когда оно уже много продвинулось вперед. Тем не менее его можно предвидеть, и необходимо, чтобы вы уже теперь знали, что бродило и зарождалось в этом общем разложении, в этом растворе двух элементов общества нового времени: я постараюсь в нескольких словах дать вам понятие об этом.

Первый факт, который можно заметить в ту эпоху, это — известное стремление к развитию королевской власти. Часто из королевской власти варваров черпали доводы в пользу монархической власти современной, но, как мне кажется, вполне ошибочно: в IV и в XVII веках это слово обозначает два совершенно различных учреждения, две различные силы. Были, правда, у варваров некоторые зачатки наследственной королевской власти, кое-какие следы религиозного характера, присущего некоторым фамилиям, происходившим от первых вождей нации, от героев, сделавшихся богами. Однако не может быть сомнения, что выбор, избрание было в то время главной основой королевской власти и что в королях варваров преобладал характер воевод. Когда они перешли на римскую территорию, положение их изменилось. Они нашли незанятым место императоров. Тут была власть, были титулы, правительственная машина, уже известные

*Монеты Теодориха,
Хильдеберта, Хлотаря*

варварам; они удивлялись их блеску, очень быстро поняли их значение и должны были ощутить сильное желание присвоить их себе. Такова и была действительная цель всех их усилий, что обнаруживается на каждом шагу: Хлодвиг*, Хильдеберт*, Гонтран, Хильперик, Хлотарь* постоянно стараются разукрасить себя именами имперской власти, воспользоваться ее правами; им хотелось бы распределить по областям своих герцогов, графов, как императоры распределяли своих консуляров, корректоров, президентов; они пытаются восстановить распадающуюся систему податей, наборов, администрации. Одним словом, узкая, грубая монархия варваров силится развиться и, так сказать, наполнить собою громадные рамки императорской монархии.

Долго ход событий не был ей благоприятен, и ее первые попытки оказались малоуспешными; тем не менее с самого начала

можно заметить, что кое-что от них останется и что новая королевская власть в будущем получит известную долю этого наследства империи, которое ей хотелось бы присвоить себе с первого же раза целиком. Тотчас после вторжения она становится менее воинственной, более религиозной и политической, нежели была до тех пор, то есть она более облекается в характерные черты императорской монархии. Вот, если не ошибаюсь, первый крупный факт в той работе, которая должна была произвести на свет общество нового времени — факт, не бросающийся в глаза, но легко заметный.

Вторым фактом является возникновение земельной аристократии. Собственность еще долгое время после вторжения варваров остается неверною, подвижною, беспорядочною, переходит из рук в руки необычайно быстро. Однако ясно, что она подвигается к закреплению в руках одних и тех же владельцев и к порядку. Бенефиции стремятся стать наследственными, и, несмотря на затруднения, наследственность действительно все более и более одерживает верх. В то же время среди владельцев бенефициев появляется иерархическая организация, сделавшаяся впоследствии феодальной системой. Не следует переносить в VI и VII века феодализм XIII века; ничего подобного в то время не было: беспорядок в условиях собственности и в личных отношениях был несравненно больше, но тем не менее все шло к тому, чтобы, с одной стороны, закрепились собственность, а

с другой — чтобы в обществе землевладельцев установилась известная иерархия. Подобно тому, как в конце VI века брезжат зачатки королевской власти нового времени, тогда брезжат также и зачатки феодализма.

Наконец, в ту же эпоху развивался третий факт. Я говорил вам о состоянии церкви: вы видели, какова была ее сила и как она была, так сказать, единственным живым остатком римского общества. Когда варвары утвердились на новой территории, церковь очутилась в следующем положении, или, по крайней мере, вскоре заняла его. Епископы, как вы знаете, были естественными главами городов, они управляли населением внутри каждого города и представляли его перед лицом варваров; они были его магистратами внутри и покровителями во вне. Таким образом, духовенство пустило глубокие корни в муниципальном строе, то есть в том, что оставалось от римского общества: епископы стали советниками королей варваров. Они давали им советы, как вести себя по отношению к побежденным народам, как действовать, чтобы сделаться наследниками римских императоров. У них было гораздо более политической опытности и способностей, нежели у только что вышедших из Германии варваров. Они любили власть, они привыкли служить ей и извлекать из нее свои выгоды, поэтому они сделались советниками зарождающейся королевской власти, оставаясь в то же время магистратами и покровителями все еще существовавшего муниципалитета.

Итак, они утвердились, пристроились, с одной стороны — к народу, с другой — к престолам. Этого мало: скоро начинается для них новое положение: они становятся крупными собственниками, вступают в иерархическую организацию еще не существовавшей, но стремившейся образоваться поземельной собственности, стараются и быстро успевают занять в ней важное место. Так что в этот период первых зачатков нового общества церковь уже имеет повсюду связи, повсюду пользуется доверием и могуществом — верный признак, что она первая достигнет господства. Так и случилось в действительности.

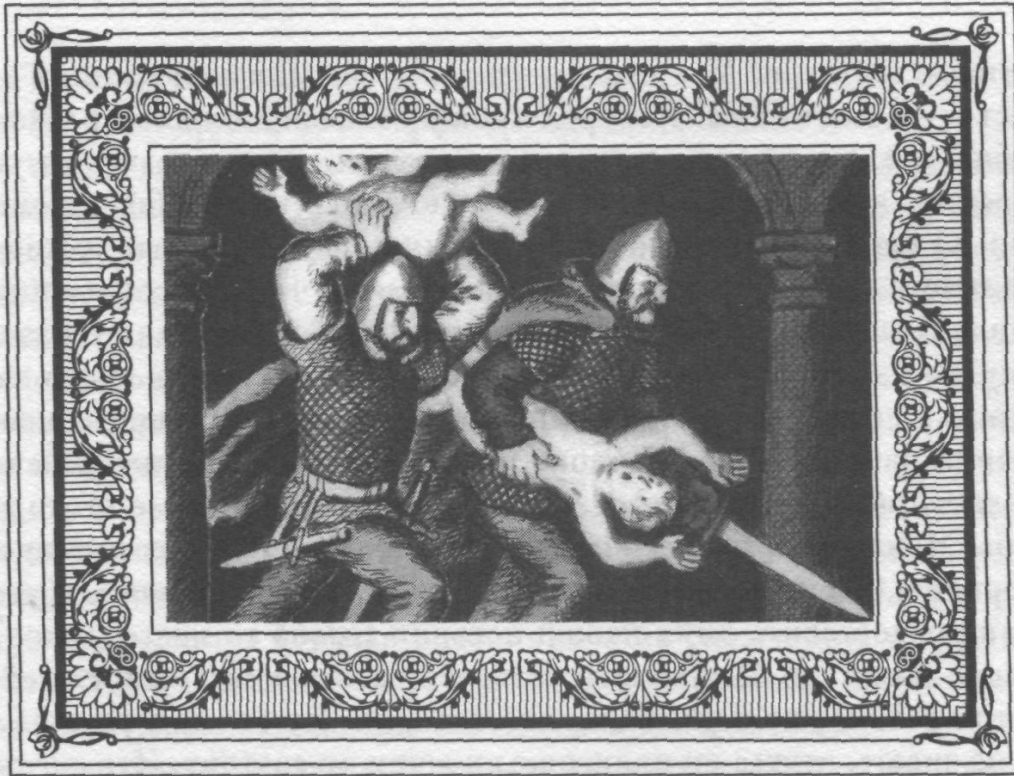
Таковы, милостивые государи, были в начале VII века три великих факта, еще скрытые, но все-таки уже заметные, которыми давал о себе знать новый общественный строй. Невозможно, мне кажется, не обратить на них внимания, но, принимая их к сведению, знайте также, что ни один из них не имел еще ни места, ни формы, которые он должен был сохранить. Все еще было до того смешано и перепутано, что самому проницательному взору невозможно было бы разобрать какую-нибудь черту будущего. Я уже имел случай сказать вам, и вы могли прийти к такому убеждению на основании прочитанного вами, что нет ни одной системы, ни одного притязания нового времени, которые не отыскивали бы в этих зачатках общества оснований для придания себе законности. Королевская власть видела себя в эту эпоху самодержавной, единственной наследницей римской империи. Феодальная аристократия заявила, что с той самой поры она вла-

дела всей страной — людом и землями; города — что они унаследовали права римских муниципалитетов; духовенство — что оно участвовало во всех властях. Эта странная эпоха давала материал для всех потребностей духа, для всех гипотез науки; она доставила аргументы и оружие — народам, королям, вельможам, духовенству, свободе наравне с аристократией, аристократии — наравне с королевской властью.

Дело в том, что она, милостивые государи, действительно носила в своих недрах все: теократию, монархию, олигархию, республику, переходные конституции, и все в такой смеси, которая позволяла каждому видеть в ней, что ему было угодно. Темное и беспорядочное брожение остатков древнего общества, и германского, и римского, и первая работа их преобразования в элементы нового общества — таково было действительное состояние Галлии в VI и VII веках, единственное характеристическое свойство, которое можно ему приписать.

ЛЕКЦИЯ IX

Ложное представление о Салическом законе. — История составления этого закона. — Две системы по этому вопросу. — Восемнадцать рукописей. — Два текста Салического закона. — О сочинении г. Виарды по истории и толкованию Салического закона. — Предисловия, присоединенные к рукописям. — Значение национальных преданий относительно происхождения и составления Салического закона. — О его постановлениях. Он по самой сущности своей — уголовный кодекс. — 1) О перечислении и определении поступков по Салическому закону; 2) О наказаниях; 3) Об уголовном судопроизводстве. — Переходный характер этого законодательства.

Милостивые государи! Мы должны заняться сегодня варварскими законами, и в частности — Салическим. Наперед прошу у вас извинения за несколько мелких подробностей, необходимых, как мне кажется, для того, чтобы узнать как следует характер этого закона и обнаруживающийся в нем общественный быт. Долго и сильно ошибались на этот счет. Крайне преувеличивали важность этого закона; вы знаете причину этой ошибки: вы знаете, что при вступлении на престол Филиппа Длинного* и в борьбе Филиппа Валуа* с Эдуардом III за французскую корону, на Салический закон ссылались, чтобы отвергать право наследования женщин, и что с тех пор он множеством писателей превозносился как первоисточник нашего общественного права, как закон, остающийся всегда в силе, как основной закон монархии. Люди, даже самые чуждые этого заблуждения, хотя бы Монтескье, например, все-таки подчинялись несколько его влиянию и говорили о Салическом законе с уважением, какое, конечно, трудно к нему питать, если предоставить ему в нашей истории только то место, какое он в ней действительно занимает. Можно подумать, что большая часть писателей, трактующих об этом законе, не изучили ни его истории, ни его содержания, что они одинаково не знают, откуда он произошел и в чем он состоит. Эти-то два вопроса, милостивые государи, и должны мы разрешить. Нам надо узнать, с одной стороны, как, где, когда, кем, для кого был составлен Салический закон; с другой стороны, каков предмет и какова система его постановлений.

Что до его истории, то прошу вас припомнить, милостивые государи, то, что я уже имел честь вам сказать относительно двойного источника и непоследовательности варварских «правд» или законов. Они возникали и до завоевания, и после него; это законы германские и германо-римские, принадлежащие двум совершенно различным состояниям общества. Такой характер их повлиял на все прения, предметом которых была Салическая правда. Он вызвал две системы: согласно одной, правда эта была составлена в Германии, на правом берегу Рейна, задолго до завоевания, на собственном языке франков; все, что в ее распоряжениях не соответствует этой эпохе и древнему германскому обществу, внесено позднее последовательными пересмотрами, состоявшимися после завоевания. По другой системе, напротив, Салический закон был составлен после завоевания, на левом берегу Рейна, в Бельгии или Галлии, вероятно, в VII веке, и по-латыни.

Борьба этих двух систем совершенно естественна: она должна была возникнуть из самой Салической правды. Одно частное обстоятельство вызвало ее.

В списках, дошедших до нас, милостивые государи, правда является в двух текстах: один — чисто латинский; другой также латинский, но пересыпанный множеством германских слов, глосс, объяснений на франкском языке, внесенных в статьи закона. Он включает в себе 253 подобных вставки. Этот второй текст издан в 1557 году в Базеле юристом Иоанном Герольдом по рукописи Фульдского аббатства. Чисто латинский текст в первый раз был издан в Париже, без обозна-

чения года и имени издателя; во второй раз Жаном Дютилье, также в Париже, в 1573 году. И тот, и другой многократно издавались впоследствии.

Эти два текста сохранились в восемнадцати¹ списках: пятнадцать принадлежат чисто латинскому тексту, три — тексту с германскими словами. Из этих списков пятнадцать найдены на левой стороне Рейна, во Франции, и только три в Германии. Вы, может быть, подумаете, что три списка, найденные в Германии, и суть именно те, которые заключают в себе германскую глоссу; ничуть не бывало; из трех списков, снабженных глоссой, только два из Германии, третий найден в Париже; из пятнадцати остальных — четырнадцать найдены во Франции и лишь один в Германии.

Пятнадцать списков латинского текста сходны, за немногими исключениями. Есть, правда, кое-какие варианты в предисловиях, в послесловиях, в распределении и редакции статей; но они не важны. Три списка, заключающие в себе германскую глоссу, разнятся гораздо более; они отличаются друг от друга по числу параграфов и статей, по их порядку, даже по их содержанию, еще более — по слогу. Из этих списков два составлены самой варварской латынью.

Итак, вот два текста Салической правды, поддерживающие два способа решения задачи: один по происхождению кажется более римским, другой — более германским. Поэтому вопрос принял следующую форму: какой из двух текстов древнее? Какой можно рассматривать как первоначальный?

Общее мнение, особенно в Германии, приписывает тексту с германской глоссой самую глубокую древность. На первый взгляд есть кое-какие основания предполагать это. Три списка этого текста озаглавлены: *Lex salica antiqua, antiquissima, vetustior*², между тем как на списках чисто латинского текста обыкновенно читается: *Lex salica recentior, emendata, reformata*³. Если положиться на эти надписи, то вопрос решен. Другое обстоятельство приводит, по-видимому, к тому же решению. Многие списки заключают в себе нечто вроде предисловия, в котором рассказывается история этого закона; вот самое пространное: вы тотчас увидите, какие заключения могли вывести из него относительно древности закона.

«Народ франков, знаменитый, основанный Богом, сильный оружием, твердо хранящий мирные условия, глубокомысленный в советах, благородный и здоровый телом, одаренный необычайною белизною и красотой, смелый, проворный и закаленный в бою; недавно обращенный в католическую веру, не запятанный ересью; отыскивавший еще и тогда, когда он был в варварской вере, ключ познания по божескому вдохновению; согласно природе своих свойств стремящийся-

¹ Перц, если я не ошибаюсь, открыл недавно еще два, но по поводу их ничего не издано. (Т.е. не было издано тогда).

² Салический закон древний, древнейший, старинный (лат.).

³ Салический закон новый, улучшенный, исправленный (лат.).

ся к справедливости, сохраняющий блеск чести. Салический закон был продиктован главами этого народа, начальствовавшими над ним в эту пору. Среди многих выбрали четырех человек, а именно: Визогаста, Бодогаста, Салогаста и Виндогаста⁴, в местах, называющихся Салагев, Бодогев, Виндогев. Эти люди собирались в трех малях⁵, обсудили тщательно все причины тяжб, говорили о каждой в отдельности и произнесли свое суждение так, как дальше значит. Потом, когда с помощью Божией Хлодвиг, длинноволосый*, красивый, знаменитый король франков, первым получил католическое крещение, все, что в этом договоре показалось негодным, было явственно исправлено знаменитыми королями Хлодвигом, Хильдебертом и Хлотарем, и таким образом был составлен следующий за тем указ.

«Да здравствует Христос, возлюбивший франков! Да охраняет он их королевство и да преисполняет их вождей светом своей благодати. Да покровительствует он их войску, да ниспосылает им знаменья в засвидетельствование их веры, радость мира и счастье! Да направляет Господь Иисус Христос в стезе благочестия царства властителей! Ибо это тот народ, который, незначительный числом, но храбрый и сильный, сбросил с своей главы иго римлян, и который, признавши святость крещения, роскошно украсил драгоценными камнями тела святых мучеников, сожженных римлянами, истребленных, обезображенных железом или растерзанных зверями».

Об изобретателях законов и об их порядке.

«Моисей*, первый из всех, объяснил священными письменами божественные законы еврейскому народу. Царь Фороней*, первый у греков, установил законы и судилища. Меркурий Трисмегист* первый дал законы египтянам, Солон* первый — афинянам; Ликург* первый, по повелению Аполлона, установил законы над лакедемонянами; Нума Помпилий*, наследовавший Ромулу*, первый дал законы римлянам. Затем, так как бунтовавший народ не мог переносить власти своих магистратов, он поставил децемвиров для написания законов, и они начертали на двенадцати таблицах переведенные на латинский язык законы Солона. Это были: Аппий Клавдий Сабин, Т. Л. Генуций, П. Сестий Ватикан, Т. Ведурий Цикурин, К. Юлий Тулий, А. Манилий, П. Сумпиций Камерин, Сп. Постумий Альб, П. Гораций Пульвилл, Т. Ромилиий Ватикан. Эти децемвиры были назначены, чтобы писать законы. Консул Помпей* первый хотел постановить, чтобы законы излагались в книгах, но он не настаивал на этом, убоясь клеветников; Цезарь* затем начал дело, но был убит прежде, нежели успел его до-

⁴ Гаст значит хозяин и гость, гев или гау — округа, волость; Салогаст — житель Сальской округи, Бодогаст — житель Бодской округи и т. д.

⁵ Маль (лат. mallum) — вече или сходка свободных людей.

кончить. Мало-помалу старые законы перестали применяться вследствие древности или небрежности, и хотя ими уже не пользовались, однако было необходимо их знать. Новые законы начали считаться с Константина и его преемников; они были смешаны и в беспорядке. С тех пор августейший Феодосий, по примеру кодексов Григория и Гермогена, велел собрать и распределить по именам императоров постановления, данные после Константина; по его имени этот кодекс назвали Кодексом Феодосия.

Затем каждый народ, согласно со своим обычаем, избрал свойственный ему закон, ибо давний обычай считается законом: закон есть постановление писанное; обычай есть привычка, основанная на древности или закон не писанный: закон (*lex*) получил свое название от слова «читать» (*legere*), потому что он написан; обычай есть долгая привычка, извлеченная из нравов; привычка — известное право, установленное в нравах и принятое за закон; закон — все то, что уже установлено разумом, соответствует доброму порядку и содействует спасению, привычкой же называют то, что в общем употреблении.

Теодорих^{*}, король франков, будучи в Шалоне, выбрал мудрых людей из своего королевства, знатоков древних законов, и велел записать, под свою диктовку, законы франков, алеманнов, бавар и всех народов, бывших под его властью, согласно обычаю каждого. Он прибавил, что надо было прибавить, устранил дурно устроенные вещи и переправил по закону христианскому то, что соответствовало языческому обычаю. То, чего король Теодорих не мог изменить по причине большой древности языческого обычая, начал исправлять король Хильдеберт, а докончил Хлотарь. Славный король Дагоберт[†] возобновил все это с помощью знаменитых Клавдия, Хадаина, Домания и Агилофа; он велел списать с поправками старые законы и дал их списки каждому народу. Законы составлены для того, чтобы человеческая злоба сдерживалась страхом, чтобы невинность была ограждена от всякой опасности среди злых, чтобы эти злые боялись казней и налагали узду на свое желание вредить.

Это постановлено королем, вождями и всем христианским народом, находящимся в королевстве Меровингов.

«Во имя Христа...»

Начинается договор Салического закона.

Составили Салический закон: Визогаст, Арегаст, Салогаст, Виндогаст в Бодгаме, Салегаме и Видгаме...»

Из этого предисловия, из слов «*antiqua*», «*vetustior*», помещенных в одном тексте, и из нескольких других подобных указаний заключили: 1) что Салический закон был составлен до завоевания, по ту сторону Рейна, на языке франков; 2) что список с германскими словами самый древний и включает в себе остатки первоначального текста.

Самое ученое из сочинений, резюмирующих этот спор, милостивые государи, принадлежит г. Виарде; оно озаглавлено «История и объяснение Салического закона» и издано в Бремене в 1808 году. Я не буду водить вас по лабиринту прений, в какие он пускается относительно различных вопросов, охватываемых спором, но укажу вам главные результаты. Они обыкновенно подтверждаются у него сильными доводами, и критика их чрезвычайно внимательна.

По мнению г. Виарды, текст, пересыпанный германскими словами, по крайней мере в списках, которые у нас есть, не древнее другого; можно даже думать, что он позднейшего происхождения. В особенности указывают на это, как кажется, две статьи: 1) Титул 61, озаглавленный «De chrenecruda»⁶ и имеющий предметом уступку имущества, одинаково находится в обоих текстах, но чисто латинский текст помещает его как положение, находящееся в силе, тогда как текст с глоссой прибавляет: «в настоящее время это не применяется»; 2) В титуле VIII, §1, текст с глоссой говорит: «сообразно с древним законом, тот, кто выкопает или ограбит тело, уже погребенное, будет изгнан» и т.д. Это законоположение, названное здесь древним, в чисто латинском тексте находится без всякого примечания.

Нельзя отрицать, что эти два места с глоссой, по-видимому, указывают на более позднее происхождение.

От этого сравнения текстов г. Виарда переходит к рассмотрению предисловий и без труда указывает на их несообразности и противоречия. Многие списки совершенно без предисловия, там же, где они есть, они весьма различны. То самое, которое я вам прочел, составлено из не вяжущихся между собой частей; вторая часть, со слов «изобретатели законов» и т.д., буквально списана с «Трактата об этимологиях и началах» Исидора Севильского*, писателя VII века; третья, со слов «Теодорих, король франков», находится также и перед рукописью закона бавар. Имена первых редакторов закона салических франков не одни и те же в предисловии и в самом законе. Из этих обстоятельств и из многих других г. Виарда выводит, что предисловия — простые добавки, внесенные перед текстом переписчиками, которые, каждый по-своему, собирал народные слухи, и что им нельзя придавать действительного значения.

Кроме того, ни один из древних памятников, ни один из первых летописцев, рассказавших в подробностях историю франков, ни Григорий Турский, ни Фредегарий*, например, не говорят о составлении их законов. Надо дойти до VIII века, чтобы найти место, которое упоминало бы об этом; в одной из самых запутанных, баснословных хроник этой эпохи, в «Gesta Francorum»⁷ читаем:

⁶ Т.е. «О зеленой траве»; слово, происходящее от древнегерманских, соответствующих современным «grün» — зеленый (green по-английски) и «Kraut» — трава, растение.

⁷ «Деяния франков» (лат.).

«После битвы, данной им императором Валентинианом*, в которой пал их вождь Приам, франки ушли из Сикамбрии* и поселились в странах германских, у конца течения реки Рейна... Там они избрали короля Фарамона, сына Маркомира, и, поднявши его на щитах, провозгласили длинноволосым королем, и тогда пошел у них закон, который их древние языческие советники Визогаст, Виндогаст, Арегаст, Салогаст составили в германских деревнях Бодегейм, Салегейм и Виндегейм» (гл.3).

На этом параграфе основаны все предисловия, надписи или рассказы, помещенные во главе рукописей; другой гарантии у них нет, и они не заслуживают большего доверия.

Отстранив, таким образом, косвенные памятники, приведенные в защиту глубокой древности и чисто германского происхождения закона, г. Виарда прямо приступает к вопросу и думает: 1) что Салический закон был впервые составлен на левом берегу Рейна, в Бельгии, в крае между Арденнским лесом, Маасом, Лиссом и Шельдой; в стране этой поселилось и ее долго занимало племя салических франков, которыми специально управлял этот закон и от которых он получил свое название; 2) что ни в одном из существующих теперь текстов он, по-видимому, не восходит к эпохе ранее VII века; 3) наконец, что он никогда не был составлен иначе как по-латыни. Это признано относительно всех других законов варваров, относительно законов Рипуарского, Баварского, Алеманнского, и ничто не доказывает, чтобы Салический закон был исключением. Кроме того, германские диалекты не имели письменности до царствования Карла Великого; и Отфрид Вейсенбургский*, переводчик Евангелия, еще в IX веке характеризует франкский язык как «*lingua indisciplinabilis*», «беспорядочный язык».

Таковы общие результаты ученого труда г. Виарды; в общем выводе, я считаю их законными; он даже слишком мало воспользовался родом доказательств, более сильных, по моему мнению, нежели большая часть тех, которые он так остроумно рассматривал, а именно — самим содержанием Салического закона и фактами, ясно в нем обнаруживающимися. Судя по распоряжениям, идеям, тону этого закона, мне кажется очевидным, что он принадлежит той эпохе, когда франки уже довольно долго пробыли среди римского населения; он постоянно упоминает о римлянах не как о жителях, рассеянных там и сям по стране, а как о многочисленном, трудолюбивом, земледельческом люде, уже низведенном, по крайней мере большею частью, на степень колонов. Видно также, что христианство не со вчерашнего дня занесено к франкам, что оно уже занимает важное место в обществе и в умах: в законе часто говорится о церквах, о епископах, о дьяконах, о служках, не в одной статье замечаем влияние религии на нравственные воззрения и перемену, уже внесенную ею в варварские нравы. Одним словом, внутренние доказательства, почерпнутые в самом законе, кажутся мне вполне убедительными в пользу системы, которую поддерживал г. Виарда.

Я думаю, однако, что предания, звучащие среди многих противоречий и басен в предисловиях и послесловиях, приложенных к законам, важнее, чем он думал, и заслуживают большего внимания, нежели он им оказал. Они доказывают, что в VIII веке было распространённым верованием, народным воспоминанием, что обычаи салических франков были собраны в древности, ещё до введения христианства, на более германской территории, нежели та, которую они теперь занимали. Как бы ни были неподлинны, испорчены памятники, в которых находятся эти предания, они доказывают, по крайней мере, что такие предания существовали. Из этого не следует заключать, что Салический закон в той форме, в какой мы его имеем, относится к очень давнему времени, что он был составлен так, как рассказывает предание, и что он когда-либо был написан на германском языке, но из этого видно, что он связан с обычаями, собранными и передававшимися из рода в род, когда франки жили у устьев Рейна, и изменёнными, расширенными, пояснёнными, редактированными в форме закона несколько раз, начиная с этой эпохи и до конца VIII века. Таков, мне кажется, разумный результат, к которому должно привести это рассуждение. Позвольте мне, милостивые государи, прежде, нежели мы оставим сочинение г. Виарды, обратить ваше внимание на две мысли, которые он в нем развивает и которые, по моему мнению, имеют много верного. Салический закон, согласно с его взглядом, не закон в собственном смысле, не уложение; он не был редактирован и издан законной, официальной властью, королем или собранием народа или вельмож. Ему кажется, что это перечень обычаев и судебных решений, сборник, составленный каким-нибудь судебным заседателем или клириком из варваров; собрание, подобное Саксонскому* и Швабскому* зеркалам, и многим другим древним памятникам германского законодательства, имеющим, очевидно, такой же характер. Г. Виарда основывает это предположение на примере других народов, находящихся на той же ступени развития, и на довольно большом числе удачно подобранных доводов. На один он не обратил внимания, может быть, на самый убедительный — на текст самого Салического закона. Мы читаем там:

«Если кто ограбит мертвого прежде, нежели его похоронили, да будет он приговорен уплатить 1800 денариев, т.е. 45 солидов; а согласно другому решению (*in alia sententia*) 2500 денариев, т.е. 62¹/₂ солида».

Очевидно, это не законодательный текст, потому что за один проступок в нем назначены два различных наказания; слова же «согласно другому решению» именно те, которые можно найти, на языке юриспруденции, в сборнике решений.

Г. Виарда думает, кроме того, и это подкрепило бы предыдущее мнение, что Салический закон не содержит в себе всего права салических франков. Действительно, в памятниках IX, X и XI веков мы находим известное число случаев, разрешенных, как там сказано, «*secundum legem Salicam*», по Салическому закону, текст же этого закона не упоминает о них. Некоторые формы брака, некоторые правила обучения прямо называются «*secundum legem Salicam*», но, однако, они

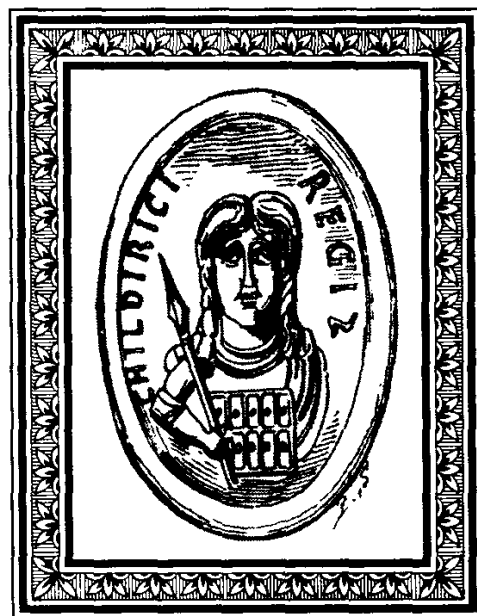

в нем не значатся. Из этого можно заключить, что многие обычаи салических франков никогда не были записаны и не входят в наш текст.

Я вам сообщил много подробностей, милостивые государи, но умолчал о гораздо большем числе их; я передал вам результат споров, возникших по поводу одной истории Салического закона. Странные недоразумения на его счет происходили оттого, что не отдавали себе отчета в этой истории, не изучали тщательно происхождения и судьбы этого закона. Приступаем теперь к рассмотрению самого законодательства и постараемся применить к нему более или менее точную критику, потому что тут также впадали в странную неопределенность и декламацию.

Два текста по объему неравны: текст с германскими словами содержит в себе 80 титулов и 420 статей или параграфов; в чисто латинском тексте только 70, 71, 72 титула, смотря по различным спискам, и 406, 407, 408 статей. Один Вольфенбюттельский список, чрезвычайно запутанный, идет еще далее. Нет возможности не поразиться беспорядком закона, при первом взгляде. Он трактует обо всем: о праве государственном, гражданском, уголовном, о гражданском и уголовном судопроизводствах, о местной полиции — и обо всем вперемешку, без разбора и классификации. Если бы статьи наших кодексов написать каждую отдельно и, смешав их в урне, вынимать одну за другой, то случайный порядок в предметах и распоряжениях нисколько не отличался бы от их распорядка в Салическом законе.

Внимательнее всмотревшись в содержание этой правды или закона, мы замечаем, что это, в сущности, уложение о наказаниях, что уголовное право занимает в ней первое место, почти весь ее объем. Государственное право является только косвенно, в виде намеков на учреждения, на факты, которые рассматриваются как нечто уже установленное, и закон вовсе не имеет целью ни создавать их, ни давать им выражение. Относительно гражданского права этот закон заключает в себе несколько более определенных постановлений, высказанных в повелительной форме и внесенных в закон с намерением. То же самое можно сказать о гражданском судопроизводстве. По части уголовного судопроизводства Салический закон предполагает почти все известным, установленным; он только заполняет кое-какие пробелы, определяет в известных случаях обязанности судей, свидетелей и т.д. Карательная часть преобладает; Салическая правда, очевидно, имеет целью пресекать проступки и налагать наказания. Это уголовный кодекс как есть. В нем заключается 343 статьи о на-

*Печать Хильдерика,
короля салических франков
(458—481)*

казаниях и только 65 о других предметах. Таков характер всех зарождающихся законодательств; в уголовных своих законах народы ступают первый заметный шаг, первый письменный шаг — если можно так выразиться, из варварства. Они не думают записывать свое государственное право; власти, ими управляющие, формы их деятельности — несомненно, всеми признанные факты; не в эти эпохи обсуждаются конституции. Гражданское право существует также лишь как факт; уговоры и соглашения между людьми предоставлены правилами естественной справедливости или совершаются по известным общепризнанным началам или формулам; определение законом этой части права появляется только вместе с дальнейшим развитием общественного быта. Иногда в религиозной форме, иногда как чисто человеческое дело, уголовное право первое появляется на законодательном поприще народов; их первое усилие к усовершенствованию гражданского общежития состоит в том, чтобы заранее положить преграду, заранее назначить наказания преступающим границы проявления индивидуальной свободы. Салическая правда появляется в эту эпоху истории нашего общества.

Чтобы сколько-нибудь точнее узнать ее, чтобы выйти из неопределенных утверждений и споров, предметом которых она была, попытаемся рассмотреть ее: 1) в перечислении и определении проступков; 2) в применении наказаний; 3) в уголовном судопроизводстве. Это три существенных элемента уголовного законодательства.

I. Проступки, предусмотренные Салической правдой, почти все подходят под два разряда — воровство и насилие против лиц. Из 373 статей уголовного права 150 относятся к случаям воровства; из их числа 74 предусматривают и наказывают кражу животных, а именно: 20 — кражу свиней; 16 — кражу лошадей; 13 — кражу волов, быков и коров; 7 — кражу овец и коз; 4 — кражу собак; 7 — кражу птиц и 7 — кражу пчел. Правда вдается по этому поводу в самые мелочные подробности; проступок и наказание различны смотря по возрасту, полу, числу украденных животных, по месту и времени кражи и т.д.

Случаи насилия против лиц наполняют 113 статей, из которых 20 относятся к нанесению увечий, предусмотренному во всех его разновидностях; 24 — насилию относительно женщин и т.д.

Я не буду продолжать этого перечисления проступков; в них ясно запечатлелись два свойства правды: 1) она принадлежит обществу, не далеко ушедшему вперед, несложному. Откройте уголовные кодексы других эпох: рода проступков гораздо разнообразнее, и в каждом роде специализация частных случаев гораздо меньше; видно, что факты разнохарактернее и что идеи в то же время общие. Тут встречаются только те проступки, которые должны часто повторяться при первом сближении людей, как бы ни были просты их отношения, как бы ни была однообразна их жизнь; 2) это, очевидно, общество, чрезвычайно грубое, неотесанное, где беспорядочное проявление индивидуальной силы и воли каждого достигает крайних

размеров, где никакое общественное могущество не стесняет его излишков, где целостность и сохранность личностей и имуществ находится ежеминутно в опасности. Это отсутствие всякого обобщения, всякого старания свести проступки к простым и общим свойствам свидетельствует в то же время о незначительности умственного развития и о поспешности законодателя. Он ничего не соображает вширь; он действует под давлением настоятельной необходимости, так сказать, схватывает на месте каждое действие, каждый случай кражи, насилия, чтобы тотчас же подвергнуть их наказанию. Грубый сам, он борется с грубыми людьми и умеет только пригнать новую статью закона, где ни совершится проступок, сколько-нибудь отличный от тех, для которых он уже установил наказание.

II. От проступков перейдем к наказаниям и посмотрим, каков в этом отношении был характер Салической правды.

На первый взгляд мы будем удивлены ее мягкостью. Это законодательство, отличающееся в том, что касается проступков, такие необразованные и грубые нравы, не содержит в себе, однако, жестоких наказаний; оно не только не жестоко, но как будто отличается замечательным уважением к личности и свободе людей. Я разумею, конечно, свободных людей, потому что, как скоро речь идет о рабах и даже о колонах, грубая жестокость снова появляется; в правде много постановлений насчет пыток и казней, но по отношению к свободным людям, франкам и даже римлянам она чрезвычайно умеренна. Смертная казнь назначается в немногих случаях, да и то можно всегда от нее откупиться; нет ни телесных наказаний, ни заключения. Единственное, в сущности говоря, наказание, занесенное в Салическую правду — это вира, «wehrgeld, widrigeld»⁸, т.е. известная сумма, которую виновный должен заплатить обиженному или его семье. К вергельду или вире присоединяется, в довольно большом числе случаев, то, что германские правды называют «fred» (от Frieden — мир), сумма денег, платившаяся королю или магистрату в вознаграждение за поруху общественного мира. К этому сводится вся система наказаний правды.

Вира, милостивые государи, есть первый шаг уголовного законодательства от личной мести. Право, скрытое под этим наказанием и существующее в основе Салической правды, как и других варварских правд, это право каждого человека самому добиться себе справедливости, отомстить за себя силой, это — война между обидчиком и обиженным. Вира есть попытка заменить войну законным порядком, возможность, данная обидчику, оградить себя от мести обиженного, заплатив известную сумму; она налагает на обиженного обязанность отказаться от употребления силы.

⁸ Охранные деньги (от wehren, wahren, bewahren — сохранять). См. мои «Essais sur l'histoire de France». С. 197.

Не думайте, однако, что с самого начала она сопровождалась таким последствием; обиженный долго сохранял право выбирать между вирою и войной, отказаться от «вергельда» и прибегнуть к мести. Летописи и памятники всякого рода не позволяют сомневаться в этом. Я склонен думать, что в VIII веке вира была прямо обязательна и что на отказ удовольствоваться ею смотрели как на насилие, а не как на право; но, конечно, не всегда так было, и вира с самого начала была только не совсем удачной попыткой положить конец беспорядочной борьбе индивидуальных сил, нечто вроде законного предложения обидчика обиженному.

В Германии, особенно в последнее время, о вире имеют гораздо более высокое понятие. Люди, отличавшиеся редким умом, обширной ученостью, были поражены не только уважением к личности и свободе человека, проявляющимися в этом роде наказания, но также и другими чертами, которые они думали в нем найти. Остановлю ваше внимание на одной из них. Какой основной недостаток уголовных законодательств нашего времени, если смотреть на них с возвышенной точки зрения? Они поражают, наказывают, не заботясь о том, принимает ли виновный наказание, признает ли он свою вину, подчиняется ли его воля воле закона; они действуют только путем принуждения; справедливости нет никакой заботы явиться тому, кого она настигает, под иными чертами, кроме свойственных одной силе.

У виры, так сказать, совершенно иная уголовная физиономия; она предполагает, вызывает признание вины со стороны обидчика, она есть акт его свободной воли; он может отказаться платить ее и подвергаться случайностям, которые наведет на него месть обиженного. Подчиняясь вире, он признает себя виновным и предлагает возмездие за преступление. Со своей стороны, обиженный, приняв виру, примиряется с обидчиком, торжественно обещает забыть, оставить месть, так что вира как наказание имеет гораздо более нравственный характер, нежели наказания более ученых законодательств, она свидетельствует о глубоком чувстве нравственности и свободы.

Я излагаю здесь вкратце, милостивые государи, сводя их к более определенным выражениям, мысли нескольких новейших немецких писателей, в частности, молодого человека, недавно умершего, к великому ущербу для науки — Рогге, который развил их в «Опыте относительно судебной системы германцев», изданном в Галле в 1820 году. Среди многих остроумных взглядов и нескольких правдоподобных объяснений древнего общественного быта германцев в этой системе есть, мне кажется, основная ошибка и большой недостаток в понимании отдельного человека и общества у варваров.

Причина ошибки заключается, как я полагаю, в ложном представлении, которое часто составляли себе о свободе в первую эпоху развития народов. Без сомнения, в эту эпоху свобода индивида была действительно велика. С одной стороны, неравенства между людьми не разнообразны и не сильны; неравенства, происходящие из богатства, древности рода, множества сложных причин, не успели еще

развиться или производят только быстро преходящие последствия. С другой стороны, еще нет или почти нет общественной силы, способной сдержать и стеснить в известных границах индивидуальные воли. Люди, таким образом, не подчинены могучей управе ни других людей, ни общества: у них действительная свобода, каждый делает почти все, что хочет, смотря по своей силе, на свой собственный страх. Я говорю — смотря по своей силе; действительно, это совместное существование свободы у различных особей в ту эпоху есть везде только борьба сил, т.е. война между личностями и семьями, война постоянная, своеправная, дикая, варварская, как и те люди, которые ее ведут.

Золотая франкская фибула, VII век

Какое же тут общество? И это скоро замечают; начинаются всевозможные усилия, чтобы выйти из этого состояния, чтобы вступить на путь общественного порядка. Зло повсюду ищет своего лекарства. Так хочет таинственная жизнь, скрытая сила, управляющая судьбами человеческого рода.

Два средства являются налицо: 1) неравенство выступает между людьми: одни становятся богатыми, другие бедными; одни благородными, другие низкого рода; одни патронами*, другие клиентами, одни господами, другие рабами; 2) политическая власть развивается, возвышается коллективная сила, провозглашающая законы во имя и в интересах общества и приводящая их в исполнение.

Так возникают, с одной стороны, аристократия, с другой — правительство, т.е. два способа стеснения индивидуальной воли, два средства подчинять людей другой воле, нежели их собственная.

В свою очередь, средства становятся болезнями: аристократия притесняет, общественная власть притесняет; притеснение ведет к беспорядку, не похожему на первый, но глубокому и несносному. Однако в недрах общественной жизни, вследствие простого ее продолжения, совокупным действием множества влияний, индивиды, единственные действительные существа, развились, достигли просвещения, усовершенствовались; разум их уже не настолько близорук, их воля не настолько беспорядочна; они замечают, что могли бы жить в мире между собой без

такого неравенства или такой общественной силы, т.е. что общество очень хорошо будет продолжать свое существование, не платя в такой степени своей свободой. И вот точно так же, как прежде старались создать общественную силу, старались в пользу неравенства между людьми, теперь начинается стремление к противоположной цели, к уменьшению веса аристократии и правительства, т.е. общество стремится к состоянию, похожему, по крайней мере по внешности, если смотреть только в этом отношении, на состояние первой эпохи, на свободное развитие индивидуальной воли, на то положение, в котором каждый делает что хочет, сам за все отвечая.

Если я хорошо объяснил свою мысль, милостивые государи, то вы знаете теперь, в чем заключается главная ошибка поклонников варварского быта: пораженные, с одной стороны, незначительностью развития как общественной власти, так и неравенства между людьми, с другой — большей личной свободой, какую мы там встречаем, они заключили из этого, что общество, несмотря на грубость своих форм, находилось, собственно, в состоянии нормальном, — одним словом, что оно было таким, каким оно, видимо, стремится стать снова, после своих лучших успехов. Они забыли только одно: они не позаботились сравнить, в начале и в конце этих двух периодов, самих людей; они забыли, что в первый период люди, грубые, невежественные, дикие, управляемые страстями, всегда готовые прибегнуть к силе, были неспособны жить в мире с разумом и справедливостью, то есть жить в обществе без внешней власти, которая бы их к этому принуждала. Прогресс в обществе состоит главным образом в том, чтобы изменить самого человека, сделать его способным к свободе, то есть способным управлять собою согласно разуму. Если свобода погибла при вступлении на общественное поприще, так это потому, что человек не был в состоянии двигаться здесь вперед, сохраняя свободу; вернуть свободу и пользоваться ею все более и более — вот цель, вот совершенство общества, но не таково было первоначальное состояние, первоначальное условие жизни варваров. Свобода в жизни их не что иное, как господство силы, то есть разрушение или, лучше сказать, отсутствие всякого общества. Это обстоятельство обмануло многих умных людей насчет характера варварских законодательств, в частности же насчет того, которым мы занимаемся. Они заметили в нем главные внешние условия свободы, и в эти условия они перенесли чувство, идеи людей другой эпохи. Изложенная мною сейчас теория виры идет именно из этого источника: несообразность ее очевидна, и вместо того чтобы приписывать этому роду наказания такое нравственное значение, надо видеть в нем только первый шаг из состояния войны и варварской борьбы сил.

III. Что касается уголовного судопроизводства, способа преследования и суда за проступки, то Салическая правда чрезвычайно неполна и почти безмолвна; она смотрит на судебные учреждения как на данные и не говорит ни о судах, ни о судьях, ни о формах производства. Там и сям встречается несколько частных поста-

новлений о повестках, о явке на суд, об обязанностях свидетелей и судей, испытании кипятком * и т.п., но чтобы их пополнить, чтобы восстановить систему учреждений и нравов, с которыми они связаны, пришлось бы заглянуть гораздо далее текста и даже предмета правды. Среди сведений, которые она содержит в себе об уголовном судопроизводстве, я остановлю ваше внимание только на двух пунктах: на различии факта и права и на соприсяжниках или *conjuratores*.

Когда обидчик по вызову обиженного является на «мале» или сходе свободных людей, перед судьями, кто бы они ни были — графы, рахинбурги, ариманы и т.п., призванными решать дело, вопрос, который им ставили, шел к определению того, что постановляет закон относительно приводимого факта; перед ними не велись прения об истине или ложности последнего, но лишь излагались условия, на основании которых разрешался этот первый вопрос, затем, смотря по закону, по которому жили стороны, от них требовали определения размера виры и всех частных наказаний.

Действительность же самого факта устанавливалась перед судьями различным образом; прибегали к суду Божию, к испытанию кипятком, к поединку и т.п., иногда к показаниям свидетелей, но всего чаще к клятве соприсяжников, «*conjuratores*». Обвиняемый являлся в сопровождении известного числа людей — своих родственников, соседей, друзей, шести, восьми, девяти, двенадцати, пятидесяти, шестидесяти двух, даже ста человек в ином случае, которые клялись, что он не совершил того, в чем его обвиняют. Иногда у обиженного были тоже свои *conjuratores* — свои соприсяжники; тут не было ни допроса, ни обсуждения свидетельств, ни рассмотрения фактов в собственном смысле. *Conjuratores* просто утверждали под присягой истину обвинения обиженного или оправдания обидчика. В этом состояло, относительно раскрытия фактов, главное средство общей системы варварских прав. *Conjuratores* гораздо реже упоминаются в правде салических франков, нежели в других варварских правдах, например, в Рипуарской. Нет сомнения, однако, что они одинаково употреблялись ею и составляли основу уголовного судопроизводства. Эта система была, подобно системе вирной, предметом великого удивления для многих ученых; они видели в ней два редких качества: могущество связей семьи, дружбы, соседства и доверие закона к правдивости человека. «Германцы, — говорит Рогге, — никогда не чувствовали необходимости в настоящей системе доказательств: то, что есть странного в этом учреждении, исчезает, если проникнуться так, как я проникся, полною верой в благородство характера и прежде всего в безграничную правдивость наших предков»⁹. Было бы интересно, милостивые государи, перейти от этой фразы к чтению Григория Турского, «*Нибелунгов*»⁷ и всех памятников поэтических или историчес-

⁹ Über das Gerichtswesen der Germanen, предисловие, с. VI.

ких относительно древнегерманских нравов. Хитрость, ложь, нарушение обещаний являются там на каждом шагу то с величайшей утонченностью, то с самой грубой дерзостью. Поверите ли вы, что германцы в своей обычной жизни были совсем не те, что перед своими судилищами, и что протоколы их процессов, только существуй тогда протоколы, обличили бы во лжи их историю. Я далек от того, чтобы особенно упрекать их за эти пороки; это пороки, свойственные варварским народам во все эпохи, во всех краях земли: американские предания свидетельствуют о них подобно преданиям Европы, «Илиада»⁹ — подобно «Нибелунгам»; точно так же я далек от того, чтобы отрицать естественную нравственность человека, не покидающую его ни в каком состоянии, ни в каком периоде развития общества и примешивающуюся даже к самому грубому господству невежества или страсти, но вы легко поймете, чем часто должны были быть, среди таких нравов, клятвы соприсяжников.

Что до племенного и семейного духа, то он был, конечно, могуществен у германцев, и соприсяжники служат этому одним из многих доказательств, но он не вытекал из всех тех последствий, которые ему приписывают. Человек обвиняемый был человеком, подвергавшимся нападению; близкие следовали за ним и окружали его перед судилищем, как и в битве. Состояние войны поддерживается в эпоху варварства между семьями. Что удивительного в том, что они собираются в кучку и приходят в движение, когда так или иначе им угрожает война.

Истинная причина происхождения соприсяжников, милостивые государи, в том, что почти не было возможности приложить какой-либо другой способ для определения фактов. Подумайте, чего требует подобное изыскание? Как велико должно быть умственное развитие и общественное могущество, для того чтобы сблизить и сопоставить различные виды доказательств, собрать и обсудить свидетельства, даже только привести свидетелей к судьям и добиться от них истины в присутствии обвинителей и обвиняемых. Это было невозможно в обществе, которым управляла Салическая правда, — и не вследствие выбора или какой-нибудь правильной комбинации, а потому, что не умели и не могли лучше сделать, прибегали тогда к суду Божию и к присяге родственников. Таковы, милостивые государи, главные пункты этой правды, которые, как мне казалось, заслуживают вашего внимания. Я вам ничего не говорю об отрывках государственного, гражданского права, гражданского судопроизводства, рассеянных в ней, ни даже о той знаменитой статье, которая повелевает, чтобы Салическая земля не доставалась женщинам и все наследство, состоящее в ней, переходило к мужчинам. Всякий теперь знает, каков истинный смысл этой статьи. Некоторые распоряжения насчет формальностей, с помощью которых человек может отделиться от семьи¹⁰, освобо-

¹⁰ Тит. LIII, §1-3.

даться от всех обязанностей родства и возвратиться к полной независимости, чрезвычайно любопытны и бросают яркий свет на состояние общества, но они занимают мало места в правде и не определяют ее цели; она в существе своем, повторяю, уголовный кодекс, и в этом отношении вы с ней знакомы теперь. Рассматривая ее в совокупности, нельзя не признать в ней смешанное, нетвердое, временное законодательство. Каждую минуту чувствуются в ней переход из одной страны в другую, от одного общественного состояния к другому, перемена религии, языка; почти все превращения, какие могут последовать в жизни народа, запечатлены здесь. Зато существование ее было непрочно и кратковременно; начиная, может быть, с X века она была заменена множеством местных обычных уставов, которым она, конечно, много дала, но они одинаково черпали и из других источников: в праве римском, каноническом, в неотложных требованиях обстоятельств. И когда в XIV веке сослались на Салический закон, чтобы определить престолонаследие, давно уже, конечно, говорили о нем только по памяти и разве лишь в особенно важных случаях.

Три другие варварские правды — рипуаров, бургундов и вестготов — господствовали над народами, поселившимися в Галлии; они будут предметом нашего следующего собрания.

ЛЕКЦИЯ X

Повторяется ли переходный характер Салической правды в правдах рипуаров, бургундов, вестготов? — 1) О правде рипуаров. О рипуарских франках. История составления этой правды. Ее содержание. В чем разнится она от Салической правды. — 2) О правде бургундов. История ее составления. Ее содержание. Ее отличительный характер. — 3) О правде вестготов. Она более важна для истории Испании, нежели для истории Франции. Ее общий характер. — Влияние римской цивилизации на варваров.

Милостивые государи!

В последнем нашем собрании мы пришли к тому выводу, что главная и основная черта Салической правды заключается в переходном значении этого законодательства: оно в существе своем, конечно, германское, однако уже отмечено римской печатью; законодательству этому не принадлежит будущее, и в нем не обнаруживается, с одной стороны, переход от германского общественного быта к римскому, с другой — падение и слияние этих двух элементов в пользу нового общества, в которое они войдут оба и которое начинает возникать среди их обломков.

Этот результат рассмотрения Салической правды нашел бы себе важное подтверждение, если бы рассмотрение остальных варварских правд нас также привело к нему; еще более, если бы в этих различных правдах мы нашли несколько переходных эпох, несколько фазисов обнаруживающейся в них переработки; если бы мы признали, например, что правды Рипуарская, Бургундская, Вестготская как бы расположены на различных расстояниях по тому же самому пути и дают нам, если можно так выразиться, более или менее зрелые продукты слияния римского и германского обществ и образования нового быта, долженствовавшего выйти из них. К этому, как мне кажется, действительно и приведет нас внимательное рассмотрение этих трех правд, то есть всех оказывавших настоящее влияние в пределах Галлии.

Вы знаете различие между рипуарскими и салическими франками: это были два главных племени, или, скорее, два главных объединения племен большой конфедерации франков. Салические франки, вероятно, получили свое название от реки Иссель* (Ysala), по берегам которой они поселились вследствие движения народов, заставившего их перейти в Батавию; их название, следовательно, было германского происхождения, и можно думать, что они его сами себе дали. Напротив, рипуарские франки, очевидно, получили свое название от римлян: они жили по берегам (ripae) Рейна. По мере того как салические франки двигались на юго-запад, в Бельгию и Галлию, рипуарские франки также распространились на запад и заняли территорию между Рейном и Маасом до Арденнского леса. Впоследствии первые вошли совершенно или почти совершенно в состав нейстрийских франков; вторые — в состав австразийских. Эти два названия, не отвечая в точности первоначальному различию, воспроизводили его довольно верно.

В начале нашей истории два племени как будто соединены в один народ и под одной властью. Позвольте мне по поводу этого соединения прочесть вам рассказ Григория Турского, который всегда, помимо своей воли, самым правдивым образом изображает нравы и события той эпохи. Вы увидите, что значили в то время слова — «соединение народов и завоевание».

«Когда Хлодвиг начал борьбу с Аларихом*, королем готов, союзником его был сын Сигиберта-Клавдия (короля рипуарских франков, жившего в Кёльне) по имени Хлодерик. Этот Сигиберт хромал вследствие раны в ногу, которую он по-

лучил в битве с алеманнами при Цюльпихе. Король Хлодвиг, в бытность свою в Париже, послал тайно сказать сыну Сигиберта: «Вот отец твой стар и хромает на свою больную ногу; если бы он умер, его королевство принадлежало бы тебе по праву, так же как и наша дружба». Хлодерик, введенный в соблазн честолюбием, решил убить отца.

Сигиберт как-то вышел из Кёльна и, перешедши Рейн, чтобы погулять в Буконском лесу, заснул в полдень в своей палатке; сын подослал к нему убийц и умертвил его, в надежде, что будет обладать королевством. Но, по определению Божию, он упал сам в яму, которую злодейски вырыл своему отцу. Он отправил к Хлодвигу послов известить его о смерти отца и сказать ему: «Отец мой умер, и в моей власти его сокровища и его королевство. Пришли ко мне кого-нибудь из твоих, и я охотно передам им те сокровища, которые тебе по нраву». Хлодвиг отвечал: «Я очень благодарен тебе за твое доброе намерение и прошу тебя только показать свои сокровища моим посланным, а затем ты будешь владеть ими всеми без исключения». Хлодерик показал послам сокровища своего отца. Пока они их рассматривали, он сказал: «В этот сундук отец мой обыкновенно собирал золотые монеты». Они сказали ему: «Засунь руку до дна, чтобы найти всё». Когда он сделал так и совсем наклонился, один из послов поднял свою франциску¹ и разбил ему череп. Таким образом, этот недостойный сын сам подвергся такой же смерти, какую он сразил своего отца.

Хлодвиг, узнав, что Сигиберт и сын его умерли, пришел в тот же город и, собрав народ, сказал ему: «Послушайте, что случилось. Пока я плавал по Шельде, Хлодерик, сын моего родственника, мучил своего отца, говоря, что я хочу убить его. Когда Сигиберт бежал через Буконский лес, Хлодерик подослал к нему убийц, которые его умертвили; сам он был убит, не знаю кем, в то время как открывал отцовские сокровища. Я нисколько не участвовал во всем этом. Я не могу проливать кровь моих сродников, потому что это запрещено; но раз это случилось, я даю вам совет: обратитесь ко мне, станьте под мое покровительство. Придется оно вам по сердцу — примите его». Народ отвечал на эти слова криками и рукоплесканиями; подняв его на щит, они поставили его королем. Хлодвиг получил, таким образом, королевство и сокровища Сигиберта и присоединил их к своим владениям. Каждый день Бог его рукою сражал врагов и увеличивал его царство, потому что он с правдивым сердцем шел перед Господом и совершал угодное ему»¹.

Это соединение двух народов, если можно так назвать подобный факт, не было продолжительно. По смерти Хлодвига его сын Теодорих сделался королем восточных франков, то есть франков рипуарских; его престол был в Меце. Ему вообще приписывают составление их правды: на это, действительно, указывает предисло-

¹ Григорий Турский, в моей «Collection des mémoires de l'histoire de France». Т. 1. С. 104–107.

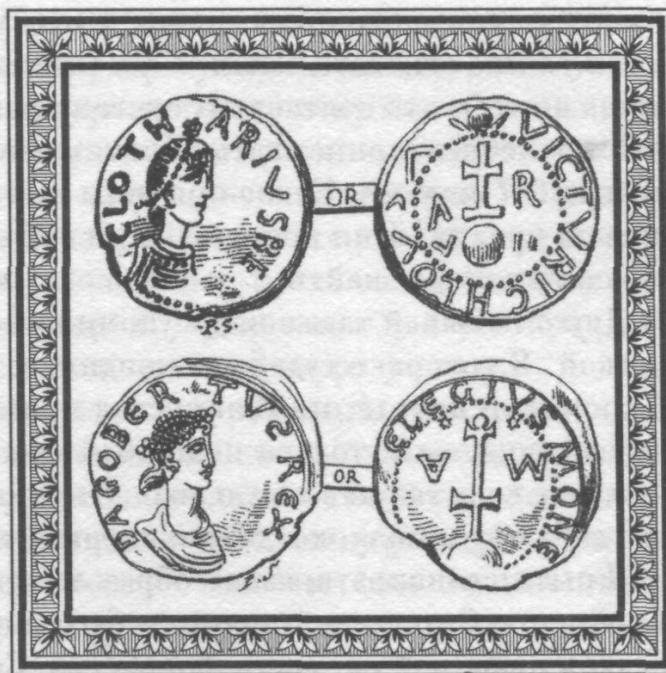

вие к Салической правде, которое я вам прочел и которое также находится перед Баварской правдой. Согласно этому преданию, Рипуарскую правду следовало бы отнести ко времени от 511 до 534 года. Хотя она и не имела бы, подобно Салической, притязаний быть составленной на правом берегу Рейна, в Германии, однако древность ее была бы очень велика. Я склонен отнять у нее, по крайней мере в ее теперешней форме, около века ее существования. Предисловие, утверждающее, что ее составил Теодорих, приписывает тому же королю правду алеманнов, а относительно этой может считаться почти достоверным, что она была составлена в царствование Хлотаря II от 613 до 628 года. Такое предположение внушают лучшие рукописи. Авторитет предисловия насчет Рипуарской правды становится чрезвычайно подозрительным, и, на основании внимательного сличения рукописей, я расположен думать, что только при Дагоберте I, от 628 до 638 года, она приняла ту окончательную форму, в которой до нас дошла.

Перейдем от ее истории к ее содержанию. Я произвел такое же исследование ее, что и Салической правды. Она включает в себе 89 или 91 титул и (смотря по различным распределениям) 224 или 227 статей, как то: 164 статьи уголовного права и 113 государственного и гражданского права, гражданского и уголовного судопроизводства. Из 164 статей по уголовному праву 94 касаются насилия против лиц, 16 — воровства, 64 — различных преступлений.

На первый взгляд, судя по этому простому разложению, правда похожа на Салическую; это также, в сущности, уголовное законодательство, указывающее почти на такое же состояние нравов. Однако, когда всмотришься ближе, замечаешь важные различия.

В последнем нашем собрании я говорил вам о «conjuratores», или соприсяжниках, которые, не давая свидетельского показания в собственном смысле, заверяли клятвою истину или ложность фактов, приводимых обиженным или обидчиком. В Рипуарской правде «conjuratores» занимают особенно видное место. О них говорится в 58 статьях этой правды, и она подробно определяет, во всяком отдельном случае, число соприсяжников, формальности их явки на суд и т.п. Салическая правда упоминает о них гораздо реже, так редко, что многие сомневались,

Монеты Хлотаря II (584–628)
и Дагоберта I (628–638)

была ли система соприсяжников в ходу у салических франков. Это сомнение не кажется мне основательным. Если Салическая правда не говорит о них, так разве лишь потому, что считает эту систему фактом установленным, решенным, таким, что его нечего и описывать. Притом все показывает, что это был факт действительный и могучий. Какие причины заставили так часто упоминать о нем в Рипуарской правде? Они неизвестны; я сейчас дам этому единственное объяснение, какое только мог найти.

Другой обычай также чаще упоминается в Рипуарской правде, нежели в Салической. Я говорю о судебном поединке. Есть, пожалуй, кое-какие следы его и в Салической правде, но Рипуарская прямо его узаконивает в шести статьях. Это учреждение, если только подобный факт стоит назвать учреждением, играло в Средние века такую важную роль, что нельзя не постараться хорошенько уяснить его себе в ту минуту, когда оно впервые появляется в законах.

Я пытался показать, каким образом вира, единственное, в сущности, наказание, налагаемое Салической правдой, была первою попыткой заменить законным порядком право войны, месть, борьбу сил. Судебный поединок — попытка подобного же рода; он имел целью подчинить саму войну, индивидуальную месть, известным формам, известным правилам. Вира и судебный поединок находились в тесной связи и развились в одно время. Совершилось преступление, был обижен человек, и все были убеждены, что он имеет право мстить, добиваться силою возмездия за понесенный ему вред. Тем не менее первый зачаток закона, призрак общественной силы вмешивался здесь и давал право обидчику предложить известную сумму, чтобы загладить свое преступление. Но первоначально обиженный имел право отречься от виры и сказать: «Я хочу пользоваться моим правом мести, хочу войны». Тогда законодатель или, лучше сказать, обычаи, потому что мы олицетворяем в лице законодателя простые обычаи, долго не имевшие законной силы, вмешивались в дело. «Если ты хочешь мстить, — говорили они, — вести войну с твоим врагом, то веди ее по известным формам, в присутствии известных свидетелей».

Так вошел в законодательство судебный поединок как урегулирование права войны, как ограниченная область открытой мести. Таков его первый, подлинный источник; обращение к суду Божию, истина, провозглашаемая самим Богом в поединке — это представления, присоединившиеся впоследствии, когда религиозные верования и христианское духовенство стали играть важную роль в мысли и жизни варваров, первоначально же судебный поединок был только легальной формой для права сильного, формой, гораздо яснее признанной в Рипуарской правде, нежели в Салической.

Судя по этим двум отличиям, можно в первую минуту подумать, что первый из означенных законов — самый древний. Действительно, нет сомнения, что система соприсяжников и судебный поединок принадлежали первоначальному германскому обществу. Поэтому Рипуарская правда представляет как будто самый вер-

ный его образ. Ничего подобного нет. Прежде всего, эти два отличия, которые, по-видимому, придают этой Правде более варварскую физиономию, сами указывают на усилие, на первый шаг выйти из варварства, потому что обнаруживают намерение если не уничтожить его, то придать ему правильность. Молчание в этом случае оставляет все во власти обычая, то есть насилия и случая. Рипуарская правда старается, записав и определив обычай, обратить все в закон, то есть сделать его точным и общим — верный признак более позднего происхождения, признак общества, ушедшего несколько вперед. Притом между двумя правдами есть другие различия, приводящие, несомненно, к тому же результату.

I. Из одного перечисления статей вы уже могли заметить, что гражданское право занимает в Рипуарской правде больше места, нежели в Салической. Уголовное право все-таки преобладает, однако эта правда не в такой степени исключительно уголовный кодекс; судопроизводство, свидетельские показания, собственность и различные виды ее передачи — одним словом, все части законодательства помимо уголовного права, по крайней мере, указаны в ней, даже иногда довольно точно.

II. Кроме того, и этот факт важный, королевская власть гораздо более явственно выступает в Рипуарской правде, нежели в Салической. Она не является как политическая власть; не говорится ни о власти короля, ни о способах ее проявления, но говорится о короле как о личности, во всех отношениях более важной, которой правда должна заняться особенно. Она рассматривает его главным образом как собственника или хозяина, патрона, владельца больших земель, и на этих землях — занимающихся их обработкою колонов, людей, состоящих у него на службе или под его покровительством; на этом основании ему и его людям она предоставляет многочисленные и довольно важные привилегии. Некоторые из них я вам укажу.

1) Если кто насильно отнимет что-либо, принадлежащее королевскому человеку, или человеку, приписанному к церкви, то он заплатит втрое более, чем следовало бы заплатить, будь преступление совершено против другого рипуара (тит. XI, §4).

2) Если преступление совершено человеком, принадлежащим к церкви или к имениям короля, он заплатит половину того, что заплатил бы другой франк (тит. XVIII, §5).

3) Человек, приписанный к имениям короля, римлянин или вольноотпущенник с грамотой, если он вызван на суд, не может быть допрошен или подвергнут уголовному обвинению (тит. IX, §22).

4) Когда его вызовут на суд, он объявит о своем положении и свое объявление подкрепит у алтаря; после этого с ним поступят иначе, нежели относительно других рипуар (там же, §23).

5) Рабы, принадлежащие королю или церкви, не ведут дел через защитника, а защищаются сами и допускаются к очистительной присяге, причем их нельзя вынуждать к ответам на вопросы, которые им будут ставить (там же, §24).

6) Если кто осмелится нарушить королевскую грамоту и не будет в состоянии представить другой, которая бы отменяла первую, то он жизнью заплатит за это покушение (тит. LVII, §7).

7) Кто окажется виновным в измене королю, жизнью поплатится за это покушение, и все имущество его будет конфисковано (тит. LXXI, §1).

Салический закон ничего подобного не постановляет; здесь королевская власть, очевидно, уже много продвинулась вперед.

III. То же различие существует между двумя правдами по отношению к церкви: статьи, которые я прочел, все доказывают это; церковь повсюду приравнивается королю; те же самые привилегии предоставляются ее землям и колонам.

IV. В Рипуарской правде замечается также несколько большее влияние римского законодательства; она упоминает о нем не только для того, чтобы сказать, что римляне живут в зависимости от него, но и принимает некоторые из его постановлений. Так, определяя формы отпуска на волю, она говорит:

«Мы хотим, чтобы всякий рипуарский франк или вольноотпущенник с грамотой, который для блага своей души или за вознаграждение пожелает отпустить на волю своего раба, согласно формам римского закона, явился в церковь перед священниками, дьяконами, всем духовенством и народом...» (Следуют за сим формальности освобождения.) (Тит. LX, §1).

Это также знак, без сомнения, слабый, но действительный, общества, несколько ушедшего вперед.

V. Наконец, тому, кто со вниманием прочтет Рипуарскую правду в ее совокупности, бросается в глаза, что она носит гораздо менее варварский характер, нежели Салическая правда: постановления ее точнее, обширнее; в них видно более преднамерений, и преднамерения эти более обдуманы, политичны, внушены более общими соображениями. Не всегда излагаются здесь просто одни обычаи; иногда законодатель говорит: «Мы постановляем, приказываем»². Одним словом, все показывает, что это законодательство если не по своей форме, то по идеям и нравам, составляющим его содержание, принадлежит эпохе позднейшей, состоянию несколько менее варварскому, и обнаруживает новый шаг в переходе от германского к римскому обществу, и от этого общества к новому обществу, которое должно породиться их слиянием.

От правды рипуаров перейдем к правде бургундов и посмотрим, найдем ли мы тут тот же факт.

Составление Бургундской правды колеблется между 467 и 468 годом, вторым годом царствования Гундебальда*, и 534 годом, временем падения этого королевства под оружием франков. Три части, вероятно, относящиеся к различным

² Тит. LXXVI, §1; тит. XC.

эпохам, составляют этот закон: первая, заключающая в себе первые сорок один титул, очевидно, принадлежит королю Гундебальду и, как кажется, была издана около 501 года. Начиная с 42-го титула характер законодательства уже иной: новые законы не более как видоизменения старых; они объясняют, преобразуют, дополняют и иногда прямо высказывают это. Из сближения многих фактов, в подробности которых я здесь нисколько не желаю входить, есть основание к догадке, что эта вторая часть была составлена и издана около 507 года королем Сигизмундом*, преемником Гундебальда. Наконец, два прибавления составляют третью часть, присоединенную к закону прямо под именем «additamenta» (добавки), вероятно, также Сигизмундом, умершим в 523 году.

Предисловие, помещенное в начале текста, подтверждает эти предположения; оно, очевидно, составлено из двух предисловий, сочиненных в разное время: одно принадлежит Гундебальду, другое Сигизмунду. Некоторые рукописи последнее приписывают тоже Гундебальду, но те, которые отдают его Сигизмунду, несомненно, заслуживают предпочтения.

Это предисловие, милостивые государи, проливает большой свет на вопросы гораздо более важные, нежели время происхождения правды; оно обнаруживает ее характер и ясно отличает ее, с первых же слов, от двух варварских правд, которыми мы только что занимались. Я должен прочесть его целиком:

«Преславный король бургундов Гундебальд, размыслив зрело, для блага и спокойствия подвластных нам народов, о постановлениях наших собственных и наших предков и о том, что в каждом деле и предмете всего более прилично честности, порядку, разуму и справедливости, мы все это взвесили с созванными к нам вельможами и, согласно с нашим собственным и их мнением, приказали написать следующие статуты, с тем чтобы законы вечно оставались нерушимыми.

«Во имя Божие, во второй год царствования нашего преславного владыки, короля Сигизмунда, книга указов о сохранении на вечные времена прежних и теперешних законов была составлена в Лионе, в четвертый день до апрельских календ*».

Из любви к справедливости, через которую приобретаются расположение Божие и могущество на земле, посоветовавшись вначале с нашими графами и вельможами, мы постараемся так все устроить, чтобы бескорыстие и справедливость в судилищах отклоняли всякий подарок, всякий вид подкупа. Все имеющие власть должны с нынешнего дня разбирать дела между бургундом и римлянином по смыслу наших законов, составленных и исправленных сообща, так, чтобы никто не надеялся и не смел, в судебном или другом деле, брать что-нибудь от которой либо из сторон в качестве дара или прибыли, но чтобы одерживала верх та сторона, на которой справедливость, и чтобы для этого достаточно было беспристрастия судьи. Мы считаем долгом возложить это условие и на себя самих, чтобы никто, в каком бы то ни было деле, не смел соблазнять наше беспристрастие просьбами или подарками; таким образом, мы из любви к справедливости отбрасываем от себя то,

что запрещаем в нашем королевстве нашим судьям. Наша казна не должна также выставлять притязаний на что-нибудь большее, нежели штраф, установленный нашими законами. Пусть же вельможи, графы, советники, чиновники и наши майордомы*, канцлеры и графы городов и деревень, как бургунды, так и римляне, равно как и все отряжаемые судьи, знают, что даже в случае войны, они не должны ничего получать за дела, разбиравшиеся и обсуждавшиеся перед ними, и что они не должны ничего требовать от сторон в качестве посула или награды. Не следует также принуждать стороны к уговору с судьей в видах, чтобы он что-нибудь получил. Если какой-нибудь из наших вышеназванных судей допустит подкупить себя и будет изобличен в том, что он вопреки нашим законам принял вознаграждение за какое-нибудь дело или судебное решение, да будет он, даже если рассудил и справедливо, наказан в пример другим смертью, однако же так, чтобы проступок изобличенного в подкупности, поелику он сам понес за него наказание, не отнял имущества у его детей или законных наследников. Что касается письмоводителей* отряжаемых судей, то мы думаем, что, в силу их права получать за судебные решения, они должны довольствоваться третьей асса* за дела о суммах более десяти солидов*; ниже этой суммы они должны требовать меньшей пошлины. Запретив подкупность под страхом тех же самых взысканий, мы приказываем, подобно нашим предкам, чтобы римлян судили по римским законам и чтобы они знали, что получают письменно форму и содержание законов, по которым надлежит судить, дабы никто не мог отговариваться незнанием. Что же касается тех дел, которые прежде были разрешены неправильно, то здесь будет соблюден смысл прежнего закона. Мы прибавляем еще, что если судья, обвиняемый в подкупности, не может быть никак изобличен, то обвинитель сам подвергнется наказанию, которое мы назначили судье-взяточнику. Если что-нибудь окажется неразрешенным в наших законах, то мы приказываем, чтобы к нашему (личному) суду обращались только относительно этого пункта. Если какой-нибудь судья, варвар или римлянин, по простоте или небрежности, не будет судить дел, насчет которых существуют постановления нашего закона, и будет вместе с тем свободен от подкупа, то пусть он знает, что заплатит тридцать римских солидов и что, по опросе сторон, дело будет разбираться снова. Мы прибавляем, что если после троекратного требования судьи не разобрали дела и если тот, кто его начал, сочтет необходимым обратиться к нам и докажет, что три раза требовал суда от своих судей и не был услышан, то судья будет приговорен к штрафу в двенадцать солидов. Но если кто, в каком бы то ни было деле, не представив троекратного требования судьям, как мы только что постановили, дерзнет обратиться к нам, то он заплатит штраф, назначенный для судьи, медлившего в исполнении своих обязанностей. А чтобы ни одно дело не могло быть задержано по отсутствию уряженных судей, ни один граф, римлянин или бургунд не должны присваивать себе права судить дело в отсутствие судьи, которому оно подлежит, дабы те, кто обращается к закону, не были в недоумении на-

счет подсудности. Нам угодно было подтвердить этот ряд указов подписью графов, чтобы правила, написанные согласно нашей воле и воле всех, сохраняясь потомством, имели ненарушимость вечного договора». (Следуют за тем подписи тридцати двух графов.)

Не идя дальше, милостивые государи, на основании одного этого предисловия мы ясно видим различие трех правд: последняя не простой уже сборник обычаев, составленный неизвестно кем, когда, с какой целью; это законодательный труд, который вытекает от правильной власти, имеет целью общественный порядок, представляет, одним словом, некоторые действительно государственные черты и обнаруживает существование правительства или, по крайней мере, желание его устроить.

Вникнем в самое содержание правды; оно не опровергает предисловия. Она включает в себе 110 титулов и 354 статьи, а именно: 142 статьи гражданского права, 30 судопроизводства гражданского и уголовного, 182 уголовного права. Уголовное право распадается на 176 статей относительно проступков против лиц, 62 против собственности, 14 относительно проступков всякого рода.

Вот главные результаты, к которым приводит обзор постановлений, распределенных таким образом.

1. Положение бургунда и римлянина одинаково; всякое легальное различие исчезло; в гражданском и уголовном отношении, как обидчики и обиженные, они равноправны. Доказательств множество. Приведу несколько наиболее бросающихся в глаза.

1) Бургунд и римлянин должны быть в одинаковом положении (тит. X, §1).

2) Если девушка из римлян вышла за бургунда без согласия или против желания своих родителей, то пусть она знает, что ничего не получит из имущества их (тит. XII, §5).

3) Если свободный бургунд зашел в дом, чтобы затеять ссору, то пусть он заплатит шесть солидов хозяину и двенадцать солидов пени. Мы желаем, чтобы в этом римлянин находился в таком же положении (тит. XIV, §1).

4) Если кто-нибудь, путешествуя по своим делам, прибудет к дому бургунда и попросит у него гостеприимства, а тот ему укажет дом римлянина и если это можно будет доказать, то пусть бургунд заплатит три солида тому, чей дом он указал, и три солида пени (тит. XXXIX, §6).

Это, бесспорно, доходящие до мелочей заботы о поддержке равенства между двумя народами. Поэтому у Григория Турского мы читаем: «Король Гундебальд установил в стране, называемой теперь Бургундией, законы более мягкие, дабы не притесняли римлян»³.

³ Том I. С. 96 в моей «Collection des mémoires a l'histoire de France».

II. Уголовное право у бургундов уже не то, что у франков. Плата за преступление все еще существует, но это уже не единственная кара; появляются телесные наказания, встречаются также кое-какие наказания нравственные; законодатель старается воспользоваться страданием, стыдом¹. Он придумывает странные кары, подобные тем, какие так часто встречаются в законодательствах Средних веков. Если, например, украден охотничий ястреб, вор приговаривается к тому, чтобы дать ястребу съесть шесть унций своего тела или заплатить шесть солидов. Это — не более чем дикая причуда, но она указывает на попытки установить совершенно иные наказания, нежели те, которые встречаются в древних германских обычаях. Различие выражается и в других признаках: проступки гораздо разнообразнее; число направленных против лиц уменьшается; появляются такие, которые зависят от более правильных и сложных общественных отношений.

III. Поэтому гражданское право и судопроизводство занимают в правде бургундов больше места, нежели в двух предшествовавших. Они составляют предмет приблизительно половины статей, тогда как в правде рипуар заняли две пятые и только шестую часть Салической правды. Стоит раскрыть законы Гундебальда и Сигизмунда, чтобы заметить в них множество распоряжений относительно наследования, завещаний, дарственных записей, браков, контрактов и т.п.

IV. Встречаются даже кое-какие положительные заимствования из римского закона. Мы едва могли сейчас отличить в Рипуарской правде некоторые следы подобного факта; здесь — он очевиден, и особенно в том, что касается гражданского права. Ничего не может быть проще этого: гражданское право встречалось в варварских Пrawdах лишь в немногих и незначительных постановлениях; как скоро движение вперед общественных отношений доставило им, так сказать, материал, пришлось форму позаимствовать у римского законодательства. Вот два распоряжения, относительно которых заимствование несомненно.

1-е

Если какая-нибудь бургундская женщина, по смерти своего мужа, вступит, как это случается иногда, во второй или третий брак и если у ней будут сыновья от каждого брака, то пусть она, пока жива⁵, пользуется брачным даром; после же ее смерти каждый из сыновей пусть получит об-

1-е

Пусть все знают, что если женщины по истечении законного срока вступят во второй брак, имея детей от первого, они должны сохранить в течение своей жизни пользование тем, что они получили⁶ при первом браке, тогда как собственность относительно этих вещей остается вполне у де-

¹ См. первое приложение, тит. X.

⁵ Dum advivit usufructu possidaet.

⁶ Dum advivit in usufructu possidaet (Interpret).

ратно то, что его отец дал его матери. Поэтому женщина не имеет права дарить, продавать или отчуждать что-либо из того, что получила в виде брачного дара (тит. XXIV, §1).

2-е

Дарственные записи и завешания будут иметь силу у нашего народа, когда пять или семь свидетелей приложат к ним, как умеют, свои печати или подписи (тит. XLIII, §1).

Я мог бы указать еще несколько подобных аналогий.

V. Наконец, Бургундская правда ясно показывает, что королевская власть у этого народа развилась значительно. Не то чтобы здесь более, нежели в других правдах, говорилось о ней; в государственном отношении о ней даже совсем не говорится — Бургундская правда из всех варварских правд имеет наименее государственный характер, всего исключительнее замыкается в уголовном и гражданском праве и всего менее содержит в себе намеков на общее правительство. Но весь закон в его совокупности, его предисловие, весь тон и дух его изложения постоянно напоминают, что король не просто военный вождь, не только крупный землевладелец, что королевская власть уже вышла из своего варварского состояния, дабы стать общественной силой.

Вы видите, милостивые государи, что все это обнаруживает более развитое, более правильное общество; римский элемент получает все большее преобладание над германским; мы явно подвигаемся в переходе от одного к другому, или, лучше сказать, в том слиянии, которое должно их совокупить. Бургунды преимущественно за-

тей, которым самые священные законы передают права после смерти матери (Cod. Theodos., III. К. VIII. С.3. Там же. С. 2).

2-е

Приписи, которым не предшествует завешание, так же, как и самые завешания, всегда должны совершаться при пяти или семи свидетелях (Cod. Theodos. К. IV, тит. IV. С. 1).

Бургундская застёжка, VII век

имствовали у римлян, как кажется, кроме некоторых черт гражданского права, идею общественного порядка, правительства в собственном смысле: едва заметны кое-какие следы древних германских собраний; влияние духовенства не является господствующим; преобладает и старается воссоздать императорское могущество одна королевская власть. Бургундские короли, по-видимому, более других унаследовали от императоров и царствовали по их образцу. Причины этого, может быть, следует искать во времени основания их королевства, возникшего одним из первых, пока организация империи еще существовала, более или менее по крайней мере; может быть также, что их поселение, заключенное в более тесных границах, нежели поселения вестготов или франков, могло скорее принять более правильную форму. Как бы то ни было, сам текст не подлежит сомнению и характеризует народ и его законодательство. Оно осталось в силе, даже когда бургунды подпали под власть франков; формулы Маркульфа и капитулярии Карла Великого свидетельствуют об этом⁷. Положительное упоминание о нем мы встречаем даже еще в IX веке, у епископов Агобара и Гинкмара; но, говорят они, уже многие живут теперь по этому закону.

Вестготская правда имела более продолжительную историю. Она представляет значительный сборник «*Forum judicum*»⁸ и составлена была, последовательно, от 466 года, когда вступил на престол король Эйрих⁹, жительствовавший в Тулузе, до 701, когда умер король Эгика или Эгиза, имевший местопребывание в Толедо. Уже это одно показывает, что в тот промежуток времени совершились великие перемены в состоянии народа, для которого была составлена правда. Вестготы сначала жили на юге Галлии; в 507 году Хлодвиг выгнал их оттуда и отнял у них Аквитанию; к северу от Пиренеев они сохранили только Септиманию. Таким образом, законодательство вестготов важно для нас только до этого времени; позднее оно имеет интерес почти для одной лишь Испании.

Эйрих, царствуя в Тулузе, велел записать обычаи готов; преемник его — Аларих, тот самый, который был убит Хлодвигом, велел собрать и издать, под названием «*Breviarium*»⁹, законы своих римских подданных. Следовательно, в начале VI века вестготы были в том же положении, что бургунды и франки. Законы варварский и римский существовали отдельно; каждый народ держался своего.

Когда вестготы были отброшены в Испанию, положение это изменилось: их король Хиндасвинт (642–652) соединил оба закона в один и формально уничтожил римский; с тех пор был только один кодекс и один народ. Таким образом, система законов реальных, определяющихся территорией, заменила систему законов личных или определяющихся происхождением, расой. У всех варварских

⁷ *Marculf*, I, 8. Capit. 2 и 813. — *Балюзий*, I, 505.

⁸ «Судейский форум» (лат.).

⁹ «Сокращенное изложение» (лат.).

народов последняя система господствовала и прежде, и тогда, когда Хиндасвинт уничтожил ее у вестготов. Этот переворот совершился в Испании; там, в промежуток времени от Хиндасвинта до Эгики (643–701), «*Forum judicum*» развился и принял форму, в которой мы его теперь знаем. Пока вестготы занимали южную Галлию, первоначальная редакция их древних обычаев и «*Breviarium*» одни управляли страной, поэтому «*Forum judicum*» имеет только косвенный интерес для Франции. Тем не менее он несколько времени имел силу для небольшой части Южной Галлии и занимает в общей истории варварских законов важное место, является в ней весьма замечательным феноменом. Позвольте мне сообщить вам его главные характеристические черты. Иначе наша картина варварских законодательств будет неполна, и идея, которая у нас останется о них, неточна.

Правда вестготов гораздо обширнее, нежели все до сих пор рассмотренные нами. Она состоит из статьи, служащей предисловием, и из двенадцати книг, разделенных на 54 титула, содержащих в себе 595 параграфов или отдельных законов, различных по происхождению и времени. Все законы, изданные или исправленные вестготскими королями, от Эйриха до Эгики, содержатся в этом собрании.

Тут встречаются все законодательные предметы. Это не собрание древних обычаев и не первая попытка гражданской реформы, это общий кодекс права государственного, гражданского, уголовного, кодекс, составленный систематически и имевший целью удовлетворить всем потребностям общества. И это не только кодекс, совокупность законодательных распоряжений, но также и система философии, учение. Ему предшествуют и с ним перемешаны рассуждения о происхождении общества, природе власти, гражданской организации, составлении и издании законов. И это не только система, но также собрание нравственных увещаний, угроз, советов. Одним словом, «*Forum judicum*» имеет в одно и то же время законодательный, философский и религиозный характер; в нем есть своя доля закона, науки и проповеди.

Причина этого проста: Вестготская правда есть произведение духовенства; она произошла от Толедских соборов. Толедские соборы были национальными сеймами Испанской монархии. Испания отличается тем, что с первой же эпохи ее истории духовенство играло в ней гораздо более важную роль, чем где-либо: то, чем у франков были мартовские* или майские* собрания (*Champs de Mars ou de Mai*), у англосаксов — уитенагемот*, у лангобардов — общее собрание в Павии, тем были Толедские соборы у вестготов. Тут составлялись законы, обсуждались важнейшие дела страны. Духовенство было, так сказать, центром, вокруг которого группировались королевская власть, светская аристократия, народ, все общество. Вестготский кодекс, несомненно, произведение духовных лиц; в нем и недостатки и достоинства их ума; он несравненно разумнее, справедливее и точнее всех других варварских законов; гораздо лучше знает права человечества, обязанности правительства, интересы общества; старается достигнуть более возвышен-

ной и сложной цели. Но в то же время он оставляет общество без всяких гарантий, отдает его, с одной стороны, в руки духовенству, с другой — королевской власти. Франкские, саксонские, лангобардские, даже бургундские законы сохраняют гарантии, вытекающие из древних нравов, из индивидуальной независимости, из прав каждого собственника на свои владения, из более или менее правильного и обширного участия свободных людей в делах нации, в суде, в составлении актов гражданской жизни. В «*Forum judicum*» почти все обломки первоначального германского общества исчезли; обширная полудуховная, полумператорская администрация простирается на все общество.

Я мог бы, конечно, и не говорить, и вы мысленно уже предупредили слова мои, что это представляет новый, громадный шаг на пути, по которому мы идем. С тех пор как мы изучаем варварские законы, мы все более и более приближаемся к одному и тому же результату: слияние двух обществ становится все теснее и теснее, и в этом слиянии, по мере того как оно совершается, римский элемент, гражданский или духовный, получает все большее преобладание. Рипуарская правда содержит в себе менее германского, нежели Салическая правда, Бургундская правда менее, нежели Рипуарская правда, Вестготская правда еще гораздо менее, нежели Бургундская правда. Река, очевидно, течет в этом направлении, к этой цели подвигаются события.

Странное зрелище, милостивые государи! Мы только что присутствовали при старческой поре римской цивилизации, находили, что она совершенно падает, что она не имеет ни силы, ни плодотворности, ни блеска, что она, так сказать, неспособна существовать. Она побеждена, разрушена варварами; и вдруг она появляется снова, могущественная, богатая плодами, оказывает на учреждения и нравы, присущие ей, необычайное влияние, сообщает им все более и более свой характер, господствует над своими победителями, пересоздает их.

Среди многих других две причины произвели этот результат: могущество гражданского законодательства, сильного и связного; естественное преобладание цивилизации над варварством.

Сделавшись оседлыми, ставши собственниками, варвары вступили как между собой, так и с римлянами в гораздо более разнообразные и постоянные сношения, нежели те, какие водились между ними доселе; их гражданское существование стало шире и устойчивее. Управлять им мог уже только римский закон, ибо он один был в состоянии удовлетворить стольким потребностям. Варвары, сохраняя свои обычаи, оставаясь господами страны, попались, так сказать, в сети научного законодательства и принуждены были в значительной степени подчинить ему, правда не с государственной точки зрения, а в гражданском отношении, свой новый социальный строй.

Притом одно зрелище римской цивилизации уже оказывало на их воображение сильное влияние. То, что теперь возбуждает наше воображение, чего оно с жад-

ЛЕКЦИЯ X

ностью ищет в истории, в поэтических произведениях, в путешествиях, в романах — это зрелище общества, чуждое правильности наших нынешних обществ, это жизнь дикарей, ее независимость, новизна, приключения. Иного рода были впечатления варваров; их поражала цивилизация, представлявшаяся им великой и чудесной: памятники римской деятельности, города, дороги, водопроводы, арены; все это общество, столь правильное, предусмотрительное, разнообразное в своем постоянстве, изумляло их. Победители, они чувствовали превосходство побежденных; варвар мог презирать римлянина индивидуально, однако римский мир, в своей совокупности, представился ему чем-то высшим, и все великие люди эпохи завоевания — Аларих, Атаульф, Теодорих и многие другие, разрушая и топча ногами римское общество, употребляли все силы, чтобы ему подражать.

Вот, милостивые государи, один из главных фактов, обнаруживающихся в эпоху, которую мы только что обозрели, и особенно — в изложении и постепенном преобразовании варварских законов. В следующий раз мы посмотрим, что оставалось от римских законов для управления самими римлянами в то время, когда германцы старались написать свои законы.

ЛЕКЦИЯ XI

Непрерывность римского права после падения империи. — Об «Истории римского права в Средние века» Савиньи. Достоинства этого сочинения и его пробелы. — 1) О римском праве вестготов. *Vergiarium Aniani*, собранный по повелению Алариха. История и содержание этого сборника. — 2) О римском праве у бургундов. *Pariani responsum*. История и содержание этого закона. — 3) О римском праве у франков. Нет нового сборника. — Различные факты доказывают непрерывность римского права. — Перечень.

Милостивые государи!

Мы знакомы с состоянием германского и римского общества до завоевания. Мы знаем общий результат их взаимного сближения, то есть состояние Галлии тотчас после завоевания. Мы изучили варварские законы, то есть первую работу германских народов над приновкой своих старых обычаев к новому положению. Займемся сегодня римским законодательством в ту же эпоху, то есть той частью римских учреждений и права, которая пережила вторжение и продолжала управлять галло-римлянами.

Это предмет немецкого сочинения, знаменитого с некоторых пор в ученом мире — «Истории римского права в Средние века» Савиньи. План автора обширнее нашего, потому что он изображает историю римского права не только во Франции, но и во всей Европе. Тем не менее он изложил то, что касается Франции, подробнее, нежели я могу это выполнить здесь, и прежде чем приступить к самому предмету, я должен сказать вам несколько слов о труде Савиньи.

Непрерывность римского права от падения империи до возрождения науки и литературы — такова его основная идея. Другое мнение было долго и повсюду распространено: думали, что римское право пало вместе с империей и воскресло в XII веке вследствие открытия рукописи «Пандект»*, найденной в Амальфи. Это заблуждение хотел рассеять Савиньи: два первые тома полностью посвящены изысканию следов римского права от V до VII века и доказательству через восстановление его истории, что оно никогда не прекращало своего существования.

Аргументация убедительна, цель вполне достигнута. Однако сочинение, рассматриваемое в целом и как исторический труд, дает повод к некоторым замечаниям. Всякая эпоха, милостивые государи, всякий исторический предмет, если дозволено так выразиться, могут быть рассматриваемы с трех различных точек зрения, налагают на историка тройную обязанность. Он может и должен отыскивать сами факты, собирать и выставлять на свет все, что случилось, не задаваясь целью кроме точности. Раз факты найдены, необходимо знать, какими законами они управлялись, как они были сцеплены друг с другом, по каким причинам совершались события, составляющие жизнь общества, подвигающие его вперед известными путями к известной цели. Я желал бы обозначить ясно и определенно различие между этими двумя видами изучения. Факты в собственном смысле, внешние, видимые события — тело, материал истории; это члены, кости, мускулы, органы, вещественные элементы прошедшего; их знание и описание составляют то, что можно бы назвать исторической анатомией. Но для общества, равно как и для индивидуального человека, анатомия не составляет всей науки. Факты не только существуют, но они друг с другом связаны, следуют друг за другом и порождают друг друга действием известных сил, проявляющихся по известным законам. Одним словом, у общества есть организация и жизнь, как у

особи. У этой организации есть также своя наука, наука скрытых законов, управляющих ходом событий. Это — физиология истории.

Ни историческая анатомия, ни историческая физиология не составляют полной, настоящей истории. Вы перечислили факты, вы знаете, по каким внутренним и общим законам они произошли. Знаете ли вы также их внешнюю, живую физиономию? Стоят ли они перед вами со своими индивидуальными, одушевленными очертаниями? Присутствуете ли вы при зрелище участи и деятельности людей? Это безусловно необходимо, потому что эти умершие факты жили, это прошедшее было настоящим; если оно не стало им снова для вас, если мертвые не воскресли, то вы его не знаете, вы не знаете истории. Разве анатом и физиолог могли бы когда-либо подозревать о существовании человека, если бы они никогда не видели его живым?

Изыскание фактов, изучение их организации, воспроизведение их формы и движения — вот, следовательно, история, как ее требует истина. Можно взять на себя какую-нибудь одну из этих задач рассматривать прошедшее с той или иной точки зрения, предначертать себе тот или другой план; можно преимущественно заняться критикой фактов, изучением их законов или же воспроизведением зрелища, какое они представляли. Такие труды могут быть отличны, знамениты, но не следует забывать, что они представляют только часть дела, что они не полны, что это не история, что она должна разрешить троякую задачу, что всякий великий исторический труд, дабы быть поставленным на свое место, должен рассматриваться и обсуждаться в этом трояком отношении.

В первом отношении, по изысканию и критике материальных исторических элементов, «История римского права в Средние века» — книга очень замечательная. Савиньи не только открыл или восстановил много неизвестных или ложно понимаемых фактов, но он очень хорошо указал — а это бывает реже и сделать это труднее — настоящее отношение между ними. Когда я говорю — их отношение, то не разумею еще связей, которыми они соединяются в своем развитии, но только их расположение, место, которое они занимают друг относительно друга, их относительное значение. Нет ничего более обыкновенного в истории, как ставить факты на не принадлежащее им место, приписывать им важность, которой они не имели, даже и при очень хорошем знании фактов. Савиньи не потерпел крушения об эту скалу: его перечисление фактов научное, строгое, и распределяет, измеряет он их с той же научностью, с той же чуткостью к различиям; повторяю, во всем, что касается анатомического изучения той части прошедшего, которая была предметом рассматриваемого нами труда, он почти вполне удовлетворяет.

Как об истории философской, как об изучении общей и поступательной организации фактов, я не могу сказать о нем того же. Не видно, чтобы Савиньи задавался этим вопросом, чтобы он даже подумал об этом. Он не только не старался поставить частную историю, которая занимала его, в связь с общей историей ци-

визации и человечества, но даже, в пределах своего предмета, мало заботился о систематическом сцеплении фактов; он не рассматривал их как причины и следствия, в их родословном порядке. В его труде они разобщены, стоят друг за другом только в хронологическом отношении, которое — вовсе не истинная связь и не дает фактам ни смысла, ни значения.

Поэтической правды тоже не найдешь в этом сочинении; факты не представляются Савиньи со своею живою физиономией. Конечно, при его задаче ему и не доводилось воссоздавать ни характеров, ни сцен; его действующие лица — тексты, его события — издания и отмены законов. Однако эти тексты, эти законодательные реформы принадлежали обществу, у которого были свои же нравы, своя жизнь; они соединялись с событиями, которые скорее могли подействовать на воображение, с вторжениями, с основанием государств. Тут есть известная драматичность, но ее не схватывает Савиньи; его рассуждения не проникнуты колоритом зрелища, с которым они связаны; они воспроизводят внешние и индивидуальные черты истории так же мало, как ее внутренние и общие законы.

Не думайте, милостивые государи, что тут был только пробел, что это отсутствие философской и поэтической истины оставалось без влияния на критику материальных элементов истории.

Не один раз Савиньи, не схватив как следует законов и физиономии фактов, впадал в заблуждение относительно самих фактов; он не ошибался относительно текстов или хронологических данных, не опустил и не рассказал неверно то или другое событие; он делал ошибки, для которых у англичан есть название, недостающее в нашем языке — *misrepresentation* (неверное представление), то есть он придавал фактам ложный колорит; фальшь тут не в неточности той или другой черты, а в неверной передаче целого, в том, как зеркало отражает картину.

Рассуждая, например, о социальном быте германцев до вторжения, Савиньи подробно говорит о свободных людях, их положении и роли в общественных учреждениях¹. Его познания относительно исторических документов обширны и точны, приводимые факты верны, но он не представил себе как следует ни беспорядочной подвижности положений у варваров, ни скрытой борьбы двух обществ — племени и дружины, которые существовали у германцев в одно и то же время, ни влияния последней в ущерб равенству и личной независимости, служившим основой первому, ни случайностей и постепенных перемен, каким подвергалось состояние свободных людей вследствие этого влияния. Отсюда, по моему мнению, общая недостоверность изображения самого быта; он сделал его слишком красивым, упроченным, могучим и нисколько не дал предчувствовать его слабость, его близкое падение.

---

¹ Том I. С. 160–195.

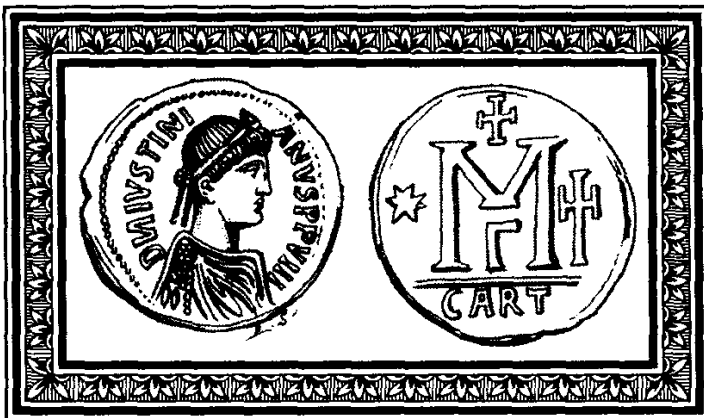

Тот же недостаток, хотя и в меньшей степени, обнаруживается в его истории римского права от V до XII века: как сборник фактов она полна и точна, но все факты поставлены в ней, так сказать, на одном плане, не присутствуешь при их постепенных изменениях, не видишь, как пересоздается римское право по мере того, как развивается новое общество. Никакое нравственное сцепление не соединяет этих потребностей, восстановленных с такою ученостью и искусством. Одним словом, преобладающая черта сочинения — анатомический разъем членов; тут одинаково нет ни внутренней организации, ни внешней жизни.

Книга Савиньи, если свести ее к подлинной ее области, к материальной критике фактов, оригинальна и очень хороша; она должна служить основой всех занятий, имеющих предметом эту эпоху, потому что ставит выше всякого сомнения непрерывное существование римского права в V и VII веках и, таким образом, вполне разрешает задачу, поставленную себе автором.

Теперь, когда она уже разрешена, удивляешься тому, что она когда-нибудь была постановлена, что когда-либо можно было сомневаться в том, продолжало ли римское право существовать после падения Римской империи. Мало того, что варварские правды постоянно упоминают о римских законах, но нет почти документа, акта той эпохи, который, прямо или косвенно, не свидетельствовал бы об их ежедневном употреблении. Может быть, заблуждение, с которым боролся Савиньи, было не так всеобщее и не так безусловно, как он, кажется, думает и как обыкновенно говорят? В XII веке появились снова только ведь «Пандекты», и когда прославляли возрождение римского права в ту эпоху, то разумели главным образом законодательство Юстиниана. Рассматривая дело внимательнее, можно бы, кажется мне, заметить, что непрерывное существование на Западе других частей римского права, например, Кодекса Феодосия, не было так совершенно неизвестно, как надлежало бы заключить из сочинения Савиньи. Но это неважно: заблуждение в этом случае, более или менее обширное, действительно существовало, и, рассеяв его, Савиньи чрезвычайно продвинул науку вперед.

Я представлю вам главные результаты его труда, но в порядке, противоположном тому, какому мы следовали при изучении германских законов. Мы начали с самых варварских, чтобы кончить теми, в которые всего более проник римский дух. Теперь, напротив, мы будем изучать сначала края, где римское право сохранило наибольшее преобладание, чтобы следить за ним потом на различных степенях его ослабления.

Серебряная монета Юстиниана

Значит, мы должны заняться, прежде всего, Вестготским королевством*. Вы помните, что в первый раз велел записать обычаи готов король Эйрих, престол которого находился в Тулузе, от 466 до 484 года. В 506 году его преемник Аларих II велел собрать и издать в новом виде законы для своих римских подданных. Мы читаем в оглавлении некоторых рукописей этого сборника следующее предисловие:

«В этой книге содержатся законы или судебные решения, выбранные из Кодекса Феодосия и других книг, и объясненные, как было повелено в 22 год царствования государя короля Алариха; работа эта велась под надзором знаменитого графа Гояриха. Экземпляр указа: извещение Тимофею, графу.

С помощью Божией, озабоченный интересами нашего народа, мы, по зрелом размышлении, исправили то, что казалось несправедливым в законах, так, чтобы трудами священников и других благородных людей были разъяснены все темные места римских законов и древнего права и пролился на них великий свет, дабы ничто не осталось сомнительным и не было для тяжущихся предметом длинных споров.

Когда все эти законы были таким образом разъяснены и собраны в одну книгу, по выбору мудрых людей, согласие почтенных епископов и наших провинциальных подданных, избранных с этой целью, закрепило названный сборник, к которому прибавлено ясное толкование. Итак, Наша милость повелела, чтобы ниже подписанная книга была передана графу Гояриху для разрешения дел, дабы впредь все тяжбы решались согласно ее распоряжениям и чтобы никому не было позволено ссылаться на какой-либо закон или юридическое правило, кроме тех, которые содержит в себе настоящая книга, подписанная, как мы приказали, рукою именитого человека Аниана. Следовательно, ты должен обращать внимание на то, чтобы в твоей области не служили для ссылок и не были бы приняты другие законы или правовые формулы. Если же случится что-нибудь подобное, то знай, что ты ответишь за это головою и имуществом. Мы повелеваем присоединить это предписание к книге, которую мы тебе посылаем, для того, чтобы правило, установленное нашею волею, и страх наказания держали всех наших подданных в узде.

Я, Аниан, именитый человек, по воле преславного короля Алариха, обнародовал и подписал этот сборник законов Феодосия, судебных решений и других книг, собранный в Эре, в 22 год его царствования. С подлинным верно.

Дано в четвертый день февральских нон, в 22 год царствования короля Алариха, в Тулузе».

Перстень-печать Алариха II

Это предисловие содержит в себе все, что мы знаем относительно истории составления этого кодекса. Разъяснений мне остается присоединить немного. Гоярих был палатным графом, на котором лежала обязанность заботиться о приведении кодекса в исполнение во всем королевстве; Аниан, в качестве рефендария, должен был подписать различные его экземпляры и разослать их провинциальным графам; Тимофей был одним из таких графов. Большая часть рукописей, будучи только копиями, снятыми для частных лиц, не приводят ни предисловия, ни извещения.

Сборник Алариха содержит в себе: 1) Кодекс Феодосия (16 книг); 2) Новеллы² императоров Феодосия, Валентиниана, Маркиана, Майориана и Севера; 3) Институции³ Гая; 4) Пять книг юрисконсульта Павла⁴, озаглавленные «*Rescriptae sententiae*» («Принятые решения»); 5) Кодекс Грегориана⁵ (13 титулов); 6) Кодекс Гермогениана⁶ (2 титула); наконец, место из сочинения Папиниана⁷, озаглавленного «*Liber responsorum*» («Книга ответов»).

Конституции⁸ и Новеллы императоров названы *leges*; труды юрисконсультов, так же как и кодексы Грегорианский и Гермогенианский, не исходившие от общественной и официальной власти, носят просто название *jus*; это — различие между законом и юриспруденцией. Сборник в целом назывался «*Lex Romana*»⁹, а не *Breviarium*; последнее название не встречается ранее XVI века¹⁰. *Breviarium Alaricianum* издан только раз отдельно, в 1508 году в Базеле, Зихардом; его, впрочем, помещали иногда частью, иногда целиком в различные издания Кодекса Феодосия. Он разделяется на две главные части: 1) текст, или извлечение из источников права, которые я только что перечислил; 2) толкование; институции Гая — единственное сочинение, в котором слиты толкование и текст. Текст — простое воспроизведение первоначального законодательства. Оно не всегда здесь полно; не все, например, императорские постановления занесены в *Breviarium*, но те, которые он воспроизводит, не искажены. Древнее право является тут во всей своей чистоте, независимо от перемен, которые должно было внести в него падение империи; напротив, толкование, составленное во время Алариха юрисконсультами гражданскими и духовными, которым он поручил эту работу, принимает во внимание эти перемены; оно разъясняет, видоизменяет, иногда прямо переделывает текст, чтобы приноровить его к новому состоянию правительства и общества, поэтому для изучения римских учреждений и законов в ту эпоху оно важнее и любопытнее, нежели сам текст.

Одно существование подобной книги есть уже самое ясное и убедительное доказательство непрерывности употребления римского права — можно бы, собст-

² «Римский закон» (лат.).

³ В предыдущей лекции сказано, что Аларих велел собрать и издать под названием «*Breviarium*» законы своих римских подданных. Это просто обмолвка.

венно говоря, и не открывать ее. Откроем, однако же, и повсюду найдем следы римского общества, его учреждений, магистратов, так же как и его гражданского законодательства.

Муниципальное устройство занимает в толковании *Breviarium*'а громадное место. Курия и ее магистраты, дуумвиры, дефенсоры и т.д. попадают там ежeminутно и свидетельствуют о том, что римский муниципалитет существует и действует; он не только существует, но даже приобрел более значения и независимости. Во время падения империи исчезли губернаторы римских провинций, *praesides, consulares, correctores*; на месте их мы видим варварских графов. Но не все права римских губернаторов перешли к графам; произошло нечто вроде раздела: одни принадлежат графам — по большей части те, в которых заинтересована центральная власть, например, взимание налогов, наборы и т.п.; другие, касающиеся только частной жизни граждан, достались курии, муниципальным магистратам. Я не думаю перечислять здесь все эти изменения, но вот несколько примеров, почерпнутых в «Толковании».

1) То, что прежде делал претор (иначе — президент), должны теперь делать судьи города (*Interpr. Paul. I, §2 — Interpr. Cod. Theod. XI, 4, 2*).

2) Отпуск раба на волю, обыкновенно совершавшийся до сих пор перед президентом, должен совершаться отныне перед курией (*Gaius, 1, 6*).

3) Опекуны назначались в Константинополе городским префектом, десятью сенаторами и претором. «Толкование» заменяет их «первыми жителями города и судьей» (по всей вероятности — дуумвиром) (*Interpr. Cod. Theod. III, 17, 3*).

4) Завещание следует вскрывать перед курией (*Interpr. Cod. Theod. IV, 4, 4*).

Случаев подобного рода множество, и они не позволяют сомневаться, что муниципальное устройство не только не погибло с императорами, но, напротив, приобрело, по крайней мере в Южной Галии, больше распространения и независимости.

Можно заметить в нем еще другую значительную перемену. В древнем римском муниципалитете высшие магистраты, дуумвир, *quinquennialis* и т.п., имели юрисдикцию в силу личного права, никак не вследствие избрания или как представители курии; им самим, а не муниципалитету, принадлежала власть. Принцип муниципального строя был более аристократичен, нежели демократичен. Это было результатом древних римских нравов и, в особенности, первоначального слияния политической и религиозной власти в лице высших магистратов.

В *Breviarium*'е муниципальное устройство изменяет свой вид. Не от своего имени, а как делегат курии, пользуется своей властью дефенсор. Юрисдикция принадлежит курии, во всем ее составе. Принцип ее организации становится демократическим, и таким образом уже подготавливается тот переворот, который сделает из курии средневековую коммуну.

Таковы, милостивые государи, главные результаты сочинения Савиньи относительно непрерывности римского права под вестготским владычеством. Я не знаю, оценил ли он как следует значение этого права и его последствия в истории общества нового времени; во всяком случае, он их заметил, и вообще его мысли столь же определены, сколько его познания точны и обширны. Из всех немецких ученых, занимавшихся этим предметом, он, конечно, наиболее свободен от всякой германщины, всего менее увлекается желанием раздуть могущество древних германских учреждений и нравов в новой цивилизации и предоставляет римскому элементу лучшую часть. Однако и его иногда все-таки вводила в заблуждение закваска, если можно так выразиться, национального духа, и я приведу любопытный тому пример. Он говорит в конце главы о муниципальном устройстве у вестготов:

«Текст кодекса постановляет, чтобы в Риме для приговора по уголовному обвинению против сенатора пять сенаторов назначались по жребию: «Толкование» обобщает это правило и требует, чтобы судили пятеро из главных граждан, занимающих одинаковое положение с обвиняемым, то есть декурионов или плебеев, смотря по положению самого обвиняемого... Нельзя ли предположить, что тут оказал свое влияние германский скабинат⁴?»

Таким образом, Савиньи предполагает, что, по «Толкованию» Бревинария, судьи, избранные по жребию, должны были у вестготов в VI веке быть одного положения с обвиняемым, что каждого должны были судить его равные, как обыкновенно выражается принцип учреждения присяжных, согласно германским нравам. Вот латинская фраза, на которой основан этот вывод.

«Cum pro objecto crimine aliquis audiendus est, quinque nobilissimi viri iudices, de reliquis sibi similibus, missis sortibus eligantur».

В переводе:

«Если кто-нибудь привлекается к суду по обвинению в преступлении, пусть пять благороднейших людей будут выбраны по жребию из числа равных между собою, чтобы быть судьями».

Эти слова — «de reliquis sibi similibus» — очевидно значат, что пять судей будут избраны по жребию между равными им, а не обвиняемому. Таким образом, здесь нет и следа мысли, что судьи должны быть одного сословия и положения с обвиняемым*. Слова «благороднейшие» должны бы были убедить в этом Савиньи и предохранить его от ошибки: действительно, как применить их к судьям-плебеем?

От вестготов перейдем к бургундам и посмотрим, каково было в эту эпоху у них состояние римского законодательства.

Предисловие к варварской правде содержит в себе, как вы помните, фразу:

⁴ См. предыдущую лекцию.

«Мы повелеваем, подобно нашим предкам, судить римлян по римским законам, и пусть они знают, что получают в письменном изложении форму и содержание законов, по которым надлежит судить, чтобы никто не мог отговариваться незнанием».

Бургунд Сигизмунд намеревался, следовательно, в 517 году сделать то, что вестгот Аларих сделал одиннадцать лет перед тем — собрать римские законы для своих римских подданных.

В 1566 году Кюжа (Куяций) нашел в одной рукописи юридическое сочинение, которое он издал под названием «Papiani responsum»⁵ или «Liber responsorum»⁶ и которое продолжает носить его имя. Оно разделено на 47 или 48 титулов и представляет следующие особенности.

1) Порядок и заглавия титулов соответствуют почти до мелочей порядку и заглавиям титулов Бургундской правды: титул II «de homicidiis»⁷ — титулу II «de homicidiis», титул III «de libertatibus»⁸ — титулу III «de libertatibus servorum nostrorum»⁹ и т.д. Савиньи составил сравнительную таблицу обоих законов¹⁰, и соответствие их тут очевидно.

2) Во II титуле этого сочинения, «de homicidiis», читаем: «Так как ясно, что римский закон ничего не постановил о цене убитых, то государь наш повелел, чтобы, смотря по достоинству раба, убийца платил его господину следующее:

За управляющего.....	100 солидов.
За состоящего при нем слугу.....	60.
За хлебопашца или свинопаса.....	30.
За хорошего золотых дел мастера....	100.
За кузнеца.....	50.
За плотника.....	40.

Что и должно быть соблюдено, согласно королевскому повелению».

Это же перечисление и эти вознаграждения установлены и в соответствующем титуле Бургундской правды.

3) Наконец, два титула первого прибавления этого закона (титулы I и XIX) взяты прямо из «Papiani responsum», изданного Кюжа.

Очевидно, это сочинение не что иное, как тот римский закон, который Сигизмунд обещал своим римским подданным, издавая закон своих варварских подданных.

⁵ «Ответ Папиана» (лат.).

⁶ «Книга ответов» (лат.).

⁷ «Об убийствах» (лат.).

⁸ «О свободах» (лат.).

⁹ «О свободах наших рабов» (лат.).

¹⁰ Том II. С. 13–16.

Откуда заглавие этого закона? Отчего называется он «*Pariani responsum*»? Не есть ли он просто повторение какого-нибудь сочинения Папиниана, в рукописях часто именуемого Папианом? Это совершенно невероятно. Савиньи чрезвычайно остроумно разрешает этот вопрос. Он догадывается, что Кюжа нашел рукопись римского закона бургундов в конце рукописи Бривиария Алариха, причем не было никаких признаков для отделения друг от друга этих двух сочинений, а так как «*Breviarium*» оканчивается местом из «*Liber responsorum*» Папиниана, то Кюжа по недосмотру приписал это место и дал это имя следующему сочинению. Рассмотрение многих рукописей подтверждает такое предположение, и Кюжа сам подозревал, что тут что-то неладно.

Так как «*Breviarium*» Алариха лишь несколькими годами предшествовал закону бургундских римлян и, может быть, подал повод к его составлению, то некоторые предполагали, что закон был только выдержкой из него. Это неверно: «*Pariani responsum*» — название это все-таки за ним осталось — гораздо короче и неполнее, чем «*Breviarium*», но не один раз он черпал в самых источниках римского права и доставляет, в этом отношении, важные указания.

Он, вероятно, вышел из употребления, когда Бургундское королевство подпало под власть франков; все указывает, что «*Breviarium*» Алариха, который более обширен и более удовлетворяет различным потребностям гражданской жизни, постепенно заменял его и стал законом для римлян во всех странах Галлии, принадлежавших прежде бургундам и вестготам.

Остаются теперь франки. Когда они завоевали всю, или почти всю, Галлию, «*Breviarium*» и, в продолжение некоторого времени, Папиан оставались в силе везде, где они прежде господствовали. На севере и северо-востоке Галлии, в первых местах поселения франков, положение было различное: там мы не находим никакого римского кодекса, никакой попытки собрать и изложить римское право для первоначального населения. Однако не подлежит сомнению, что оно продолжало господствовать над ними. Вот главные из фактов, не позволяющих в этом сомневаться.

1) Салический и Рипуарский законы постоянно повторяют, что римлян будут судить по римскому закону. Многие указы франкских королей, в том числе указ Хлотаря I 560 года и указ Хильдеберта II* 595 года, возобновляют это повеление и заимствуют у римского права некоторые из его распоряжений. Законодательные памятники франков свидетельствуют, стало быть, о непрерывности его существования.

2) Другой разряд не менее достоверных памятников также доказывает это. Конечно, многие из вас знакомы с формулами или образцами форм, по которым составлялись от VI до X века главные акты в гражданской жизни — завещания, дарственные записи, отпускные, купчие крепости и т.п. Главный сборник формул издан монахом Маркульфом, как кажется, в VII веке. Многие ученые — Ма-

бильон, Биньон, Сирмонд, Линденброг — нашли в старых рукописях другие сборники. Значительная часть этих формул воспроизводит в тех же выражениях древние формы римского права касательно освобождения рабов, дарственных записей, завещаний, давности и пр. и доказывает, таким образом, что оно еще обыкновенно применялось.

3) Все памятники этой эпохи в странах, занимаемых франками, полны названий римского муниципального устройства — дуумвиров, дефенсоров, курий*, куриалов — и представляют эти учреждения сохраняющими свою силу.

4) Действительно, существует много гражданских актов, завещаний, дарственных записей, купчих крепостей и т.п., которые совершены, согласно формам римского права, в курии и занесены в ее книги.

5) Наконец, летописцы того времени часто говорят о людях, хорошо знакомых с римским правом, внимательно его изучивших. В VI веке оверняют* Андархий «был большой знаток творений Вергилия, книг Кодекса Феодосия и искусства счисления»¹¹. В конце VII века св. Бонет, епископ Клермонский, «был пропитан принципами грамматиков и чрезвычайно учен в декретах Феодосия»¹². Св. Дезидерий, епископ Кагорский от 629 до 654 года, «занимался, — как сказано в его рукописном житии, — изучением римских законов».

Это не были, конечно, ученые; в то время еще не существовало Академии надписей* и римское право еще не изучали из любознательности.

Нельзя, стало быть, сомневаться в том, что римское право оставалось в силе у франков, так же как у бургундов и вестготов, особенно — в гражданском законодательстве и в муниципальном устройстве. Те из вас, милостивые государи, кто захотел бы познакомиться подробно с доказательствами, найдут большое число их в сочинении г. Савиньи (I, 267–273; II, 101–118), а еще больше в «Истории муниципального устройства во Франции», изданной г. Ренуаром — сочинении, богатом любопытными и настолько полными изысканиями по некоторым вопросам, что, правду сказать, его можно обвинить разве только в излишестве.

Как видите, милостивые государи, факт, который я имел целью поставить на вид, не подвержен сомнению: памятники всякого рода указывают нам на него, в разной степени, конечно, у различных народов, но повсюду, как на факт реальный и постоянный. Он чрезвычайно важен, потому что возвещал Галлии совершенно иное общественное состояние против того, в каком она жила до тех пор. Она подпала под власть римлян не более, как пять веков перед тем, и однако в ней не оставалось почти и следов древнего галльского общества. Римская цивилизация имела такую страшную силу, что искоренила национальные законы, нра-

¹¹ Григорий Турский, кн. IV, гл. 47.

¹² Acta Sanct. Juana, с. 1, n-о 3.

вы, язык, религию, вполне усвоила себе свои приобретения. Все безусловные утверждения преувеличены; однако если смотреть на вещи с общей точки зрения, то в VI веке все в Галлии было римское. С варварским завоеванием соединяется противоположный факт. Германцы оставляют побежденному населению его законы, местные учреждения, язык, религию. Вслед за римлянами являлось единство, которому невозможно было сопротивляться; здесь, напротив, различия устанавливаются сами собою, с согласия и содействия завоевателей. Мы видели, что господство личности, индивидуальной независимости, эта черта новой цивилизации — чисто германского происхождения; идея личности господствует как над законами, так и над действиями; индивидуальность народов, хотя бы они были подчинены одной и той же политической власти, провозглашается подобно индивидуальности личностей. Пройдут века, прежде чем идея территории, земли, одержит верх над идеей расы°, племени, прежде чем законодательство, вместо того чтобы определяться личными условиями, станет определяться условиями реальными, прежде чем новое национальное единство выйдет из медленного и трудного слияния различных элементов.

Раз это принято, милостивые государи, и непрерывность римского законодательства установлена, не следует все-таки вдаваться в заблуждение из-за одного этого слова; оно многих вводило в обман. Из того, что римское право продолжало существовать, что встречаются нам те же имена, те же формы, заключали, что дух законов остался тот же — говорили о римском праве в X веке как о римском праве во время империи. Этот способ выражения чрезвычайно ошибочен. Когда Аларих и Сигизмунд приказали составить новый сборник римских законов для своих римских подданных, они сделали совершенно то же, что делали Теодорих и Дагоберт, когда изложили варварские законы для своих франкских подданных. Подобно тому, как Салическая и Рипуарская правды записывали древние обычаи, плохо отвечавшие новому состоянию германских народов, «*Breviarium*» и «*Pariani responsum*» собрали законы, уже устаревшие и отчасти неприменимые. Вследствие падения империи и завоевания должен был измениться весь общественный строй, отношения между людьми стали иные, начинался новый порядок землевладения, римские политические учреждения не могли долее существовать — всё решительно обновлялось на целом протяжении края. Какие же законы дают этому зарождающемуся, беспорядочному, но плодovitому обществу? Два старых законодательства: древние варварские обычаи и древние римские законы. Ни то ни другое не могло, очевидно, годиться для него, то и другое должно было измениться, пересоздаться до самых корней и основ, чтобы приноровиться к новым фактам.

Поэтому если мы говорим, что римское право продолжало существовать в VI веке, когда варварские законы были записаны, если в последующие века мы постоянно встречаем те же выражения — «римское право», «варварские зако-

ны», то не думайте, что мы говорим все о том же праве, о тех же законах. Продолжая существовать, римское право изменилось, а варварские законы приняли другой вид после того, как они были записаны. Римское право и варварские законы принадлежат к числу существенных элементов нового общества, но это элементы, входящие в новую комбинацию, которая будет следствием долгого брожения, и они явятся в ней уже совершенно видоизмененными.

Я постараюсь сделать вас свидетелями этой постепенной метаморфозы; историки не говорят о ней, ее скрывают неизменяющиеся термины; это работа внутренняя, зрелище глубоко скрытое — до него можно проникнуть только сквозь множество оболочек, остерегаясь заблуждения, в которое нас вводят формы и имена.

Мы пришли к концу наших изысканий относительно гражданского общества в Галлии от VI века до половины VIII. В следующий раз мы займемся переменами, происшедшими в ту же пору в религиозном обществе, то есть состоянием и устройством церкви.

ЛЕКЦИЯ XII

О состоянии церкви в Галлии от VI до половины VIII века. — Аналогия в первоначальном положении религиозного и гражданского обществ. — О единстве церкви или духовного общества. — О двух элементах или условиях духовного общества: 1) единство истины, то есть абсолютного разума; 2) свобода мысли, то есть индивидуальный разум. — О состоянии этих идей в христианской церкви от VI до VIII века. Она принимает одну и отвергает другую. — О единстве церкви в законодательстве. — Общие соборы. — Различие между Западной и Восточной церквями относительно преследования еретиков. — Об отношениях церкви к государству с VI до VIII века: 1) в Восточной империи; 2) на Западе, и в особенности во Франкской Галлии. — Вмешательство светской власти в церковные дела. — Участие духовной власти в делах государственных.

Милостивые государи!

Мы снова возвращаемся на дорогу, по которой уже шли, снова беремся за нить, которая уже была у нас в руках: мы должны заняться историей христианской церкви в Галлии от окончательного завоевания Галлии франками до падения меровингских королей, то есть от VI до середины VIII века.

Эпоха эта взята не произвольно: вступление на престол Каролингской династии обозначило собой перелом как в гражданском, так и в религиозном обществе. Это — событие, знаменующее эпоху, и на нем следует остановиться.

Припомните, прошу вас, начертанную мною картину состояния религиозного общества в Галлии до падения Римской империи, то есть в конце IV и в начале V века. Мы рассматривали церковь с двух точек зрения: 1) в ее внутреннем положении, в ее отношениях к государству; 2) в ее внутреннем устройстве, в ее общественной и политической организации. С этими двумя основными задачами соединяются, как мы видели, все частные вопросы, все факты.

Это двоякое рассмотрение показало нам, в первые пять веков церкви, зародыши всех разрешений этих двух задач, примеры всех форм, опыты всех комбинаций. Нет системы — ни касательно внешних отношений церкви, ни касательно ее внутренней организации, которая не восходила бы до этой эпохи и не опиралась бы в ней на какой-нибудь авторитет. Независимость, подчинение, верховенство, соглашения церкви с государством, пресвитерианизм и епископат, полное отсутствие духовенства и его почти исключительное владычество — все это мы встречали и заметили.

Мы рассмотрели состояние гражданского общества после завоевания в VI и VII веках и пришли к тому же результату. Мы также нашли в нем зародыши, примеры всех систем общественной организации и правительства: монархию, аристократию и демократию; собрания свободных людей, патронат вождя дружины над своими воинами, крупного землевладельца над мелкими; королевскую власть, неограниченную и бессильную, выборную и наследственную, варварскую, императорскую, религиозную — одним словом, все принципы, которые развились в жизни новой Европы, являлись тогда перед нами за один раз.

Замечательное сходство, милостивые государи, в происхождении и первоначальном состоянии двух обществ. Они одинаково богаты и беспорядочны; в них все есть, но ничто не на своем месте и ничто не в меру; порядок явится в них заодно с развитием: развиваясь, разные элементы отделятся друг от друга, приобретут свои отличия, развернут каждый свои особенные притязания и силы, сначала — чтобы бороться, потом — чтобы вступить в соглашение. Такова будет поступательная работа времени и людей.

Мы будем присутствовать при этой работе; мы подметили в колыбели двух обществ все материальные элементы, все рациональные принципы новой цивилизации; мы последуем за ними в их столкновениях, переговорах, соединениях, во

всех случайностях их частного и общего существования. В этом, собственно говоря, и состоит история цивилизации; до сих пор мы только обозревали театр этой истории и называли ее действующих лиц.

Вы не удивитесь тому, милостивые государи, что, вступая в новую эру, мы раньше встретимся с религиозным обществом: оно было, как вы знаете, образованнее и сильнее; в римском муниципалитете, вокруг варварских королей, в иерархии победителей, ставших землевладельцами, — повсюду мы видели присутствие и влияние вождей церкви. От VI до XIII века церковь на поприще цивилизации шла впереди. Естественно, что в этот промежуток времени всякий раз, когда после остановки мы снова начинаем двигаться, мы должны начать с церкви.

Мы будем изучать ее историю от VI до VIII века с двух уже указанных точек зрения: 1) в ее отношениях к государству, 2) в ее собственном и внутреннем устройстве.

Но прежде чем приступить к какому-либо из этих вопросов или связанных с ними фактов, я должен обратить ваше внимание на факт, который преобладал над всеми ими, характеризовал христианскую церковь вообще и решил, так сказать, ее участь.

Этот факт — единство церкви, единство христианского общества, независимо от всех различий времени, места, господства, языка, происхождения.

Странное явление! В тот самый момент, когда римская империя распадается и исчезает, христианская церковь собирается с силами и складывается окончательно. Политическое единство погибает, религиозное возникает. Бесчисленные народы, различные по происхождению, нравам, языку, судьбе, врываются на историческую сцену; всё становится местным, частным; всякая обширная идея, всякая значительная общественная комбинация исчезают; и в эту-то минуту церковь громко провозглашает единство своего учения, всеобщность своего права.

Это событие — славное и богатое последствиями, милостивые государи; событие, оказавшее от V до VIII века громадные услуги человечеству. Только единство церкви и поддерживало кое-какую связь между странами и народами, которых все остальное стремилось разъединить; под его влиянием продолжали развиваться несколько общих идей, некоторое чувство широкой симпатии, и из недр самой ужасной политической неразберихи, какая когда-либо была известна миру, возникла, может быть, самая широкая и самая чистая из идей, связывавших людей между собою, — идея духовного общества, потому что таково философское название церкви, таков идеал, который она хотела осуществить.

Какой смысл соединяли с этими словами люди того времени, как велики были их успехи на этом пути? Чем было действительно в умах и в фактах это духовное общество, предмет их честолюбия и почета? Как понимали его и как приводили

в исполнение? Необходимо ответить на эти вопросы всякому, кто хочет знать, что говорить, упоминая о единстве церкви, и что следует думать о ее основах и результатах.

Общее убеждение, то есть идея, всеми признанная и принятая за истину, — такова главная основа, скрытая связь человеческого общества. Можно остановиться на самых ограниченных и самых простых ассоциациях или восходить до самых сложных и обширных; можно рассматривать то, что происходит между тремя или четырьмя дикарями, соединившимися для охотничьего предприятия, или же в собрании, призванном заниматься делами великого народа, — повсюду и во всех случаях факт ассоциации состоит существенно в том, что все примкнули к какой-нибудь общей мысли: до тех пор, пока они друг друга не поняли и взаимно не сошлись, они остаются разобщенными существами, поставленными рядом, но не соприкасающимися друг с другом, не связанными между собой ничем. Общее чувство, общее верование, каковы бы ни были их характер и предмет, — таково первое условие общественного быта; в одной только истине или в том, что они принимают за истину, люди соединяются, и рождается общество. В этом смысле был прав современный философ*, утверждавший, что общества состояются только между умами, что общество существует только там и до тех пор, пока совершается единение умов, что где нет ничего общего между умами, там нет и общества; иными словами, что на умственном общении только и может быть основано общество, что это общение есть необходимый элемент и как бы на дне лежащая сущность всех внешних видимых обществ.

А отличительная черта истины, милостивые государи, есть именно то, что составляет по преимуществу общественную связь — единство. Истина одна, поэтому и люди, признавшие и принявшие ее, соединились; в этом соединении нет ничего случайного и произвольного, так как истина не зависит ни от случайностей в вещах, ни от людских колебаний, тут нет ничего преходящего, так как истина вечна, ничего ограниченного, так как истина полна и бесконечна. Следовательно, единство будет существенным признаком как истины, так и общества, задавшегося одною только истиной. Нет и не может быть двух духовных обществ; оно по природе своей едино и всеобщее.

Так возникла церковь; отсюда то единство, которое она всегда объявляла своим принципом, та всеобщность, к которой она стремилась всегда. Это идея, лежащая с большей или меньшей ясностью и строгостью в глубине всех ее доктрин, парящая над всеми ее трудностями. Она является в творениях и действиях ее знаменитейших истолкователей гораздо раньше VI века и с самой колыбели христианства. Но для того чтобы возникло и существовало духовное общество, мало одной истины самой в себе; необходимо, чтобы истина явилась всем умам и собрала их вокруг себя. Единство умов, то есть духовное общество — послед-

ствие единства истины, но пока это единство не совершилось, последствие не сопровождает причины, духовного общества не существует. При каком же условии соединяются умы в истине? При том условии, чтобы они ее знали и принимали ее господство; кто повинуется, не зная истины, по невежеству, а не по убеждению, или кто, зная истину, отказывается ей в повиновении, тот не вступил еще в духовное общество; никто не участвует в нем, если не видит и не желает; оно исключает, с одной стороны, невежество, с другой — принуждение; оно требует от всех своих членов задушевного и личного присоединения ума и свободной воли.

В эпоху, которая нас занимает, милостивые государи, этого второго начала, второго признака духовного общества недоставало церкви. Было бы несправедливо сказать, что она совершенно его не признавала и думала, что духовное общество может существовать между людьми помимо согласия их ума и воли. Выставленная в такой простой, обнаженной форме, идея эта претит нам и отвергается; притом полное и смелое проявление разума и воли было таким недавним фактом и так часто еще встречалось в церкви, что ей нельзя было позабыть о нем. Поэтому церковь и не утверждала, что она может и должна пользоваться только духовным оружием. Но этот принцип был усвоен поверхностно, и каждый день все более и более испарялся. Мысль, что истина, единая и всеобщая, имеет право силою приводить к последствиям своего единства и всеобщности, становилась с каждым днем мыслью преобладающей, длительной и действительной. Из двух условий духовного общества, рационального единства доктрины и реального единения умов, первое почти исключительно занимало церковь; второе постоянно забывалось или нарушалось.

Много понадобилось веков, милостивые государи, чтобы возратить ему его место и значение, то есть чтобы выставить как следует на вид истинную природу духовного общества, в ее полноте и в гармонии ее элементов. Долго господствовало всеобщее заблуждение, что власть истины, то есть всеобщего разума, может быть установлена помимо пользования индивидуальным разумом и уважения к его правам. Таким образом, провозглашая духовное общество, его превратно понимали, подвергали его опасности сделаться обманчивым призраком. Употребление силы не только оскверняет, но убивает его: для того чтобы его единство было и чисто, и действительно, необходимо, чтобы оно обнаруживалось среди свободного развития ума и воли всех.

Нашему времени, милостивые государи, будет принадлежать честь того, что оно уразумело самую сущность духовного общества гораздо глубже, нежели это делалось до тех пор, что оно его узнало гораздо полнее и потребовало как своего права. Мы знаем теперь, что оно предполагает два условия: 1) присутствие общей, безусловной истины, определяющей верования и действия людей; 2) полное развитие всех умов ввиду этой истины и свободное признание всеми

ее силы. Никогда не должны мы забывать об одном условии в пользу другого. Идея свободы мысли не должна ослаблять в нас идеи духовного общества; из-за того, что индивидуальные убеждения должны быть просвещенны и свободны, не следует увлекаться мыслью, что и нет уже всеобщей истины, имеющей право повелевать; уважая разум каждого, не следует терять из виду единый и верховный разум. История человеческого общества проходила до сих пор в перекоках от одного из этих мнений к другому. Были эпохи, когда люди особенно поражались свойствами и правами этой всеобщей, безусловной истины, законной владычицы, к царствованию которой они стремятся; они льстили себя надеждой, что, наконец, нашли ее и обладают ею и в своей безрассудной уверенности признали за нею неограниченную власть, которая быстро и неизбежно породила тиранию. Долго человек подчинялся тирании, даже уважал ее, но наконец он понял ее значение, увидал, что название и права истины присвоены невежественными и порочными силами. Тогда он больше раздражился против идолов, нежели занялся самим Богом; единство божественного разума, если мне позволено будет так выразиться, перестало быть обычным предметом его созерцания; он стал думать преимущественно о праве человеческого разума в отношениях между людьми и часто в конце концов забывал, что свободная воля не произвол, не прихоть, что если индивидуальный разум и вправе судить о вещах, он тем не менее подчинен общему разуму, который служит мерилом и пробным камнем для всех умов в мире. Точно так же, как в первом случае являлась тирания, тут являлась анархия, то есть отсутствие общих, сильных убеждений, отсутствие принципов в душах и цемента в обществе. Можно надеяться, что наше время призвано избежать и той и другой подводной скалы, потому что оно, если можно так выразиться, обладает картой, на которой они обозначены. Развитие цивилизации должно совершаться теперь под влиянием двойной веры, двойного уважения: всеобщий разум будет предметом поисков, как высший закон и последняя цель; индивидуальный разум будет свободен и призван развиваться как лучшее средство для достижения всеобщего разума. И если духовное общество никогда не полно и не чисто — этого не допускает человеческое несовершенство — по крайней мере единство его не подвергнется опасности стать поддельным и обманчивым.

Мы видели, милостивые государи, каково было в занимающую нас эпоху состояние умов по отношению к этой великой идее; перейдем к состоянию фактов и посмотрим, какие практические последствия породило это единство церкви, рациональные признаки которого мы только что описали.

Оно особенно выражается в духовном законодательстве и выражается тем резче, что стоит в противоречии со всем совершающимся в других местах. В последних собраниях наших мы изучали гражданское законодательство от V века до VIII, и нам показалось, что основная черта его — разнородность, разно-

родность все возрастающая. Религиозное общество стремится к совершенно другому: оно старается достичь и достигает единства в своих законах. Не то чтобы оно черпало свои законы исключительно в первоначальных памятниках религии, в Священных книгах, которые всегда и повсюду одни и те же; по мере того как оно развивается, обнаруживаются новые потребности; надобны новые законы, новый законодатель — кто будет им? Восток отделился от Запада, Запад с каждым днем распадается на отдельные и независимые государства. Будет ли у рассеянной таким образом церкви несколько законодателей? Будут ли издавать для них законы соборы Галлии, Испании, Италии? Нет, милостивые государи; выше различия национальных церквей, национальных соборов, над всеми разницею, которые по необходимости появляются в дисциплине, культе, обычаях, будет для совокупной церкви всеобщее единое законодательство. Постановления общих соборов будут повсюду уважаемы и приняты. С IV по VIII век было шесть общих или вселенских соборов; они проходили на Востоке, участвовали в них восточные епископы, на них влияли восточные императоры, западных епископов было на них лишь несколько¹. И что же? Несмотря на столько поводов к несогласиям и разрыву, несмотря на различие языков, правительств, нравов, мало того, несмотря на соперничество римского², константинопольского и александрийского патриархов, законодательство вселенских соборов принято повсюду; Запад подчиняется ему подобно Востоку; на минуту только оспариваются некоторые постановления пятого собора. До такой степени сильна идея единства в церкви, до того преобладает надо всем духовная связь!

Что касается второго принципа духовного общества — свободы мысли, то необходимо видеть различия между Востоком и Западом; в этих двух странах факты не одинаковы.

Излагая состояние церкви в IV и V веках, я сообщал вам, каково было расположение законодательства и умов по отношению к ереси. Припомните, что принцип преследования не был ясно установлен и не господствовал постоянно; тем не

ТАБЛИЦА ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРОВ С IV ПО VIII ВЕК

Год	Место проведения	Число присутствующих	С Востока	С Запада
325	Никея	318	315	3
381	Константинополь	150	149	1
431	Эфес	68	67	1
451	Халкидон	353	350	3
553	Константинополь	164	158	6
680	Константинополь	56	51	5

менее он приобретал все более и более преобладания; несмотря на разнообразие случаев, на законы Феодосия, гонения на ариан, донатистов, пелагиан, казнь присциллиан* не позволяют в этом сомневаться.

Начиная с VI века в Восточной империи, истинной наследнице империи Римской, факты и идеи пошли в этом направлении; принцип преследования развился, история монофиситов*, монофелитов*, многих других ересей и законодательство Юстиниана свидетельствуют об этом единогласно.

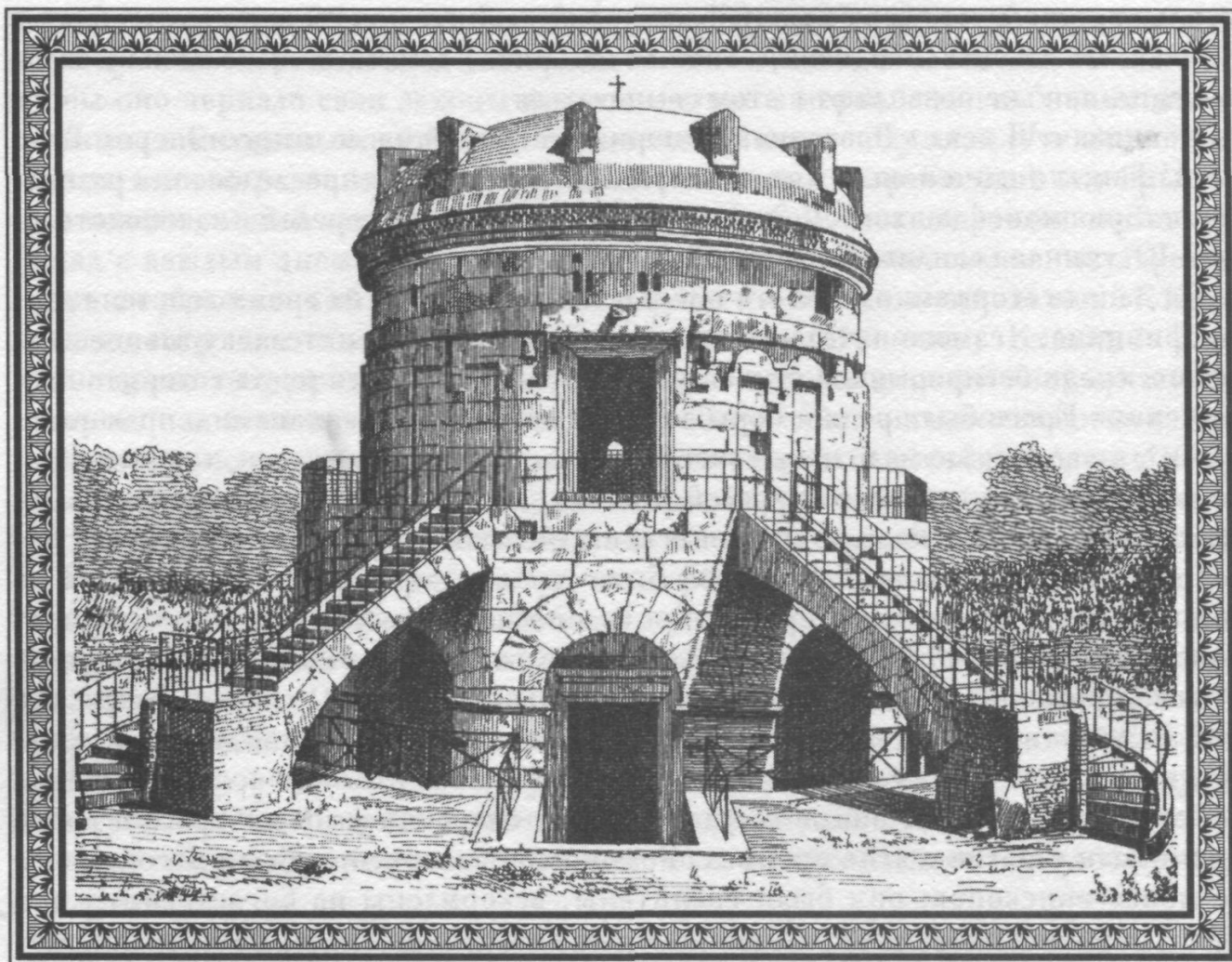
На Западе вторжение и все его последствия задержали на время действие этого принципа; с самого начала остановилось почти всякое интеллектуальное движение, среди непрерывной сумятицы в быту не оставалось места созерцанию и изучению. Ереси были редки; борьба продолжалась между арианами и православными*, но возникало мало новых учений, а если какие и возникали, то они служили только слабым отголоском ересей Востока. Поэтому преследованию не было, так сказать, пищи и повода. Да и епископы не вызывали его; их удерживали более нужные дела: положение церкви было трудное, приходилось заботиться не только о своих мирских интересах, а о безопасности и существовании; гораздо менее беспокойства причиняли кое-какие расхождения в убеждениях. В Галлии в VI веке проходило 54 собора; из них только два, соборы в Оранже и Валансе, в 529 году, занимались догматами; они осудили ересь полупелагиан, которую завещал им V век.

Варварские короли, новые государи земли, находили мало интереса и редко принимали участие в этих прениях. Восточные императоры были богословами не менее епископов; они были воспитаны, вскормлены на богословии; у них были, относительно этих проблем и споров, собственные, твердо установившиеся мнения; Юстиниан, Иракий* добровольно и сами от себя брались за преследование ереси. Гундевальд, Хильперик, Гонтран, если их не подталкивал к этому сильный политический мотив, не обращали на них внимания. До нас дошло много действий и выражений бургундских, готских, франкских королей, которые доказывают, как мало они были расположены подчинять свою власть такого рода интересам: «Мы не можем повелевать религией, — говорил Теодорих, король остготов, — никого нельзя заставить верить против его воли...»² «Так как Божество терпит много религий, — говорил король Теодат, — то мы не смеем предписывать следование какой-нибудь одной. Мы помним, читали, что Богу надо приносить жертвы добровольно, а не по господскому принуждению. Стало быть, тот, кто захотел бы делать иначе, очевидно противится божественным велениям»³.

² *Cassiod. Variar. epist. lib. II, epist. 27.*

³ *Ibid., lib. X, epist. 26.*

Мавзолей Теодориха в Равенне

Без сомнения, Кассиодор* наделяет тут двух готских королей превосходством собственного разума, но, как бы то ни было, они принимали его способ выражения, и мы видим, что во многих случаях, по невежеству ли или по внушению здравого смысла, варварские короли высказывают те же мнения. Итак, на деле, благодаря стечению различных обстоятельств, второе условие существования духовного общества — свобода мысли — нарушалось на Западе менее, нежели на Востоке.

Не следует, однако, впадать в заблуждение. Это было не более как делом случая, временным последствием внешних причин; в сущности, принцип свободы был там столько же забыт и общий ход вещей одинаково вел к тому, чтобы доставить преобладание гонению.

Вы видите, милостивые государи, что, за исключением кое-каких различий, единство церкви с последствиями, которые с ним вязались, было повсюду господ-

ствующим фактом, на Западе так же, как и на Востоке, в общественном быту так же, как и в умах. Таков был принцип, руководивший в религиозном обществе мнениями, законами, действиями — пункт, служивший всем точкой отправления, цель, к которой безостановочно стремились. Начиная с IV века эта идея была, так сказать, звездой, под влиянием которой развилось в Европе религиозное общество, и ее-то надо постоянно иметь в виду, чтобы следовать за перипетиями его судьбы и понимать их.

Согласившись относительно этого пункта и установив как следует характерную черту эпохи, приступим к рассмотрению состояния церкви в частности и посмотрим: 1) каковы были отношения ее к гражданскому обществу; 2) какова была ее собственная, внутренняя организация. Мы, вероятно, принуждены будем ограничиться на сегодня первым вопросом.

Припомните, пожалуйста, милостивые государи, то, что я имел честь сообщать вам, когда говорил о церкви в V веке: мы решили, что отношения церкви к государству могут быть установлены согласно четырем различным системам: 1) полная независимость церкви; церковь незамеченная, неизвестная, не получающая от государства ни законов, ни поддержки; 2) верховенство государства над церковью; религиозное общество, управляемое если не вполне, то в своих главных элементах гражданским обществом; 3) верховенство церкви над государством; светская власть если не прямо принадлежащая, то, по крайней мере, вполне подчиненная влиянию духовной власти; 4) наконец, существование двух обществ, двух властей, раздельных, но связанных между собою на известных условиях, которые изменяются по обстоятельствам и связывают два общества, не смешивая их.

В то же самое время мы признали, что в V веке преобладала последняя система, что христианская церковь и Римская империя существовали одна в другой как два общества, отличные друг от друга, обладающие каждое своим правительством, своими законами, но взаимно признающие и поддерживающие друг друга. В их союзе мы уловили еще заметные следы другого принципа, более раннего состояния, верховенства государства над церковью, вмешательства и резкого преобладания императоров в ее администрации. Наконец, мы усмотрели вдали признаки верховенства церкви над государством, господства духовной власти над светской.

Таким представилось нам в V веке и в своей совокупности состояние христианской церкви в ее отношениях с государством.

В VI веке, если обратить внимание на Восточную империю, которую всегда необходимо иметь в виду, чтобы понять как следует то, что происходило на Западе, и перемены, произведенные там вторжением варваров, то нас поразят два одновременных факта.

1. Духовенство, особенно епископская власть, получает от императоров все новые милости и привилегии. Юстиниан дает епископам: 1) суд над монахами и

Император Юстиниан. Мозаика в церкви Сан-Витале, Равенна

монахинями, так же как и над клириками⁴; 2) надзор за имуществом городов и преобладание во всей муниципальной администрации⁵; 3) освобождение от отцовской власти⁶; 4) он запрещает светским судьям вызывать их в качестве свидетелей и спрашивать под присягой⁷. Ираклий предоставляет им уголовный суд над клириками⁸. Влияние и преимущества религиозного общества в гражданском все увеличиваются.

2. Между тем императоры все более и более вмешиваются в дела церкви, не только в ее отношения к государству, но и в ее внутренние дела, в устройство, в дисциплину. И они вмешиваются не только в ее управление, но и в ее верования, издают указы в пользу того или другого догмата, регулируют веру.

Если принять все в расчет, то власть восточных императоров над религиозным обществом была теперь обширнее, деятельнее, деспотичнее, проявлялась чаще, нежели прежде; несмотря на то что привилегий к церкви больше, положение ее

⁴ Novellae Justin. 79 и 83, A. C. 539.

⁵ Cod. Justin., кн. I, мф. IV. C. 26.

⁶ Nov. 81.

⁷ Nov. 123, гл. 7.

⁸ Gieseler. Lehrbuch der Kirchengeschichte, I, 602.

перед гражданской властью слабое, подчиненное, худшее сравнительно с тем, чем оно было в прежней империи.

Два современных свидетельства не позволят вам усомниться в этом.

В половине VI века франки отправили посольство в Константинополь. Итальянское духовенство написало франкским послам, чтобы дать им полезные, по его мнению, сведения о Восточной империи:

«Греческие епископы, — говорит оно, — обладают большими и богатыми церквами и не терпят, когда у них хоть на два месяца отымается управление духовным ведомством, поэтому, применяясь к желанию государей, они соглашались беспрекословно на все, что от них потребуют»⁹.

А вот документ, говорящий еще убедительнее. Восточный император Маврикий* (582–602) запретил всем, кто занимал гражданские должности, делаться клириком или вступать в монастырь; он послал это постановление в Рим, папе Григорию Великому*, чтобы тот распространил его на Западе. Рим был тогда связан с греческой империей лишь весьма слабою нитью; Григорию нечего было уже опасаться императора; он был горяч и горд, а указ Маврикия ему не нравился; он захотел выказать свое неудовольствие, даже попытаться, пожалуй, оказать сопротивление; он так оканчивает свое письмо:

«Я, который так говорю своим государям: «Кто я, как не прах и не червь земной?» Тем не менее так как я убежден, что это постановление направлено против Бога, Создателя всех вещей, то не могу скрыть того от моих государей; и вот Христос ответит на него, сказав вам через меня, последнего из рабов своих и ваших: «Я сделал тебя из секретарей начальником стражи, из начальников стражи императором, и не только что императором, но еще и отцом императора; Я препоручил священников моих в твою руку, а ты берешь воинов своих из моей службы». Скажи, пожалуйста, рабу твоему, благочестивейший государь, что ответишь ты в день суда Господу, когда Он придет и скажет тебе это?

Что до меня, то, подчиняясь твоему велению, я разослал этот закон в различные края земли и сказал моим светлейшим государям в этом листке, в котором я излагаю свои размышления, что этот закон направлен против всемогущего Бога; таким образом я исполнил свою обязанность по отношению к обеим сторонам, оказал повиновение Кесарю и не умолчал о том, что показалось мне противным Богу»¹⁰.

Без сомнения, для такого человека, при таком положении и с такою целью, тон этого письма отличается удивительной кротостью и смирением. Несколько веков спустя Григорий заговорил бы совсем иначе с самым близким и могущественным государем*. Говорит он так в данном случае только вследствие привычного под-

⁹ *Mansi. Conc. IX, 253.*

¹⁰ *Greg. Max. Epist. III, 65, императору Маврикию.*

чинения и зависимости церкви от Восточных императоров, посреди непрерывного расширения ее преимуществ.

Западная церковь, после вторжения и при варварских королях, представляет иное зрелище. Ее новые государи нисколько не вмешиваются в ее догматы; они предоставляют ей в делах веры действовать и управлять собою по своему желанию. Точно так же они нисколько не вступают в дисциплину в собственном смысле, в отношении клириков между собою. Во всем же, что касается отношений гражданского и религиозного обществ, во всем, что может интересовать светскую власть, церковь теряет свою независимость и привилегии; она менее свободна, и с ней хуже обращаются, нежели при римских императорах.

1. Вы видели, что до падения империи епископы избирались духовенством и народом. Император вмешивался только в редких случаях, когда дело касалось значительных городов. Не то было в Галлии после утверждения варварских монархий. Церкви были богаты; варварские короли пользуются ими как средством вознаграждения своих служителей и собственного обогащения. В тысяче случаев они прямо назначают епископов. Церковь протестует, требует выборной системы, но не всегда успешно: многие епископы удерживаются на кафедрах, на которые их самовольно поместили короли. Тем не менее факт не переходит в право, а продолжает считаться злоупотреблением. Сами короли часто признают это. Церковь мало-помалу снова приобретает выборную систему, но уступает в свою очередь: она соглашается, что после избрания необходимо утверждение короля. Поэтому епископ, который прежде занимал свою кафедру тотчас после посвящения митрополитом, теперь получает ее только с согласия короля. Таков уже не только факт, а закон духовный и гражданский.

«Никому не должно быть дозволено, — постановляет в 549 году Орлеанский собор, — приобретать епископство за деньги, но да будет с согласия короля посвящен митрополитом и его суфраганами* тот, кого выбрали духовенство и народ».

«Когда умрет епископ, — говорит Хлотарь II в 615 году, — пусть тот, кто должен быть поставлен на его место митрополитом и его суфраганами, будет выбран духовенством и народом и поставлен по приказу государя».

Борьба между выбором и назначением часто повторяется, но во всех случаях признается необходимость утверждения.

2. Как и во время Римской империи, соборы могут быть созваны не иначе как с согласия государя, и он угрожает епископам, когда те пытаются это обойти.

«Молва известила нас, — пишет в VII веке король Сигиберт Дезидерию, епископу Кагорскому, — что вас созвал епископ Вульфоледский держать собор в нашем королевстве 1 сентября... вместе с другими епископами вашей провинции... Хотя мы и желаем сохранить в силе каноны и церковные правила, как сохраняли их наши отцы, однако так как нас не предупредили о созыве этого собора, то мы

согласились вместе с нашими вельможами не допускать, чтобы этот собор состоялся против нашей воли в нашем государстве и чтобы какие-либо епископы нашего королевства сходились в будущие сентябрьские календы*. Впоследствии, если нам вовремя дадут знать о предмете собора, будь то дисциплина церковная, или благо государства, или другие какие дела, мы не помешаем ему собраться, с тем, однако, условием, чтобы нас заранее известили. Потому-то мы и пишем вам это письмо, чтобы запретить вам являться в то собрание прежде, нежели вы узнаете нашу волю».

Памятники и сами деяния тринадцати соборов, проходивших в VI и VII веках, прямо выражают, что они были созваны по повелению или происходили с согласия короля¹¹. И это согласие требовалось не только для созыва, но часто и для приведения в силу состоявшихся уже канонов.

Я, однако, не сомневаюсь, что в данном случае факт часто стоял в противоречии с признанным правом и что многие соборы, в особенности простые провинциальные, собирались и делали свое дело без всякого позволения.

3. Некоторые писатели думали¹², что независимость церкви должна была также страдать от учреждения, которое развилось у франков больше, нежели где-либо; я говорю о королевской капелле* и о клирике, который под названием «archicapellanus, abbas regii oratorii, apocrisiarius» управлял ею. Сначала на нем лежало только исполнение обязанностей культа внутри дворца; мало-помалу этот настоятель капеллы приобрел более значения и сделался, если выразиться языком нашего времени, чем-то вроде министра исповеданий всего королевства: думают, что все церковные дела совершались через его посредство и что через это королевская власть оказывала значительное влияние.

Такое влияние могло быть действительным при некоторых королях, например, при Карле Великом, но я сильно сомневаюсь, чтобы это учреждение имело силу вообще и само по себе; оно скорее должно было служить интересам церковной власти при короле, нежели интересам короля в самой церкви.

4. Гораздо действительнее ограничения, которым подверглись в ту пору церковные привилегии. Они были многочисленны и важны. Было, например, запре-

¹¹ 1-й Собор в Орлеане, 511 год.

2-й Собор в Орлеане, 533 год.

3-й Собор в Клермоне, 535 год.

4-й Собор в Орлеане, 549 год.

5-й Собор в Париже, 555 год.

6-й Собор в Туре, 567 год.

7-й Собор в Лионе, 575 год.

8-й Собор в Шалоне, 579 год.

9-й Собор в Маконе, 581 год.

10-й Собор в Валансе, 584 год.

11-й Собор в Вердене, год неизвестен.

12-й Собор в Париже, 615 год.

13-й Собор в Шалоне, 650 год.

¹² В частности, Планк в своей «Истории устройства христианской церкви» (на нем. языке), сочинении редкой учености и беспристрастия. См. Т. II. С. 149.

щено всем епископам рукополагать в священники свободного человека без согласия короля¹³. Духовные были изъяты из военной службы, и королям не хотелось, чтобы свободные люди могли на этом основании по произволу избавляться от нее. Поэтому церковь в ту эпоху наполнена рабами: она набирает в свои ряды преимущественно собственных своих рабов, крепостных и колонов своих владений, и это не самое маловажное из обстоятельств, содействовавших усилиям церкви в пользу улучшения быта крепостных. Многие духовные сами из него вышли и, помимо религиозных мотивов, зная близко его бедствия, сочувствовали тем, кто их нес.

В уголовном отношении духовные не добились на Западе той привилегии, которую на Востоке дал им Ираклий; судили их обыкновенные светские судьи. По гражданским делам духовенство пользовалось самосудом в тех только случаях, когда клирик тягался с клириком; если процесс велся между духовным и мирянином, последний не был принужден являться к епископу, напротив, он вызывал клирика к своим судьям. Что касается общественных повинностей, то некоторые церкви были освобождены от них, и число таких церквей увеличивалось с каждым днем, но общего иммунитета* не было. Если принять все в расчет, то непосредственно после завоевания в главных из своих отношений к светской власти духовенство Франкской Галлии является менее независимым и пользуется меньшим количеством привилегий, нежели прежде в Римской Галлии.

Но у него не было недостатка в средствах, чтобы со временем воротить эти преимущества или заручиться обширными вознаграждениями. Не ввязываясь в вопросы о догматах, то есть в управление интеллектуальной стороной церкви, варварские короли оставляли ей самый плодотворный источник власти. Она умела с избытком черпать в нем. На Востоке миряне принимали участие в богословии и пользовались долей доставляемого им влияния. На Западе одно духовенство обращалось к умам и одно обладало ими. Одно оно говорило с народом, собирало его вокруг известных идей, становившихся законами. Этим преимущественно оно завоевало снова власть и наверстало потери, понесенные от вторжения. К концу эпохи, которой мы занимаемся, это уже можно заметить: церковь очевидно оправляется от ударов, нанесенных ей беспорядками того времени и грубой жадностью варваров. Она заставляет признать и утвердить свое право убежища. Она приобретает над светскими судьями низшего разряда нечто вроде права надзора и проверки. Последствия подсудности ей всех грехов развиваются далее. Через завещания и браки она более и более проникает в гражданское общество. Духовные судьи присоединяются к светским всякий раз, когда в деле участвует клирик. Наконец, присутствие епископов около королей, в собраниях вельмож, в иерархии землевладельцев обеспечивает им могущественное участие во всем политическом строе, и

¹³ Орлеанский собор 511 года, канон 6.

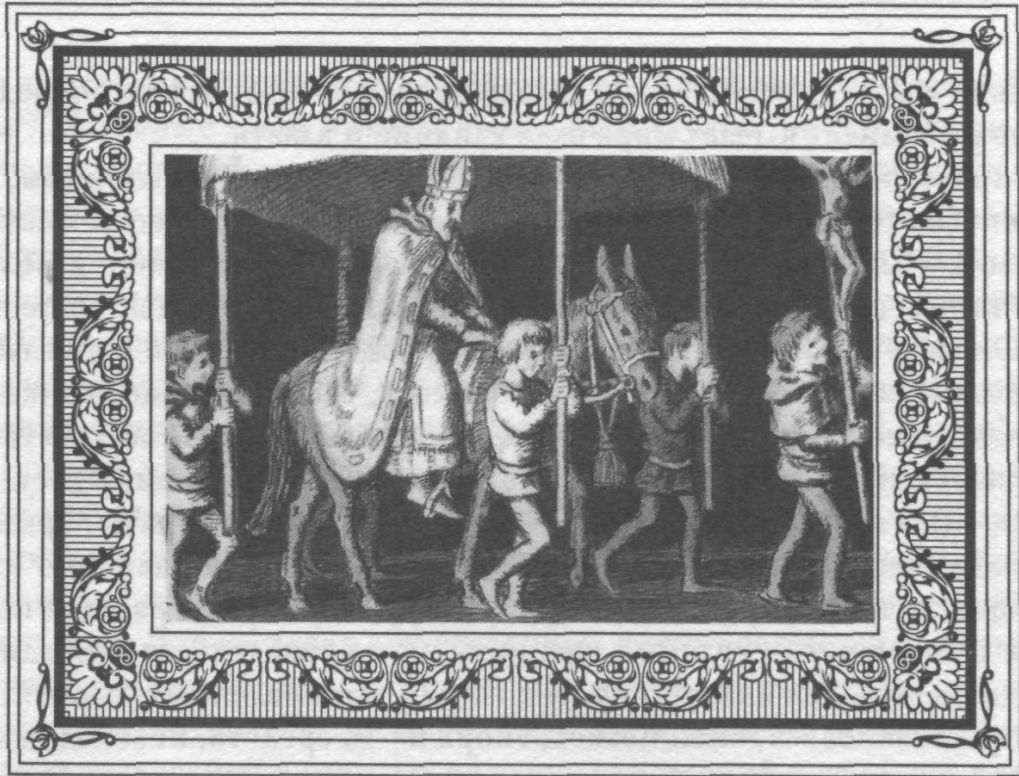

если светский государь вступает в дела церкви, церковь, в свою очередь, все более и более расширяет в делах мира свое влияние и власть.

Таков, милостивые государи, преобладающий характер эпохи в том, что касается взаимного отношения гражданского и религиозного обществ. Светская и духовная власть сближаются, соприкасаются, все более вступают в область друг друга. До вторжения, когда империя еще держалась, хотя два общества уже и сплетались между собою, однако разделение между ними было еще глубоко. Независимость церкви в том, что прямо ее касалось, была довольно велика, а в светских делах, хотя ее влияние было сильно, она оказывала прямое действие только на муниципальный строй внутри городов. Для общего управления государством у императора была заведенная машина — свои советы, магистраты, армия; одним словом, политический строй был полный и правильный, независимо от религиозного общества и его управления. После вторжения, среди разлада политического строя и всеобщего смятения, границы двух правительств исчезли; оба они жили изо дня в день без принципов, без твердо установленных условий, встречаясь повсюду, сталкиваясь, смешиваясь, споря из-за средств, необходимых для деятельности, сражаясь и входя в соглашения случайно и впотьмах. Эта беспорядочная совместность существования светской и духовной власти, это странное сплетение их прав, эти взаимные захваты, вся эта хаотическая путаница церкви и государства, которая играла такую роль в нашей истории и породила столько событий и теорий, относится по происхождению своему к этой эпохе; она была выдающейся чертою ее.

В следующий раз мы займемся внутренней организацией церкви и переменами, происшедшими в ней за то же время.

ЛЕКЦИЯ XIII

Об организации и внутреннем состоянии галло-франкской церкви от VI до VIII века. — Характеристические черты состояния церкви в V веке. Что случилось с ними после вторжения. — Исключительное преобладание духовенства в религиозном обществе продолжается. — Факты, видоизменяющие его: 1) отделение рукоположения от постриженья, недуховные клирики; 2) патронат мирян над церквами, которые они основали; 3) моельни или частные капеллы; 4) церковные адвокаты. — Картина внутренней организации церкви. — Приходы и их священники. — Протоиереи и архидиаконы. — Епископы. — Митрополиты. — Попытка установить на Западе патриархат. — Преобладание и деспотизм епископата. — Борьба приходских священников с епископами. — Епископы одерживают верх. Деспотическая власть развращает их. — Падение белого духовенства. — Необходимость реформы.

Милостивые государи! Вы знаете, каковы были во Франкской Галлии, с VI по VIII век, отношения церкви к государству и главные видоизменения их.

Рассмотрим сегодня собственную и внутреннюю организацию церкви за то же время; она любопытна, и судьба ее исполнена превратностей.

Религиозное общество, как вы помните, может быть устроено согласно двум главным системам. При одной из них верующие, миряне, подобно духовным, участвуют в управлении; религиозное общество не находится под исключительным господством общества духовного. По другой системе, власть принадлежит одному духовенству; миряне чужды ей: духовное общество управляет религиозным.

Раз установив это коренное различие, мы признали, что в каждой из двух главных систем могут затем развиваться чрезвычайно различные формы организации: там, например, где религиозное общество само управляет собою, оно может: 1) образовать одно тело, так что все местные церкви будут соединены в единую общую церковь, под руководством одного или нескольких собраний, в которых будут участвовать духовные и миряне; 2) может совершенно не существовать общей и единой церкви, а каждая частная община, каждая местная церковь будет сама управлять собою; 3) может не быть духовенства в собственном смысле, людей, обладающих постоянной духовной властью, а сами миряне будут справлять религиозные обязанности. Эти три вида организации приведены в исполнение пресвитерианами, индепендентами и квакерами.

Если духовенство господствует нераздельно, если религиозное общество подчинено церковному, оно может иметь монархическое, аристократическое и демократическое устройство, управляться папою, епископами или собраниями разных между собою священников. Примеры этих форм организации одинаково встречаются в истории.

В гальской церкви в V веке уже получили преобладание два таких принципа: 1) отделение религиозного общества от церковного, духовенства от народа совершилось; одно духовенство управляло церковью, но его господство несколько смягчалось кое-какими остатками вмешательства верующих при выборе епископов; 2) среди духовенства одерживала верх аристократическая система; епископская власть господствовала одна, причем ее господство также смягчалось, с одной стороны, вмешательством простых клириков в выбор епископов, с другой — деятельностью соборов, которые были источником свободы в церкви, несмотря на то, что епископы одни заседали в них.

Таковы были в момент вторжения преобладающие факты, характеристические черты гальской церкви. Что случилось с ними после вторжения? Продолжали они существовать или исчезли? Какие видоизменения претерпели они от VI до VIII века? Таковы вопросы, которые должны нас занять сегодня.

I. Прежде всего, не может быть сомнения, что удержалось отделение духовенства от народа, исключительное преобладание духовных над мирянами. Непосред-

ственно после завоевания оно как будто поколебалось на минуту; в общей опасности духовенство сблизилось с народом. Этот факт прямо нигде не записан и не виден, но он замечается, он чувствуется везде: когда мы пробегаем памятники той эпохи, нас поражает какая-то новая близость между священниками и верными — последние, так сказать, живут в церквях; в тысячи случаев епископ их собирает, говорит с ними, советуется. Важность времени, общность убеждений и участи заставляют правительство стать посреди населения: оно поддерживает власть, которая ему покровительствует, и, поддерживая ее, принимает в ней участие.

Этот результат существовал недолго. Вы помните, какой главной причине я приписал исключительное господство духовенства над народом: оно, как мне казалось, проистекало из того, что народ стоял гораздо ниже духовенства по уместному развитию, по энергии, по влиянию. Этот факт не изменился после завоевания, а скорее обозначился еще резче. Бедствия того времени низвели массу галло-римского населения на еще более низкую ступень. С другой стороны, священники, раз победители переменили веру, не чувствовали более необходимости в тесном сближении с побежденными, поэтому народ потерял то временное значение, которое он, казалось, приобрел. Оно не досталось варварам: они были неспособны присоединиться к управлению церковью, нимало не желали этого, и скоро короли стали единственными мирянами, принимавшими в нем участие.

Тем не менее многие факты противоборствовали этому обособлению духовного общества среди общества религиозного и давали мирянам влияние взамен власти.

1) Первый из этих фактов, на который, по моему мнению, слишком мало обратили внимания, хотя он долго имел важные последствия, — отделение рукоположения от пострижения. До VI века пострижение совершалось в момент вступления в духовный чин, поэтому на него смотрели как на знак рукоположения, *signum ordinis*. С VI века постригают и без вступления в чин духовный; вместо того чтобы быть *signum ordinis*, его называют *signum destinationis ad ordinem* — знаком предначертания в духовный чин. До тех пор церковный принцип был таков: «*Tonsura ipse est ordo*» («пострижение само есть духовный чин»). Принцип удерживается, но его объясняют: пострижение есть духовный чин только в самом широком смысле и как бы лишь приготовление к божественной службе¹. Одним словом, все доказывает, что с этих пор пострижение и рукоположение раздельны и что многие постригались без вступления в духовный чин, становились клириками, но не духовными².

Они хотели участвовать в преимуществах церкви, и церковь открывала им ряды свои, как открывала свои храмы изгоям. Она выигрывала здесь тем, что уве-

¹ *Largo sensu vocabuli, et prout quadam dispositio ad divinum officium.*

² Планк говорит даже, что часто постригали детей, и ссылается на 6-й канон 10-го Толедского собора 656 года, который запрещает постригать десятилетних. Но тут кое-что перепутано. Тут

личивала свой кредит и свои силы; но религиозное общество, со своей стороны, приобретало возможность влиять на церковное общество; получившие простое пострижение не разделяли вполне ни интересов, ни корпоративного духа, ни жизни духовенства в собственном смысле; они в известной степени сохраняли привычки, убеждения светского населения и проводили их в церкви. Этот класс людей, более многочисленный, нежели обыкновенно думают, играл в истории Средних веков важную роль. Связанный с церковью, но не принадлежа ей, пользуясь ее привилегиями, но не попадая под иго ее интересов и нравов, покровительствуемый, но не поработанный, он в своих недрах развил тот дух свободы, пробуждение которого мы будем наблюдать в конце XI века и лучшим выразителем которого был Абельяр. Начиная с VII века этот класс смягчил разделение духовенства и народа, бывшее преобладающей чертой эпохи, и помешал ему принести все свои плоды.

2) Другой факт содействовал тому же результату. С тех пор как христианство стало могущественным, распространился обычай строить церкви и наделять их вкладами. Строитель пользовался в церкви, которая обязана была ему существованием, привилегиями, сначала чисто почетными: его имя вписывалось внутри церкви, за него молились, ему предоставляли некоторое влияние на выбор священников, обязанных совершать божественную службу. Случалось, что епископы хотели строить церкви и за пределами своей епархии, в своем родном городе, в каком-нибудь поместье или по какому-либо другому случаю. За ними без колебаний было признано право назначать священников в эти церкви; несколько соборов позаботилось об установлении правильного порядка при пользовании этим правом, а также и в отношениях между епископом-основателем и тем, в чьей епархии находилась церковь.

«Если епископ, — говорит Оранжевый собор, — захочет построить церковь в округе какого-нибудь города, в интересах ли своих владений, или для пользы церкви, или для какой-нибудь другой надобности, пусть он, исходатайствовав на это разрешение, в котором ему нельзя неосужденно отказать, не вмешивается уже в посвящение (храма тому или иному празднику или святому); оно вполне принадлежит епископу области, где находится новая церковь. Но епископу-основателю будет предоставлено в виде милости то, что территориальный епископ должен рукополагать тех клириков, которых первый захочет иметь в основанной им церкви; и если они уже рукоположены, то вышеназванный областной епископ примет их»³.

идет речь только о детях, воспитанных в монастырях; пострижение обрекало их на монашескую жизнь. Этот факт ни в чем не похож на тот, которым мы занимаемся и в подтверждение которого ссылается на него Планк (История устройства христианской церкви, II, 78, примеч. 8) — *Labbe. Conc. 1, VI, col. 463.*

³ Оранжевый собор 441 года, гл. 10.

Этот патронат духовных скоро повлек за собою такого же рода патронат светских людей. Миряне все чаще и чаще основывали церкви. При этом условия и формы были различные; иногда основатель оставлял за собою часть доходов, которыми наделял свою церковь; доходило до того, что он выговаривал себе часть приношений и имуществ, которые могли достаться церкви иным путем; так что церкви основывали и наделяли иногда из спекуляции, в виде предприятия, чтобы рискнуть на шансы их счастья и участвовать в их будущем благосостоянии. Соборы приняли меры против таких злоупотреблений, но признали и осветили право основателей, как духовных, так и мирян, влиять на выбор священников.

«Движимые благочестивым состраданием, — говорят испанские епископы на соборе в Толедо, — мы решили, что пока будут живы основатели церквей, им будет позволено заботиться о них, и что, в особенности, они должны быть внимательны в представлении достойных настоятелей для этих храмов: если они дадут не таких, то богослужению будут посвящены те, кого сочтет угодными Богу местный епископ, и, с согласия основателей, они будут предстоять их церкви. Если же епископ поставит кого-либо наперекор основателям, это постановление не будет иметь силы, и он принужден будет, к стыду своему, поставить на то же место достойных лиц, избранных основателями»⁴.

На этом основании, следовательно, миряне оказывали некоторое влияние на церковь и принимали долю участия в управлении ею.

3) В то же самое время и по мере того, как исподволь укреплялся общественный строй, среди крупных землевладельцев, в деревнях и городах, возникал обычай устраивать у себя дома молельню, каплицу, и держать священника, который бы совершал в ней богослужение; эти капелланы стали скоро предметом сильных опасений со стороны епископов. Они стояли гораздо более в зависимости от светского вельможи, нежели от соседнего епископа; они должны были проникнуться духом дома, в котором жили, и более или менее отделиться от церкви. Кроме того, для могущественных светских людей это было средством получать помощь религии и исполнять ее обязанности, не завися вполне от епархиального епископа. Оттого мы видим, что соборы того времени заботливо следят за этим вышедшим из рядов, рассеянным в светском обществе духовенством, со стороны которого они опасаются то раболепства, то независимости:

«Если кто-либо, — постановляет Агдский собор, — захочет иметь на своих землях молельню, помимо приходской церкви, где находится обыкновенное и законное собрание верующих, то мы позволяем и признаем полезным, чтобы он в обыкновенные праздники заказывал там обедню для удобства своих; но Пасху,

⁴ Толедский собор 655 года, гл. 2. Я буду часто ссылаться на испанские соборы, потому что они подробнее и яснее высказывали факты, случавшиеся также и в Галлии.

Рождество, Богоявление, Вознесение, Троицын день, рождение Иоанна Предтечи и другие дни, считающиеся великими праздниками, следует чествовать только в городах и приходах. Духовные, которые без позволения епископа будут служить обедню или присутствовать в молебнях в вышеназванные праздники, будут изъяты от общения с церковью»⁵.

«Если приходские церкви, — говорит Оранжевый собор, — устроены в домах сильных людей, а духовные, которые предостоят им, предупрежденные архиdiaконом города, пренебрегут, полагаясь на могущество хозяина дома, исполнением того, чем они, по чину священника, обязаны перед домом Господним, то да подвергнутся исправлению по духовной дисциплине. Если же вышеназванным духовным помешают в исполнении какой-либо обязанности агенты вельмож или сами вельможи, то да будут виновники этого нечестия отрешены от святых обрядов до тех пор, пока, раскаявшись, не возвратятся в мир с церковью»⁶.

«Многие из наших братьев и епископов, — говорит также Шалонский собор, — жаловались святейшему собору по поводу молебен, которые с давней поры построены в домах вельмож. Собственники этих домов оспаривают у епископов имущество, данное этим молебням, и даже не терпят, чтобы предстоящие им клирики находились в подсудности у архиdiaкона; необходимо исправить это: пусть же будут имущества этих молебен и предстоящие им клирики во власти епископа, чтобы он мог исполнять свои обязанности по отношению к таким молебням и к богослужению; если же кто будет противиться тому, да будет он проклят по точному смыслу древних канонов»⁷.

Не без причины смотрели епископы, в интересе своей власти, так недоверчиво на это домовое духовенство: в новейшее время мы встречаем пример, обнаруживающий нам все последствия такого учреждения. В Англии, в царствование Карла I, до революции и во время борьбы англиканской церкви с пуританской партией, епископы прогнали с мест всех духовных, подозреваемых в пуританизме. Что же вышло? Дворяне, крупные землевладельцы, державшиеся этих мнений, взяли к себе, в качестве капелланов, изгнанных священников. Значительная часть подозреваемого епископами духовенства стала, таким образом, под покровительство светского общества и оказала на него страшное для официального духовенства влияние. Тщетно преследовала англиканская церковь противников своих даже в недрах семейств: когда тирания вынуждена проникать так глубоко, она быстро обессиливается и стремится на свою верную гибель. Мелкое дворянство и крупная буржуазия Англии защищали своих капелланов с самой настойчивой энергией: их прятали, передавали из дома в дом; епископские анафемы об-

⁵ Агдский собор 506 года, гл. 21.

⁶ Орлеанский собор 541 года, гл. 26.

⁷ Шалонский собор 650 года, гл. 17.

ходили или сопротивлялись им. Напрасно хитрили и притесняли епископы; они перестали быть единственным, необходимым духовенством; население скрывало в недрах своих духовенство чуждое и все более и более враждебное законной церкви. От VI до VIII века не было подобной опасности; епископам нечего было бояться ни раскола, ни восстания. Тем не менее учреждение капелланов приводило к подобному же исходу: оно стремилось создать небольшое духовенство, менее связанное с церковной корпорацией, более близкое к светским людям, более расположенное разделять их нравы, идти заодно с временем и народом. Поэтому епископы не переставали внимательно наблюдать за капелланами и стесняли их. Им, однако, не удавалось искоренить их, они даже не посмели попытаться сделать это: развитие феодального строя дало этому учреждению прочность, недостававшую ему сначала; и это опять-таки было одним из тех путей, какими в управлении религиозным обществом миряне вернули себе влияние, в котором отказывал им легальный и внешний строй духовенства.

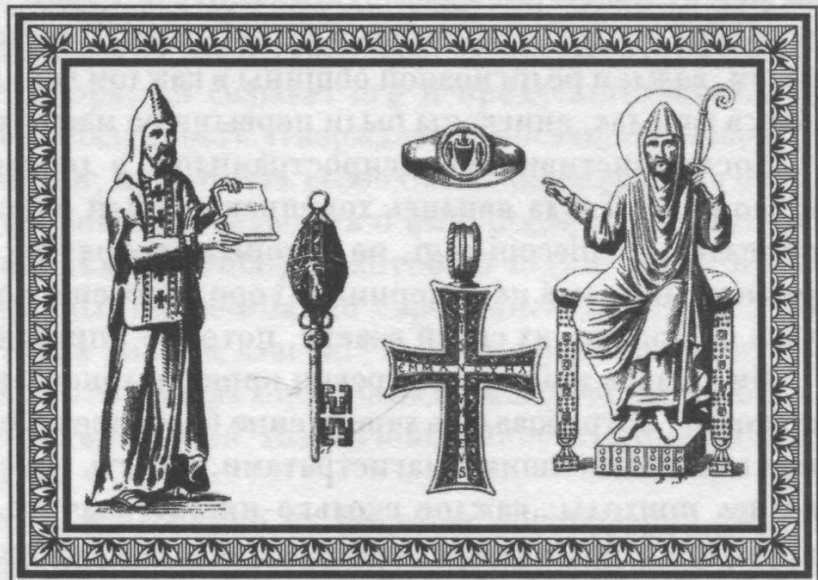
4) Сами епископы были принуждены открыть им еще другую дорогу. Управление светскими делами и имуществом церквей было для них часто источником затруднений и опасностей; они не только должны были вести споры и процессы, но, в страшном беспорядке того времени, имущества церковные терпели непрерывные опустошения, втягивались, подвергаясь всем случайностям, в бездну ссор и частных войн; а когда надо было защищаться, когда церкви приходилось из-за своих имений или прав отражать разбой, выдерживать какое-нибудь судебное испытание, иной раз судебный поединок, не всегда достаточно было благочестивых угроз, увещаний, даже проклятий; светского же, мирского оружия у нее не было. Она прибегла, чтобы доставить его себе, к уловке. Давно уже в некоторых церквах, особенно в Африке, существовал обычай выбирать защитников, которые, под названием «causidici, tutores, vice-domini», брали на себя обязанность являться вместо них в суды и покровительствовать им «adversus potentiam divitum» (против могущества богатых). Подобная же, но гораздо более настоятельная необходимость заставила церкви Франкской Галлии искать среди своих светских соседей патрона, который бы под именем адвоката вступался за их дело и был их представителем не только в судебных прениях, но и в случае угрожающих им разбоев. Адвокаты церкви*, в период с VI по VIII век, являются еще не с таким развитием и не в таких формах, какие они приобрели впоследствии в феодальном строе; еще не различаются «advocati sagati», или «вооруженные», от «advocati togati», на которых лежат одни гражданские дела. Но учреждение тем не менее пользуется действительным значением и влиянием; множество церквей выбирают себе адвокатов; они стараются заполучить людей сильных и храбрых; сами короли иногда дают адвокатов церквам, у которых их нет еще, и таким образом миряне призваны участвовать в светском управлении церковью и оказывать на дела ее довольно значительное влияние.

Обыкновенно церкви обращались за помощью к сильному соседу и вознаграждали его за это, предоставляя ему некоторые привилегии, в особенности — пользование каким-нибудь поместьем.

Вот уже четыре открытые двери, если можно так выразиться, которыми религиозное общество может войти в общество духовное и приобрести в нем некоторую власть: отделение рукоположения от пострижения, то есть введение в церковь большого числа клириков не духовных; права, присвоенные основателям и патронам церквей, учреждение частных молелен; наконец, вмешательство адвокатов в управление светскими интересами церкви. Таковы главные причины, противоборствовавшие в эпоху, нас занимающую, исключительному господству церковного общества над религиозным, смягчавшие или замедлявшие его действия. Я мог бы указать еще несколько, но обхожу их потому, что они были менее общи и очевидны. Легко было заранее предположить подобный факт: отделение управляющих от управляемых не могло быть так полно, как дают повод думать официальные церковные учреждения этой эпохи. Если бы дело было так, если бы совокупность верных была до такой степени отчуждена от корпорации священников и лишена всякого влияния на правительство, то правительство, в свою очередь, скоро обособилось бы от своего народа и потеряло бы всякую власть. Не следует думать, что существует полное рабство везде, где встречаются формы или даже принципы тирании. Провидение не позволяет, чтобы зло развивалось во всей строгости своих последствий; и человеческая природа, часто слабая, так легко побеждаемая всяким, кто захочет притеснять ее, обладает, однако, бесконечными уловками и чудесной силою, чтобы отделаться от ига, которому она как будто подчиняется. Без сомнения, с VI по VIII век религиозное общество несло иго общества церковного, и отделение духовенства от народа, источник стольких зол, должно было со временем горько отозваться на обоих, но оно было менее полно, нежели казалось; оно существовало только при множестве ограничений и видоизменений, которые одни делали его возможным и одни могут объяснить его.

II. Проникнем теперь в недра самого духовного общества и посмотрим, что случилось в

*Одежда и атрибуты
церковной власти VII–IX веков*

промежуток от VI до VIII века с его внутренней организацией, в особенности с преобладанием епископства, которое в V веке было его отличительной чертой.

Организация духовенства уже завершилась в эту эпоху и была почти такою, по крайней мере в своих основных формах, какою она осталась до нового времени. Поэтому я могу представить ее вам в совокупности, и вы тогда лучше уследите за переменами в частностях.

Духовенство заключало в себе два ряда степеней — низшие и высшие. Первых было четыре: священосцы, ключари, отчитывальщики и лекторы или чтецы. Высшими степенями называли иподиаконов, диаконов и священников. Неравенство было глубокое: четыре младшие степени сохранились только по имени, из уважения к древним преданьям; хотя их и причисляли к духовенству, однако в действительности они не принадлежали к нему; им не налагали, даже не советовали, безбрачия; на них смотрели более как на слуг, нежели как на членов духовенства. Поэтому когда говорят о духовенстве, то речь идет об одних высших степенях.

Даже среди высших степеней влияние двух первых, иподиаконов и диаконов, было слабое; диаконы более занимались администрацией церковных имений и распределением милостыни, нежели собственно религиозным управлением. На деле же управление сосредоточивалось в руках священников; ни младшие степени, ни другие две высшие не принимали действительного участия в нем.

Корпорация священников подверглась в течение шести первых веков многочисленным и важным изменениям. По моему мнению, за первоначальный и основной элемент ее следует принимать епископа — не потому, что этим словом всегда обозначались одни и те же обязанности, одни и те же права; епископская власть II века значительно отличалась от епископской власти VI века; тем не менее она служит исходной точкой организации духовенства. Епископ был первоначально надзирателем, вождем религиозной общины в каждом городе. Христианская церковь родилась в городах, епископы были первыми ее магистратами (сановниками).

Когда христианство распространилось в деревнях, муниципального епископа стало мало. Тогда явились хореепископы или епископы сельские, переезжие или объездные, *episcopi vagi*, на которых смотрят то как на заместителей, то как на равных, даже как на соперников городских епископов; последние стараются сначала подчинить их своей власти, потом — упразднить их.

Им удалось это; когда деревни приняли христианство, хореепископов стало недостаточно: потребовалось учреждение более твердое, правильное, менее оспариваемое влиятельнейшими магистратами, то есть епископами городов. Тогда образовались приходы; каждое сколько-нибудь значительное скопище христиан стало приходом и получило религиозного вождя в священнике, естественно, подчиненном епископу соседнего города, от которого он получал и держал все свои права, потому что приходские священники первоначально действовали, по-видимому, только как представители, как наместники епископов, а не в силу собственного права.

Собрание всех приходов, расположенных вокруг города, до неопределенной и долгое время изменчивой границы, составило епархию.

По истечении некоторого времени, чтобы внести в отношения епархиального духовенства больше правильности и единства, образовали из нескольких приходов небольшой союз, известный под названием деревенского капитула, или благочиния, а во главе его был поставлен протоиерей. Позже несколько деревенских капитулов были соединены в новое деление, названное округом и находившееся под управлением архидиакона. Последнее учреждение едва зарождалось в эпоху, о которой мы говорим: правда, гораздо раньше встречаются в епархиях архидиаконы, но всегда лишь по одному, и притом он не стоит во главе территориальной округи; живя в епископской резиденции, около епископа, он заменяет его как в исполнении его юрисдикции, так и для посещения епархии. Только в конце VII или даже в начале VIII века появилось в епархиях по несколько архидиаконов, живущих вдали от епископов и поставленных во главе округов. Во Франкской Галлии встречается в то же время и несколько хорепископов, но имя их и достоинство быстро исчезли.

Тогда этим окончательно завершилась епархиальная организация. Вы видите, что епископ был ее источником и остался ее центром. Он сам сильно изменился, но почти все остальные перемены совершились около него и под его влиянием.

Все епархии, заключавшиеся в гражданской провинции, составляли духовную провинцию, находившуюся под управлением митрополита или архиепископа, то есть епископа провинциальной митрополии. Достоинство митрополита было просто выражением этого факта. Гражданская митрополия была обыкновенно богаче, населеннее других провинциальных городов; епископ ее имел больше влияния; вокруг него собирались во всех важных случаях; его резиденция сделалась местом провинциального собора; он созывал его и председательствовал в нем. Кроме того, на нем лежала обязанность утверждать и посвящать новоизбранных епископов своей провинции, принимать возводимые на епископов обвинения и апелляции от их приговоров и докладывать о них, после предварительного рассмотрения, провинциальному собору, который один имел право действительно судить их. Митрополиты постоянно стремились завладеть этим правом и присоединить его к своей личной власти. Часто это удавалось им; но, собственно говоря, и во всех важных случаях оно принадлежало одному провинциальному собору; на митрополитах лежала только обязанность наблюдать за приведением его в исполнение.

Наконец, в некоторых странах, и особенно на Востоке, организация церкви развивалась дальше митрополитов. Как приходы соединились в епархии, епархии в провинции, так старались соединить провинции в национальные церкви под управлением патриарха. Предприятие удалось в Сирии, Палестине, Египте, в Восточной империи; были патриархи в Антиохии, Иерусалиме, Александрии, Кон-

стантинополе; он, по отношению к митрополитам, был тем же, чем митрополиты по отношению к епископам, и духовная организация на всех ступенях иерархии пришла в соответствие с организацией политической.

То же самое попытались провести на Западе; и не одни только римские епископы, которые очень рано стремятся стать патриархами Запада, но и другие, независимо от их притязаний и даже наперекор им. Нет почти ни одного из государств, образовавшихся после завоевания, которое не попыталось бы, от VI до VIII века, создать свою национальную церковь и доставить себе патриарха. В Испании Толедский митрополит, в Англии — Кентерберийский, во Франкской Галлии архиепископы Арльский, Вьеннский, Лионский носили титул примаса или патриарха Галлии, Великобритании, Испании и пытались пользоваться его правами. Но подобные попытки не удались нигде: западные государства только что рождались; их границы, правительство, само существование находились под вопросом. В особенности Галлия была разделена между несколькими народами, а в каждом народе — между сыновьями королей; епископы какого-нибудь одного королевства не хотели признавать власть примаса-чужестранца; гражданское правительство также противилось этому. К тому же римский епископ, который уже приобрел значительное влияние даже там, где не было признано его официальное преобладание, с жаром боролся против установления патриаршеств; он содействовал притязаниям то Вьеннского, то Арльского митрополита, позднее — Лионского, еще позднее — Сансского; и при этой изменчивости религиозного и гражданского строя учреждение не могло приобрести ни силы, ни прочности.

Те же причины, которые вызвали его неудачу, распространили свое влияние далее: подобно тому, как они помешали патриарху достигнуть преобладания, так точно они ослабили архиепископство. От VI до VIII века митрополиты падали все ниже и ниже, так что при вступлении на престол династии Каролингов⁶ их уже почти не существовало. Одно уже раздробление Галлии на различные государства должно было быть пагубно для них. Деяния религиозного общества не совпадали больше с деяниями общества гражданского. К провинции Лионского митрополита, например, принадлежали епископы, зависевшие от королевств Вестготского и Франкского и поспешно хватавшиеся за это средство, чтобы отделаться от его власти, причем они были вполне уверены, что их поддержат в этом случае их государи. Притом вы помните, что преобладание митрополитов вытекало из преобладания городов, где они жили, и из их прежнего значения как митрополии. Между тем в перевороте вторжения изменилась относительная важность городов; богатые, значительные города, настоящие митрополии, обеднели средствами и народонаселением. Другие, менее обиженные судьбой, сохранили больше силы и влияния. Таким образом, исчезла причина, сделавшая того или другого епископа митрополитом, и слово это стало пустым названием — великая опасность для власти, которую оно обозначало. Наконец, сама природа учреждения была такова, что

на него должны были нападать одновременно и епископы, которым не мог нравиться вышестоящий начальник — митрополит, и римский епископ, который не хотел иметь соперников. Так и случилось в действительности. Епископам было гораздо приятнее иметь общим митрополитом римского епископа, отдаленного от них и старавшегося всегда относиться к ним снисходительно, потому что он не достиг еще господства над ними. Имея перед собою, таким образом, двух врагов, подвергаясь нападению сверху и снизу, митрополиты с каждым днем более и более падали; епископы перестали слушаться их приказаний и советов, верующие — прибегать к их вмешательству, и когда в 744 году* Пипин Короткий обратился к папе Захарии за советом относительно средств для восстановления порядка во взволнованной церкви, один из первых вопросов касался того, как сделать, чтобы епископы и приходские священники почитали митрополитов.

Действительно, в то время управление церковью находилось в руках епископов и священников: они одни были ее деятельными и могущественными членами. Каковы были их отношения и как распределена была между ними власть?

Факт общий, очевидный — исключительное и, можно сказать, деспотическое господство епископов. Постараемся найти частные причины его: это лучшее средство хорошо ознакомиться с состоянием Церкви.

1) Прежде всего, падение митрополитов оставило епископов совершенно или почти без начальников. Вместе с главою духовной провинции пал провинциальный собор, который им созывался и где он председательствовал. Эти собрания, истинные начальники епископов, принимавшие апелляции от их приговоров, занимавшиеся всеми делами, которые не могли быть разрешены ими одними, стали реже и менее деятельны. В течение VI века в Галлии было пятьдесят четыре собора, в VII веке только двадцать и лишь семь в первую половину VIII века⁸, да и то пять из них проходили в Бельгии и на берегах Рейна.

⁸ См. следующие таблицы.

ТАБЛИЦА СОБОРОВ В ГАЛЛИИ В VI ВЕКЕ

Год	Место	Присутствующие на соборе
506	Агд	25 епископов, 8 священников, 2 диакона за своих епископов
507	Тулуза	
511	Орлеан	32 епископа
515	Сен-Морис	4 епископа, 8 графов
516	Лион	
517	Неизвестно	16 епископов
517	Эпон (Epaonense)	25 епископов
517	Лион	11 епископов
524	Арль	14 епископов, 4 священника

Таким образом, епископы, при отсутствии начальствующих над ними лиц и собраний им равных, стали почти независимы. К тому же изменилась система епископских выборов. Вы видели, что избрание духовенством и народом, хотя и установленное законом и еще часто встречающееся в эпоху, которою мы занимаемся, было все-таки гораздо менее надежно и действительно, нежели прежде. Чуждая сила, королевская власть, постоянно вмешивалась, внося беспорядок и

529	Карпантрас	19 епископов
529	Оранж	14 епископов, 8 <i>viri illustres</i> (именитых мужей)
529	Валанс	
529	Везон	11 или 12 епископов
530	Анжер	5 епископов
533	Орлеан	26 епископов, 6 священников
535	Клермон	15 епископов
538	Орлеан	19 епископов, 7 священников
540	Орлеан	
541	Орлеан	38 епископов, 11 священников, 1 аббат
545	Арль	
549	Орлеан	50 епископов, 21 священник, диакон и аббат
549	Арль	10 епископов
550	Туль	
550	Мец	
554	Арль	10 епископов, 8 священников, диаконов и аббатов
555	В Бретани, место неизвестно	
555	Париж	27 епископов
557	Париж	16 епископов
563	Сент	
567	Лион	8 епископов, 5 священников, 1 диакон
567	Тур	7 епископов
573	Париж	32 епископа, 1 священник
575	Лион	
577	Париж	
578	Оссер	Епископ Оссерский, 7 аббатов, 34 священника, 3 диакона, все из оссерской епархии
579	Шалон	
579	Сент	
580	Брен	
581	Лион	
581	Макон	21 епископ
583	Лион	8 епископов, 12 делегатов от епископов
584	Валанс	
585	Макон	43 епископа, 15 делегатов, 16 епископов без кафедр
587	Андело	

обнаруживая бессилие: короли беспрестанно назначали епископов прямо, несмотря на постоянные протесты церкви, и во всех случаях избранному необходимо было их утверждение. Связи, соединявшие епископов со священниками, были, таким образом, значительно ослаблены, духовенство влияло на епископа почти исключительно лишь через выбор, а это влияние было если не уничтожено, то, по крайней мере, ослаблено и подвержено спору.

588	Клермон	
588	Неизвестно	
589	Сурси	
	около Суассона	
589	Шалон	
589	Нарбонн	7 епископов
590	На границах	
	Оверни, Руэрга	
	и Жеводана	
590	Суатье	
590	Мец	6 епископов
591	Нантерр	
594	Шалон	

ТАБЛИЦА СОБОРОВ В ГАЛЛИИ В VII ВЕКЕ

Год	Место	Присутствующие на соборе
603	Шалон	
615	Париж	
Немн. позже	Неизвестно	
625	Реймс	41 епископ
627	Макон	
628	Клиши	Епископы и светские вельможи
633	Клиши	16 епископов, Дагоберт, вельможи
638	Париж	9 епископов, Дагоберт, вельможи
648	Бурж	
650		
или 645	Орлеан	
650	Шалон	38 епископов, 5 аббатов, 1 архидиакон
658	Нант	
664	Париж	25 епископов
669	Клиши	Епископы и вельможи
670	Санс	30 епископов
670	Отен	
679	Неизвестно	

2) Отсюда произошло другое обстоятельство, которое еще более отделило епископов от их священников. Избирая первых, духовенство брало их из своей же среды, отыскивало людей уже известных и пользующихся доверием в епархии. Когда, напротив, множество епископов стало получать сан свой от короля, большая часть их оказалась чужеземцами, неизвестными, не обладавшими ни привязанностью, ни доверием духовенства, которым они должны были управлять. Даже когда их брали из самой епархии, они часто не имели авторитета; то были проныры, успевшие позорными средствами достигнуть предпочтения со стороны короля. Так разрывались связи епископов со священниками, так епископская власть, которую не держала более в узде никакая другая власть, освобождалась от влияния своего народа, и, подобно тому, как духовенство отделилось от светского населения, епископат отделился от духовенства.

3) Мало того: само духовенство падало; оно не только теряло свою силу, но понижалось и в положении и, так сказать, в качестве. Вы видели, что в церковь вступало в это время большое число рабов и почему это так было. Епископы скоро заметили, что составленное таким образом духовенство лишено корней и силы, что гораздо легче им управлять и одолеть его, вздумай оно сопротивляться. Поэтому они во многих епархиях старались пополнять ряды духовенства все из одного источника, стали сами помогать естественному ходу вещей, и это низкое происхождение множества священников долго содействовало верховенству епископов.

4) Есть еще четвертая, более сильная и распространенная причина. Епископы были единственными администраторами церковных имуществ. Имущества эти были двух родов: с одной стороны, недвижимые, с каждым днем более значительные, потому что в этой форме совершалась большая часть пожертвований

684

или 685 Во дворце короля

688 Там же

692

или 682 Руан 16 епископов, 4 аббата, 1 легат, 3 архидиакона,
много священников и диаконов

ТАБЛИЦА СОБОРОВ В ГАЛЛИИ ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ VIII ВЕКА

Год	Место	Присутствующие на соборе
719	Маастрихт	
742	В Германии	
743	Лентин	
744	Суассон	23 епископа, много священников и вельмож
745	В Германии	
748	Там же	
752	Вермери	

церквам; с другой — дары, приносимые верующими в сами церкви. Скажу мимоходом о третьем виде доходов духовенства, который играл впоследствии видную роль, но в VII веке еще не был установлен; я разумею десятину⁹. Начиная с первых веков духовенство стремится восстановить или распространить это еврейское учреждение; оно проповедует о нем, восхваляет его, напоминает иудейские нравы и предания. Два галльских собора в VI веке, Турский 567 года и Маконский 585 года, делают его предметом формальных распоряжений. Но по самому тону их видно, что эти распоряжения скорее увещания, нежели законы.

«Настоятельно припоминаем вам, — пишет верующим Турский собор, — чтобы вы, следуя предписаниям Авраама, не забывали отдавать Богу десятину вашего имущества, да сохраните вы за то остальное»⁹.

Эти увещания мало действовали. Позднее, уже при Каролингах, духовенство с помощью светской власти достигло своей цели и сделало десятину всеобщей и правильной. В эпоху, которой мы занимаемся, недвижимые имущества и подарки были его единственными доходами. Не думайте, милостивые государи, чтобы эти доходы принадлежали частной церкви, приходу, где был его источник: продукты всех имений, всех даров, полученных в епархии, составляли общую массу, которая находилась в распоряжении одного епископа:

«Поместья, земли, виноградники, невольники, «ресуиум» (скопленный духовенством капитал), данные приходом, — говорит Орлеанский собор, — остаются во власти епископа»¹⁰.

Обязанный заботиться о богослужебных расходах и о содержании священников во всей епархии, епископ определял долю, следующую каждому приходу. Правда, очень рано установились известные правила в этом отношении; доходы у известного прихода делились обыкновенно на три части: треть шла клирикам, которые предстояли ему, другая треть на издержки по богослужению, последняя доставалась епископу. Но несмотря на это предписание закона, часто напоминаемое в канонах, централизация доходов духовенства не прекращалась; общая администрация принадлежала епископу, и легко предугадать значение этого средства для его власти.

5) Он распоряжался лицами почти так же, как и вещами, и свобода приходских священников была ограждена не лучше их доходов. Принцип закрепощения к земле, если можно так выразиться, появился в церкви; в деяниях соборов мы читаем: «В законе о полевых колонах сказано, что каждый должен оставаться там, где он начал жить. Канонические правила предписывают одинаково, чтобы клирики обрабатывали поле церкви там, где начали это делать»¹¹.

⁹ Labbe, t. v., col. 868.

¹⁰ Орлеанский собор 611 года, гл. 14, 15.

¹¹ Севильский собор 618 года, гл. 3.

«Никакой епископ не должен возвышать в степень чужого клирика»¹². «Пусть никто не рукополагает клирика, который предварительно не обещал оставаться на месте, куда его назначат»¹³.

Никогда не устанавливалась более открыто власть над лицами.

6) Успехи политического значения епископов обратились в пользу и их религиозному господству. Они имели доступ в национальные сеймы*, окружали королей и служили им советниками. Как могли бы бедные священники успешно бороться против таких владык? Притом неразбериха того времени и необходимость поддерживать какую-нибудь общую связь, какое-нибудь единство в церковном управлении были так велики, что сам ход вещей, заодно с человеческими страстями, содействовал усилению центральной власти. Деспотизм епископской аристократии одержал верх вследствие тех же причин, которые даровали победу аристократии феодальной; такова была, может быть, в то время общая и преобладающая потребность, единственное средство поддержать гражданское и религиозное общество.

Но к чести и спасению человеческой природы надо сказать, что даже неизбежное зло никогда не совершается без сопротивления и что свобода, протестуя против необходимости и сопротивляясь ей, приготовливает освобождение в тот самый момент, когда подчиняется игу. Епископы удивительно злоупотребляли своей громадной властью: священники и доходы епархий сделались жертвой насилий и вымогательств всякого рода: деяния соборов, составленных из одних епископов, являются в этом отношении неопровержимым доказательством.

«Мы узнали, — говорит Толедский собор, — что епископы обращаются со своими приходами жестоко, не по-епископски; и тогда как написано: «Не распоряжайтесь, как хозяева, наследием Господним, а будьте примером стаду», они удручают свои епархии тратами и вымогательствами. Поэтому да будет отказано епископам во всем, что они себе присвоили, за исключением того, что предоставляют им древние правила; пусть клирики, как приходские, так и епархиальные, которых будут истязать епископы, жалуются митрополиту, а митрополит не замедлит положить конец таким неподобиям»¹⁴.

«Лица, уже получившие духовную степень, то есть священники, — говорит Брагский собор, — не должны подвергаться побоям иначе, как в случае великих и смертных грехов. Неприлично, чтобы каждый епископ, по своему произволу и благоусмотрению, колотил и подвергал мучениям своих честных членов, потому что он потеряет этим уважение тех, кто ему подчинен»¹⁵.

¹² Анжерский собор 453 года, гл. 9.

¹³ Валанский собор 524 года, гл. 6.

¹⁴ Толедский собор 589 года, гл. 20.

¹⁵ Брагский собор 675 года, гл. 7.

Клирики не потеряли всякого уважения к епископам, но не подчинились также и всей их тирании. Важный и слишком мало замеченный факт обнаруживается там и сям в течение этой эпохи: борьба приходских священников с епископами. Три главных симптома, занесенных в соборные деяния, не позволяют сомневаться в нем.

1) Приходские священники, низшие клирики вступают в союз между собою, чтобы сопротивляться; они образуют против своего епископа стачки или заговоры, подобные тем стачкам, тем коммунам, какие впоследствии составляли против своих господ горожане:

«Если какие-нибудь клирики, как случалось уже во многих местах, по наущению дьявола, возмутьившись против власти, соединятся в стачку, подкрепят ее между собою клятвами или дадут друг другу записи, да не останется такая дерзость скрытою ни под каким видом, и, когда это сделается известным и сойдется собор, да накажут епископы виновных, смотря по чину и положению лиц»¹⁶.

«Если клирики, чтобы возмутиться, соединятся в стачку клятвенно или письменно и будут коварно строить козни своим епископам, и если после предупреждения оставить такие дела они не заблагорассудят повиноваться, да будут они совершенно лишены сана»¹⁷.

2) Священники постоянно прибегают против своего епископа к поддержке мирян, вероятно — патрона прихода или какого-нибудь другого сильного человека, с которым они в сношениях: «да не восстают клирики против своих епископов с помощью сильных мира сего»¹⁸. Таково постоянно повторяемое предписание соборов.

3) Но, повторяя это предписание, запрещая стачки священников, соборы сами пытаются исправить чем-нибудь зло: со всех сторон до них доходят жалобы, и они считают себя обязанными принимать их во внимание. Несколько мест, взятых из их деяний, скажут в этом отношении более всяких комментарий.

«Поелику до нас дошли жалобы на то, что некоторые епископы присваивают себе дарованные иными верующими приходом вещи, так что оставляют церквам, которым они даны, очень мало или почти ничего, то нам показалось справедливым и разумным, чтобы, если церковь города, где пребывает епископ, так хорошо снабжена всем, что у нее по милости Божией нет ни в чем недостатка, все остающееся приходом было распределено между предстоящими им клириками или употреблено на поправление их церквей. Если же епископу приходится делать много трат и доходов у него слишком мало, то пусть приходом побогаче будет оставлено необходимое как для клириков, так и для поддержки строений, а епископ пусть употребляет излишек на себя, чтобы покрыть свои расходы»¹⁹.

¹⁶ Орлеанский собор 528 года, гл. 21.

¹⁷ Реймский собор 625 года, гл. 2. См. также Нарбоннский собор 589 года, гл. 5.

¹⁸ Клермонский собор 535 года, гл. 4.

¹⁹ Карпантрасский собор 527 года.

«Если сделаны какие-нибудь пожертвования базиликам²⁰, устроенным в городах, землями или движимым имуществом или какими бы то ни было вещами, то пусть они будут в распоряжении епископа, и он властен употребить, что нужно, на починку базилики или на содержание предстоящих ей клириков. Что же касается до имущества приходов или базилик, устроенных в слободах (бургах), зависящих от городов, то пусть там соблюдают местный обычай»²⁰.

«Решено, что ни один епископ при объезде своей епархии не будет получать от каждой церкви ничего более, помимо того, что ему следует в знак почета его кафедре; он не будет брать трети пожертвований народа в пользу приходских церквей, но треть эта останется на церковные лампы и на починки; и каждый год будет отдаваться в том отчет епископу. Потому что если епископ возьмет эту треть, то отнимет у церкви ее лампы и поддержку ее кровли»²¹.

«Корысть — корень всех пороков, и эта преступная алчность овладевает даже сердцами епископов. Многие верующие, из любви ко Христу и св. мученикам, воздвигают базилики в приходах епископов и наделяют их пожертвованиями; но епископы захватывают их и присваивают себе. Из этого выходит, что клирики терпят недостаток при совершении святых служб, потому что не получают своих окладов. Базилики, пришедшие в упадок, не поправляются, потому что жадность священников отняла у них все средства. Поэтому настоящий собор повелевает, чтобы епископы управляли своими епархиями, не получая за это ничего, кроме того, что им следует по древним уставам, то есть трети приходских пожертвований и доходов; если же они возьмут что-нибудь сверх того, то собор должен заставить возратить это по требованию основателей церквей или их родственников. Основатели базилик должны, однако, знать, что они не сохраняют никакой власти над имуществом, которое дарят вышеупомянутым храмам, и что, по каноническим правилам, пожертвования в пользу церкви также находятся под юрисдикцией епископов, как и самая церковь»²².

«Между вопросами, которые нам следует решить сообща, в особенности необходимо также удовлетворить жалобам приходских священников области Галисии: предметом их — хищничество епископов, и необходимость вынудила, наконец, подвергнуть это дело гласному обсуждению. В самом деле, эти епископы, как очевидно показало следствие, обременяют свои приходские церкви вымогательствами; и в то время как они сами живут в излишестве и богатстве, доказано, что они довели некоторые базилики почти до разрушения. Чтобы подобные злоупотребления не повторялись, мы приказываем, чтобы, согласно постановлениям собора в Браге, каждый из епископов этой провинции получал ежегодно от каждой из

²⁰ Орлеанский собор 538 года, гл. 5.

²¹ Брасский собор 527 года, гл. 2.

²² Толедский собор 633 года, гл. 33.

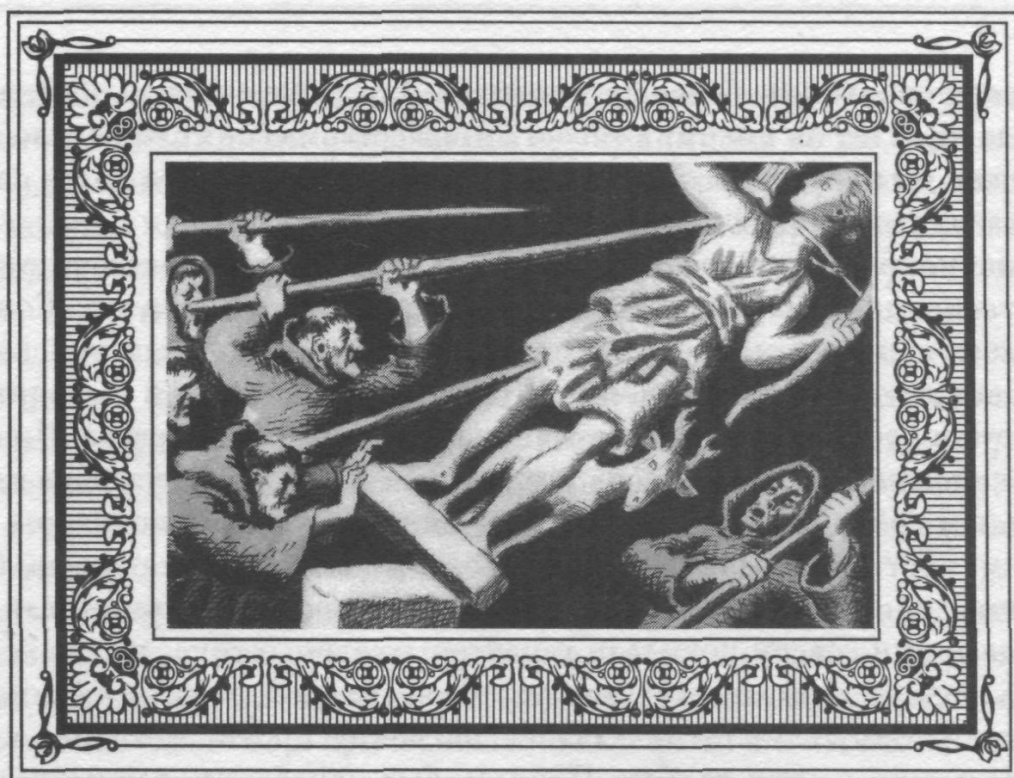

базилик своей епархии не более двух солидов. Когда же епископ объезжает свою епархию, да не будет он никому в тягость множеством своих слуг; число его повозок не должно быть более пяти, и сам он не должен оставаться более одного дня в каждой базилике»²³.

Вот, конечно, более, чем сколько нужно, для того, чтобы доказать существование и притеснения, и сопротивление, и злота, и попытки помочь ему. Сопротивление оказалось напрасным, средство недейственным, деспотизм епископов продолжал развиваться. Поэтому в начале VIII века церковь впала в состояние, почти столь же неупорядоченное, как и состояние гражданского общества. Ни выше, ни ниже епископов не было никакой на них угрозы; свободные от надзора как митрополитов, так и соборов, и от влияния священников, многие епископы предавались самым постыдным беззакониям. Хозяева все возрастающего богатства церкви, зачисленные в ряды крупных землевладельцев, они принимали их интересы и нравы; они совсем покидали характер духовного лица, чтобы вести светский образ жизни, держали охотничьих собак, соколов, ходили с толпой вооруженных слуг, сами отправлялись на войну против соседей, в походы, имевшие целью насилие и грабеж. Перелом был неизбежен; все подготавливало и заявляло необходимость преобразования. Вы увидите, что гражданская власть действительно попыталась пойти на это после воцарения Каролингов. Но сама церковь содержала в себе зародыш реформы: рядом с белым духовенством развился новый разряд духовенства, управляемый другими принципами, одушевленный новым духом, и предназначенный, по-видимому, предупредить разложение, грозившее церкви. Я подразумеваю монахов. Их история от VI до VIII века будет предметом следующей лекции.

²³ Толедский собор 646 года, гл. 4.

ЛЕКЦИЯ XIV

История черного духовенства, или монахов, от IV до VIII века. — Монахи сначала были мирянами.

Важность этого факта. — Происхождение и постепенное развитие монашеской жизни на Востоке. — Первые правила. — Важное значение монахов на Западе. Их здесь плохо принимают. —

Первые успехи их. — Различие между восточными и западными монастырями. — Мнение св. Иеронима о заблуждениях монашеской жизни. — Общие причины ее распространения. —

О состоянии монахов на Западе в V веке. Их могущество и разрозненность. — Св. Бенедикт. Его жизнь. — Он основывает монастырь на Монте-Кассино. — Анализ и оценка его устава. —

Он распространяется по всему Западу и управляет почти всеми монастырями.

Милостивые государи!

С тех пор, как мы снова занялись историей религиозного общества во Франкской Галлии, мы рассмотрели: 1) общий, господствующий факт, который характеризовал церковь от IV до VIII века, то есть ее единство; 2) ее отношения к государству; 3) ее внутреннюю организацию, взаимное отношение управляющих и управляемых, и устройство правительства, то есть духовенства.

Мы заметили, что около середины VIII века правительство церкви, духовенство пришло в крайнюю сумятицу и упадок. Мы предчувствовали необходимость перелома, преобразования: я показал, что принцип реформы существовал в самом духовенстве; я назвал черное духовенство, монахов. Их историей в ту эпоху мы должны сегодня заняться.

Эти слова — «черное духовенство» — обманчивы. Слыша их, можно подумать, что монахи были всегда духовными, что они всегда были нераздельной частью духовенства. Такова, действительно, общая идея, какую себе о них составили и применяют безразлично, не обращая внимания на время, место, на последовательные изменения и учреждения. Мало того, что на монахов смотрят как на духовных, — в них готовы видеть наиболее духовных из всех, если можно так выразиться, наиболее отделенных от света, наиболее чуждых его интересам и нравам. Таково, если я не ошибаюсь, впечатление, естественно возникающее в умах при одном их имени.

Это впечатление совершенно ложное, милостивые государи: при первом своем начале и по крайней мере в течение двух веков монахи не были духовными; это были просто миряне, без сомнения, собранные религиозным верованием, из религиозного убеждения и решимости, но чуждые, повторяю опять, духовному обществу, духовенству в собственном смысле.

Учреждение было не только таково при своем происхождении, но этот первоначальный характер, который обыкновенно упускают из виду, повлиял на всю его историю и один объясняет ее превратности.

Я уже имел случай¹ сказать несколько слов об учреждении монастырей на Западе, особенно в Южной Галлии. Сегодня я прослежу факты с более раннего времени и буду рассматривать их развитие подробнее.

Монашество* возникло, как известно, на Востоке. Оно имело там первоначально совершенно не ту форму, какую приняло впоследствии и в какой ум привык его представлять себе. С самой первой эпохи христианства некоторые люди, восторженные более других, налагали на себя необычайные жертвы и строгости. Этот факт не был христианским нововведением, а состоял в связи не только с общим стремлением человеческой природы, но и с религиозными нравами всего Восто-

¹ См. IV лекцию.

ка, а также с известными иудейскими преданьями. Аскеты (так называли этих благочестивых энтузиастов, от ασκησις — упражнение, аскетическая жизнь) — первая ступень монашества. Они еще не отделялись от гражданского общества, еще не бежали в пустыню; они обрекали себя только на пост, молчание, на всевозможные строгости, в особенности на безбрачие.

Скоро они вышли из света, отправились жить вдали от людей, в совершенном одиночестве, среди лесов, в глубине Фиваиды*. Аскеты стали пустынножителями, отшельниками. Это вторая ступень монашеской жизни.

По прошествии некоторого времени и вследствие причин, не оставивших за собой следа, уступая, может быть, притягательной силе какого-нибудь знаменитого отшельника, св. Антония* например, или, может быть, просто утомленные полным уединением, пустынники сблизилась между собой, построили свои хижины друг возле друга и, продолжая жить каждый в своей, занимались вместе религиозными упражнениями и начали образовывать настоящую общину. Тогда-то они, кажется, и получили название монахов. Потом они ступили еще шаг. Вместо того чтобы оставаться в отдельных хижинах, они собрались под одну крышу, в одном здании; ассоциация стала теснее, общение в жизни полнее. Они стали киновитами (общинниками). Это четвертая ступень монашества; оно достигло этим своей окончательной формы, той самой, к которой должны прилагаться все дальнейшие фазисы его развития.

Почти в то же время замечается возникновение для общинничества, для монастырей, известной установленной дисциплины, письменных правил, определявших образ жизни этих маленьких обществ, обязанности их членов. Из этих первоначальных правил восточных монахов самые знаменитые принадлежат св. Антонию, св. Макарию*, св. Илариону*, св. Пахомию*. Ни одно из них не отличается полнотою и подробностями; в них встречаются частные, случайные предписания, но нет притязания господствовать над всей жизнью и управлять ею. Это более наставления, нежели учреждения, более обычаи, нежели законы. Аскеты, пустынники и монахи различного рода продолжали существовать наряду с киновитами и во всей независимости их первоначального состояния.

Зрелище подобной жизни, такое соединение строгости и энтузиазма, самопожертвования и свободы сильно подействовали на воображение народов. Монахи размножались необычайно быстро и разнообразились до бесконечности.

Я не буду, конечно, входить в подробности всех форм, какие принимала в этом отношении экзальтация верующих, а укажу только на крайние, так сказать, грани того пути, которым она прошла. Между тем как под именем мессалиан* или оухита, многочисленные отряды фанатиков блуждали по Месопотамии, Армении и проч., насмехаясь над уставным культом, восхваляя одну не подчиненную правильности, непосредственную молитву, и предаваясь в городах, на площадях, всякого рода неподобствам, другие, чтобы совершенно отделиться от соприкос-

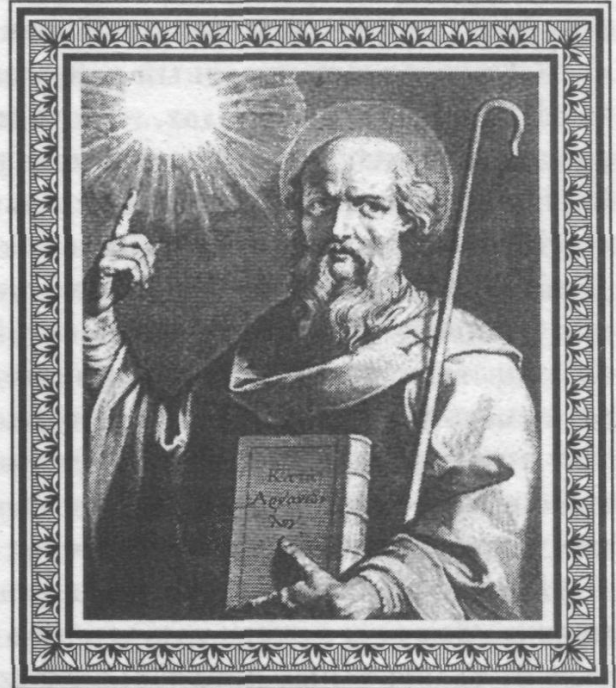

новения с людьми, по примеру св. Симеона Антиохийского*, поселялись наверху столба и, под именем столпников, посвящали жизнь свою этому странному уединению; и те, и другие не были лишены поклонников и подражателей².

Во второй половине IV века правило св. Василия* внесло некоторый порядок в новое учреждение. Составленное в форме ответов на некоторого рода вопросы³, оно скоро стало общераспространенным уставом всех восточных монастырей, по крайней мере тех, которые приняли хоть сколько-нибудь единообразную и постоянную форму. Так должно было обнаружиться влияние белого духовенства на монашескую жизнь, покровителями которой объявили себя самые знаменитые епископы: св. Афанасий*, св. Василий (Великий), св. Григорий Назианзин* и множество других. Тем не менее монастыри остались совершенно мирскими ассоциациями, чуждыми духовенству, его обязанностям и нравам. Для монахов не существовало ни рукоположения, ни духовных обетов. Их главными чертами были всегда религиозный энтузиазм и свобода; свободно вступали в ассоциацию, выходили из нее, выбирали местопребывание, род самоистязанья. Энтузиазм принимал ту форму и бросался на тот путь, которые ему нравились. Одним словом, у монахов не было ничего общего со священниками, кроме верований и почтения, внушаемого ими народу.

Таково было в последней половине IV века состояние монашества на Востоке. Приблизительно в это время оно было перенесено на Запад. Св. Афанасий, изгнанный со своей кафедры и удалившийся в Рим⁴, привел туда с собою несколько монахов и превозносил там их добродетели и славу. Эти рассказы и зрелище первых монахов или тех, кто последовал их примеру, были дурно приняты западным населением. Язычество было еще весьма сильно на Западе, особенно в Италии. Высшие классы, оставившие его верования, желали, по крайней мере, сохранить

*Св. Афанасий Великий.
По рисунку Ж.-Б. де Шампань*

² Столпники существовали на Востоке до XII века.

³ Оно содержит в себе 203 вопроса и столько же ответов.

⁴ В 341 году.

его нравы, и часть простого народа держалась еще его предрассудков. Монахи вначале были предметом презрения и гнева. На похоронах молодой римской монахини, Блезиллы, умершей, как говорили, вследствие чрезмерного поста в 384 году, народ кричал: «Когда же выгонят из города это ненавистное монашеское отродье? Отчего их не побивают камнями? Отчего не побросают их в реку?» Так передает народный ропот св. Иероним⁵.

«В африканских городах, — говорит Сальвиан, — и особенно в стенах Карфагена, как только показывался человек в плаще, бледный и с бритой головой, этот народ, столько же несчастный, сколько и верующий, не мог видеть его без того, чтобы не осыпать проклятиями и бранью; и если какой-нибудь служитель Господень, пришедший из египетских монастырей, или из святых мест Иерусалима, или из почтенного одиночества какой-нибудь пустыни, являлся в этот город для благочестивого дела, то народ преследовал его своими оскорблениями, ненавистным смехом и отвратительным посвистом»⁶.

Я в другом месте⁷ упоминал Рутилия Нуманциана, галльского поэта, долго жившего в Риме и оставившего нам по возвращении в отечество поэму; он говорит в ней, проходя мимо острова Горгоны:

«Я ненавижу эти скалы, место недавнего кораблекрушения. Там погиб один из моих сограждан, заживо сошедший в могилу. Он был когда-то из наших: происходя от благородных предков, он был счастлив благородным браком; но, побуждаемый фуриями, он покинул людей и богов, и теперь, легковерный изгнанник, он рад грязному убежищу. Несчастный, думает в нечистоте питаться небесными благами и мучит себя сам гораздо жесточе, нежели бы сделали это оскорбленные боги. Не пагубнее ли эта секта ядов Цирцей^{*}? Цирцея изменяла тела, теперь изменены умы»⁸.

Правда, Рутилий был язычник, но на Западе было их много, и все имели те же впечатления.

Тем не менее переворот, наводнивший весь Восток монахами, продолжал свое течение и на Запад, приводя повсюду к тем же результатам. Там также исчезло язычество, новые верования, новые нравы завоевали все общество, и, подобно тому, как на Востоке, монашеская жизнь скоро приобрела себе епископов в покровители, народ — в поклонники. Св. Амвросий в Милане, св. Мартин в Туре, св. Августин в Африке превозносили ее святость и сами основывали монастыри. Св. Августин дал монахиням своей епархии нечто вроде устава или правила, и скоро учреждение вошло в силу на всем Западе.

⁵ Письма Пауле, 22 (al. 25).

⁶ *Salvian. De gubernatione Dei*, VIII, 4.

⁷ IV лекция.

⁸ *Itiner.* I, 517 стих и сл.

Оно, однако, с самого начала приняло особенный характер, на который я уже имел случай указать: без сомнения, хотели подражать тому, что видели на Востоке, с интересом расспрашивали об обычаях, которым следуют в восточных монастырях; их описание было, как вы знаете, предметом двух сочинений, изданных в Марселе Кассианом⁹, и при учреждении многих из новых монастырей тщательно старались следовать ему. Но западный дух слишком отличался от восточного, чтобы не отметить их своим клеймом. Необходимость уединения, созерцательной жизни, резкого разрыва с гражданским обществом была источником и основной чертой восточных монахов, на Западе же, напротив, и в особенности в Южной Галлии, где были основаны в начале V века главные монастыри, первые монахи собрались, чтобы жить вместе с целью религиозного общения и назидания. Монастыри — Леренский, св. Виктора и многие другие — были преимущественно богословскими школами, очагами умственного движения; речь шла тут не об уединении и самоистязаниях, а о спорах и деятельности. Мало того, что это различие в положении и умственных наклонностях жителей Востока и Запада существовало действительно — сами современники замечали его и отдавали себе отчет в нем; и проникательные люди, работая над распространением монашества, говорили, что не следует рабски подражать Востоку, и объясняли причины этого. Относительно постов и строгостей, например, правила западных монастырей были обыкновенно менее требовательны: «Есть много, — говорил Сульпиций Север, — у греков признак чревоугодия, но совершенно естественно у галлов»⁹.

«Суровость зимы, — говорит также Кассиан, — не позволяет нам довольствоваться легкою обувью, накидкой без рукавов или одной рубашкой; и тот, кто явился бы одетый в небольшую ряску или в легкий плащ из козьей шерсти, насмешит, вместо того чтобы назидать»¹⁰.

Еще другая причина немало содействовала тому, что монашество получило на Западе новое направление. Оно действительно распространилось и установилось там только в V веке. А в это время восточные монастыри уже развились вполне, уже все несообразности аскетической экзальтации были показаны ими свету. Великие западные епископы, вожди церкви и умов в Европе, какова бы ни была их религиозная горячность, были поражены излишествами зарождающегося монашества, пороками, которые оно часто прикрывало. Никто на Западе не обладает большим религиозным энтузиазмом, более живым восточным воображением, более горячим характером, нежели св. Иероним. Он, однако, не ослеплял себя относительно ошибок и опасностей монашеской жизни, в той форме, как она являлась на Востоке. Позвольте мне прочесть вам некоторые из мест, выражающих

⁹ *Sulp. Sev. Dial. I, 8.*

¹⁰ *Cassianus. De instit. Coenob. I, II.*

его мысль по этому поводу; они принадлежат к числу самых интересных и наиболее поучительных документов эпохи.

«Есть монахи, — говорит он, — которые вследствие сырости келий, неумеренных постов, тоски уединения, чрезмерного чтения... впадают в меланхолию и более нуждаются в лекарствах Гиппократы, нежели в наших советах... Я видел лиц того и другого пола, у которых мозг потерпел ущерб от слишком большого воздержания — особенно среди тех, кто живет в холодных и сырых кельях; они не знали более, что делали, не знали, как вести себя, что говорить и о чем молчать»¹¹.

А в другом месте:

«Я видел людей, которые, отказавшись от света только по одежде и по имени, но не на деле, ничего не изменили в своем прежнем образе жизни. Их имущество скорее увеличилось, нежели уменьшилось. У них такие же ватаги рабов, такие же великолепные пиры; золото они едят* на плохих фаянсовых или глиняных тарелках и, находясь посреди целой стаи своих слуг, они велят, однако, называть себя отшельниками»¹².

«Беги также людей, которых ты видишь отягченных цепями, с козлиной бородой, в черном плаще, с голыми, несмотря на холод, ногами... Они входят в дома знатных, обманывают глупеньких женщин, полных греховности; всегда учатся и никогда не постигают познания истины; притворяются печальными и, предаваясь ради видимости долгим постам, ночью вознаграждают себя за них тайными ужинами»¹³.

Еще другое место:

«Со стыдом говорю я: из глубины своих келий мы осуждаем мир; валяясь в пепле и вретисе, мы произносим приговоры епископам. Что значит эта царская гордость под рубашкой кающегося?.. Тщеславие быстро прокрадывается в уединение. Этот человек немного попостился, никого не видал и считает себя уже человеком с весом, забывает, кто он, откуда пришел, куда идет; его сердце и язык блуждают повсюду. Вопреки воле апостола, он судит чужих слуг, протягивает руку туда, куда влечет его жадность, спит сколько хочет, не уважает никого, делает что хочет, считает всякого ниже себя, чаще живет в городе, нежели в келье, и прикидывается смиренным среди своей братии, между тем как на площадях беспрестанно толкает прохожих»¹⁴.

Таким образом, самый увлекающийся и восторженный из западных отцов не закрывал глаза ни на сумасбродства, ни на лицемерие и нестерпимую гордость, которые уже тогда порождала жизнь многих монахов; он характеризовал их со

¹¹ Св. Иероним, пис. 95 (al. 4) ad Rusticum; 97 (al. 8) ad Demetriadem.

¹² Св. Иероним, 95 (al. 4), ad Rusticum.

¹³ Св. Иероним, 18 (al. 22), ad Eustochium.

¹⁴ Св. Иероним, 15 (al. 74), ad Marcum.

свойственным ему гневным здравым смыслом, едким и страстным красноречием и изобличал громко, опасаясь, что зараза распространится.

Многие из знаменитых западных епископов, в частности св. Августин, были столь же прозорливы и писали в том же духе; поэтому они прилагали все старания, чтобы предупредить вокруг себя те бессмысленные извращения, в какие впадали восточные монахи. Но, заботясь об этом, указывая на сумасбродство и лицемерие, которым по очереди служила монашеская жизнь, они постоянно старались распространять ее. Это было у них средством вырвать у гражданского языческого общества, оставшегося на деле все тем же, несмотря на свое видимое обращение, часть мирян. Не вступая в духовенство, монахи шли тем же, как оно, путем, служили тому же влиянию; в покровительстве епископов у них не могло быть недостатка. Да если бы его даже и не было, то едва ли бы замедлились их успехи. Монашество обязано своим происхождением не какой-нибудь затее духовных лиц и даже не тому особенному движению и направлению, какое могло сообщить человеческому воображению христианство. Истинным источником его было состояние общества в ту эпоху. Оно было поражено тремя пороками: бездеятельностью, развращенностью и бедствием. Люди были не заняты, испорчены, удручаемы всевозможными бедами, потому-то многие из них и пошли в монахи. Трудолюбивый, честный или счастливый народ никогда не вступил бы на этот путь. Когда человеческая природа не может развиваться полно и гармонично, когда человек не может преследовать истинной цели своего существования, его развитие становится эксцентричным, и прежде, нежели согласиться на собственную погибель, он бросается в самые странные положения. Человечеству необходимо, если оно должно жить и действовать правильно, разумно, чтобы факты, среди которых оно живет и действует, были до известной степени правильны, разумны, чтобы его способности находили себе возможность для проявления, чтобы зрелище всеобщего разврата и падения не возмущало, не огорчало сильных душ, в которых не может замереть нравственность. Скука, отвращение от изнеженной порчи и потребность бежать от общественных бедствий — вот что гораздо более содействовало появлению восточных монахов, нежели характеристические особенности христианства и припадки религиозной восторженности. Те же обстоятельства существовали и на Западе; италийское, галльское, африканское общество, среди падения империи и опустошений варваров, было столь же несчастно, испорчено и бездеятельно, как общество Малой Азии и Египта. Истинные причины постоянного расширения монашеской жизни были, таким образом, одинаковы в обеих странах и должны были производить те же последствия.

Поэтому, несмотря на указанные мною различия, сходство было велико и советы самых знаменитых епископов не могли помешать извращениям монашеской жизни, которым предавались на Востоке, найти себе подражателей на За-

паде. В Галлии не было недостатка ни в отшельниках, ни в затворниках, ни в других благочестивых сумасбродах аскетической жизни. Св. Сенох, варвар по происхождению, удаляясь в окрестности Тура, велел запереть себя в четырех стенах, так близко отстоящих друг от друга, что не мог двинуться нижней частью своего тела, и в таком положении провел много лет, почитаемый окрестным людом. Затворники Калуппа в Оверни, Патрокль в Лангрокской области, Госпиций в Провансе не так удивительны; тем не менее и знаменитость, и строгость их образа жизни были очень велики¹⁵. Даже столпники нашли себе соперников на Западе, и рассказ, оставленный нам о них Григорием Турским, изображает нравы того времени с такою правдивостью и интересом, что я считаю необходимым прочесть вам его целиком. Григорий передает свой собственный разговор с Вульффилайхом — без сомнения, варваром, как это указывает его имя, который первый на Западе старался явиться соперником св. Симеона Антиохийского.

«Я отправился в Трирскую область, — говорит Вульффилайх Григорию, — построил там собственными руками, на этой горе, небольшое жилище, которое вы видите. Я нашел там идол Дианы, которому, как божеству, поклонялись местные жители, тогда еще не верующие. Я воздвиг тут столб и стоял на нем в великих страданиях, без всякой обуви, босой, а когда приходило зимнее время, меня так жгло суровым морозом, что часто от него падали ногти с моих ног, а ледяная вода висела с моей бороды в виде свечек, ведь эта страна известна тем, что в ней часто бывают чрезвычайно холодные зимы». Мы настоятельно просили его сказать нам, что он ел и пил и как ниспроверг идол на горе; он сказал нам: «Пищей мне служило немного хлеба и травы и небольшое количество воды. Но ко мне начало сбегаться много людей из соседних деревень. Я постоянно проповедовал им, что никакой Дианы не существует, что идол и прочие предметы, которым они думали поклоняться, просто ничтожество. Я повторял им также, что гимны, которые они обыкновенно пели среди своих оргий, недостойны божества и что гораздо лучше было бы чествовать своими хвалами всемогущего Бога, сотворившего небо и землю. Я также часто молил Господа, чтобы он удостоил меня разрушить идол и вырвать этот народ из заблуждения. Милосердие Господне смягчило эти грубые умы и расположило их, слушаясь слов моих, бросить своих идолов и следовать Господу. Я собрал некоторых из них, чтобы с их помощью ниспровергнуть этот громадный идол, который я не мог уничтожить своей собственной силою. Я уже разбил остальные идолы — это было легче сделать. Много собралось народа вокруг статуи Дианы; к ней при-

¹⁵ См. Григория Турского. I. С. 231, 232, 311 в моем «Собрании памятников, относящихся к истории Франции».

вязали веревки и начали тащить, но все усилия не в состоянии были поколебать ее. Тогда я отправился в базилику, пал на землю и со слезами молил божественное милосердие разрушить могуществом неба то, для ниспровержения чего мало было земного усилия. Помолвившись, я вышел из базилики и воротился к работникам; взялся за веревку, и мы снова начали тащить; с первого же раза идол пал на землю, после чего его разбили и обратили в пыль железными молотами... Я хотел воротиться к своей обычной жизни, но епископы, которые должны были бы подкреплять меня, явились и сказали: «Путь, избранный тобою, не прямой путь, и ты, недостойный, не можешь сравняться с Симеоном Антиохийским, который жил на своем столбе. Притом сама местность не позволяет вынести подобного страдания; спустись лучше и живи с братьями, которых ты собрал». При этих словах, чтобы не быть обвиненным в преступном непослушании епископам, я спустился, пошел с ними и обедал у них. Однажды епископ, вызвав меня подальше от деревни, послал туда работников с топорами, резцами и молотками и велел разрушить столб, на котором я обыкновенно стоял. Когда я воротился на другой день, то нашел все разрушенным; я горько плакал, но не захотел восстановить разрушенного из опасения, чтобы меня не стали обвинять, будто я иду против приказаний епископов; с тех пор я живу здесь и довольствуюсь пребыванием со своей братией»¹⁶.

Все замечательно в этом рассказе — и энергическое самоотвержение, и безумный энтузиазм отшельника, и здравый смысл, может быть, несколько ревнивых к нему епископов. Так же, как трирский епископ сдерживал сумасбродства столпников, св. Августин преследовал лицемерие, скитавшееся под прикрытием монашеского плаща:

«Хитрый враг людей, — говорил он, — повсюду рассеял лицемеров под именем иноков; они обходят такие области, куда их никто не посылал, блуждая туда и сюда, не водворяясь и не останавливаясь нигде. Они продают там и сям мощи святых, если это только подлинно святые, другие чванятся своими рясами и повязками»¹⁷.

Я мог бы сослаться на много других примеров, в которых запечатлелся тот двойкий факт — сходство и различие Востока и Запада. Среди этих столкновений, среди переходов от сумасбродства к мудрости, монашество продолжало преуспевать; число монахов все увеличивалось; они блуждали или утверждались на месте, волновали народ своими проповедями или назидали его зрелищем своей жизни. Со дня на день на них смотрели все с большим удивлением и почтением: устанавливалась мысль, что таково должно быть совершенство христианской

¹⁶ Григорий Турский. I, 440–444.

¹⁷ Св. Августин. De opere monachorum, гл. 28.

жизни. Их выставляли примером духовенству; некоторых уже прямо рукополагали в священники или даже в епископы; тем не менее это все еще были миряне, сохранявшие значительную свободу, не дававшие обетов, не вступавшие в религиозные обязательства, всегда отличные от духовенства, часто тщательно отделявшиеся от него.

«Существует древнее мнение Отцов церкви, — говорит Кассиан, — мнение и теперь остающееся в силе, что монах должен избегать всячески епископов и женщин, потому что ни те, ни другие не позволяют монаху, раз сблизившемуся с ними, мирно отдыхать в своей келье или не сводить глаз с чистого небесного учения, созерцая святое»¹⁸.

Столько свободы и могущества, такое сильное влияние на народ и такое отсутствие общих форм, правильной организации не преминули породить великих беспорядков. Необходимость положить им конец, собрать под общим управлением, под общей дисциплиной этих миссионеров, отшельников, затворников, киновитов, с каждым днем возрастающих в числе и не принадлежавших ни к народу, ни к духовенству, сильно давала себя знать.

Монограмма Теодориха

Около конца V века, в 480 году, родился в Италии, в Нурсии, городе Сполетанского герцогства, в богатом и влиятельном семействе человек, предназначенный к разрешению этой задачи: я говорю о св. Бенедикте. Двадцати лет отроду его послали учиться в Рим. Это было в эпоху падения империи и великих беспорядков в Италии. Герулы и остготы боролись из-за обладания ею; Теодорих отнял

ее у Одоакра; Рим постоянно брали и осаждали то одни, то другие. В 494 году Бенедикт, едва четырнадцатилетний отрок, вышел оттуда с Кириллой, своей кормилицей, а вскоре после этого мы находим его отшельником в Субиако, в римской Кампании. Совершенно неизвестно, зачем удалился туда ребенок, как он жил там, потому что повествует об этом только его легенда, а она на каждом шагу вставляет какое-нибудь нравственное чудо, а иногда и чудо в собственном смысле. Как бы то ни было, по прошествии некоторого времени жизнь, какую вел Бенедикт, его молодость, строгость к самому себе привлекли окрестных пастухов; он проповедовал им, и сила его слова, авторитет примера, все увеличивавшееся стечение слушателей скоро сделали его знаменитым. В 510 году соседние монахи, собравшиеся в Виковаро, захотели иметь его своим главой; сначала он отка-

¹⁸ Кассиан. De instit. Coenob., XI, 17.

звался, говоря монахам, что поведение их беспорядочно, что в их доме предаются всякого рода излишества, что он предпримет преобразование и подчинит их очень суровому правилу. Они все-таки настаивали на своем, и Бенедикт сделался аббатом в Виковаро.

Он действительно принялся с необходимой энергией за преобразование, и, как он предвидел, монахам скоро надоел преобразователь. Борьба между ним и ими дошла до того, что они пытались отравить его в Причастии. Он заметил это чудесным образом, как говорит легенда, покинул монастырь и возвратился в Субиако к отшельнической жизни.

Известность его широко распространилась; не одни пастухи, а всякого рода миряне, странствующие монахи собрались, чтобы жить около него; Эквиций и Тертулл, знатные римляне, послали ему своих сыновей Мавра и Плацидия: Мавру было двенадцать лет, Плацидий был совершенно еще ребенком. Бенедикт основал вокруг своей пещеры несколько монастырей. В 520 году их было, кажется, двенадцать, и каждый состоял их двенадцати монахов; тут начал Бенедикт испытывать применение идей и учреждений, которыми, по его мнению, должна была управляться монашеская жизнь.

Но дух сопротивления и зависти, который изгнал его из монастыря Виковаро, скоро обнаружился и в основанных им самим монастырях. Монах по имени Флоренций возбудил против него врагов, строил против него козни. Бенедикт рассердился, отрекся от борьбы во второй раз и, уведя с собою несколько учеников, и в том числе Мавра и Плацидия, укрылся в 528 году на рубеже Абрुцц и Терра-ди-Лаворо около Кассино. Он нашел там то же, что отшельник Вульфиллах, историю которого я вам прочел, нашел около Трира — еще живое язычество, храм и статую Аполлона на Монте-Кассино — холме, возвышающемся над городом. Бенедикт разрушил храм и статую, собрал новых учеников и основал новый монастырь.

В этом-то монастыре, где он оставался и господствовал до конца жизни, он, наконец, применил в целом и обнародовал свое «Правило жизни монашеской». Оно стало, как известно, общим почти и единственным законом западных монахов. Правилom св. Бенедикта было преобразовано и получило свою окончательную форму западное монашество. Остановимся же здесь и рассмотрим повнимательнее этот небольшой кодекс общества, которое играло в истории Европы такую важную роль.

Автор начинает с фактического изложения состояния западных монахов в то время, то есть в начале VI века.

«Известно всем, — говорит он, — что есть четыре вида монахов. Во-первых, киновиты, живущие в монастыре и воинствующие под управлением какого-нибудь правила или аббата. Второй вид — отшельники, то есть пустыnnики. Это те, кто не по благочестию, сродному новичкам, но наученные долгим

опытом монастырской жизни, уже навывкли, к великой пользе многих, бороться с дьяволом и, хорошо подготовленные, одни выходят из войска своих братьев на поединок... Третий вид монахов — сараваиты, не испытаны ни правилом, ни уроками жизни, как золото испытывается в печи, а скорее похожи на мягкую плитку свинца, остаются делами своими верны миру и лгут перед Богом своим постриженьем. Их встречают по двое, по трое, без пастыря, занимающихся не овцами Господа, а собственными стадами; законом им служит их вождение; что они думают и предпочитают, то и называют святым; а то, что им не нравится, они находят недозволенным. Четвертый вид — монахи, имеющие название гироваги (скитальники), которые всю жизнь свою обитают по три и по четыре дня в различных кельях разных областей, всегда блуждают и никогда не останавливаются на месте, повинуются сладострастию и распущенности своего чревоугодия и во всех отношениях еще хуже сараваитов. Лучше молчать, нежели говорить об их позорном образе жизни; поэтому, обходя их молчанием, будем с помощью Божией устраивать крепчайшую общину киновитов».

Теперь, после установления фактов, скажем, что правило св. Бенедикта разделяется на 73 главы, а именно:

9 глав относительно нравственных и общих обязанностей братьев;

13 — о религиозных обязанностях и службах;

29 — о дисциплине, проступках, наказаниях и т. д.;

10 — о внутреннем управлении и администрации;

12 — о различных предметах, например, о гостях, о путешествующих братьях и т. п.

Иначе говоря, тут: 1) девять глав нравственного кодекса; 2) тринадцать — религиозного; 3) двадцать девять — уголовного; 4) десять — политического; 5) двенадцать — по разным вопросам.

Возьмем каждый из этих небольших кодексов в отдельности, посмотрим, какие начала преобладают в них, какой был смысл и значение реформы, совершенной их автором.

1) Что касается нравственных и общих обязанностей монахов, то все правило св. Бенедикта основано на следующих пунктах — самоотвержение, послушание и труд. Некоторые из восточных монахов хотели, правда, ввести труд в свой образ жизни, но эта попытка никогда не была общей и последовательной. В этом заключался великий переворот, совершенный св. Бенедиктом в монашестве: он специально ввел в него физический труд, земледелие. Бенедиктинские монахи стали первопроходцами Европы; они возделали ее в крупных размерах, присоединяя земледелие к проповеди. Колония, рой монахов, сначала в небольшом числе, приходили в совершенно или почти неразработанную местность, часто среди языческого населения, в Германии, например, в Британии,

и там, миссионеры и земледельцы, они выполняли свою двойную задачу, часто с одинаковым трудом и опасностью. Вот как распределяет св. Бенедикт дневные обязанности в своих монастырях; вы увидите, что труд занимает в них значительное место:

«Праздность — враг души, поэтому братья должны в известные часы заниматься ручной работой, в другие — чтением священных книг. Нам кажется, что распределить это следует таким образом. С Пасхи до октябрьских календ^а они будут работать от первого часа почти до четвертого над тем, что следует; от четвертого и до шестого почти они займутся чтением. После шестого часа, вышедши из-за стола, они отдохнут без шума в постелях; если же кто хочет читать, пусть читает, но так, чтобы никому не мешать; служба девятого часа пусть совершается в половине восьмого. Затем пусть работают над тем, что нужно, до вечерни. Если же их вынудит к постоянной работе бедная местность, необходимость или (срочный) сбор плодов, они не должны огорчаться этим, потому что они истинно монахи, если живут трудом рук своих, как делали наши отцы и апостолы; но да будет все в меру, ввиду слабых.

От октябрьских календ до начала поста они должны заниматься чтением до второго часа; во втором часу пусть поют службу третьего часа, и пусть все работают над тем, что им будет приказано, до службы девятого часа. При первом ударе колокола все должны оставить дело и быть готовым к тому времени, когда ударят во второй раз. После обеда пусть они читают или поют псалмы.

В посту они должны читать с утра до третьего часа, а потом работать, смотря по приказанию, до десятого. В эти постные дни все получают из библиотеки книги, которые прочтут последовательно и целиком. Книги должны быть розданы в начале поста. Пусть в особенности выберут одного или двух старших, чтобы обходить монастырь в часы, когда братия занята чтением, и пусть они наблюдают, не найдут ли какого-нибудь нерадивого брата, занимающегося разговором, а не чтением, не только не приносящего пользы самому себе, но совращающего и других. Если найдется таковой, то ему надо дать раз или два выговор; буде он не исправится, то подлежит наказанию по правилу, в предупреждение другим. В воскресенье пусть все, кроме тех, кто выбран на известные обязанности, занимаются чтением. Если кто не радует или ленится так, что не хочет или не может ни размышлять, ни читать, пусть ему зададут работу, чтобы он не оставался без дела. Что же касается больных и слабосильных братьев, то им надо задавать такие работы, чтобы они не остались в бездействии и вместе не страдали от тяжести труда. Слабость их должна быть принята в соображение (настоятелем) аббатом»¹⁹.

¹⁹ Reg. S. Bened. C. 48.

Вместе с трудом св. Бенедикт предписывает беспрекословное послушание монахов настоятелю — правило, менее новое и преобладавшее также у восточных монахов, но он выразил его яснее и резче провел его последствия. Невозможно, изучая историю европейской цивилизации, не удивляться роли, какую играла в ней эта идея, и не искать ее происхождения. Европа, конечно, получила ее не от Греции, не от Рима и не от христианства в собственном смысле. Она начинает появляться при Римской империи и вытекает из культа императоров, но действительно развилась и выросла в монастыре. Отсюда она вышла, чтобы распространиться в современной цивилизации. Таков пагубный дар, который монахи принесли Европе и который так долго изменял и ослаблял самые добродетели, с ними связанные. Этот принцип беспрестанно повторяется в правиле св. Бенедикта: несколько глав, «De obedientia», «De humilitate»²⁰ и т.д., подробно формулируют и комментируют его. Вот для примера две главы, которые покажут вам, с какой строгостью он прилагался. Глава 68 под названием «Если что-либо неисполнимое будет приказано брату» гласит:

«Если случится, что брату будет приказано что-нибудь трудное или невозможное, он должен принять это повеление скромно и послушно. Если он видит, что дело совершенно превышает его силы, то пусть прилично и терпеливо изложит причину неисполнимости тому, кто стоит над ним, без гордыни, сопротивления или спора. Если после этого замечания настоятель останется при своем мнении, то пусть ученик знает, что так должно быть, и повинуется, возлагая упование на помощь Божию».

Глава 69 обозначена так: «Никто не должен в монастыре заступаться за другого». В ней говорится:

«Надо смотреть за тем, чтобы в монастыре один монах ни в коем случае не смел вступаться за другого или, так сказать, покровительствовал ему, хотя бы они были соединены между собою кровной связью; монахи никак не должны осмеливаться делать это, потому что отсюда могут возникнуть великие поводы к соблазну. Если кто преступит против этого, ему следует дать строгий выговор».

Самоотречение — необходимое последствие старательного повиновения; кто принужден повиноваться безусловно и во всех случаях, тот сам не существует; личность отнята у него вполне. Поэтому правило св. Бенедикта формально запрещает как всякую личную волю, так и всякую собственность.

«Прежде всего необходимо с корнем вырвать из монастыря порок личной собственности. Никто ничего не должен давать и получать без приказа аббата, не должен ничего иметь своего: ни книги, ни табличек для письма, ни стилета — ни

²⁰ «О послушании», «О смирении» (лат.).

чего бы то ни было, потому что монахам не позволено даже обладать собственным телом и волею»²¹.

Можно ли полнее уничтожить индивидуальность?

2) Я не буду останавливаться на тринадцати главах, излагающих культ и религиозные обязанности, поскольку они не дают повода к важным замечаниям.

3) Напротив, главы, трактующие о дисциплине и наказаниях, требуют всего нашего внимания. Тут является, может быть, самая важная из перемен, внесенных св. Бенедиктом в монашество — введение торжественных и навсегда обязательных обетов. До тех пор хотя вступление в монастырь заставляло предполагать желание в нем остаться, хотя монах налагал на себя нечто вроде нравственного обязательства, становившегося с каждым днем более и более ненарушимым, однако все же не произносилось никакого обета, никакого формального обязательства. Св. Бенедикт ввел их и положил в основу монашеской жизни, первоначальный характер которой, таким образом, совершенно исчез. Экзальтация и свобода были составными частями этого характера. Вечные обеты, которые должны были скоро подвергнуться охранительному влиянию общественной власти, заменили их законом, учреждением.

«Вступающий, — говорит правило св. Бенедикта, — должен обещать в молебне, перед Богом и святыми его, что останется в монастыре навсегда, преобразует свои нравы и будет повиноваться... Это обещание должно быть закреплено актом, во имя святых, мощи которых тут покоятся, и аббата. Пусть вступающий напишет его своею рукою; если же он не умеет писать, пусть по его просьбе другой за него напишет; послушник же поставит на нем крест и своею рукою положит акт на алтарь церковный»²².

Слово «послушник» указывает вам на другое нововведение: действительно, послушничество было естественным последствием вечности обетов, и св. Бенедикт, соединявший с распаленным воображением и пылким характером много здравого смысла и практической прозорливости, не преминул предписать его. Продолжалось оно более года, и на протяжении этого времени несколько раз читали послушнику все правило, говоря ему: «Вот закон, под которым ты хочешь ратоборствовать: если можешь повиноваться ему, вступай; если нет, ты волен уйти». Принимая все во внимание, надо сказать, что условия и формы испытания, очевидно, задуманы добросовестно и с намерением убедиться вполне, что вступающий действительно и твердо решился.

4) Что касается политического кодекса, самого управления монастырем, то правило св. Бенедикта представляет странное смешение деспотизма и свободы.

²¹ Канон 33.

²² Канон 58.

Вы видели, что основным началом его было пассивное повиновение, в то же самое время управление — выборное, аббат всегда избирается братьями. Раз этот выбор сделан, они все теряют свободу, подпадают под безусловное господство своего выборного главы, но именно выборного, а не какого другого.

Мало того, возлагая на монахов обязанность послушания, правила повелевают аббату советоваться с ними. Третья глава: «Надо спрашивать мнения братьев», прямо говорит:

«Всякий раз, когда в монастыре должно совершиться что-нибудь важное, аббат пусть созовет всю свою паству и скажет, в чем дело; выслушав мнение братьев, пусть он подумает один и делает то, что покажется ему разумным. Мы говорим, чтобы все братья были созваны на совет, потому что Бог часто младшему открывает наилучшее. Братья должны подавать свое мнение смиренно и не осмеливаться упрямо защищать его; решение зависит от воли аббата, и все должны повиноваться тому, что он сочтет нужным. Но как ученику надлежит повиноваться учителю, так и последнему прилично устроить все терпеливо и по справедливости. Правилу должно следовать всегда, и никто не имеет права ни в чем обходить его.

Если в монастыре предстоят только маловажные дела, то пусть посоветуются с одними старцами, по Писанию: «Делай все, посоветовавшись, и ты не будешь ни в чем раскаиваться».

Так существуют рядом в этом странном управлении выбор, обсуждение и неограниченная власть.

5) Главы, трактующие о различных предметах, ничем особенно не замечательны, кроме как разве здравым смыслом и мягкостью, которые, впрочем, обнаруживаются во многих других частях правила и которыми невозможно не быть пораженным. Нравственная мысль и общая дисциплина строги, но относительно подробностей жизни правило гуманно и умеренно, более гуманно и умеренно, нежели римские и варварские законы, нежели общие нравы того времени, и я не сомневаюсь в том, что заключенные в монастыре братья управлялись властью, вообще говоря, более разумной и менее жестоким образом, нежели останься они в гражданском обществе.

Св. Бенедикт так был убежден в необходимости мягкого и умеренного правила, что присоединенное к нему предисловие оканчивается следующими словами:

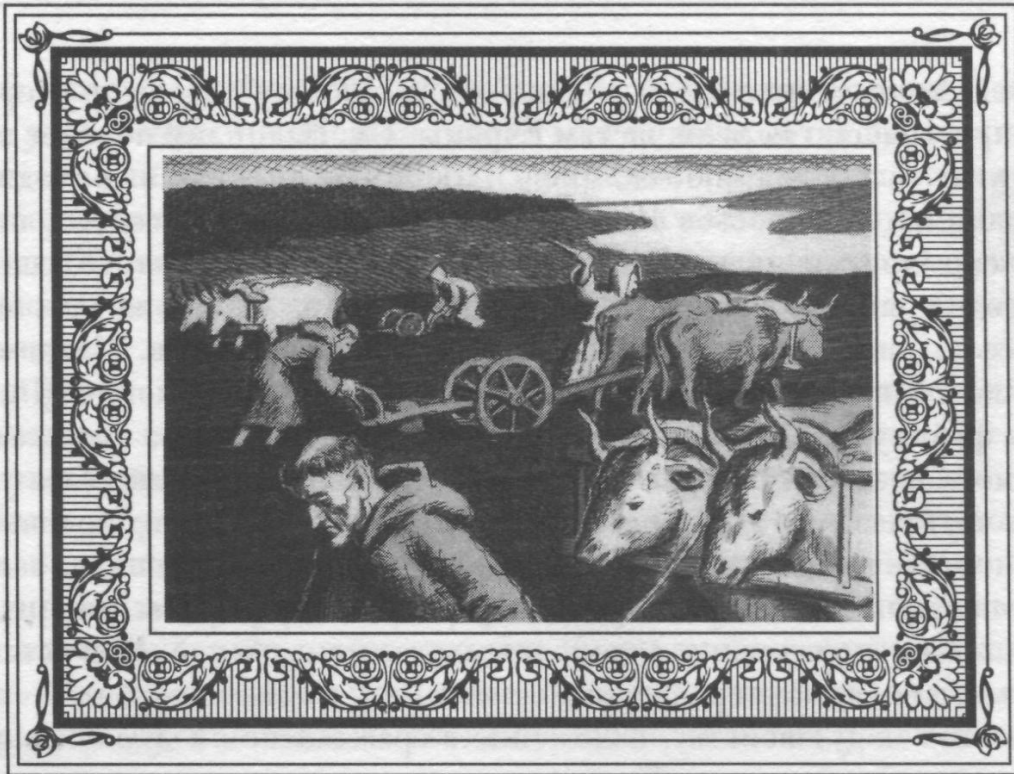
«Итак, мы желаем учредить школу служения Господу и надеемся, что не внесли в это учреждение ничего сурового и трудно переносимого; если же тут и находится что-нибудь по справедливости слишком суровое для кары за пороки и поддержания добродетели, то не отвращайся из-за этого от пути спасения: в начале своем он всегда узок, но по мере успехов в правильной жизни и вере сердце расширяется и человек с неизреченною сладостью идет по пути заповедей Божиих».

В 528 году дал свое правило св. Бенедикт, в 543 году*, когда он умер, оно было уже распространено по всем частям Европы. Св. Платидий перенес его на Сицилию, другие — в Испанию, св. Мавр*, любимый ученик св. Бенедикта, ввел его во Францию. По просьбе Иннокентия, епископа Леманского, он в конце 542 года, еще при жизни св. Бенедикта, отправился из Монте-Кассино; когда он в 543 году прибыл в Орлеан, св. Бенедикта уже не было в живых, тем не менее дело все подвигалось. Первым монастырем, основанным св. Мавром, был монастырь Гланфельский в Анжу, иначе Сен-Мор-на-Луаре. В конце VI века большая часть французских монастырей приняла то же правило; оно стало общим кодексом монашества, так что в конце VIII века Карл Великий велел узнавать в различных частях своего государства, есть ли где монахи других орденов.

До сих пор мы изучили, милостивые государи, только половину, так сказать, переворотов монашества в ту эпоху, его внутренние перевороты, видоизменения, совершавшиеся в управлении и законодательстве монастырей. Нам останется пересмотреть его внешние перевороты, отношения, с одной стороны — к государству, с другой — к духовенству, положение в гражданском и духовном обществе. Это будет предметом следующей лекции.

ЛЕКЦИЯ XV

Об отношениях монахов к духовенству с IV по VIII век. — Их первоначальная независимость. Ее происхождение. Причины ее упадка. — 1) По мере того как увеличивается число и значение монахов, епископы расширяют свою юрисдикцию. Каноны соборов. — 2) Монахи испрашивают и получают привилегии. — 3) Они стремятся вступить в духовенство. — Раздоры и борьба по этому поводу между самими монахами. — Епископы сначала отвергают это притязание. Потом они уступают. — Вступая в духовенство, монахи лишаются своей независимости. — Тирания епископов над монастырями. — Сопротивление монахов. — Грамоты, дарованные епископами некоторым монастырям. — Монахи прибегают к покровительству монастырей и пап. — Характер и пределы этого вмешательства. — Сходство между борьбой монастырей против епископов и коммун против феодальных господ.

Милостивые государи!

Мы изучили внутреннее устройство монастырей от IV до VIII века. Займемся сегодня их внешним положением в церкви вообще, их отношением к духовенству.

Подобно тому, как ошибались относительно внутреннего состояния и устройства монастырей, забывая первоначальный характер монахов, которые были сначала мирянами, а не духовными, так сильно ошибались и относительно их положения в церкви, позабыв также первоначальную черту их — независимость.

Основание большого числа монастырей относится к эпохе, когда монахи давно уже были зачислены в духовенство; многие были основаны светским или духовным патроном, иногда епископом, иногда королем или каким-нибудь вельможей, и с самого начала мы находим их подчиненными власти того, кому они обязаны своим существованием. Предполагали, что так было всегда, что все монастыри были созданиями какой-нибудь чуждой самой пастве и стоящей над нею воли. Думать таким образом — значит совершенно не понимать первоначального положения этих учреждений и истинного способа их образования.

Первые монастыри никем не были основаны, а сами себя основали. Они не были, как впоследствии, богоугодным делом какого-нибудь богатого и могущественного лица, которое поспешило выстроить здание, присоединить к нему церковь, одарить его и призвать туда других людей, чтобы они вели там монашескую жизнь. Монашеские ассоциации образовались самостоятельно, были делом равных между собою, произошли вследствие душевного порыва и с единственной целью удовлетворить ему. Монахи предшествовали монастырю, его зданиям, церкви, вкладам; они сошлись каждый по собственной воле, без всякой зависимости от посторонних лиц, столь же свободные, как и бескорыстные.

Собираясь, они, естественно, очутились под надзором епископов во всем, что касалось нравов, верований, религиозных обычаев. Белое духовенство существовало раньше монастырей, имело свои права, признанный авторитет; монахи были подчинены ему подобно всем остальным христианам. Нравственная и религиозная жизнь всех верующих была предметом наблюдения и цензора епископов; жизнь монахов встала в то же самое положение; епископ не получил относительно них никакой отдельной юрисдикции или авторитета; они были на одинаковом счету со всеми мирянами и жили вообще очень независимо, избирая своих настоятелей, распоряжаясь имуществами, которыми они вместе владели, свободно от всяких обязанностей и повинностей по отношению к кому-либо, — одним словом, управляя по своему произволу.

Их независимость и сходство в положении с другими мирянами были так велики, что они, например, не имели отдельной церкви, присвоенной монастырю; священника, который бы исключительно для них совершал богослужение; они отправлялись в церковь города или соседнего прихода, как и все верующие, вместе с массой населения.

Таково первоначальное состояние монастырей, исходная точка их отношений к духовенству. Они не долго оставались на ней: скоро многие причины соединились, чтобы изменить их независимость и связать их теснее с духовной корпорацией. Постараемся узнать их и отметить различные переходные ступени.

Число и могущество монахов все увеличивалось; говоря «могущество», я разумею влияние, нравственное воздействие на народ, потому что могущества в собственном смысле, легального, определенно установленного, у монахов не было, но влияние их становилось с каждым днем видимее и сильнее. Уже по одному этому они вызывали со стороны епископов более настоятельное и зоркое наблюдение. Духовенство очень хорошо поняло, что имело тут или опасных соперников, или полезные орудия. Поэтому оно рано начало налагать на них ограничения и захватывать их в свои руки. Духовная история V века свидетельствует о постоянных усилиях епископов расширить и организовать свою юрисдикцию над монахами. Общий надзор, который они имели над всеми верующими, давал им для этого тысячу случаев и средств. Та самая свобода, какую пользовались монахи, благоприятствовала этому, потому что приводила к множеству беспорядков, а епископская власть была естественнее всего призвана вмешиваться, чтобы прекращать их. Она действительно вмешивалась, и деяния соборов V века полны канонov, которые не имеют иной цели, кроме утверждения и установления юрисдикции епископов над монастырями. Самый основной — канон вселенского собора в Халкидоне, 451 года. В нем сказано:

«Пусть те, кто искренно и действительно избрал пустынножительство, уважаются по достоинству, но так как некоторые из них под видом и именем монахов вносят беспорядок в светские и духовные дела, шатаясь по городам, стараясь по собственному начинанию основывать монастыри, то собору угодно, чтобы никто не имел права строить и основывать монастырь или молельню без ведома городского епископа. Монахи, в каждом городе или деревне, должны быть подчинены епископу, дорожить спокойствием, заниматься исключительно постом и молитвою и пребывать в том месте, где они отреклись от света. Пусть не вмешиваются они в духовные или гражданские дела, не заботятся ни о чем, что их не касается, и не оставляют своих монастырей, за исключением случаев, когда им будет приказано для какого-нибудь необходимого дела городским епископом»¹.

Этот текст доказывает, что до тех пор большая часть монастырей основывалась свободно, по желанию самих монахов, но на это уже смотрят как на злоупотребление и требуют формального позволения епископа. Его необходимость была действительно возведена в закон, и в канонических правилах Агдского собора 506 года мы читаем:

¹ Халкидонский собор 451 года, правило 4.

«Мы запрещаем учреждать новые монастыри без согласия епископов»².

В 511 году Орлеанский собор постановляет:

«Аббаты, как подобает смирению, приличному духовной жизни, должны быть подчинены власти епископов; если они поступят в чем-нибудь противно правилу, то пусть им выговаривают за то епископы; они должны, наконец, раз в год собираться по призыву в избранном епископом месте»³.

Здесь епископ идет дальше, он делает себя блюстителем исполнения правил внутри самих монастырей; не от него они получили правило, он не был законодателем монашества, но он присваивает себе право надзирать за исполнением закона.

Тот же собор прибавляет:

«Ни один монах да не осмеливается, оставив по честолюбию или тщеславию монастырскую паству, строить себе отдельную келью без позволения епископа или ведома аббата»⁴.

Новый успех епископской власти: пустынники, отшельники, затворники более киновитов вызвали восторженное удивление и сочувствие народа; наиболее горячие монахи всегда были готовы оставить внутренность монастыря, чтобы не предаваться этому славному самоистязанию. Довольно долго никакая власть не вмешивалась, чтобы препятствовать этому, не исключая даже власти аббата; здесь вы видите освящение принудительной власти не одного аббата только, а также и епископа; он также берет на себя удерживать монахов внутри дома и устранять внешние проявления экзальтации.

В 553 году новый собор в Орлеане постановляет:

«Чтобы аббаты, которые пренебрегут приказаниями епископов, не допускались к св. причастию, пока не отступятся со смирением от этого мятежа»⁵.

А год спустя:

«Монастырь и дисциплина монахов должны быть под ведением епископа, в области которого они находятся».

«Аббатам не надо позволять скитаться вдали от своего монастыря без разрешения епископа. Если они провинятся в этом, то пусть их подвергнет исправлению епископ, по древним правилам».

«Епископы должны заботиться о женских монастырях, находящихся в их городе, и ни одной аббатисе не должно быть дозволено преступить в чем-нибудь правило своего монастыря»⁶.

² Правило 58.

³ Правило 19.

⁴ Орлеанский собор, правило 22.

⁵ Правило 22.

⁶ Орлеанский собор 554 года, гл. 1, 2, 5.

Когда все эти правила были обнародованы, то, хотя в них ничего не заключалось особенно точного и юрисдикция епископов, как вы видите, не была определена подробно, тем не менее она была этим установлена; она простиралась на главные моменты существования монахов, на основание монастырей, их дисциплину, на обязанности аббатов; признаваемая в принципе, хотя часто встречающая отпор на деле, юрисдикция епископов укреплялась вследствие самого применения своего к делу.

Сами монахи содействовали этому успеху. Они, когда достигли большого значения, стали стремиться к отдельному существованию; им не нравилось, что их приравнивали к простым мирянам, они захотели образовать отдельную корпорацию, положительное учреждение. Им было мало независимости и влияния — понадобились преимущества. А от кого могли они получить их, как не от духовенства. Одно соизволение епископов могло дать им в религиозном обществе отдельное устройство и даровать внутри его привилегированное положение. Они просили привилегий и получили, но только заплатив за них. Было, например, одно очень простое преимущество — право не ходить в приходскую церковь, а построить церковь внутри монастыря и отправлять там богослужение. Им предоставили его легко, но понадобились священники, чтобы предстать этим церквям, а монахи не были священниками и не имели права совершать богослужение. Им дали священников, и с тех пор белое духовенство приобрело доступ внутрь монастырей; оно посыламо туда своих людей, делегатов, надзирателей. Уже вследствие одного этого независимости монахов был нанесен значительный ущерб; они заметили это и постарались помочь горю: стали просить, чтобы вместо присылки священников со стороны епископ рукополагал в священники из монахов. Духовенство согласилось, и монастыри получили, под именем иеромонахов, священников из их среды. Эти были менее чужды монастырям, нежели являвшиеся со стороны, тем не менее они принадлежали к белому духовенству, проникались его духом, принимали к сердцу его интересы, более или менее отделялись от братии, и вследствие этого одного различия, установленного внутри монастыря между простыми монахами и священниками, между присутствующими при богослужении и совершающими его, монашество уже утратило отчасти свою независимость и однородность.

Утрата имела настолько действительное значение, что не один настоятель монастыря, не один аббат ее заметил и старался поправить или, по крайней мере, уменьшить. Правила многих монашеских орденов говорят о священниках, живущих в монастыре, с чувством недоверия и стараются уменьшить то число, то влияние их. Св. Бенедикт формально включил в свое правило две главы по этому предмету:

«Если аббат, — говорит он, — захочет, чтобы для него рукоположили священника или диакона, то пусть он выберет среди своих кого-нибудь, кто был бы до-

стоин нести священнические обязанности. Но рукоположенный должен остерегаться гордости, не заявлять никаких притязаний вопреки повелению аббата; пусть он знает, что он еще более другого подчинен правильной дисциплине; священнический сан не должен быть для него поводом позабыть повинование и дисциплину, но да подвигнется он постепенно вперед по пути Господню, да останется он всегда при деле, которое на нем лежало при поступлении в монастырь, за исключением времени, необходимого для обязанностей алтаря, хотя бы, по выбору братии и желанию аббата, он был возведен за свои заслуги и на высшую степень. Пусть он знает, что обязан следовать правилу, установленному деканами и приорами; если он осмелится поступить иначе, да будет он судим не как священник, а как бунтовщик. Бude же, после неоднократных напоминаний, он не исправится, то да призовут в свидетели самого епископа. Если он не возвратится на путь истинный и проступки его велики, то его надо изгнать из монастыря, впрочем, в том только случае, если он дойдет в возмущении своем до того, что не будет подчиняться и повиноваться правилу»⁷.

«Если кто-нибудь из священников будет просить дозволения вступить в монастырь, то на это не следует соглашаться тотчас; если он будет настаивать на своей просьбе, то пусть знает, что подпадает под господство дисциплины и правила во всем их объеме, что ему ни в чем не дадут снисхождения»⁸.

Этот несколько ревнивый страх, эта бдительность подавить гордыню священников, подчинить их общему образу жизни, проявляются также в других случаях и иными симптомами; они тем лучше показывают успехи белого духовенства в монастырях и опасность, какой оно подвергало их независимость.

Независимости этой было нанесено много других ударов. Не довольствуясь отделением от светского общества и возвышением над ним в силу своих привилегий, монахи вскоре возымели желание вступить в духовное общество совсем, получить часть в привилегиях и власти духовенства. Это честолюбивое стремление очень рано проявляется в монашестве. Его не все одобряли. Экзальтированные и строгие монахи, воображение которых порывалось под сильным обаянием святости монашеской жизни и стремилось ко всей ее славе, отстранялись от рукоположения. Одни смотрели на жизнь клира как на жизнь светскую, которая отвлечет их от созерцания божественных предметов; другие считали себя недостойными священнического сана, не признавали себя довольно совершенными, чтобы исправлять богослужение. Отсюда проистекали в отношениях между монахами странные случаи. В IV веке, когда св. Елифант* был епископом на острове Кипр, один монах, по имени Павлиниан, знаменитый своими добродетелями и

⁷ Reg. S. Benedicti, гл. 62.

⁸ Ibid., гл. 60.

слывший за святого, находился на острове. Несколько раз ему предлагали поставить его священником; он всегда отказывался, говоря, что не достоин этого, но св. Епифаний хотел непременно посвятить его. Вот как он достиг своей цели; он сам это рассказывает:

«В то время, как служили обедню в церкви одной деревни, находящейся около нашего монастыря, мы велели нескольким диаконам схватить его нечаянно и неожиданно зажать ему рот, чтобы он не умолял нас именем Христа, желая убежать. Сначала мы рукоположили его в диаконы и велели ему, под страхом Божиим, исполнить его обязанности. Он сильно сопротивлялся, все утверждая, что недостойн. Пришлось почти принуждать его, потому что нам стоило большого труда убедить его свидетельством Св. Писания и ссылками на повеления Божии. Когда же он исполнил обязанности диакона при Святой жертве, мы снова велели зажать ему рот, что было чрезвычайно трудно, рукоположили его во священники, и теми же доводами, которые прежде ему представляли, убедили его занять место среди священников»⁹.

Редко прибегали к такому крайнему насилию, но я мог бы привести много других примеров тому, что монахи чувствовали искреннее отвращение к принятию сана и упорно отказывались от него.

Далеко не таково было, однако, общее настроение. Большая часть сильно желала получить рукоположение, потому что клир был высшей корпорацией: «Если тебе не дает покою желание сделаться духовным, — говорил св. Иероним одному монаху, — учись, чтобы уметь учить; не думай быть воином, не бывши ополченцем, наставником — не бывши учеником»¹⁰.

Действительно, желание сделаться клириком так сильно беспокоило монахов, что Кассиан называет его в числе искушений, которыми их преследует дьявол, и в особенности — демон тщеславия.

«Иногда, — говорит он, — демон тщеславия внушает монаху желание получить степени клирика, священника, диакона. Если верить монаху, он, лишь бы его посветили хоть силою, исполнит их обязанность так строго, что будет служить примером святости даже другим священникам и привлечет многих в церковь не только своим благим образом жизни, но учением и проповедью».

И он рассказывает по этому поводу следующий анекдот, представляющий действительно странное доказательство горячности, с какою некоторые монахи стремились сделаться священниками, и преобладания этой идеи в их воображении.

«Я помню, — говорит он, — что в бытность мою в скифской пустыне один старец рассказал мне, что раз он пошел в келью некоего брата, чтобы посетить его;

⁹ Св. Епифаний, письмо Иоанну, еп. Иерусалимскому. Т. II. С. 312.

¹⁰ Св. Иероним, письмо 4, ad Rusticum.

приближаясь к двери, он услышал внутри какие-то слова; он остановился немного, желая знать, какое место из Священного Писания тот читает или что он, по обычаю, говорит на память. И вот когда этот благочестивый соглядатай, приложив ухо к двери, стал слушать с любопытством, он заметил, что дух тщеславия искушает брата, потому что тот говорил, как бы проповедуя в церкви народу. Старец еще подождал и услышал, как брат, покончив с проповедью, переменял должность и исполнял обязанности диакона за литургией оглашенных. Он, наконец, постучался в дверь, и брат вышел к нему навстречу с обычным почтением и ввел его в свою келью. Потом, чувствуя некоторые угрызения совести за мысли, его занимавшие, он спросил старца, с каких пор он находился тут, опасаясь, без сомнения, что обидел его, заставив прождать у дверей; старец отвечал ему, улыбаясь: «Я пришел в то время, как ты совершал литургию оглашенных»¹¹.

Люди, занятые до такой степени одной мыслью, должны были, конечно, без малейшего колебания жертвовать ей своею независимостью. Посмотрим, как они достигли цели и какие результаты имел для них этот успех.

Духовенство смотрело вначале на честолюбие монахов с некоторой ревностью и недоверием. С IV века иные епископы, смелее или дальновиднее других или же движимые какими-нибудь особенными намерениями, принимали их милостиво. Св. Афанасий Александрийский, например, в своей великой борьбе с арианами объехал египетские монастыри, расточал монахам знаки внимания и выбрал из них нескольких, чтобы рукоположить их в священники и даже поставить епископами. Монахи держались православия, были горячи, популярны. Афанасий понял, что будет иметь в них могущественных и самоотверженных союзников. Его примеру последовали на Западе некоторые епископы, между прочими — св. Амвросий Медиоланский и Евсевий Верчеллийский. Но большая часть епископов держалась другого образа действий; они продолжали относиться холодно и недоверчиво к притязаниям монахов и по мере возможности бороться против них. Мы имеем письменные доказательства этого вплоть до VIII века. В конце IV века, например, папа св. Сириций (384–398)* позволяет рукополагать их на священные степени, но предписывает не пропускать для них установленных промежутков из боязни, чтобы слишком большое число монахов не проникло в клир. В середине следующего века св. Лев Великий (440–460)* просит Максима, патриарха Антиохийского, не давать слишком легко дозволения проповеди монахам своей епархии, даже самым благочестивым, потому что их проповедь может иметь дурные последствия для власти духовенства. В конце VI века Григорий Великий предписывает епископам принимать только в редких случаях рукоположенных монахов приходскими

¹¹ Кассиан. De instit. Coenob., XI, 14.

Папа Григорий I Великий

священниками и пользоваться ими только осмотрительно. Если принять все во внимание, епископы постоянно обнаруживают ревность к монахам, даже среди милостей, которыми они осыпают их, и склонны отстранить их от духовенства.

Но успехи популярности монахов скоро преодолели это тайное сопротивление. Вскоре было установлено, что их жизнь — христианская по преимуществу, что она стоит выше по заслугам, нежели жизнь белого духовенства, что последнее лучше всего сделает, если будет подражать им, что священник, и даже епископ, становясь монахом, продвигается на пути к святости, к спасению. Сами соборы, состоявшие из епископов, провозгласили эти правила.

«Если клирики, — говорит один из толедских соборов, — желая вести лучший образ жизни, захотят подчиниться

монашескому правилу, то пусть епископ откроет им свободный доступ в монастыри и ни в чем не стесняет намерения тех, кто пожелает предаться созерцательному образу жизни»¹².

Когда эти правила были признаны всеми, не оставалось никакой возможности сопротивляться вторжению монахов или скупиться по отношению к ним священническим саном и епископством. В начале VII века Бонифаций IV провозглашает, что они «*plus quam idonei*», то есть более чем способны ко всем духовным обязанностям, и мало-помалу, вследствие непрерывного движения событий и умов в этом направлении, монахи были приняты в духовную корпорацию и, сохраняя раздельное существование, имели всегда участие в ее привилегиях и власти. Нет возможности точно определить время этого принятия монахов в ряды духовенства; оно совершилось исподволь и долго было неполно: даже в VIII веке монахов иногда называют мирянами и обращаются с ними как с таковыми. Однако можно сказать, что к концу VI — началу VII века переворот, над которым они работали с конца IV века, завершился. Они стали решительно

¹² Толедский собор 633 года, гл. 60.

духовными. Посмотрим, какие последствия имело это для их внешнего положения и что сделалось с монахами внутри духовенства, когда они стали действительно частью его.

Очевидно, они должны были утратить значительную долю своей независимости, и власть епископов над монастырями по необходимости расширилась и укрепилась. Вы знаете, какова была власть епископа над приходскими священниками от VII до VIII века. Судьба монахов была не лучше. Эти маленькие ассоциации, только что представившиеся нам такими независимыми, едва подчиненные юрисдикции епископов в нравственном отношении, так заботливо приводимые ими под их власть, — вот как с ними обращались в VII веке; я предоставляю слово самим соборам.

«До сведения настоящего собора доведено, что монахи, по приказанию епископов, исполняют служительские работы и что, вопреки каноническим правилам, права монастырей подвергаются незаконным и дерзким захватам, так что монастырь делается почти поместьем и эта знаменитая часть тела Христова низводится чуть не до позора и рабства. Поэтому мы предупреждаем начальников церквей, чтобы они ничего подобного не совершали и чтобы епископы в монастырях не делали ничего, кроме того, что предписывают им канонические правила, то есть увещания монахам вести благочестивый образ жизни, постановления аббатов и других должностных лиц и исправления того, что делается против правил»¹³.

«Что касается даров, приносимых монастырю, то епископы не должны их касаться»¹⁴.

«Часто случается дело неподобное, которое мы принуждены искоренять строгим порицанием. До нас дошло, что некоторые епископы... несправедливо назначают прелатами в монастырях своих родственников и любимцев... и доставляют им преступные выгоды, чтобы впоследствии получать от них как то, что по правилам следует епархиальному епископу, так и все, что может отнять у монастыря насилие и вымогательство посланного ими клеветы»¹⁵.

Я мог бы значительно приумножить число таких цитат: все бы свидетельствовали одинаково, что монастыри испытывают в это время ненавистную тиранию со стороны епископов.

Тем не менее у них были средства к сопротивлению, и они воспользовались ими. Чтобы хорошенько разъяснить их характер, позвольте мне на минуту оставить монахов и обратить ваше внимание на аналогичный и гораздо более известный факт.

¹³ Толедский собор 633 года, гл. 50.

¹⁴ Леридский собор 524 года, гл. 3.

¹⁵ Толедский собор 655 года, гл. 5.

Всякий знает, что от VIII до X века города, еще существовавшие в Галлии, малые и большие, были принуждены вступить в феодальное общество, усвоить себе все черты нового порядка, занять место в его иерархии, взять на себя его обязательства для получения его прав, жить под патронатом господина. Этот патронат был суров, беспорядочен, и города нетерпеливо переносили его тягость. С очень ранней поры, только что вступив в феодальный строй, они пытались освободиться от него, возратить себе некоторую независимость. Какие были у них для этого средства? В коммунах сохранялись остатки древнего муниципального порядка: в своем несчастном положении они все-таки еще избирали несколько незначительных магистратов; у них оставалось кое-какое имущество, и они сами управляли им, — одним словом, они удержали за собою в известных отношениях жизнь, отличную от той, которую они приняли, вступая в феодальное общество, существование, стоявшее в связи с совершенно другими учреждениями, принципами, общественным положением. Эти остатки прежнего существования, эти осколки муниципального права стали точкой опоры, благодаря которой коммуны вступили в борьбу с завоевавшим их феодальным строем и постепенно возвратили себе некоторые вольности.

Аналогичный факт совершился в истории монастырей и их отношений к духовенству. Вы видели, как монахи вступили в духовное общество и подпали под власть епископов подобно тому, как впоследствии коммуны вступили в феодальное общество и попали под власть господ. Но монахи также сохраняли некоторую часть своего прежнего существования, своей первоначальной независимости; им дали, например, имения, и эти имения не смешивались с имениями епископа, в чьей епархии находился монастырь, не исчезли в общей массе церковные имущества, которыми управлял один епископ: они остались отдельной и личной собственностью каждого установления. Монахи продолжали также пользоваться некоторыми из своих прав, избранием аббата и прочих монастырских должностных лиц, внутренним управлением монастырей и т.д. Поэтому как коммуны сохранили некоторые остатки муниципального порядка и свое имущество и воспользовались ими, чтобы бороться против феодальной тирании, так монахи удержали некоторые остатки своего внутреннего строя и имущества и воспользовались ими для борьбы против епископской тирании. Таким образом, коммуны пошли по пути и по следам монастырей; не то чтобы они подражали им, а потому что одинаковое положение привело к одинаковым результатам.

Будем следить за подробностями сопротивления монахов епископам; вы увидите, как аналогия становится все более очевидной.

Борьба ограничивалась сначала жалобами, протестами, подававшимися как самим епископам, так и соборам. Иногда соборы принимали их и постановляли каноны для прекращения зла: я вам только что прочел тексты, которые доказывают это. Но лекарства на бумаге имеют мало значения. Монахи почувствовали

необходимость прибегнуть к другому средству. Они открыто стали сопротивляться епископу, отказывались повиноваться его предписаниям, принимать его в монастыре, не один раз они с оружием в руках встречали его посланников. Однако им было тяжело сопротивляться, епископ проклинал их, налагал запрещение на их священников: борьба была невыгодна для всех. Вступили в переговоры. Монахи обещали возвратиться к порядку, сделать кое-какие подарки епископу, уступить ему какую-нибудь часть своих имений, не грабить его имущества, предоставить ему мирное пользование его правами. Епископ согласился на это и дал монастырю грамоту. Эти иммунитеты, привилегии, дарованные некоторым монастырям их епископами, — настоящие хартии. Они стали употребляться так часто, что мы находим официальную редакцию их в формулах* Маркульфа. Я прочту вам ее; вы будете поражены характером этих актов.

«Святому господину и почтенному во Христе брату, аббату такому-то, или же братии такого-то монастыря, построенного там-то тем-то в честь таких-то святых, епископ такой-то. Любовь, которую мы питаем к вам, заставила нас, по вдохновению Божию, определить для вашего спокойствия вещи, обеспечивающие нам вечную награду, и, не уклоняясь от прямого пути, не преступая никаких границ, установить правила, которые с помощью Божией утвердились бы навеки; ибо не меньшую награду можно получить от Бога, заботясь об имеющем совершиться впоследствии, нежели помогая бедным в настоящем... Мы считаем необходимым занести в этот лист то, что вы и ваши преемники должны делать с помощью Духа Святаго или к чему обязан сам епископ святой церкви; а именно: пусть те из братии, которые должны исполнять в вашем монастыре обязанности священнослужителей, когда они будут представлены аббатом и всей братией, получают от нас и наших преемников святое рукоположение, причем за эту честь не должно взиматься никакого подарка; пусть вышеназванный епископ из уважения к месту и безвозмездно благословит алтарь монастыря и выдает, если у него будут просить, каждогодно св. миро; когда же по воле Божией аббат переселится из монастыря к Богу, местный епископ да возведет в сан аббата знаменитого заслугами своей жизни монаха, про которого узнает, что он избран в монастыре, сообразно правилу и единогласно, всею монастырской братией. Наши преемники, епископы или архидиаконы, или другие администраторы, или кто бы то ни было из городских жителей, не должны присваивать себе никакой власти над вышеназванным монастырем, над рукоположением лиц, над имуществом или арендами, которые уже даны или будут даны впредь королем или частными лицами. Да не осмелятся они также требовать или под именем дара вымогать что-либо от вышеназванного монастыря, равно как и от других монастырей и приходов; не следует также захватывать то, что дано или дастся впоследствии богобоязненными лицами, будь то предложено алтарю, будь то священные книги или что-либо касающееся великолепия божественной службы. Никто из нас

не должен входить в монастырь, проникать внутрь его ограды иначе, как по просьбе аббата или братии для совершения молитвы. Если же по просьбе монахов епископ посетит их, чтобы совершить молитву или быть им в чем-нибудь полезным, то пусть он, после совершения таинства и после краткого и простого выражения благодарности, подумает о возвращении в свое жилище, не дожидаясь, чтобы кто-нибудь его о том просил; так что монахи, на которых смотрят как на отшельников, могли бы, под руководством Божиим, проводить время в полном спокойствии и, живя согласно святому правилу и подражая святым отцам, могли еще более молить Бога о благе церкви и спасении отечества. Если же некоторые монахи святого ордена ведут себя нерадиво и не так, как следует, пусть согласно уставу подвергнет их исправлению аббат; иначе епископ города должен принудить их к тому, — да не отнимется ничто у канонической власти, от которой зависит спокойствие служителей веры. Если же кто-нибудь из наших преемников (чего Боже избави), исполненный вероломства и побуждаемый жадностью, захочет в своей дерзости нарушить вышеизложенное, пусть он падет под ударами божественного мучения и пусть знает, что он на три года изъят от общения с братьями, а привилегия эта будет тем не менее нерушима навеки. Чтобы это постановление оставалось всегда в силе, мы и братья наши епископы пожелаем утвердить ее нашими подписями.

Дано там-то в такой-то день такого-то года»¹⁶.

Когда мы дойдем до истории коммун, вы увидите, что хартии, которые они отвоевали у своих господ или сеньоров, зачастую как будто списаны с этого образца.

С монастырями случилось то, что должно было случиться и с коммунами: их привилегии постоянно нарушали и уничтожали. Они были вынуждены прибегнуть к высшей гарантии и обратились за нею к королю. Тут представился естественный предлог: короли основывали монастыри и вместе с тем принимали некоторые меры для ограждения их от тирании епископов; они держали их под своим особым покровительством, запрещали епископам всякие захваты по имуществам и правам монахов. Тут зародилось вмешательство королевской власти в отношения между духовенством и монастырями. Даже те монастыри, которые не были основаны королями, прибегали к ним и приобрели их покровительство за деньги или иным путем. Короли не вмешивались в юрисдикцию епископов, не оспаривали у них никаких религиозных прав; гарантия относилась почти исключительно к монастырским имуществам. Иногда она была действительно, почему епископы все пустили в ход, чтобы отделаться от нее: часто они отказывались признавать грамоты покровительства и иммунитета, дарованные

¹⁶ *Marculf*, кн. I, формула.

королем. Иногда они совершали в них подделки или вставки и, через посредство какого-нибудь агента, даже выкрадывали их из монастырских архивов. Чтобы свободнее эксплуатировать богатства монастырей, они под конец напали на другое средство: назначали самих себя аббатами. Им была открыта лазейка для такого захвата: многие монахи делались епископами и обыкновенно епископами епархии, где находился их монастырь; они поддерживали там сношения, имели сторонников, и когда место аббата освобождалось, им было легче добиться его. Епископы и аббаты вместе, они беспрепятственно предавались всем злоупотреблениям. Притеснение и разорение монастырей все увеличивалось; монахи стали искать нового покровителя и обратились к папе. Папская власть утвердилась и расширилась; она охотно пользовалась всяким случаем, чтобы расшириться еще более, и вступалась, как вступался король, по крайней мере довольно долго, в тех же границах, не уменьшая духовной юрисдикции епископов, не отнимая у них никакого права, единственно с целью унять их злоупотребления по отношению к имуществам и лицам и чтобы поддерживать монашеские правила. Привилегии, дарованные папами некоторым монастырям Франкской Галлии до начала VIII века, не идут дальше; он не освобождает монастыри от епископской юрисдикции, чтобы подчинить их папской. Фульдский монастырь* был первым, по поводу которого совершилось это перемещение, и оно было произведено с согласия епархиального епископа, св. Бонифация*, который сам подчинил монастырь прямо папской власти. До этого времени не встречается ни одного подобного примера, и короли и папы вмешиваются только для того, чтобы заставить епископов возвратиться в пределы следующего им по праву.

Таковы были, милостивые государи, превратности борьбы, которым в этот промежуток времени подверглись монашеские ассоциации в своих отношениях к духовенству. Первоначально они находятся в состоянии независимости; частью они теряют ее с той минуты, как испрашивают и получают от духовенства некоторые привилегии. Эти привилегии возбуждают их честолюбие; монахи стремятся вступить в духовную корпорацию, вступают в нее и с той самой поры, как и все сплошь священство, подпадают господству мало определенной и ограниченной власти епископов. Епископы злоупотребляют ею, монастыри сопротивляются: благодаря остаткам своей первоначальной независимости, они добиваются гарантий, хартий. Хартии эти мало уважаются; монахи прибегают к гражданской власти, к королю, который утверждает хартии и берет их под свое покровительство. Покровительство короля оказывается недостаточным; монахи обращаются к папе, который вмешивается на другом основании, но не с большим успехом. Мы оставляем монастыри в середине VIII века в этом состоянии борьбы между покровительством королей и пап, с одной стороны, и тиранией епископов — с другой. Во время правления Каролингской династии им при-

шлось выдержать еще более пагубные удары, от которых они оправились только после больших усилий. Мы скажем о них, когда будем говорить о той эпохе. В то время, которое нас занимает, наиболее достойным замечания фактом является аналогия между историей монастырей и историей коммун, разыгравшейся два века спустя.

Мы достигли, милостивые государи, конца истории общественного развития от VI до половины VIII века. Мы обзрели перевороты, совершившиеся в гражданском и религиозном обществах, рассматриваемых в их различных элементах. Нам должно изучить еще историю чисто интеллектуальной и нравственной цивилизации в ту эпоху — идеи, занимавшие людей, сочинения, которые они породили, — одним словом, философскую и литературную историю Франции; мы примемся за нее в следующую субботу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Лекция I

С. 18. ...который я несколько месяцев тому назад окончил. — Имеется в виду курс лекций по «Истории цивилизации в Европе», которые Гизо читал в Сорбонне весной–летом 1828 года.

С. 22. *Шотландцы* — то есть Шотландская школа философии, философия «здравого смысла», возникшая в 60 годах XVIII века в университетах Шотландии. Ее виднейшие представители — Т. Рид (родоначальник), Дж. Освальд, Дж. Битти, Д. Стюарт, Дж. Макинтош, У. Гамильтон. Согласно их учению, основанием непреложных для «здравого смысла» истин служит непосредственная внутренняя достоверность, заложенная в человеческой природе Богом. Философия «здравого смысла» превращала общепринятые убеждения в фундамент науки, морали и религии. Шотландская школа выдвигала доводы в пользу бытия Бога, души и целесообразности всего сущего и посредством этих доводов защищала от нападок субъективного идеализма и скептицизма материальный мир, который, согласно ее учению, существует независимо от сознания. Ф. Гизо в известной мере испытал на себе влияние Шотландской школы философии.

...политический и религиозный кризис XVI и XVII веков. — Имеется в виду Реформация, проведенная в Англии по инициативе короля Генриха VIII. В 1534 году послушный ему парламент принял «Акт о супрематии», провозгласивший главой английской церкви не папу Римского, а короля. Так было положено начало формированию национальной английской церкви — англиканства, разновидности протестантизма. Окончательно англиканская церковь оформилась при Елизавете I в 1571 году, когда был принят англиканский символ веры, «39 статей». Борьба между сторонниками и противниками англиканства имела не только религиозный, но и политический характер, что наиболее ярко проявилось в XVII веке во время Английской буржуазной революции.

Сектантами или диссентерами (англ. dissenters — инакомыслящие) в Англии XVII–XVIII веков называли религиозные группы, не признававшие официальную англиканскую церковь, прежде всего — сторонников кальвинизма, называвшихся пуританами (от латинского слова «purus» — чистый) за свою приверженность продолжению Реформации в Англии в духе кальвинистского учения, за очищение англиканской церкви от сохранявшихся в ней пережитков католицизма.

Энтузиастами называли людей, увлекавшихся какой-либо идеей, в данном случае — идеями религиозного и политического радикализма.

С. 23. ...состояние немецких реформаторов... — Имеются в виду реформаторы церкви. Реформация, широкое общественное движение за реформу католической церкви, началась в Германии с выступления Мартина Лютера 31 октября 1517 года против торговли индульгенциями (папскими грамотами об отпущении грехов за деньги). Вскоре реформационное движение распространилось и в других странах Европы. Ф. Меланхтон, один из сподвижников Лютера, является автором лютеранского символа веры — «Аугсбургского вероисповедания», с которым он выступил на рейхстаге в Аугсбурге в 1530 году, когда император Карл V официально признал лютеранство. Деятельность М. Бугера разворачивалась не только в Германии (Страсбург, Ульм, Кёльн), но и в Англии, в Кембридже.

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) — немецкий философ-идеалист, математик, физик, изобретатель, юрист, историк, языковед. В творчестве Лейбница нашла свое завершение философия XVII века, он — предшественник немецкой классической философии. Ф. Гизо была не чужда идея Лейбница о предустановленной гармонии реального мира (Божественное Провидение).

Курфюрстами в Священной Римской империи германской нации (официальное название Германии в Средние века) назывались наиболее влиятельные имперские князья, обладавшие исключительным правом избирать императора. Первоначально, по Золотой булле 1356 года, их было семь (четверо светских и трое духовных князей), по окончании же Тридцатилетней войны 1618–1648 годов титул курфюрста был закреплен и за герцогом Баварским.

С. 25. ...из почтительного уважения к благородному и несчастному народу... — Для Гизо Испания служила воплощением абсолютного торжества монархического принципа, подавившего гражданские и политические свободы народа, блистательно завершившего Реконквисту.

С. 26. ...открывается движение к освобождению коммун... — Борьба городов Северо-Восточной Франции (Камбре, Сен-Кантен, Бовэ, Нуайон, Лан, Амьен, Суассон, Корби, Реймс и др.) за политические и экономические права, развернувшаяся в XII веке, получила название коммунального движения. Эта борьба была особенно ожесточенной, когда велась против духовных сеньоров, отлучавших бунтовщиков от церкви. Горожане заключали между собой тайный союз, связывая друг друга взаимной присягой. Борьба сопровождалась изгнанием из города сеньора и его рыцарей. Феодалы были вынуждены предоставлять городу право самоуправляющейся коммуны. Города вступали в договорные отношения с сеньорами на условиях, которые фиксировались в хартиях городских вольностей, утверждавшихся королем. Города в своей борьбе против сеньоров искали помощи и поддержки у короля и зачастую находили ее. Коммунальное движение, таким образом, положило начало политическому союзу городов с королевской властью, что, в свою очередь, послужило важнейшей предпосылкой для политической централизации Франции, — важный аспект исторической концепции Ф. Гизо (движение от обособленности к единению).

Пьер Абеляр (1079–1142) — французский философ, богослов и поэт. Рационалистическая направленность идей Абеляра («Понимаю, чтобы верить») вызвала решительное неприятие в церковных кругах, и его учение дважды подвергалось осуждению — на

церковных соборах в Суассоне (1121 год) и Сансе (1140 год). Разделял идею о Божественном Предопределении. Свою трагическую любовь к Элоизе Абеляр описал в автобиографической «Истории моих бедствий».

Констанцский собор 1414–1418 годов был созван по инициативе императора Священной Римской империи Сигизмунда I папой Иоанном XXIII, который надеялся таким способом утвердиться в качестве единственного законного папы в борьбе против соперничавших с ним пап Григория XII и Бенедикта XIII. Целями Констанцкого собора являлись: 1) преодоление Великой схизмы (раскола католической церкви, продолжавшегося с 1378 по 1417 год, когда на верховную власть в церкви претендовали одновременно два и даже три папы); 2) искоренение гуситской ереси; 3) реформа церкви. Собор осудил учение Яна Гуса, а его самого приговорил к сожжению на костре. В ходе дискуссии о реформе церкви верх одержали сторонники соборной идеи, сумевшие провести ряд постановлений об ограничении всевластия папы (регулярное проведение соборов и верховенство собора над папой). Сместив всех троих противоборствовавших пап, Констанцкий собор избрал в 1417 году папой Мартина V и тем самым преодолел раскол в церкви.

Базельский собор 1431–1449 годов — последний из соборов, проводившихся в период позднего Средневековья с целью реформирования католической церкви. Собор не смог решить поставленную перед собой задачу всеобъемлющей реформы католической церкви и восстановления единства христианской церкви (преодоления разделения церквей в 1054 году на западно-католическую и православную). Хотя Базельскому собору и удалось достичь соглашения с гуситами (Пражские компактаты 1433 года) и принять ряд реформационных декретов, однако в конце концов он вынужден был капитулировать перед вновь окрепшим папством.

Прагматическая санкция Карла VII — так называемая Буржская Прагматическая санкция, принятая в 1438 году на съезде французского духовенства и утвержденная королем Франции Карлом VII. Санкция, свидетельствующая об укреплении королевской власти, в одностороннем порядке урегулировала положение дел во французской (так называемой галликанской) церкви и ее отношения с Римом: закрепила право свободного выбора местными капитулами епископов и аббатов, отменила аннаты (платежи Римскому папе в размере годового дохода от каждой церковной кафедры) и ограничила право апелляции в римскую курию только вопросам вероучения.

С. 27. ...*всюду вы найдете членов парламента...* — В средневековой Франции, в отличие от Англии, парламент являлся не органом сословного представительства (таким были Генеральные штаты), а судебной инстанцией: Парижский парламент — высшая судебная инстанция королевства, провинциальные парламенты — апелляционные инстанции провинций.

С. 30. *Икар* — сын мифического Дедала, искусного художника и строителя, изготовившего из перьев и воска крылья, чтобы бежать с Крита от царя Миноса. Улетая с отцом с Крита, Икар слишком приблизился к солнцу, вследствие чего воск, скреплявший крылья, растаял и Икар упал в море. Падение Икара, ставшее частым сюжетом живописи (картины Тинторетто, П. Брейгеля Старшего, Ван Дейка), символизирует собой отчаянно-смелое стремление к высоким целям, приводящее к печальному концу.

Лекция II

С. 35. *Simonde de Sismondi J.ChL. Histoire des Francais. Paris, 1821–1844.*

Король Франции Людовик IX Святой, Saint Louis (1214–1270, на троне: 1226–1270). Патрон Третьего ордена францисканцев (терциарии), святой покровитель Парижа, Пуасси и всех населенных пунктов во Франции, в название которых входит слово Louis, а также Берлина, Мюнхена, Саарбрюккена и Саарлуи; святой покровитель слепых, ученых, книгопечатников, переплетчиков, купцов, судейских, пекарей, рыбаков, ткачей, пуговичников, щеточников, цирюльников, ювелиров, каменщиков, камнетесов, плотников, штукатуров, художников, обойщиков, кузнецов, паломников; целитель от слепоты и глухоты, спаситель от чумы. На престол вступил в 12 лет, с 1235 года считался самостоятельным правителем, но вплоть до смерти в 1252 году своей матери, королевы Бланш, находился под ее сильным влиянием. Оказывал содействие духовным орденам, одобрил учреждение в 1257 году в Париже университета Робером де Сорбоном, впоследствии получившего название Сорбонны. В 1248–1254 годах принял участие в Шестом крестовом походе, завоевал в Египте Дамьетту, но в 1250 году попал в плен к мусульманам, из которого был выкуплен за большие деньги. В 1250–1254 годах находился в Палестине. В 1270 году возглавил Седьмой, последний крестовый поход в Тунис, где умер от чумы. Его кости погребены в Сен-Дени в Париже, а сердце и плоть — в Монреале на Сицилии. Папа Бонифаций VIII в 1297 году канонизировал Людовика IX. День Людовика Святого празднуется 25 августа. См.: *Ле Гоф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001.*

С. 37. *...цивилизация Франции почти одинаково вытекает из обеих основ...* — В полемике так называемых германистов, искавших истоки современной европейской цивилизации в обществе древних германцев, и романистов, настаивавших на ее происхождении от Древнего Рима, Гизо не примыкал ни к той, ни к другой стороне, придерживаясь теории синтеза: французская цивилизация, являющаяся, по его представлению, олицетворением европейской как таковой, произошла в результате синтеза элементов древнегерманского и древнеримского обществ.

Кодекс Феодосия («Codex Theodisianus») — свод императорских законов, древнейший из которых относится к 313 году н.э., составленный в 429–438 годах при императоре Феодосии II и действовавший в обеих частях империи (на Востоке — с 438 года, на Западе — с 439 года).

Феодосий Младший — то есть Феодосий II (501–450), император Восточной Римской империи с 408 года, внук Феодосия I Великого (347–395, римский император с 379 года).

Сенатские постановления (лат. *Senatus consultum*) — составная часть римского права, решение сената, принимавшееся по запросу магистрата.

Плебисциты — постановления, принимавшиеся собранием плебеев в Древнем Риме. В период Республики были признаны законом для всех римлян и представляли собой нормальную форму законодательства.

Законы двенадцати таблиц (лат. *Leges XII Tabularum*) — древнейшая письменная фиксация римского права, осуществленная в 451–450 годах до н.э. избранной специаль-

но для этой цели коллегией децемвиров (десяти мужей). Положения этих законов составили основу римского права, дальнейшее развитие которого сопровождалось их комментированием. Плита с высеченным на ней текстом законов была выставлена на форуме — площади для народного собрания и отправления правосудия, где находился также наиболее значительный храм.

С. 41. *Королевский Альманах* (Almanach Royal) впервые вышел в Париже в 1679 году. В нем сообщались известия о движении почтовых карет, о придворных балах, ярмарках, монетном дворе и о многом другом. С 1699 года в Альманахе стала публиковаться генеалогия королевского дома, перечни духовных и высших должностных лиц и проч.

С. 43. *Север Александр* был римским императором с 222 по 235 год.

С. 44. *Веррес Гай* (умер в 43 году до н.э.) в 73–71 годах был римским наместником на Сицилии и заслужил скандальную славу своими злоупотреблениями. Грубо нарушая закон, Веррес жестоко угнетал население провинции Сицилия, так что римский сенат был вынужден вмешаться. Обвинителем по делу Верреса выступал Цицерон, посвятивший этому процессу 7 судебных речей, 2 из которых были произнесены, а остальные написаны и опубликованы. В результате Веррес был приговорен к ссылке и возмещению нанесенного ущерба.

Люций Пизон Цезонин — консул 58 года до н.э., наместник Македонии в 57 и 56 годах, тесть Юлия Цезаря. Цицерон в своей речи «О консулярах провинций» выступил против злоупотреблений Пизона в управлении провинцией и советовал сенату отозвать его с должности. Когда Пизон по возвращении в Рим стал грозить Цицерону судебным преследованием, тот в 55 году до н.э. произнес против него речь («Речь против Люция Кальпурния Пизона»), в которой в самых темных тонах изобразил его общественную и частную жизнь.

Друиды (кельт.: мудрейшие) — кельтские жрецы, о которых в античности сообщались крайне противоречивые сведения. Друиды занимались воспитанием кельтской молодежи, исполняли судебские функции, давали предсказания и совершали обряды жертвоприношений. Поддерживали среди галльского населения антиримские настроения.

Верцингеториг (лат. Vergingetorix) — вождь кельтского племени арвернов, возглавивший в 52 году до н.э. восстание в Галлии против Цезаря. После подавления восстания Верцингеториг, взятый в плен, в 46 году до н.э. был доставлен, среди прочих трофеев, в триумфальной процессии в Рим и там казнен.

С. 46. *Сальвиан* (около 400–480) — христианский писатель, с 425 года монах Леринского монастыря, с 439 года — священник в Марселе. В своем сочинении «Об управлении Божиим» повествует о нужде и падении нравов в среде галло-римского населения, вызванных великим переселением народов. Крушение Римской империи рассматривал как Божию кару, варвары же, по его мнению, намного превосходят римлян в моральном и религиозном отношении.

...*Римская империя... начала с того, что стала отзывать свои войска...* — Из Британии римляне вывели свои войска в 408 году н.э., оставив остров во власти местных племен. Оборона рубежей в Галлии еще задолго до крушения Западной Римской империи поручалась отдельным германским племенам, селившимся на пограничных территориях в

качестве федератов (союзников). В самой римской армии варвары не только служили, но и зачастую занимали командные должности.

С. 50. ...составили из себя корпорации, цехи... — Гизо неоправданно сближает средневековые ремесленные цехи с античными корпорациями (коллегиями) ремесленников, которые в императорскую эпоху находились под строгим государственным контролем, а в III–IV веках были преобразованы в государственные корпорации принудительного типа с целью обеспечения армии и гарантированного поступления налогов. Средневековые же ремесленные цехи служили целям защиты как интересов ремесленников в их взаимоотношениях с феодальными сеньорами, так и от чрезмерных притязаний со стороны королевской власти. Цехи играли также важную роль в городском (коммунальном) самоуправлении.

Лекция III

С. 59. ...духовная власть требовала... — Имеется в виду борьба между империей и папством за верховенство в христианском мире, когда папы претендовали не только на меч духовной власти, но и на меч власти светской (теория двух мечей: светская власть принадлежит королям и императорам, а духовная — церкви в лице ее главы, папы Римского), тогда как императоры пытались вмешиваться в дела церкви, ставить ее на службу государству. Своего первого апогея эта борьба достигла во второй половине XI века при германском короле из Салической династии Генрихе IV и папе Григории VII. Это была печально знаменитая борьба за инвеституру, т.е. за право назначать на должности епископов и аббатов: кто обладал этим правом, тот владел богатствами церкви, пользовался мощным средством в политической борьбе. Ни Генрих IV, ни Григорий VII не добились успеха. Позднее, уже в XII веке, право инвеституры хотя и перешло к папам, их амбициозные притязания натолкнулись на противодействие со стороны сильных правителей из новой династии — Гогенштауфенов (Штауфенов). Полна драматизма история взаимоотношений Фридриха I Барбароссы и папы Александра III. Еще большего накала борьба империи и папства достигла в XIII веке при внуке Барбароссы, императоре Фридрихе II Гогенштауфене, которого папы открыто называли антихристом. Ведя борьбу с императорами, папы нуждались в поддержке со стороны королей Англии и Франции и потому старались сохранять добрые отношения с ними, хотя и не всегда у них это получалось (конфликты с английскими королями Генрихом II Плантагенетом в XII веке и Иоанном Безземельным в начале XIII века).

...парламент распорядился верой точно так же, как и престолом... — В ходе Реформации, проводившейся в Англии в XVI веке по инициативе королевской власти, послушный королю парламент принял ряд законов, провозгласивших монарха главой английской церкви («Акт о супрематии» 1534 года) и лишивших ее земельных и прочих богатств (секуляризация). В XVII веке в ходе Английской буржуазной революции парламент утвердил низложение короля Карла I и провозглашение Англии республикой.

Епископальная церковь — то есть католическая церковь с ее иерархической структурой (епископы — архиепископы — кардиналы — папа Римский). Сохранение епископата в

англиканской церкви рассматривалось ее противниками как пережиток католицизма, который следует устранить («очищение» церкви, предлагавшееся пуританами).

Пресвитерианство — организация различных протестантских церквей, основанная на самоуправлении отдельных общин во главе с пресвитерами (старостами).

Индепенденты (англ. independents — независимые) — с 1642 года название английских кальвинистов-пуритан. Поскольку они ратовали за полную самостоятельность отдельных общин, их называли также конгрегационалистами (от англ. congregation — община). Наибольшего влияния они достигли при Кромвеле (1649–1658 годы). С 1689 года являются официально признанной конфессией наряду с англиканской церковью.

Квакеры (от англ. to quake — тряситься), буквально: «трясущиеся» — насмешливое название секты, основанной в XVII веке Дж. Фоксом и называвшей себя «Обществом друзей» («Society of Friends»). Квакеры отвергали Библию в пользу «внутреннего света», озаряющего каждого человека, и «внешнего Христа» в пользу индивидуального Божьего гласа. Из-за отказа приносить присягу и служить в армии квакеры преследовались. «Акт терпимости» 1689 года предоставил им религиозную свободу. Квакеры, эмигрировавшие в Америку, были собраны У. Пенном в Пенсильвании.

...когда христианство вступило вместе с Константином на престол. — Эта красивая фраза, употребленная Гизо, нуждается в пояснении. Константин I Великий (272–337, римский император с 306 года) вступил на престол язычником, крещение же принял на смертном одре. Христианство при нем хотя и было признано равноправной религией (Миланский эдикт 313 года), наравне с другими, нет оснований говорить, что оно «вступило на престол» — была лишь заложена основа для становления его в качестве государственной религии. Вмешательство государства в церковные дела, в частности в церковные споры, ставшее со времени Константина I обычным явлением, превратило церковь в инструмент политической власти. В 321 году он объявил воскресенье официальным «днем покоя», а в 325 году созвал в Никее 1-й экуменический (вселенский) собор, на котором был принят символ веры («Credo»). При Константине I было положено начало монументальному церковному строительству (возведение Латеранской церкви в Риме).

С. 61. *...короли, одетые в меха...* — Одежда из шкур с мехом, вывернутым наружу, была принадлежностью варваров. Пурпур же (или порфира — длинная пурпурная мантия, надевавшаяся монархами в торжественных случаях) являлся атрибутом римских императоров.

С. 66. *Лейд* — в варварских королевствах V–VI веков человек высокого ранга на службе у короля.

Антрустиион — воин королевской дружины в Меровингский период.

С. 68. *Арианство* — учение александрийского пресвитера Ария, отрицавшего единственность Христа, Бога Сына, с Богом Отцом. Арий, против которого выступил Афанасий, епископ Александрийский, был осужден в 325 году на Никейском соборе. Раздираемое внутренними противоречиями, арианство в Римской империи к концу IV века сошло на нет, однако принятие христианства в форме арианства готами, вандалами, лангобардами и бургундами вдохнуло в него вторую жизнь. Переход франкского короля Хлодвига в католицизм изменило ситуацию не в пользу арианства, предопределив его закат.

...православные... — Здесь слово «православие» употреблено в смысле «правоверие, истинная вера» в противопоставление арианскому лжеучению.

С. 69. *Сидоний Аполлинарий (430–485)* — латинский писатель родом из галльской аристократической семьи. В 470 году стал епископом Клермонским. Защищал свой город от вестготов. Его письма являются важным свидетельством духовной жизни Галлии в V веке.

Апиций — известный римский чревоугодник времен императора Тиберия. Промотав большую часть своего состояния, покончил жизнь самоубийством из страха, что не сможет больше вести столь же роскошный образ жизни. Сохранилась римская поваренная книга, написанная в III или IV веке и содержащая ссылки на ставшее к тому времени нарицательным имя Апиция.

С. 70. *Папа* (лат. *papa* или *paras* — отец) — почетное звание епископов.

С. 72. *Симон* — волхв в Самарии, изумлявший народ своим искусством. Увидев, что «чрез возложение рук апостольских подается Дух Святой», он предложил апостолам деньги, чтобы иметь власть делать то же самое. Петр сурово осудил его (Деяния Апостолов 8:9–24). Считается родоначальником всех лжеучителей.

Республика (лат. *res publica*, буквально: «общее дело») — обозначение государства, не обязательно с республиканской формой правления: Римское государство и в период империи имело название *res publica*. Гизо здесь противопоставляет «республику», т.е. светское государство, церкви.

С. 73. *Веселиил* — сын Урии из колена Иуды. Бог одарил его талантом и поручил ему изготовить скинию собрания, ковчег завета и все принадлежности скинии, жертвенник и одежды священников (Исх. 31:1–11; 35:30–35; 38:22–23).

С. 76. *...поэт Авзоний...* — Поэтическое дарование Авзония (около 310 — около 395) высоко оценивалось современниками, однако его творчество более ценно с культурно-исторической точки зрения, чем с художественной.

С. 77. *Иларий (401–449)*, епископ Арльский, родился в знатной семье в Южной Галлии. После бурно проведенной молодости встретился с Гоноратом, епископом Арльским, который наставил его на путь благочестия. В 429 году Иларий был рукоположен в сан епископа Арльского и в этом звании прославился как замечательный проповедник. Его неоднократно издававшиеся проповеди привлекают к себе внимание как ценный источник по истории повседневной жизни Галлии V века.

Святой Луп (около 383–479), епископ Труа; известен главным образом защитой в 451 году своего города от Аттилы.

Святой Герман (около 378–448), епископ Оссерский, исполнял в Британии миссию по борьбе со лжеучением Пелагия.

С. 79. *...по выражению поэта из Мантуи...* — То есть Вергилия.

Лекция IV

С. 83. *...революция, вызванная прошлым веком...* — Имеется в виду Французская революция 1789 года.

С. 86. *Трир* (лат. *Augusta Treverorum*) — древний культурный центр кельтского племени треверов на р. Мозель, с 70 года до н.э. — римская колония. Располагаясь на пересечении торговых путей, Трир во II веке н.э. переживает расцвет ремесла и торговли и становится административным центром. Наивысший расцвет Трира относится к III–IV векам, когда он был галльской резиденцией римского императора и центром культуры в Галлии — тогда и появилась упомянутая Гизо библиотека при императорском дворце.

Мартин Турский (316–397) — «апостол Галлии», святой покровитель Франции, патрон Айзенштадтского (Бургенланд, Австрия), Майнцского, Вюрцбургского, Роттенбург-Штутгартского и Хильдесхаймского диоцезов, главный патрон кантона Швиц в Швейцарии; святой покровитель солдат, всадников, лошадей, подковочных кузнецов, оружейников, ткачей, кожевников, торговцев полотном, портных, ремешников, перчаточников, шляпников, мельников, пастухов, щеточников, виноградарей, бочаров, путников, трактирщиков, содержателей гостиниц, бедняков, нищих, узников, трезвенников (поскольку Мартин лишь пригубил вино, которым его угостил император Константин I), домашней живности, особенно гусей; целитель при сыпи, рожистом воспалении и змеиных укусах; благоприятствует урожаю, зреющему на полях. Мартин родился в Паннонии в семье римского военного трибуна. Христианское воспитание получил в церковной школе в Павии. В 15 лет он был отправлен отцом на военную службу, которая проходила в Галлии в гвардии императора Констанция II. Вскоре он проявил себя доблестным солдатом и был произведен в офицеры. Однажды холодным зимним вечером он верхом на коне объезжал караулы и встретил одетого в лохмотья старика, который попросил у него милостыни. Мартин, поскольку у него не было ни денег, ни съестного, пополам разрезал мечом свой широкий плащ и отдал половину нищему. Той же ночью Мартину приснилось, что нищий был Иисусом. Вскоре затем Мартин оставил военную службу и стал учеником св. Илария Пиктавийского, епископа в Пуатье. В последующие годы он обращал в католическую веру ариан Паннонии, вел жизнь отшельника на о. Галлинария близ Генуи и основал в Лигюже близ Пуатье обитель, из которой вышел один из первых на Западе монастырей. В 371 году был избран епископом Турским. Поблизости от Тура он выстроил монастырь Мармутье, ставший духовным центром и школой миссионеров. Поскольку Мартин считал своей задачей распространение христианства даже в самых отдаленных уголках страны, его и прозвали «апостолом Галлии». Сейчас во Франции свыше 3000 церквей посвящены св. Мартину Турскому. Его день празднуют 11 ноября.

С. 87. *Св. Иероним* — Гизо неточно указал год рождения св. Иеронима. В настоящее время считается датой его рождения 347 год, а датой смерти 419–420 годы. Один из четырех латинских (западных) отцов церкви (наряду с Августином, Амвросием и Григорием Великим). Патрон Далмации (где он родился в г. Стридоне) и Лиона. Святой покровитель теологов, ученых, учителей, студентов, школьников, переводчиков и аскетов, университетов и ученых сообществ. Целитель глазных болезней. Происходил из богатой христианской семьи, учился в Риме, где посвятил себя углубленному изучению античной и христианской литературы. Несколько лет жил отшельником в Халкидской пустыни близ

Антиохии, а в 382–385 годах был советником папы Дамасия. Не будучи избранным советником папы, Иероним поселился отшельником в Вифлееме. Перевел Библию на латинский язык по тексту оригинала. С XIII века этот перевод Библии называется «Vulgata», что значит «Общепотребительная». Написал первую историю христианской литературы «О славных мужах» («De viris illustribus»), в которую включил произведения 135 христианских писателей. День св. Иеронима празднуется 30 сентября.

Августин Блаженный (354–430) — отец церкви, святой покровитель теологов, пивоваров и книгопечатников, целитель глазных болезней. Родился в Тагасте (Нумидия, сейчас в Алжире) в семье патриция-язычника и христианки Моники. В юности, учась в школах Карфагена, вел разгульный образ жизни, но затем обратился к религии манихейства и философии скептицизма. Сильное впечатление, произведенное на Августина Амвросием, епископом Миланским, побудило его к принятию в Милане в 387 году христианства, после чего он стал вести аскетическую жизнь. В 395 году стал епископом в Гиппоне, неподалеку от Карфагена. Из его многочисленных трудов наиболее известны «Исповедь» («Confessiones») в 13 книгах (автобиографический труд, написанный в 397–401 годах, в котором Августин откровенно рассказывает о своем жизненном пути) и «О граде Божием» («De civitate Dei») в 22 книгах. Большую роль сыграли его произведения, направленные против манихеев, Пелагия и донатистов (сторонников Доната, епископа Карфагенского, виновника церковного раскола). День Августина Блаженного празднуется 28 августа.

Паулин Ноланский (353/354–431) — патрон Нолы (близ Неаполя) и Регенсбурга, святой покровитель мельников. Родился в Бордо в семье римского сенатора. Его родители были христианами. Получив блестящее образование, рано стал занимать высокие должности, в частности, наместника Кампании в Южной Италии. После внезапной кончины своего сына Цельсия он оставил государственную службу и удалился в Испанию, чтобы посвятить себя в Барселоне теологическим занятиям. Там же в 394 году был рукоположен в сан священника, после чего отправился в Нолу, где поселился у могилы св. Феликса Ноланского и основал строго аскетическую монашескую общину. Все свое состояние потратил на благотворительные цели и строительство церквей. В 411 году избран епископом Ноланским. Сохранившиеся его 33 стихотворения и 49 писем (в том числе Иерониму и Августину) свидетельствуют о его большой образованности и обширных знаниях. День св. Паулина Ноланского празднуется 22 июня.

С. 88. *Пелагий* (родился около 360 года в Британии, умер около 422 года в Палестине) — иеромонах, живший в Риме, Африке и Палестине. Его учение, названное пелагианством, направлено против доктрины Августина Блаженного о первородном грехе, благодати и загробном воздаянии. Человек, согласно этому учению, обладает свободой воли для блага и совершенства, поэтому он не нуждается в иной благодати, кроме той, что ниспосылает Господь в виде естественного разума и озарения. Августин Блаженный одержал верх в борьбе с пелагианством, которое в 431 году было предано анафеме Эфесским вселенским собором.

Сулпиций Север (около 400 года н.э.) — латинский христианский писатель родом из Аквитании. Ему принадлежит всемирная хроника в двух книгах, которая охватывает пери-

од от истоков (Ветхий Завет) до времени жизни автора. В Средние века эта хроника использовалась для изучения истории. Его «Житие святого Мартина Турского» («*Vita Sancti Martini*») отличается живостью изложения и оказало большое влияние на агиографию позднейшего времени.

С. 89. *Йерские острова* (iles d'Hyeres) — небольшой архипелаг у южного побережья Франции, департамент Вар, близ Тулона.

С. 91. *Авзоний* — годы жизни Авзония принято указывать более гипотетично: около 310 — около 395. Некоторые стихи Авзония воплотили в поэтической форме научные и исторические сведения.

Амвросий Медиоланский (около 340–397), епископ Медиоланский (Миланский) — старший из четырех западных отцов церкви, патрон Милана и Болоньи, святой покровитель пчеловодов и свечников, пчел и домашней живности. Он, сын высокопоставленного чиновника, после изучения права и риторики стал консулом Эмилии с резиденцией в Медиолане (Милане). Здесь Амвросий, выступая посредником между правоверными католиками и арианами, приобрел такую репутацию, что, еще не приняв крещение, был избран в 374 году епископом Медиоланским. Его деятельность сосредоточилась в религиозно-политической области. Своими догматическими трудами и проповедями, отличающимися красотой стиля, он приобрел большое влияние в латинской культурной среде. Деятельность Амвросия не утратила своего значения и поныне, поскольку он первым ввел в западном богослужении пение гимнов, получивших название амвросианских. День святого Амвросия Медиоланского празднуется 7 декабря.

С. 92. *Св. Иларий Пиктавийский* (310–367), епископ Пуатье — вероучитель, крупнейший догматик до Августина Блаженного. Патрон Пуатье, Ля-Рошели и Люсона. Родился в богатой языческой семье и получил хорошее образование. В 345 году крестился вместе с женой и дочерью, стал священником и уже спустя пять лет был избран епископом Пуатье. Много сил положил на борьбу против арианства. Его мощи хранятся в Париже, Аррасе, Ле-Пюи и во многих городах Италии, где его почитают и по сей день. День святого Илария Пиктавийского празднуется 13 января.

С. 93. *Св. Проспер Аквитанский* (родился около 390 года близ Бордо в Аквитании, умер между 455 и 463 годами) — позднеантичный историк и христианский теолог, отстаивал учение Августина Блаженного о благодати и предопределении. Известен своей «Всемирной хроникой», охватывающей период с 412 по 455 год. Его труд является продолжением «Хроники» Иеронима.

Лекция V

С. 110. *Гиппонский епископ...* — То есть Августин Блаженный, ставший в 395 году епископом в Гиппоне.

С. 111. *Орозий Павел*, начало V века н.э. — испанский священник и писатель. Его основной труд — написанные под влиянием Августина Блаженного 7 книг «Истории против язычников» («*Historiae adversus paganos*»), очерк мировой истории, дополняющий

сочинение Августина «О граде Божием». «История» Орозия была весьма популярна в Средние века, а принятое в ней деление всемирной истории на четыре периода (как в книге пророка Даниила) сохранялось вплоть до XVIII века.

С. 112. *Лидда* или *Лод* — город, расположенный вблизи Оно (1 Пар. 8:12) и Иоппии (Деян. 9:38), о котором упоминается уже в надписи Тутмоса III. После возвращения израильтян из вавилонского плена Лод был вновь заселен (Езд. 2:33; Неем. 7:37; 11:35). В новозаветные времена этот город назывался Лиддой (Деян. 9:32 и след.), позднее — Диосполисом (Диосполом). В настоящее время это снова Лод (в 18 км юго-восточнее Тель-Авива).

...был... признан за православного. — То есть за правоверного католика.

С. 113. ...написал римскому епископу... — То есть папе Римскому Иннокентию I (402–417). Ему впервые удалось добиться верховенства Рима в католической церкви. Пользовался правом Апостолического Престола как высшей инстанции при разрешении споров в области вероучения.

Папа Римский Зосима — грек по происхождению, занимал Апостолический Престол с 18 марта 417 года до 26 декабря 418 года.

С. 116. ...«*Contrat social*» Руссо... — Полное название этого произведения Руссо: «Об общественном договоре, или Принципы политического права». В этом, а также в ряде других произведений, опубликованных им в 50–60-е годы XVIII века, Жан-Жак Руссо (1712–1778) выступал против социально-политического и имущественного неравенства.

Лекция VI

С. 120. ...во времена Калигулы... — Упоминание в данном контексте имени императора Калигулы (12–41 годы н.э., император с 37 года) может служить лишь хронологической вехой, поскольку к «греческим литературным упражнениям», равно как и к ученым занятиям вообще, он не имел ни малейшего отношения.

С. 121. *Тертуллиан* (160–220) — христианский писатель. После 200 года отошел от церкви и примкнул к секте монтанистов, проповедовавших конец света и потому требовавших строгого аскетизма. Тертуллиан, пользовавшийся большим авторитетом среди теологов, понимал религию как правоотношение между Богом и человеком. В философии он признавал только те положения, которые отвечали христианской вере.

Арнобий — христианский ритор, живший во второй половине III века н.э. в Сикке (Северная Африка), автор апологетического труда «Против язычников» («*Adversus gentes*»).

С. 122. *Иоанн Дамаскин* (родился около 650 года в Дамаске, умер не позднее 753 года) — византийский богослов и философ родом из знатной христианской семьи. Стал монахом в монастыре Св. Себастьяна близ Иерусалима. Компилируя и систематизируя произведения отцов церкви, он создал законченную систему патристики, ставшую основой для восточной церкви и оказал воздействие на формирование западной схоластики.

Ориген (родился около 185 года в Александрии, умер в 253/254 году н.э. в Тире) — философ-неоплатоник, поборник аскетического образа жизни. Около 217 года возглавил

в Александрии христианскую катехетическую школу, ставшую центром образования, высоко ценившимся и христианами, и язычниками. Позднее он переселился в Кесарию и основал там такую же школу. Благодаря синтезу христианской веры, эллинистической образованности и неоплатонической философии, а также созданию собственной теологической системы Ориген способствовал развитию всех теологических направлений последующих эпох. Он считал свою систему ортодоксальной, однако в ходе развернувшейся около 400 года дискуссии его ортодоксальность была поставлена под сомнение, а на Вселенском соборе 553 года Ориген был осужден. Благодаря латинским переводам его важнейших произведений, выполненным Иеронимом, идеи и теологические методы Оригена получили распространение на Западе.

С. 123. *Рожденный, подобно Пелагию, в Бретани...* — Гизо ошибается: Пелагий родился не в Бретани, а в Британии.

С. 126. *Лазарь из Вифании* — брат Марфы и Марии. Иисус, получив от сестер весть о болезни их брата, пришел в Вифанию и воскресил Лазаря, четыре дня до этого пролежавшего в гробнице (Ин 11:1–45).

Ангел Гавриил — принес в Назарете Марии весть о том, что она избрана Богом стать матерью Его Сына (Лк 1:26–28).

С. 129. *...основанным на старой теории...* — «Старой теорией» Гизо назвал натурфилософские взгляды представителей так называемой Милетской школы, первых древнегреческих естествоиспытателей и натурфилософов из Милета — Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена (VI век до н.э.).

С. 130. *Академик* — приверженец философских взглядов Академии, религиозно-философского союза, основанного около 385 года до н.э. Платоном по образцу пифагорейского братства.

Стоик — последователь Стои, греко-римской философской школы, просуществовавшей более 500 лет, со времени раннего эллинизма (конец IV века до н.э.) до эпохи Римской империи. Жизненным идеалом стоика являлась невозмутимость (стоицизм).

С. 131. *Евагрий Понтийский (346–399)* — христианский церковный писатель. Дьякон и проповедник в Константинополе, затем (с 383 года) монах в Нитрийской пустыне. Его сочинения — первый опыт осмысления монашеского духовного «делания», они оказали большое влияние на последующую аскетическую традицию христианства.

С. 133. *...позволит нам прийти к такому заключению.* — Здесь устами Гизо говорит убежденный, глубоко верующий христианин. Искренние религиозные убеждения подчас создавали для Гизо проблемы при общении с приверженцами рационализма XVIII века.

Лекция VII

С. 136. *Буленвилье Анри, граф де (1658–1772)* — французский историк и философ, автор «Эссе о французском дворянстве» (1732 год).

Дюбо Жан-Батист, аббат (1670–1742) — французский историк, автор «Критической истории установления французской монархии в Галлии» (1734).

Мабли Габриель Бонно де (1709–1785) — французский мыслитель, противник частной собственности, выступал за общность имуществ («О законодательстве, или Принципы права», 1776 год).

Полибий (около 200–120 года до н.э.) — древнегреческий историк, автор «Всемирной истории» в 40 книгах (полностью сохранились первые пять), охватывавших период с 264 года до н.э. Подробно описываются события с 221 по 144 год. Полибий ставил своей целью показать стремление Рима к всемирному господству. Его исторический труд содержит достоверные сведения из римской истории.

Аммиан Марцеллин (около 330 — около 400 года до н.э.) — позднеримский историк родом из Антиохии в Сирии. В 80-е годы IV века жил в Риме, где и была написана его «История» («Res gestae»), охватывающая период от римского императора Нервы (96 год) до смерти Валента в сражении с галлами при Адрианополе в 378 году — важный исторический источник, содержащий сведения о внутри- и внешнеполитических событиях в Римской империи, среди германских племен, у балканских народов и на Ближнем Востоке.

С. 137. Ливий Тит (59 год до н.э. — 17 год н.э.) — римский историк эпохи принципата Августа. В своем труде «История Рима от основания города» изложил главные события римской истории от основания Рима до своих дней. Его труд был предназначен для идеологического обеспечения провозглашенной Августом программы возрождения древних нравов. Популярность труда во многом была обусловлена его литературными достоинствами, позволяющими воссоздать живую и яркую картину прошлого.

Цезарь Гай Юлий (100–44 годы до н.э.) — римский политический деятель и полководец. В своих «Записках о галльской войне» («De bello Gallico») сообщает много важных сведений об общественном строе и быте древних германцев.

Страбон (около 63 года до н.э. — около 20 года н.э.) — греческий географ и историк. Его «География» интересна не только с географической, но и с исторической точки зрения. Она — единственное из античных произведений подобного рода, почти полностью дошедшее до нас.

Мела Помпоний — римский географ, около 44 года н.э. написал трактат «О строении Земли», в котором сообщаются сведения о странах Средиземного моря и других известных в то время прибрежных землях.

Плиний — Гизо, очевидно, имеет в виду Плиния Старшего (23/24–79 год), автора «Естественной истории» («Naturalis historia»), огромного энциклопедического труда, в котором обобщаются научные познания того времени. Его утраченные труды по истории (в частности, о войне с германцами) использовал Тацит.

Тацит Публий Корнелий (около 55 — около 120 года н.э.) — выдающийся римский историк. В 98 году написал небольшой по объему, но богатый ценными сведениями трактат «Германия», в первой части которого дается описание общественного устройства и быта древних германцев, рассказывается об их происхождении, а во второй части характеризуются отдельные германские племена. Описывая морально здоровых и физически крепких германцев, в какой-то мере идеализируя их, Тацит тем самым обличает порядки и нравы императорского Рима. Гизо высоко ценил достоинство труда Тацита и плодотворно использовал его в своей работе.

Птолемей Клавдий (после 83 – после 161 года н.э.) — выдающийся астроном, астролог, математик и географ. Обосновал геоцентрическую систему мира, которая впервые была опровергнута в 1543 году гелиоцентрической системой Коперника. В своем «Руководстве по географии» дал координаты 8000 различных географических пунктов, что позволило реконструировать его карту мира.

Плутарх (около 46 — после 119 года н.э.) — древнегреческий писатель. В 46 «Сравнительных жизнеописаниях» содержатся 23 пары биографий выдающихся греков и римлян.

Флор Публий Анкий (I–II век н.э.) — римский писатель-историк при императоре Адриане. Написал краткую римскую историю («Эпитома»), в которой прославлял величие Рима.

Павсаний — греческий историк II века н.э., автор «Описания Эллады» в 10 книгах, местами пересыпанного учеными экскурсами. Труд Павсания содержит важные сведения по истории античной культуры, религии, мифологии и топографии.

...законы варваров... — Так называемые варварские правды (название по аналогии с Русской правдой Ярослава Мудрого) — сборники законов, судебники, действовавшие с VI века в варварских королевствах — государствах, созданных германскими племенами на территории Западной Римской империи. Наиболее известные — Салическая правда (Lex Salica), Рипуарская правда (Lex Ribuariga), Вестготская правда (Lex Visigothorum), Бургундская правда (Lex Burgundionum). Гизо, анализируя эти правды, находит убедительные свидетельства глубокого разложения первобытного строя древних германцев накануне их вторжения в пределы Западной Римской империи.

Кимвры — германское племя, обитавшее на полуострове Ютландия. Около 120 года до н.э. кимвры вместе с тевтонами и амбронами переместились к югу, в 113 году до н.э. они разбили римлян при Норее в Норике, а в 105 году до н.э. — при Аравсионе в Южной Галлии. В конце концов в 102 году до н.э. в битве при Аквах Секстиевых (ныне Экс-ан-Прованс) Марий наголову разгромил тевтонов, а в 101 году до н.э. при Верцеллах (ныне Верчелли, западнее Милана) и кимвров. Позднее тевтонами стали называть германцев вообще (*furor Teutonicus* — германская ярость), а затем и немцев (Тевтонский орден — немецкий духовно-рыцарский орден, *Deutscher Orden*, основан в 1190 году в Палестине).

С. 140. *Бельгика* — римская провинция, учрежденная Августом в 27 году до н.э., по названию населявших ее белгов, северогалльских кельтов, отчасти смешавшихся с германцами. В 57–51 годах до н.э. белгов покорил Цезарь. Главным городом Бельгики являлся Дуроцерторум, располагавшийся в области, где жили ремы, отсюда нынешнее название города — Реймс. Государство Бельгия, провозглашенное в 1830 году, берет свое название от имени этой римской провинции, на территории которой располагается.

С. 142. *De moribus Germ.* — Ранние издания «Германии» Тацита, которыми пользовался Гизо, имели более пространное название: «*Taciti Germania seu de situ, moribus et populis Germaniae libellus*» («Германия Тацита, или Книжица о местоположении, нравах и народах Германии»).

С. 146. *В битве при Ермуке...* — Река и одноименное селение в Сирии, где в 636 году произошло решающее сражение между византийцами под командованием императора

Мануила (около 100 тысяч воинов) и арабами под предводительством Каледа (около 40 тысяч человек). На третий день византийцы потерпели поражение, и Сирия оказалась во власти мусульман.

С. 147. *Туркоманы* — старое название туркмен.

Газневиды — мусульманская династия, господствовавшая в Индии в X–XI веках и получившая свое название от Газни, старинного города в Афганистане.

С. 148. *Журнал походов Де Бугенвиля в Канаде* — Journal des campagnes de M. de Bougainville en Canada dans les Variete litteraires. Т. I. Р. 488. Бугенвиль Луи Антуан де (1729–1811) — французский мореплаватель и писатель. Он описал свое знаменитое «Путешествие вокруг света», которое совершил в 1766–1769 годах.

С. 149. *Вольней Константин Франсуа, де Шасбёф, граф де* (1757–1820) — французский философ, доказывавший, что народы, несмотря на свои различия, едины в братстве и прогрессе («Руины, или Размышления о сменах империй», 1791 год).

Кацики — вожди племен.

С. 153. *Рукописный дневник пребывания в Гвиане Марбуа* — Journal manuscrit d'un sejour a la Guyane, par M. de Marbois.

История академии надписей — Histoire de l'Academie des inscriptions. Т. III. Р. 41.

Лекция VIII

С. 160. ...в «*Письмах об Истории Франции*» Оюстена Тьерри. — Thierry A. Lettres sur l'histoire de France. Paris, 1827. Р. 81–114.

С. 163. *Хильперик I* (годы правления 561–584) — франкский король из династии Меровингов.

Гонтран — король Бургундии (561–592) из династии Меровингов, содействовал распространению христианства, за что и был причислен церковью к лику святых.

Теодоберт — король Австразии (534–548) из династии Меровингов, известен своими войнами против вестготов и византийского императора Юстиниана I.

С. 164. *Григорий Турский* — настоящее имя Георгий Флоренций (538–594), епископ Турский (573–594), игравший важную роль в политической жизни Галлии своего времени, в частности отстаивал интересы церкви от посягательств со стороны короля Хильперика I. Знаменит как автор «Истории франков» (в 10 книгах с автобиографией), главного источника по истории Франкского королевства V–VI веков. Почитался народом как святой чудотворец.

С. 167. *Лавники* — судебные заседатели.

С. 168. *Колон* (лат. colonus) — земледелец в широком смысле слова (синоним слова «agricola»). В поздний период Римской империи колонны представляли собой зависимый слой сельского населения, были прикреплены к земле своего господина и не могли уйти от него — их юридические права и свобода передвижения оказались сильно ограниченными. Наличие собственного хозяйства сближало их со средневековыми крепостными. Некогда свободные франки, селившиеся на чужих землях, оказывались в положении рим-

ских колонов, постепенно превращаясь в сервов — крестьян, попавших в поземельную и личную зависимость от сеньора.

Бенефиций (лат. *beneficium* — благодеяние) — первоначально в римском праве означал льготы, которые предоставлялись отдельным категориям лиц. В варварских королевствах, образованных германскими племенами на территории Западной Римской империи, в процессе феодализации возникло бенефициальное право, которое регулировало господствовавшую в Средние века систему землевладения: хозяин земли (сеньор) отдавал ее во временное, большей частью наследственное держание (в лен) своему вассалу, обязанному служить ему и исполнять установленные повинности.

С. 170. Хлодвиг — король салических франков (481–511 годы) из рода Меровингов. Сначала завоевал область Сены, победив в 486 году римского наместника Сиagriя, а затем расширил свои владения, подчинив в 497 году алеманнов, а в 507 году вестготов. Важную роль в укреплении государства Хлодвига сыграло принятие им в 497 или 498 году христианства в католической форме.

Хильдеберт I — сын и преемник Хлодвига, франкский король (511–558).

Хлотарь I (497–561) — младший сын Хлодвига, при разделе отцовского наследства в 511 году получивший исконную область поселения салических франков в низовьях Рейна.

Лекция IX

С. 174. *Филипп V Длинный* (*Philippe V le Long*) — король Франции (1316–1322) из династии Капетингов. Второй сын Филиппа IV Красивого (1285–1314). По смерти старшего брата, Людовика X, он стал регентом при малолетнем племяннике Иоанне I, но тот вскоре умер, после чего Филипп V сам вступил на престол, отстранив дочь Людовика X Жанну. Чтобы узаконить этот захват власти, он добился от Генеральных штатов признания действительным положение Салической правды, запрещающее женщине наследовать землю.

Филипп VI Валуа — король Франции (1328–1350), сын Карла Валуа, брата Филиппа IV Красивого, первый из династии Валуа, занявший французский престол по смерти Карла IV (1322–1328), последнего Капетинга, умершего бездетным. Филипп VI отверг притязания на французскую корону английского короля Эдуарда III, внука Филиппа IV Красивого по материнской линии, поскольку Салическая правда не допускает наследование земли женщиной — следовательно, дочь Филиппа IV не была наследницей Французского королевства. Этот конфликт из-за наследства послужил одной из причин Столетней войны (1337–1453) между Англией и Францией.

С. 175. ...сохранились в восемнадцати списках... — В настоящее время известно значительно больше списков Салической правды (свыше 60). См.: Салическая правда. Перевод проф. Н.П. Грацианского. Под ред. проф. В.Ф. Семенова. М., 1950. С. 11.

С. 176. ...длинноволосый... — Длинные волосы были принадлежностью свободных германцев, поэтому они никогда не стриглись; напротив, рабов германцы стригли наголо.

Моисей — сведения о жизни Моисея содержатся прежде всего в четырех последних книгах Пятикнижия Моисеева. В том, что Моисей — реальная историческая личность, в настоящее время уже практически никто не сомневается.

Фороней — мифический основатель Аргосского государства. Ему приписывали введение на Пелопоннесе гражданского устройства и религиозных обрядов. Он, подобно Прометею, считался первым человеком, принесшим огонь с неба на землю.

Трисмегист («Трижды Величайший») — эпитет бога Гермеса (Меркурия), отождествлявшегося с Тотом, египетским богом мудрости и письма. По представлению египтян, Тот приводил умершего на суд, записывал решение суда и отводил умершего к Осирису, богу мертвых.

Солон (около 640–560 годов до н.э.) — афинский политический деятель. В 594 году он был наделен чрезвычайными полномочиями, чтобы преодолеть затяжной экономический и политический кризис Афинского государства. Солон провел реформы (отмена поземельной задолженности, запрещение долгового рабства, введение земельного максимума и др.). Все граждане были разделены на 4 разряда в соответствии с имущественным цензом. Высшим органом власти стало народное собрание. Античные предания причисляли Солона к Семи мудрецам.

Ликург — легендарный законодатель Спарты (Лакедемона), живший, как полагали, в IX веке до н.э. Будто бы по велению Дельфийского оракула или по образцу государственной системы Крита создал политические институты спартанского общества.

Нума Помпилий — второй, согласно римской традиции, царь Древнего Рима. Ему приписывают многочисленные государственные меры: установление законов, сооружение храмов, введение религиозных обрядов, разделение граждан на сословия, учреждение жреческих и ремесленных коллегий.

Ромул — согласно римскому преданию, вместе со своим братом-близнецом Ремом основал в 753 году до н.э. город Рим и стал его первым царем.

Помпей Великий (106–48 годы до н.э.) — полководец и государственный деятель. Консул 70, 55 и 52 годов до н.э. Был наделен чрезвычайными полномочиями с целью восстановления порядка и сохранения власти аристократии.

Цезарь — в 48 году до н.э. был объявлен пожизненным диктатором. Он провел реформу государственного строя, навел порядок в политической и социальной сферах, реформировал календарь и принял ряд других мер. Недовольная сенатская аристократия составила против него заговор, и в мартовские иды (15 марта) 44 года до н.э. он был убит.

С. 177. *Теодорих I* — сын Хлодвига, король Австразии (511–534).

Далюберт I — франкский король (629–638) из династии Меровингов. Провел реорганизацию и унификацию королевства.

С. 178. *Исидор Севильский* (около 570–636) — ученый, латинский писатель, в 600–601 годах был архиепископом Севильи. Автор многочисленных естественно-научных, грамматических, исторических и теологических сочинений. Важные сведения по истории германских народов содержатся в его «Хронике», посвященной вестготам, и истории вандалов. Большую ценность представляют «Этимологии» (или «Начала» —

«Origines») в 20 книгах, дающие на основе объяснения значения слов целую энциклопедию тогдашних знаний.

Фредегарий (Фредегар, Псевдо-Фредегар) — утвердившееся в науке имя одного или нескольких авторов анонимной франкской хроники («Деяния франков» — «Gesta Francorum»), доведенной до 642 года.

С. 179. *Валентиниан III* (419–455) — император Западной Римской империи с 425 года. В годы его правления неудержимо шел процесс распада империи, германские племена захватывали целые провинции и селились в них (франки — в Галлии), создавая так называемые варварские королевства.

Сикамбрия — область расселения сикамбров (одного из племен, составлявших племенной союз франков) в бассейне реки Рур.

Отфрид Вейсенбургский — бенедиктинский монах в Вейсенбурге, Эльзас, сочинивший между 863 и 871 годами «Евангельскую гармонию», древнейшее рифмованное сочинение на немецком языке.

С. 180. «*Саксонское зеркало*» — древнейший и важнейший в то время сборник германского обычного права, который составил около 1230 года Эйке фон Репков.

«*Швабское зеркало*» — распространенный в Южной Германии сборник обычного германского права, составленный около 1275 года.

С. 185. *Патроны* — члены римских патрицианских родов, бравших под свою защиту отдельных лиц, становившихся их клиентами. Римское право ставило всех вольноотпущенников под патронат их прежнего господина.

С. 187. ...об... испытании кипятком... — Речь идет о так называемых ордалиях (лат. ordalium, от англосаксонского ordal — приговор, суд) или Божьем суде: в древности и в Средние века род испытания (огнем, водой и др.), с помощью которого якобы устанавливалась судебная истина.

«*Песнь о нибелунгах*» — немецкий героический эпос, возникший около 1200 года, отразивший исторические предания об уничтожении в 436 году гуннами государства бургундов (нибелунгов), придворный и рыцарский быт эпохи.

С. 188. «*Илиада*» — гомеровский эпос, повествующий об осаде Трои (Илиона).

Лекция X

С. 191. ...вероятно, получили свое название от реки *Иссель*... — Более вероятно другое происхождение названия салических франков: поскольку они селились в низовьях Рейна, у моря, то получили свое имя от латинского слова «salum» — «море», то есть «приморские франки».

...начал борьбу с *Аларихом*... — Имеется в виду Аларих II, король вестготов (484–507). Погиб в сражении с Хлодвигом и бургундским королем Гундобадом, в результате чего вестготы потеряли большую часть своих владений в Галлии и перенесли столицу из Тулузы в Толедо.

С. 192. *Франциска* — боевой топор франков.

С. 196. ...вторым годом царствования Гундебальда... — Начало правления Гундебальда Гизо устанавливает неверно. Гундебальд был королем бургундов в 480–516 годах. При нем, в 501–515 годах, вероятнее всего, и была составлена Бургундская правда.

С. 197. *Силизмунд* — король бургундов, сын и преемник Гундебальда, годы правления 516–523. Перешел из арианства в католичество.

...в четвертый день до апрельских календ. — То есть 29 марта.

С. 198. *Майордомы* — управляющие королевскими имениями.

Письмоводитель — служащий канцелярии, писец, делопроизводитель.

Асс — римская медная монета.

Солид — римская золотая монета.

С. 202. *Эйрих* (Эврих) — король вестготов в 466–484 годах. При нем вестготы расторгли союзные отношения с Западной Римской империей, благодаря чему Эйрих добился полного политического признания. Вестготское право было кодифицировано около 475 года (*Codex Euricianus*).

С. 203. *Мартовские собрания* — в исторической литературе обычно называются мартовскими полями (буквально как по-французски: *Champs de Mars*). Они проводились во Франкском королевстве периода Меровингов и представляли собой прежде всего военные смотры, на которые съезжались все свободные франки, способные носить оружие. Если учесть, что месяц март во французском языке носит имя римского бога войны Марса, то было бы правильнее называть эти военные смотры Марсовыми полями — именно так в новое время стали называть места проведения военных смотров и парадов (например, Марсово поле в Петербурге).

Майские собрания (или майские поля), пришедшие на смену мартовским, — проводились во Франкском королевстве Каролингского периода (вторая половина VIII–IX век) и представляли собой уже не военные смотры всех свободных франков, а лишь тех, для кого военная служба стала основным и единственным занятием, то есть представителей зарождавшегося господствующего класса феодалов.

Уитенагемот (букв.: совет мудрых) — совет знати в англосаксонских королевствах VI–XI веков. Таким образом, вопреки утверждению Гизо, «мартовские собрания» и в значительной мере «майские собрания» Франкского королевства были не тем же, чем являлся уитенагемот у англосаксов.

Лекция XI

С. 207. «*Пандекты*» (лат. *pandectae* — всеобъемлющие) — сборники сочинений древнеримских юристов по вопросам частного права, также включавшие в себя выдержки из законов и других нормативных актов. Наиболее известны собранные по инициативе Юстиниана I (527–565) и опубликованные под названием «*Дигесты*». Они составляют основную часть «Свода гражданского права» (*Corpus iuris civilis*).

С. 211. ...заняться, прежде всего, *Вестготским королевством*. — Вестготское королевство было первым из варварских королевств, возникших на развалинах Западной Римской

империи. В 418 году вестготы основали в Южной Галлии королевство со столицей в Тулузе (так называемое Тулузское королевство вестготов). В течение V века они захватили большую часть Пиренейского полуострова. После того как в начале VI века франки вытеснили вестготов из Галлии, их королевство находилось в пределах Пиренейского полуострова. В начале VIII века Вестготское королевство было завоевано арабами.

С. 212. *Новеллы* (лат. *povellae leges* — новые законы) — законы, изданные после официальной кодификации права, например, после вступления в силу в 438 году н.э. «Кодекса Феодосия». Новеллы Юстиниана I и его преемников стали составной частью «Свода гражданского права».

Институции (лат. *institutiones* — наставления) — учебник юриспруденции. Наиболее известны юридические институции Гая, послужившие основой для «Свода гражданского права».

Павел Юлий — один из выдающихся римских юристов первой половины III века н.э. Занимал высокие административные должности.

Грегориан — римский юрист времен императора Диоклетиана (284–305 годы н.э.), известный по сборнику законов императоров от Адриана до Диоклетиана. Этот «Кодекс Грегориана» (*Codex Gregorianus*) часто цитировался при последующих императорах и, вероятно, был, наряду с другими сборниками, положен в основу «Кодекса Юстиниана», в свою очередь, вошедшего в состав «Свода гражданского права».

Гермогениан — римский юрист IV века н.э., автор «*Juris epitome*» («Краткое изложение права»), самостоятельной переработки извлечений из предшествовавших ему юристов. Составленный им и получивший по его имени название «Кодекс Гермогениана» служил дополнением к «Кодексу Грегориана» и содержал императорские конституции 291–295 годов.

Папиниан Эмилий — один из знаменитых римских юристов (около 146–212 года н.э.). Цитаты из его трудов занимают важное место в «Своде гражданского права».

Конституции (лат. *constitutio* — постановление) — общее название разного рода предписаний римских императоров (эдиктов, декретов, мандатов и рескриптов), которые наряду с решениями сената являлись важнейшими законодательными актами Римской империи.

С. 214. ...судьи должны быть одного сословия и положения с обвиняемым. — И все-таки прав Савиньи: речь идет о судьях, по положению равных обвиняемому (суд равных). Ту же ситуацию встречаем в английской «Великой хартии вольностей» (1215 год): представители каждого сословия судятся в своем сословном суде.

С. 216. *Хильдеберт II* — король Австразии, восточной части Франкского королевства (575–595), Бургундии и Орлеана (592–595) из Меровингской династии.

С. 217. *Курии* — в Древнем Риме граждане делились на 30 курий. По куриям собирались куриатные народные собрания (комиции), поэтому куриями стали называть места собраний и жертвоприношений. В поздней античности куриями именовались места заседаний высших органов власти в римских провинциях. Со II века курией называется совокупность учреждений, посредством которых папа Римский осуществляет управление католической церковью.

Оверньят — то есть житель провинции Овернь.

Академия надписей и изящной словесности (Academie des inscriptions et belles-lettres) — одна из пяти академий Института Франции, учрежденная Кольбером в 1663 году. Занимается изучением древних и восточных языков, средневековых наречий и истории.

С. 218. ...*одержит верх над идеей расы...* — Слово «раса» (франц. *race*) Гизо употребляет не в смысле подразделения человечества на три «большие расы» (европеондная, монголоидная и негроидная), а в том значении, которое приводится в словаре В.И. Даля: «Раса — племя, порода, поколение, видоизменение животного и человека, которое ведется родом».

Лекция XII

С. 223. ...*был прав современный философ...* — Имеется в виду Ламенне Фелисите Робер де (1782–1854), французский публицист и религиозный философ, аббат, один из родоначальников христианского социализма. Его основное сочинение («Слова верующего», 1834 год) вышло после того, как Гизо читал свои лекции.

С. 226. *Римский патриарх* — имеется в виду почетный титул, который давался католической церковью епископам наиболее важных и старинных кафедр. Официально Римского патриархата не существовало.

С. 227. *Присциллиане* — последователи Присциллиана, испанского еретика, который перенял от манихейства принципы аскетизма и дуализм (противопоставление потустороннего мира земным, чувственно воспринимаемым объектам и явлениям). После допроса на епископском синоде в 385–386 годах в Трире приговорен императором Максимом к смерти и был казнен вместе с четырьмя своими сторонниками. Это была первая казнь еретиков, имевшая большой резонанс и вызвавшая гневный протест со стороны св. Амвросия Медиоланского и св. Мартина Турского. Присциллиане известны до VI века.

Монофиситы — сторонники христианского учения, возникшего в Византии в V веке. Его основателем считают константинопольского архимандрита Евтихия, который учил, что Христу присуща одна природа — божественная, а не две — божественная и человеческая, как утверждала официальная церковь. На Халкедонском соборе 451 года монофиситство было осуждено как ересь, а его сторонники стали преследоваться как еретики.

Монофелиты — приверженцы христианского учения, возникшего в начале VII века и утверждавшего, что Христос имел две разные сущности — божественную и человеческую, но единую волю. Это учение явилось попыткой выработать компромисс между монофиситством, официальной церковью и византийским правом. Монофелитство было осуждено на VI Вселенском соборе 680/681 года в Константинополе, провозгласившем, что Богочеловек имеет две воли, причем его человеческая воля подчинена божественной.

...*между арианами и православными...* — То есть правоверными, ортодоксальными католиками.

Ираклий I (575–641) — византийский император с 610 года. Реорганизовал управление империей и сделал греческий ее официальным государственным языком. Победил персов, но не сумел отразить наступление арабов, захвативших Сирию и Египет.

С. 228. *Кассиодор Флавий Ман Аврелий* (около 490–583) — римский политический деятель и писатель. Находясь на службе у короля остготов Теодориха Великого (471–526), стремился к достижению взаимопонимания между готами и римлянами. Уйдя в 540 году в отставку, основал у себя на родине в Калабрии Виварийский монастырь, где занялся сбором рукописей античных авторов, привлек к их переписыванию монахов и тем самым сыграл огромную роль в сохранении древней литературы. Написал учебник «Институции», содержащий основы духовного и светского образования, в том числе с изложением семи свободных искусств (тривиум: грамматика, риторика, диалектика; квадривиум: арифметика, геометрия, музыка, астрономия). «История готов» Кассиодора полностью до нас не дошла.

С. 231. *Маврикий* (Флавий Маврикий Тиберий, 539–602) — византийский император с 582 года. Реформировал управление империей и принял меры для более успешной обороны ее рубежей. Упомянутый Гизо запрет преследовал именно эти цели.

Григорий I Великий (540–604) — выходец из патрицианской семьи, в 572–573 годах был префектом Рима, с 575 года жил аскетом. В 579–585 годах был папским посланником при дворе византийского императора, в 590 году стал папой. Много сделал для налаживания мирных отношений с лангобардами и реорганизовал земельные владения римской церкви, тем самым заложив основы папской власти в Италии. При нем началась христианизация англосаксов (с 596 года) и укрепилась связь вестготов с католической церковью. Отстаивал папское верховенство по отношению к патриарху Константинопольскому и независимость от византийского императора, о чем свидетельствует и рассмотренный Гизо случай. 854 письма Григория Великого имеют большое значение для понимания той эпохи.

...заговорил бы совсем иначе с самым близким и могущественным государем. — Как, например, во второй половине XI века говорил папа Григорий VII с германским королем Генрихом IV.

С. 232. *Суфраганы* — епископы, подчиненные архиепископу (митрополиту).

С. 233. ...в будущие сентябрьские календы. — То есть 1 сентября.

...я говорю о королевской капелле... — С 741 года духовные лица в свите короля получают название капелланов (capellani). При вступлении в 751 году на королевский престол Пипина Короткого капелланы, находившиеся в его окружении, официально получили статус королевской капеллы (capella regia). Вскоре по примеру короля герцоги, епископы и папы также стали заводить своих капелланов. Королевская капелла не только исполняла духовные функции, но и занималась делопроизводством, дипломатической и прочей перепиской короля. После раздела Каролингской империи в 843 году у каждого из правителей возникших новых королевств появилась своя придворная капелла.

С. 234. *Иммунитет* (от лат. immunitas — освобождение от служебных и податных повинностей) — в Римской империи означал освобождение императорских доменов от публичных податей и служб. В поздней античности иммунитет распространился также на церковные и сенаторские владения. Во Франкском королевстве Парижский эдикт 614 года подтвердил, помимо иммунитета королевских и церковных владений, также иммунитеты знати. Иммунитетная территория освобождалась от вступления на нее государственных

чиновников и частично от публичных податей и повинностей. Владелец иммунитета (иммунист) исполнял в пределах своих владений государственные функции (духовные иммунисты — через своих уполномоченных, которых называли фогтами), прежде всего судебные. Король оставлял за собой prerogative контролировать церковных иммунистов, наделив своих должностных лиц на местах (графов) правом участвовать в назначении фогтов. Расширение практики пожалования иммунитетов привело к феодальной раздробленности — одной из фаз прогресса в исторической концепции Гизо: прогрессивное развитие человечества идет в направлении государственного единства, однако прерывается рецидивами разъединения.

Лекция XIII

С. 242. *Адвокаты церкви...* — Имеются в виду уже упоминавшиеся нами фогты. Должность фогта развилась из римских правовых форм (*advocatus*) в сочетании с германским институтом опеки, покровительства (*Munt*). На основании эдикта императора Гонория от 401 года церкви предписывалось иметь защитников (*advocati*), которые брали на себя исполнение всех мирских дел. Во Франкском королевстве духовные иммунисты были представлены своими фогтами, которые собственными силами защищали их и командовали ополчением. В суде духовного иммуниста фогт исполнял должность судьи. Карл Великий (768–814) сам назначал не только графов, но и фогтов епископств и аббатств, деятельность которых контролировалась специальными королевскими посланцами.

С. 246. *...при вступлении на престол династии Каролингов...* — Смена Мерovingской династии Каролингами произошла в 751 году, когда майордом (формально — управляющий королевскими имениями, фактически же правитель государства при так называемых ленивых королях, последних представителях династии Мерovingов) Пипин Короткий отправил короля Хильдерика III в монастырь, а сам, предварительно заручившись согласием папы Римского Захарии (741–752), короновался королевской короной. Новая династия получила название по имени не основателя, а наиболее видного ее представителя — Карла Великого (768–814), сына Пипина Короткого.

С. 247. *...в 744 году...* — Гизо ошибочно указывает дату обращения Пипина Короткого к папе Захарии, это имело место в 751 году.

С. 251. *Десятина* — периодически взимаемая натуральная подать, составляющая десятую часть сельскохозяйственной продукции, ввозимых товаров, военной добычи и т.п. Десятина принадлежит к древнейшим и наиболее распространенным видам податей. Она была известна еще в Вавилонии и практиковалась древними греками и римлянами. Церковь обосновывала взимание десятины с верующих ссылками на Ветхий Завет, прежде всего на следующие заповеди: «И всякая десятина на земле из семян земли и из плодов дерева принадлежит Господу» (Лев 27:30); «И всякую десятину из крупного и мелкого скота, из всего, что проходит под жезлом десятое, должно посвящать Господу» (Лев 27:32). Во Франкском королевстве все верующие были обязаны платить десятину церкви (со вре-

мен Маконского синода 585 года). С VIII века требование церковной десятины подкреплялось авторитетом государственной власти.

С. 252. ...имели доступ в национальные сеймы... — Подразумеваются советы из представителей знати, собиравшиеся в королевском дворце, такие, как уитенагемот («совет мудрых») у англосаксов.

С. 254. *Базилика* — церковь, построенная по плану древнеримской базилики, прямоугольного здания с несколькими нефами. Раннехристианская базилика разделялась двумя рядами колонн на три нефа, главный из которых включал в себя апсиду. Базиликами назывались также церкви, которым папа Римский пожаловал особое достоинство.

Лекция XIV

С. 257. *Монашество* — существует во многих религиях, в частности в буддизме. Христианское монашество возникло в III веке в Египте и Передней Азии, где оно пришло на смену пустынножительству (отшельничеству). Учредителем общинножительств (киновии) был Пахомий (умер в 346 году). Первоначально монахами были миряне, предававшие молитве, аскезе и ручному труду. Халкедонский собор 451 года препоручил монахов надзору со стороны епископов. На Западе монашество оформилось благодаря Бенедикту Нурсийскому (около 480–547 года), устав которого считается «основным законом западного монашества».

С. 258. *Фиваида* — южная часть Древнего Египта, столицей которой были Фивы. В первые века христианства она являлась значительным центром монашества.

Св. Антоний Великий, Антоний Пустынный (251/252–356) — святой покровитель всадников, ткачей, кондитеров, крестьян, корзишников, щёточников, звонарей, свинопасов, мясников, могильщиков, покровитель домашней скотины, особенно свиней, спаситель при чуме, проказе и сифилисе, при пожарах и эпизоотиях. «Отец монашества», «Звезда пустыни», борец с бесами и чудотворец. Антоний родился в Коме (Центральный Египет) в знатной семье. После смерти своих родителей он в возрасте 20 лет роздал своё наследство бедным и стал вести жизнь отшельника в пустыне, а затем в пещере в Фиваиде в Верхнем Египте. Его примеру последовало множество христиан, образовав целые колонии отшельников. Когда император Максимиан начал в 311 году жестокие гонения на христиан в Египте, Антоний отправился в Александрию, чтобы принести помощь и утешение своим единоверцам. Как только гонения пошли на убыль, он возвратился в пустыню, откуда вел оживленную переписку с императорами Константином Великим и его сыном Констанцием II. В 351 году он вновь отправился в Александрию, чтобы бороться против ариан. Умер Антоний в возрасте 105 лет. День святого Антония празднуется 17 января.

Св. Макарий — имеется в виду Макарий Младший, именуемый также Макарием Александрийским (около 300 — около 390 года). Не путать с Макарием Старшим, именуемым Макарием I Иерусалимским (умер в 334 году). Макарий Младший жил в пустыне Скит в Верхнем Египте. Обладал способностью исцелять болезни и изгонять бесов, поэтому в его

келью часто навещивались посетители. Во время гонения на христиан при императоре Валенте (364–378) скрывался вместе с Макарием Старшим на одном из островов Нила. День св. Макария Младшего Восточная церковь празднует 19 января, а Западная — 2 января.

Св. Иларион (288–372) — аскет, родом из Газы, христианство принял в Александрии, основатель монашества в Палестине. Его житие написано Епифанием Кипрским.

Св. Пахомий Великий — жил в начале IV века. Принял христианство, удалился в Фиваидскую пустыню, позже основал первый монастырь в Тавенне на началах общежития со строгим уставом. Скончался в 348 году.

Мессалиане (иначе эвфемиты, эвхиты, пневматики, адеффиане) — члены различных религиозных общин, образовавшихся в середине IV века в Малой Азии. Во второй половине IV века мессалианами стали называться экзальтированные, доходившие до экстаза монахи-анакореты (отшельники) в Сирии, Армении и Малой Азии. Они утверждали, что человек с самого рождения находится во власти злого духа, который можно изгнать только соответствующими молитвами. Церковь осудила эти взгляды решением Эфесского собора 431 года.

С. 259. Симеон Антиохийский, Симеон Столпник (около 390–459) — аскет, отшельник, святой покровитель пастухов. Более сорока лет близ Антиохии простоял на столбе, окруженном стеной, предаваясь молитвам и пророчествам. Сын зажиточных крестьян. Поскольку ему предстояло пасти овец своих родителей, он не получил никакого образования. В 403 году стал монахом в монастыре Евсебона близ Теледы, в котором выделялся среди прочей братии крайне строгой аскезой. Около 415 года он велел приковать себя к скале, но поскольку его постоянно донимали посетители, надеявшиеся обрести, прикоснувшись к его одежде, исцеление или исполнение своих желаний, в 422 году встал на вершину двухметрового столба, высота которого со временем была доведена почти до 20 метров. Дважды в день он проповедовал тысячам людей, собиравшимся послушать его. Охотно отвечал на вопросы, и с ним консультировались даже сановники, как церковные, так и мирские. В 451 году его посетил император Марциан (450–457), созвавший по просьбе папы Льва I собор в Халкедоне и желавший получить совет Симеона. К нему приходили письма со всего христианского мира, и он прямо со столба диктовал ответы. Еще при жизни прослыл чудотворцем. День св. Симеона Столпника Восточная церковь празднует 1 сентября, а Западная — 5 января.

Василий Великий (около 330–397) — архиепископ Кесарии Каппадокийской, учитель церкви и один из четырех отцов Восточной, греко-православной церкви (кроме него ещё Григорий Назианзин, Иоанн Златоуст и Афанасий Великий). Вместе со своим другом Григорием Назианзином и своим братом Григорием Нисским относится к «трем каппадокийцам», которые на Константинопольском соборе 381 года одержали верх над арианами. Родился в Кесарии Каппадокийской, учился в родном городе, в Константинополе и Афинах, где познакомился с Григорием Назианзином, дружбу с которым поддерживал до конца своих дней. В 356 году крестился в Кесарии и отправился странствовать по Сирии, Палестине, Египту и Месопотамии, знакомясь там с монастырской жизнью. В 359 году роздал бедным своё имущество и поселился близ Неокесарии на Черном море, основав там монастырскую общину. Вместе с Григорием Назианзином разработал устав, который и до

сих пор соблюдается в монастырях восточных церквей. В 364 году покинул монастырь, принял сан священника и занялся церковной политикой. В 370 году стал архиепископом Кесарийским и митрополитом всей Каппадокии. Своей важной задачей считал борьбу против арианства. День св. Василия Великого Восточная церковь празднует 1 января, а Западная — 2 января.

Афанасий Великий, Афанасий Александрийский (около 295–373) — патриарх Александрии, один из греческих отцов церкви. Получил от своих родителей-христиан хорошее образование. В качестве диакона в 325 году сопровождал Александра, патриарха Александрийского, на Первый Вселенский собор в Никею, на котором был принят Никейский символ веры, утвердивший догму о единосущности Бога-Отца и Бога-Сына. Автором этого мистического учения был Афанасий, наследовавший в 328 году умершему патриарху Александру. Ариане тогда были еще столь сильны, что Афанасию пришлось не раз отправляться в изгнание (в Трир, Рим, в египетскую пустыню, в скит близ Александрии), но повсюду он отстаивал ортодоксальное учение о единосущной Троице. В 370 году сочинил житие св. Антония Великого, которое во многом способствовало распространению пустынножительства и формированию общин пустынников, предшествовавших появлению монастырей. Афанасий Великий — «Столп Церкви», «Отец правоверия», мыслитель и человек несгибаемой воли, непреклонный борец, но также и миротворец — умер 2 мая 373 года в Александрии. Его день отмечается 2 мая.

Григорий Младший Назианзин, Григорий Богослов (330–390) — христианский мыслитель, поэт, церковный деятель, один из отцов Восточной церкви, друг и сподвижник Василия Великого, епископ Назианза в Малой Азии. Святой покровитель поэтов. Сын Григория Старшего Назианзина. Учился в Кесарии Каппадокийской, Кесарии Палестинской и в Афинах, где познакомился с Василием Великим, с которым дружил до конца жизни. В 358 году принял крещение и последовал за Василием в его монастырь на Черном море. В 361 году был рукоположен в родном городе в сан священника и занял епископскую кафедру Сасимы (близ Назианза), диоцез которой состоял из одной крошечной деревеньки. В 374 году стал епископом Назианза, а в 379 году отправился в Константинополь, чтобы вести борьбу против ариан, и боролся столь успешно, что император Феодосий I назначил его патриархом Константинополя. Второй Вселенский собор в Константинополе в 381 году осудил ариан и избрал Григория епископом Константинопольским, однако церковные интриги побудили его покинуть город и возвратиться в Назианз, близ которого, в своем родовом поместье, он написал большинство своих знаменитых произведений (244 письма, 400 стихотворений, 44 речи). День св. Григория Назианзина греческая церковь отмечает 19 и 25 января, сирийская — 1 января, а Западная — 2 января.

С. 260. *Цирцея* (Кирка) — волшебница в древнегреческих сказаниях, дочь Гелиоса. Жила на о. Эвбея или на западном побережье Центральной Италии (мыс Цирцеи). Она превратила спутников Одиссея в свиней. Таким образом, по мнению Рут依ия, лучше превратиться в свинью, чем стать монахом.

С. 261. *Кассиан Иоанн* (около 360–435) — основатель монашества в Галлии и один из теоретиков монашеской жизни. С 390 года около 10 лет провел в монастырях и скитах

Египта. В 415 году основал мужской и женский монастыри близ Марсея и написал для них «Установления», легшие в основу Устава св. Бенедикта Нурсийского.

С. 262. ...золото они едят... — Золото в поздней античности и в библейской традиции служило выражением богатства и роскоши, поэтому Иероним, очевидно, употребил здесь это слово в переносном смысле как синоним дорогих и изысканных блюд.

С. 269. ...до октябрьских календ... — То есть до 1 октября.

С. 273. ...в 543 году, когда он умер... — Бенедикт Нурсийский умер не в 543-м, а в 547 году в Монте-Кассино. В начале VIII века его останки были перенесены в бенедиктинский монастырь Флёри (близ Орлеана), который с тех пор называется Сен-Бенуа-сюр-Луар. Папа Григорий I написал его житие. Бенедикт Нурсийский, «Отец западного монашества», является патроном Европы, святым покровителем учителей и учеников, горняков, чеканщиков по меди, а с 1957 года и спелеологов; он — целитель лихорадки, воспалений, отравлений, каменных болезней, защитник от колдовства. День св. Бенедикта Нурсийского празднуется 11 июля.

Св. Мавр — в начале XVII века имя св. Мавра было присвоено одной из бенедиктинских монашеских конгрегаций. Члены этой конгрегации св. Мавра (1618–1790), прозванные мавристами, сыграли большую роль в сборе и публикации средневековых западноевропейских рукописей и положили начало ряду исторических дисциплин.

Лекция XV

С. 279. Св. Епифаний Кипрский (около 315–403) — епископ Саламина и митрополит Кипра (с 397 года), христианский писатель. Защищал ортодоксальное христианское вероучение в полемике с еретическими учениями, особенно Ария и Оригена. Сочинение Епифания «Панарий» (буквально: «ящик с лекарствами») содержит подробное описание и опровержение 80 ересей.

С. 281. ...св. Сириций (384–398)... — Гизо не точен: понтификат св. Сириция продолжался с декабря 384 года по 26 ноября 399 года. Он написал первые папские декреты, распоряжения по церковной дисциплине, в частности, запретил повторное крещение и предписал безбрачие духовенства.

...св. Лев Великий (440–460)... — Гизо на год убавил срок понтификата св. Льва I Великого, вступившего на Апостолический Престол 29 сентября 440 года и умершего 10 ноября 461 года. Лев Великий был первым папой, похороненным в соборе Св. Петра. Прославился героической обороной Рима и Италии от гуннов Аттилы в 452 году и от вандалов под предводительством Гейзериха в 455 году. Учитель церкви. Святой покровитель музыкантов и певцов. Его день церковь отмечает 10 ноября.

С. 284. ...коммуны вступили в борьбу... — Коммунальное движение XI–XII веков, обретение богатейшими городами прав самоуправления.

С. 285. ...мы находим официальную редакцию их в формулах... — То есть в формулах, типовых документах, в которые просто вписывались имена получателей или партнеров по соглашению.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 287. *Фульдский монастырь* — основан в 744 году св. Бонифацием в восточной части Франкского королевства (сейчас в Германии). Библиотека и скрипторий (мастерская по переписыванию книг) Фульдского монастыря сыграли важную роль в сохранении античной литературы.

Св. Бонифаций — собственно Виффрид (около 675–754), епископ, «апостол Германии», патрон Фульды, святой покровитель пивоваров и портных. Родился в знатной семье в англосаксонском королевстве Уэссекс. 15 мая 719 года папа Григорий II (715–731) в Риме нарек его Бонифацием в честь Бонифация Тарского, которого поминают в этот день, и наделил полномочиями заниматься миссионерством во Франкском королевстве. В 722 году Григорий II рукоположил его в сан епископа. Бонифаций учредил несколько епископств и монастырей (в том числе его любимый — Фульдский), превратившихся, благодаря его усилиям, в культурные центры. 5 июня 754 года вместе с 52 спутниками принял мученическую смерть во Фрисландии, куда отправился проповедовать христианство. Похоронен в Фульде. День св. Бонифация отмечается 5 июня.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие научного редактора.....7

Предисловие к шестому изданию.....14

ЛЕКЦИЯ I. Предмет курса. — Два метода, которые можно употребить при подробном изучении истории европейской цивилизации. — Причины, заставляющие предпочесть изучение цивилизации одного какого-нибудь народа. — Причины, побуждающие избрать для изучения цивилизацию французскую. — Какие существенные факты обуславливают совершенство цивилизации. Сравнение между великими народами Европы в этом отношении. — О цивилизациях английской, немецкой, итальянской, испанской, французской. — Французская цивилизация самая разносторонняя и всего скорее может служить представительницей общей цивилизации. Изучение ее имеет интерес не только научный. — Какое направление преобладает в настоящее время в мире интеллектуальном? — Какое направление преобладает в мире социальном? — Две задачи, вытекающие отсюда. Кажущееся противоречие между ними. Наше время призвано разрешить их. — Третья задача, с исключительно нравственным характером, которую также ставит современное состояние цивилизации. — Несправедливые упреки, какие делают цивилизации. Необходимость предотвратить их. — Всякое научное знание становится в настоящее время социальной силой. — Всякая сила должна работать не только для усовершенствования общества, но и для нравственного усовершенствования личностей.....17

ЛЕКЦИЯ II. Необходимо прочесть какую-нибудь общую историю Франции, прежде чем изучать историю цивилизации. — О сочинении Спемонди. — Почему следует изучать политическое состояние прежде духовного, общество прежде человека. — О социальном положении Галлии в V веке. Памятники и новейшие сочинения, относящиеся к нему. — Отличие гражданского общества от религиозного в ту эпоху. — Императорская администрация в Галлии. — Правители провинций. Их канцелярия. Их жалованье. — Хорошие и дурные стороны этой администрации. — Падение Римской империи. — Общество в Галлии. — Сенаторы. Куриалы. Народ. Рабы. Общественные отношения между этими классами. — Падение и бессилие гражданского общества в Галлии. Его причины. — Народ сосредотачивается в обществе религиозном.....34

ЛЕКЦИЯ III. Предмет лекции. — Разнообразие принципов и форм религиозного общества в Европе. — Классификация различных систем: 1) по отношению церкви к госу-

дарству, 2) по внутреннему устройству церкви. — Каждая из этих систем имеет притязания на прямое происхождение от первоначальной церкви. Разбор этих притязаний. — Все они заключают в себе известную долю правды. — Колебания и сложность внешнего положения и внутреннего порядка христианского общества от I до V века. — Преобладающие тенденции. Факты, имевшие главное значение в V веке. — Причины существования свободы в тогдашней церкви. — О выборе епископов. — О соборах. — Сравнение гражданского и религиозного обществ. — О жизни вождей этих двух обществ. — Письма Сидония Аполлинария.....56

ЛЕКЦИЯ IV. Предмет лекции. — Что следует разуметь под нравственным состоянием общества? — Взаимодействие нравственного и социального состояний. — В IV веке галльское гражданское общество одно обладает учреждениями, благоприятными духовному развитию. — О галльских школах. — О легальном положении преподавателей. — У религиозного общества нет иного средства для развития и влияния, кроме его идей. Между тем первое общество истощается, другое преуспевает. — Падение гражданских школ. — Деятельность христианского общества. — Св. Иероним, св. Августин и св. Паулин Ноланский. Их сношения с Галлией. — Основание и характер монастырей в Галлии. — Причины различия в нравственном состоянии двух обществ. — Сравнительная таблица гражданской и христианской литературы в IV и V веках. — Неравенство между двумя обществами по отношению к свободе мысли. — Необходимость для религии поддерживать занятие науками и литературой.....81

ЛЕКЦИЯ V. О главных вопросах, разбиравшихся в Галлии в V веке. — О пелагианизме. — О методе, которого следует держаться в его истории. — О духовных фактах, породивших этот спор: 1-е о человеческой свободе; 2-е о немощи свободы и необходимости внешнего содействия; 3-е о влиянии внешних условий на свободу; 4-е о нравственных изменениях, совершающихся в человеческой душе, но не приписываемых человеком своей воле. — О вопросах, которые естественно вытекают из этих фактов. — О частной точке зрения, с которой должны были смотреть на них в V веке. — История пелагианизма в Риме, Африке, на Востоке и в Галлии. — Пелагий и Целестий. — Св. Августин. — История происхождения пелагианизма. — Кассиан. — Фавст. — Св. Проспер Аквитанский. — О предопределении. — Влияние и общие результаты этого спора.....99

ЛЕКЦИЯ VI. Предмет лекции. — Общий характер литературы в Средние века. — О переходе от языческой философии к христианскому богословию. — Вопрос о природе души в христианской церкви. — Большая часть древнего священства высказывается в пользу системы материалистической. — Усилия, направленные на выход из нее. — Аналогичный ход мысли в языческой философии. — Зачатки спиритуалистической системы. — Блаженный Августин, Немезий, Мамерт Клавдиан. — Фавст, епископ Риесский. Его доводы в пользу материальности души. — Мамерт Клавдиан отвечает ему. — Значение, которое имел Мамерт Клавдиан в Галлии. — Анализ его трактата о природе души и цитаты из него. — О «Разговоре между христианином Закхеем и

философом Аполлонием» Евагрия. — О влиянии на нравственное состояние Галлии вторжения варваров..... 118

ЛЕКЦИЯ VII. Предмет лекции. — О германском элементе в новой цивилизации. — О памятниках древнего состояния общества у германцев. — 1) Греческие и римские историки. — 2) Законы варваров. — 3) Национальные предания. — Эти памятники относятся к весьма различным эпохам. Ими часто пользовались вперемешку. Происходящее от этого заблуждение. — Сочинение Тацита о нравах германцев. — О мнениях новых немецких писателей относительно древнего германского общества. — Какой образ жизни преобладал в нем — жизнь бродячая или оседлая? — Об учреждениях. — О нравственном состоянии. — Сравнение между бытом германских племен и других диких народов. — Неверность большей части картин, изображающих жизнь варваров. — Главные отличительные черты истинного влияния германцев на новую цивилизацию..... 135

ЛЕКЦИЯ VIII. Предмет лекции. — Очерк состояния Галлии во второй половине VI века. — Истинный характер вторжения германцев. Причина ошибок в этом отношении. — Разложение римского общества: 1) в селах, 2) в городах, хотя в меньшей степени. — Разложение германского общества: 1) народа или племени, 2) дружины. — Элементы нового общественного строя: 1) о зарождающейся королевской власти, 2) о зарождающемся феодализме, 3) о церкви после вторжения. — Перечень всего..... 158

ЛЕКЦИЯ IX. Предмет лекции. — Ложное представление о Салическом законе. — История составления этого закона. — Две системы по этому вопросу. — Восемнадцать рукописей. — Два текста Салического закона. — О сочинении г. Виарды по истории и толкованию Салического закона. — Предисловия, присоединенные к рукописям. — Значение национальных преданий относительно происхождения и составления Салического закона. — О его постановлениях. Он по самой сущности своей — уголовный кодекс. — 1) О перечислении и определении поступков по Салическому закону; 2) О наказаниях; 3) Об уголовном судопроизводстве. — Переходный характер этого законодательства..... 173

ЛЕКЦИЯ X. Предмет лекции. — Переходный характер Салической правды повторяется ли в правдах рипуаров, бургундов, вестготов? — 1) О правде рипуаров. О рипуарских франках. История составления этой правды. Ее содержание. В чем различия она от Салической правды. — 2) О правде бургундов. История ее составления. Ее содержание. Ее отличительный характер. — 3) О правде вестготов. Она более важна для истории Испании, нежели для истории Франции. Ее общий характер. — Влияние римской цивилизации на варваров..... 190

ЛЕКЦИЯ XI. Непрерывность римского права после падения империи. — Об «Истории римского права в Средние века» Савиньи. Достоинства этого сочинения и его

пробелы. — 1) О римском праве вестготов. *Breviarium Aniani*, собранный по повелению Алариха. История и содержание этого сборника. — 2) О римском праве у бургундов. *Pariani responsum*. История и содержание этого закона. — 3) О римском праве у франков. Нет нового сборника. — Различные факты доказывают непрерывность римского права. — Перечень.....206

ЛЕКЦИЯ XII. Предмет лекции. — О состоянии церкви в Галлии от VI до половины VIII века. — Аналогия в первоначальном положении религиозного и гражданского обществ. — О единстве церкви или духовного общества. — О двух элементах или условиях духовного общества: 1) единство истины, то есть абсолютного разума; 2) свобода мысли, то есть индивидуальный разум. — О состоянии этих идей в христианской церкви от VI до VIII века. Она принимает одну и отвергает другую. — О единстве церкви в законодательстве. — Общие соборы. — Различие между Западной и Восточной церковью относительно преследования еретиков. — Об отношениях церкви к государству с VI до VIII века: 1) в Восточной империи; 2) на Западе, и в особенности во Франкской Галлии. — Вмешательство светской власти в церковные дела. — Участие духовной власти в делах государственных.....220

ЛЕКЦИЯ XIII. Об организации и внутреннем состоянии галло-франкской церкви от VI до VIII века. — Характеристические черты состояния церкви в V веке. Что случилось с ними после вторжения. — Исключительное преобладание духовенства в религиозном обществе продолжается. — Факты, видоизменяющие его: 1) отделение рукоположения от постриженья, недуховные клирики; 2) патронат мирян над церквями, которые они основали; 3) молебни или частные капеллы; 4) церковные адвокаты. — Картина внутренней организации церкви. — Приходы и их священники. — Протоиереи и архидиаконы. — Епископы. — Митрополиты. — Попытка установить на Западе патриархат. — Преобладание и деспотизм епископата. — Борьба приходских священников с епископами. — Епископы одерживают верх. Деспотическая власть развращает их. — Падение белого духовенства. — Необходимость реформы.....236

ЛЕКЦИЯ XIV. История черного духовенства, или монахов, от IV до VIII века. — Монахи сначала были мирянами. Важность этого факта. — Происхождение и постепенное развитие монашеской жизни на Востоке. — Первые правила. — Важное значение монахов на Западе. Их здесь плохо принимают. — Первые успехи их. — Различие между восточными и западными монастырями. — Мнение св. Иеронима о заблуждениях монашеской жизни. — Общие причины ее распространения. — О состоянии монахов на Западе в V веке. Их могущество и разрозненность. — Св. Бенедикт. Его жизнь. — Он основывает монастырь на Монте-Кассино. — Анализ и оценка его устава. — Он распространяется по всему Западу и управляет почти всеми монастырями.....256

ЛЕКЦИЯ XV. Об отношениях монахов к духовенству с IV по VIII век. — Их первоначальная независимость. Ее происхождение. Причины ее упадка. — 1) По мере того как

увеличивается число и значение монахов, епископы расширяют свою юрисдикцию. Каноны соборов. — 2) Монахи испрашивают и получают привилегии. — 3) Они стремятся вступить в духовенство. — Раздоры и борьба по этому поводу между самими монахами. — Епископы сначала отвергают это притязание. Потом они уступают. — Вступая в духовенство, монахи лишаются своей независимости. — Тирания епископов над монастырями. — Сопротивление монахов. — Грамоты, дарованные епископами некоторым монастырям. — Монахи прибегают к покровительству монастырей и пап. — Характер и пределы этого вмешательства. — Сходство между борьбой монастырей против епископов и коммун против феодальных господ.....274

Примечания (сост. В.Д. Балакин).....289

Научное иллюстрированное издание

Гизо Франсуа «История цивилизации во Франции»

Издание в 4-х томах

Том 1 (лекции I–XV)

Ответственный редактор: к. и. н. Балакин В. Д.

Выпускающий редактор издания: к. ф. н. Кофанова Е. В.

Автор серийного оформления: **Яковлев А. Т.**

Автор рисунков для заставок и концовок: Гершкович Ю. С.

Компьютерный набор: Савушкина Ю. А.

Допечатная подготовка выполнена ООО УпакГрафика.

Компьютерная верстка и монтаж: Румянцева И. В.

Технический редактор: Пущаева Л. Д.

Корректор: Кофанова Л. И.

Набрано гарнитурой: Елизаветинская © Paratype Ink.

Издательский дом «Рубежи XXI»
127254, Москва, ул. Гончарова, 7-А, кв. 17

Сдано в набор: 01.03.2003 г.

Подписано к печати: 15.05.2006 г.

Формат 70 х 90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 20,5. Тираж 1 500 экз. Тип. зак № 1263.

Цена договорная.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46